Российская Академия Наук

Российская история

В номере:

ISSN 2949-124X (Print)
ISSN 3034-5790 (Online)

Форпост империи на границе Новороссийской губернии в середине 1760-х гг.

Города Российской империи в XVIII – начале XX в.

Что знала русская разведка о вооружённых силах Османской империи накануне войны 1877–1878 гг.?

Эвакуация русской армии с Балканского полуострова в 1878–1879 гг.

Дипломат Н.Н. Шебеко

Румыны на Восточном фронте Гражданской войны в России

Подготовка германской агрессии и планы советского командования в предвоенные годы

Донесения советских разведчиков накануне германского вторжения

Выпуск военной продукции на эвакуированных заводах Пензенской области в 1941–1942 гг.

Восстановление социальной инфраструктуры на освобождённых территориях Запорожской и Херсонской областей в 1944–1945 гг.

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

2 2026 март апрель

МОСКВА

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*)**, П.В. Лукин, А.В. Мамонов** (*зам. главного редактора*)**, Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: roshist@pran.ru; otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru
Сайт: https://roshistras.ru; российская-история.рф

На обложке: План города Калуги с поселенными при нем слободами (1782)

© Российская академия наук, 2026

Старосамарский ретраншемент в составе Новороссийской губернии в 1764–1765 гг.

Елизавета Савченко

The Starosamarsky retrenchment as a part of the Novorossiya Governorate in 1764–1765

Elizaveta Savchenko
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020013

Нижнее Поднепровье в составе Российского государства долгое время обладало полуавтономным статусом. В силу пограничного положения эти территории осваивались в основном за счёт местных военных корпораций – малороссийского и запорожского казачества. Постоянная военная угроза с юга диктовала необходимость усиления здесь регулярного военного контингента. В качестве удалённого форпоста русской армии во время Крымских походов 1687–1688 гг. возникли Богородицкая крепость на берегу реки Самары (позднее – Старосамарский ретраншемент) и ещё несколько крепостей. Правительство пыталось расширять контроль над этими территориями. В 1708 г. образовалась Киевская губ., к которой формально отнесли малороссийские полки и Запорожскую Сечь. При этом киевский губернатор выступал как высший военачальник в регионе, административные же и судебные вопросы решались в казацких полках и в Сечи самостоятельно. При Анне Иоанновне на пространстве между Днепром и Северским Донцом была устроена Украинская укреплённая линия, состоявшая из 16 крепостей, вокруг которых также возникали поселения. Елизавета Петровна способствовала переселению сербов-граничар, выходцев с австрийской Военной границы, на днепровские земли. Ими укомплектовали два крупных поселенных полка: Новая Сербия на правом берегу Днепра и Славяносербия на левом. Сербские полки подчинялись непосредственно Сенату и Военной коллегии. Преобразования эти были направлены скорее на усиление здесь военного, а не административного контроля. Впрочем, Украинская укреплённая линия и сербские полки оказались малоэффективны.

К середине XVIII в. в районе Нижнего Поднепровья состав населения был пёстрым. Здесь располагался военный контингент крепостей Украинской линии и укреплений, подобных Старосамарскому ретраншементу, поселения сербских полков и запорожские паланки. Сложившаяся система многоуровневого переплетения властей была отрегулирована слабо. Днепровские степи оставались малозаселёнными и открытыми для крымско-турецкой угрозы. Вопросы формирования военно-служилых корпораций на юге на рубеже XVII–XVIII вв. привлекали внимание исследователей. Сюжеты, связанные с появлением на

© 2026 г. Е.В. Савченко

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0006 «Формирование российской государственности», НИОКТР 125022002766-1).

юге различных укреплений и военных поселений во время военных действий второй половины XVII – начала XVIII в., освещались в работах А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова, С.М. Шамина, а также А.И. Папкова, Н.Н. Петрухинцева, Д.А. Хитрова[1]. Значительный вклад в изучение истории Богородицкой крепости на рубеже XVII–XVIII вв. внесли исследования В.А. Векленко, А.В. Малова, Н.В. Несправы[2]. Вопросы влияния преобразований Петра I и его преемников на подходы к организации управления Югом рассматривали Я.А. Лазарев[3] и Н.Н. Петрухинцев[4]. А.В. Дёмкин систематизировал законодательные источники по формированию гарнизонов на рубежах Российской империи[5]. История появления на днепровских берегах сербских поселений разбиралась в работах Е.В. Беловой[6]. В отличие от этих тем, вопросы поиска подходов к организации управления Югом в начальный период правления Екатерины II оставались менее изученными. Между тем именно при Екатерине государство перешло к более решительному освоению Нижнего Поднепровья.

22 марта 1764 г. была создана Новороссийская губ.[7] Появление новой административно-территориальной единицы стало частью плана переустройства системы управления южными территориями[8]. Новороссия создавалась с целью введения, для начала в рамках новой губернии, единого государственного управления в Нижнем Поднепровье. Для этого следовало полноценно освоить и заселить регион, что требовало унификации порядка владения землей. Старосамарскому ретраншементу (бывшей Богородицкой крепости) была уготована роль, заметно отличавшаяся от функций далёкой крепости в южных степях. С какими проблемами столкнулось правительство Екатерины II при утверждении государственной власти на берегах Днепра и реализации прав на распоряжение землей?

Вернёмся к предыстории ретраншемента. Богородицкая крепость возникла на месте старого казацкого поселения Самарь[9]. Необходимость в крепости на далёких рубежах в степи, заселённой в основном запорожскими казака-

---

[1] *Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А.* Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск, 2020; *Гуськов А.Г.*, *Кочегаров К.А.*, *Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.

[2] *Векленко В.А.*, *Малов А.В.*, *Несправа Н.В.* Богородицкая крепость по археологическим и письменным источникам // Позднесредневековый город-III: археология и история. Тула, 2011. С. 259–269; *Векленко В.А.*, *Малов А.В.* Картографические материалы к истории Богородицкой крепости – Старосамарского ретраншемента // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 171–180.

[3] *Лазарев А.Я.* Территории с особым статусом управления. Малороссия в системе имперского управления, 1708–1722 гг. // «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург, 2022.

[4] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота (1730–1735 гг.). СПб., 2001.

[5] *Дёмкин А.В.* Гарнизоны на территориях России XVIII–XIX вв.: размещение, численность, пребывание. М., 2023.

[6] *Белова Е.В.* Граничары Новой Сербии: южнославянская колонизация России в 1740–1760-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 1. С. 82–93; *Белова Е.В.* Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750–1760-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 39–49.

[7] ПСЗ-I. Т. 16. № 12099. С. 657–667.

[8] В 1764–1765 гг. правительство приняло меры по усилению контроля над этими территориями – в ноябре 1764 г. в Малороссии ликвидировали гетманское управление, в июле 1765 г. на землях Слободских полков создали Слободскую губ.

[9] *Векленко В.А.*, *Малов А.В.*, *Несправа Н.В.* Богородицкая крепость... С. 259–260.

ми, была связана с Крымскими походами 1687–1689 гг. После похода 1687 г. стала очевидна нужда в укреплённом форпосте для противостояния с Крымским ханством. Решение о строительстве при впадении Самары в Днепр крепости с посадом, населённым «охочими малороссийскими людьми», приняли в 1687 г., а уже к осени 1688 г. под руководством инженера фон Заллена возвели земляные укрепления и началось заселение посада за счёт переселенцев из городов левобережных малороссийских полков – казаков и вольных людей[10]. Несмотря на активное участие казачества в строительстве крепости (в обсуждении планов её возведения участвовал И. Мазепа, казаков задействовали в возведении укреплений), власть гетмана на Богородицкую крепость не распространялась. В гарнизоне служили в основном русские военнослужащие. Население посада подчинялось богородицкому воеводе, которого назначали из столицы. Жителям полагались льготы, схожие с теми, которыми обладало подведомственное Белгородской провинции население слободских полков. Казаки могли выбирать себе старост, а мещане – самостоятельно определять урядников[11]. В результате на Самаре возникло необычное поселение, где сочетались русская крепость и посад, заселённый выходцами из Гетманщины[12]. Крепость служила для тылового обеспечения российских войск в Крымском походе 1689 г. и в Азовских походах Петра I. В начале XVIII в., после введения новой системы административно-территориального деления, её отнесли к Киевской губ. В 1711 г. крепость осадили войска хана Девлет-Гирея, но богородицкому гарнизону удалось продержаться до прихода войск гетмана И.И. Скоропадского и генерал-майора И.И. Бутурлина[13].

По условиям Прутского договора с Турцией 1711 г. крепость срыли, но, судя по археологическим данным, жизнь вблизи неё не прекратилась[14]. При Анне Иоанновне здесь появились ландмилицкие (поселенные) военные части, шло строительство Украинской укреплённой линии и перестраивались некоторые южные крепости[15]. Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. была возрождена и Богородицкая крепость. Она стала называться «Старосамарским ретраншементом», хотя её зачастую именовали по-старому – Богородицкой крепостью или местечком Богородичным[16].

Одним из не вполне решённых вопросов является административное и военное подчинение Старосамарского ретраншемента после восстановления крепости и до включения территорий по реке Самаре в состав Новороссийской губ. Когда в 1711 г. Россия потеряла некоторые южные территории, часть их населения перешла за Днепр и осела на левом берегу. По сенатскому указу 1743 г. слободы жителей, которых «населилось же при Усть-Самаре, при Каменском острове, в Ненаситском ретранжаменте, в Биркутском редуте,

---

[10] *Гуськов А.Г.*, *Кочегаров К.А.*, *Шамин С.М.* Русско-турецкая война... С. 144–150.

[11] Там же. С. 150.

[12] *Векленко В.А.*, *Малов А.В.* Картографические материалы к истории Богородицкой крепости – Старосамарского ретраншемента // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 171.

[13] *Векленко В.А.*, *Малов А.В.*, *Несправа Н.В.* Богородицкая крепость... С. 266–268.

[14] Там же. С. 268–269.

[15] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны... С. 129; *Дёмкин А.В.* Гарнизоны на территориях... С. 70–80; *Гукова А.Е.* Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус: 1710–1780 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.

[16] *Векленко В.А.*, *Малов А.В.* Картографические материалы... С. 171.

в Мишуринороге не малое ж число», указали приписать к Полтавскому полку[17]. Если вместе с поселениями к Полтавскому полку отнесли и крепость, то она должна была оказаться в управлении Малороссийской комиссии (до восстановления гетманского управления). При этом на карте «Малой Татарии с пограничною Киевскою и Белогородскою губерниями»[18] земли по Самаре не включены в состав ни одной из губерний. Не входит Старосамарская крепость в состав Полтавского полка и на «Карте малороссийских и слободских полков»[19] обер-квартирмейстера Магнуса фон Ренне 1764 г. К тому же крепость, которая могла вновь служить важным опорным пунктом для российских войск на юге, вряд ли отнесли к Малороссийским полкам. В бумагах канцелярии главного командира Новороссийской губ. А.П. Мельгунова содержатся материалы, где упоминается принадлежность Старосамарского ретраншемента к Киевской губ.

В рапорте, отправленном из канцелярии Старосамарского ретраншемента Мельгунову, говорится, что ранее «оное местечко Богородично издревле под Киевскою губернскою канцеляриею под ведением находилось», а распоряжения в канцелярию ранее поступали от киевского губернатора – генерал-аншефа И.Ф. Глебова. Из донесения Мельгунову от жителей местечка Богородичного, составленном практически одновременно с вышеупомянутым рапортом, следует, что в прежние времена оно состояло в ведомстве Киевской губ., «а посля того учреждено било сотнею Полтавского полку»[20]. Крепость, «называемая Старосамарский ретранжемент», в донесении упомянута отдельно. Можно предположить, что под «местечком Богородичным» понимался посад у крепости, который к тому времени, возможно, уже не подчинялся старосамарскому коменданту. Местечко Богородичное, судя по всему, было административно приписано к одной из сотен Полтавского полка, тогда как гарнизоном самого ретраншемента руководили киевский губернатор и Военная коллегия.

Днепровские земли осваивались и запорожским казачеством. В 1733 г. Анна Иоанновна позволила Войску Запорожскому, изгнанному за поддержку мятежного гетмана Мазепы, вернуться в российское подданство[21]. Чётко установленных границ размещения Войско не имело. С юга казачество было ограничено рубежом между Российской империей и Крымским ханством и Турцией, на востоке – землями Войска Донского, на севере – территорией полков Гетманщины и Слобожанщины[22]. Внутри этих пределов казаки расселялись свободно, любые занятые ими территории Запорожская Сечь считала своими. Хотя сама Сечь отличалась особым устройством, не предполагавшим семейной жизни, казаки охотно основывали слободы, где оседали с семьями и имели хозяйство. Поселенные слободы, конечно, было удобнее строить в отдалении от границы с крымскими татарами и турками. Запорожцы делили освоенные ими терри-

---

[17] ПСЗ-I. Т. 11. № 8813. С. 943–944.

[18] Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом Генеральною картою Великия сея империи, стараним и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745. № VII. Малая Татария с пограничною Киевскою и Белогородскою губерниями.

[19] РГВИА, ф. 846, оп. 16, № 16194.

[20] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 796, ч. I, л. 184, 187.

[21] *Скальковский А.А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Ч. 2. Одесса, 1846. С. 52.

[22] *Голобуцкий В.А.* Запорізька Січ в останні часі свого існування. Київ, 1961. С. 69.

тории по так называемым паланкам. Паланка представляла собой несколько укреплений, а также слободы рядом с ними. На левом берегу находились Самарская, Орельская, Протовчанская, Кальмиусская и Прогноинская паланки[23]. Слобод у запорожцев было несколько десятков, бóльшая их часть приходилась на северные паланки, в том числе Самарскую. Река Самара находилась гораздо севернее русско-турецкой границы, что делало её берега удобными для расселения запорожцев. Старосамарский ретраншемент, соответственно, соседствовал с поселениями Самарской паланки, расположенной по обоим берегам Самары. Центром её – укреплённой крепостью, т.е. паланкой[24] – являлся городок Самарь (Новоселица/Новоселок)[25].

11 июня 1764 г. в состав созданной в марте того же года Новороссийской губ. вошли некоторые левобережные территории: Украинская укреплённая линия, Славяносербия и Бахмут образовали Екатерининскую провинцию. Южная граница присоединённых к Новороссии территорий проходила «от урочища реки усть Самары проведенною чертою до устья Луганчика». В высочайше утверждённом докладе от 11 июня 1764 г. среди задач новороссийской администрации заявлено о необходимости «для содержания приграничных жителей в надлежащем порядке сделать крепости, а именно – 1. В Богородицком, то есть на реке усть Самары»[26]. Старосамарский ретраншемент теперь в военном и административном отношении стал подчиняться новороссийскому главному командиру, которым в 1764 г. назначили А.П. Мельгунова. Комендантом Старосамарского ретраншемента с 1762 г. был премьер-майор кн. С.Ю. Баратов[27].

С момента возникновения Новороссийской губ. и распространения её территорий на оба берега Днепра неизбежно возникал конфликт интересов между государственной властью и казаками Запорожской Сечи. В рамках границ губернии вопрос о переплетении множества властей и видов управления был решен в пользу администрации нового региона. Сербские полки, вошедшие в состав Новороссии, переформировывались в пикинёрные. Для них это означало смену административного руководства (из ведомства Военной коллегии они переходили в прямое подчинение новороссийскому главному командиру) и более понятное закрепление земельных участков. Включение этих полков в состав новой губернии происходило органично, источники не фиксируют со стороны сербских полков никаких недовольств. На территории по обоим берегам Днепра, в том числе в районе расположения Старосамарского ретраншемента, теперь распространялась военная и административная власть новороссийского губернского аппарата. Но это противоречило логике запорожского казачества, привыкшего считать все обжитые земли своими и стремившегося к установлению контроля над селившимися на них людьми.

Большое количество свидетельств о проявлениях этого конфликта содержится среди материалов канцелярии Мельгунова. Они вошли в состав бумаг и донесений к кн. Г.А. Потёмкину-Таврическому по управлению Новороссийской губ. В 1774 г. генерал-губернатором региона назначили кн. Потёмкина и передали ему бумаги предшественников – главных командиров

---

[23] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 340.

[24] Слово «паланка» переводилось с турецкого языка как форт, крепость.

[25] *Эварницкий Д.И.* История Запорожских казаков. Т. 1. СПб., 1892. С. 204.

[26] ПСЗ-I. Т. 16. № 12180. С. 796.

[27] *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2001. С. 19.

Новороссийской губ. В подборке документов с заглавием «О причинении запорожцами в местечке Богородичном жителям да Китайгородскому сотнику Семенову и прочих селений обывателям разных обид и притеснений» находятся бумаги из канцелярии Мельгунова: рапорты и донесения от находившихся в его подчинении военачальников (коменданта Старосамарского ретраншемента кн. Баратова, генерал-майора Я.И. фон Бранта и др.); письма запорожского кошевого атамана Филиппа Фёдорова, а также копии писем атамана к Баратову и другим военачальникам. В состав этих документов также включены черновики писем самого Мельгунова и тексты его рапортов и донесений в Сенат[28].

Новороссийская губ. должна была заселяться согласно «Плану о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к заселению»[29]. Земля передавалась в наследственное владение «любого звания людям» при условии, что они соглашались стать поселянами или военнослужащими. Предполагалось, что заселение будет происходить за счёт иностранцев, переселенцев с малороссийских земель и запорожских казаков. Чтобы получить статус поселенца Новороссийской губ. или поступить на пикинёрную службу, требовалось лишь заявить о своём желании представителям новороссийской администрации. Свободные земли поступили в распоряжение последней, что и вызывало конфликт с запорожским казачеством, оспаривавшим это право.

В августе 1764 г. Мельгунов сообщал в донесении в Сенат, что при проезде через Екатерининскую провинцию на территориях от Украинской укреплённой линии до южной границы губернии (линии от устья Самары до Лугани) он обнаружил большое количество населённых дворов, жители которых перешли из Малороссии «в противность указов под запрещением смертной казни». В отличие от ситуаций, в которых государство принимало решение о целенаправленном заселении новообразованных местечек малороссийскими жителями, самовольное основание поселений за пределами Украинской линии не поощрялось. Тем не менее такие поселения возникали. Оставаясь неучтёнными государством, они попадали в сферу влияния запорожского казачества как наиболее крупной военной силы в регионе. В донесении Мельгунов упоминал, что запорожцы брали с этих жителей оброк и владели ими, «равно как помещики своими крестьянами»[30], причём такую прибыль он считал незаконной. Жители, не учтённые государством, должны были проявить наибольшую заинтересованность в получении статуса поселенцев Новороссийской губ. Хотя по прошествии льготного периода им следовало платить земельный налог, возможность получить статус поселенца и закрепить землю в собственность выглядела привлекательной.

Судя по рапортам кн. Баратова, Старосамарский ретраншемент являлся для близлежащих поселений опорным пунктом новороссийской администрации. Здесь велась запись в пикинёрную службу, можно было заявить о намерении переселиться в Новороссийскую губ. и перейти под власть и защиту новороссийской администрации.

16 сентября 1764 г. Баратов подал Мельгунову рапорт о том, что ранее, в 1762 и 1763 гг., запорожцы выгоняли часть населения, жившего при ретраншементе (по всей видимости, как раз жителей посада), причём после того, как

---

[28] Согласно составленному Екатериной «Наставлению губернаторам», А.П. Мельгунов как главный командир должен был держать отчёт перед императрицей и Сенатом.

[29] ПСЗ-I. Т. 16. № 12099. С. 663.

[30] РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 793, л. 11.

«старожилые люди» объявили, что местечко Богородичное издревле находилось под управлением киевской губернской канцелярии. В 1764 г. от Войска Запорожского снова прибыл старшина с теми же требованиями. В связи с этим кн. Баратов просил Мельгунова рассмотреть просьбу жителей Богородичного о принятии их в протекцию Новороссийской губ., отмечая, что многие также готовы к пикинёрной службе. К рапорту прилагалось письмо от жителей местечка Богородичного[31]. В нём сообщалось, что в 1762–1763 гг. здесь было разорено и разогнано несколько сотен дворов, подле Старосамарского ретраншемента осталось только 17 семей. Теперь же от Войска Запорожского вновь прибыли старшина с командой, которые угрозами пытались принудить население «выходить для житья по разным их запорожским слободам». Представители всех оставшихся семей желали «под точною командою Новороссийской губернии быть». Видимо, именно после этих писем жители Богородичного и получили статус поселенцев Новороссийской губ. В письме уточняется, что ранее это поселение состояло в ведении Киевской губ., затем стало сотней Полтавского полка. Вероятно, попытки изгнать отсюда население обусловлены тем, что жители отказывались подчиняться структурам Запорожской Сечи.

Мельгунов в ответ инструктировал Баратова следующим образом: «Как проживающих при Старосамарском ретранжаменте в местечке Богородичном малороссиян, так и впредь приходящих туда и в другие около оного места всякого звания людей иметь вам в ведении своем. И определяя как к поселению и паханию хлеба землю, и давая указанную вновь пришедшим трехлетнюю льготу, стараться от всяких обид их защищать и отнюдь к выгону на поселение в дачи запорожские запорожцев не пускать»[32].

17 сентября 1764 г. Мельгунов направил письмо кошевому атаману Запорожской Сечи Филиппу Фёдорову, изложив официальную точку зрения на вопрос о праве распоряжаться землёй в Нижнем Поднепровье. Он разъяснял, что «находящиеся при том Старосамарском ретранжаменте жители и прежде никогда запорожскими подданными не были, а состояли под ведомством Киевской губернской канцелярии», а также что по указу императрицы Украинская линия и все близлежащие земли, названные Екатерининской провинцией, подчинены Новороссийской губ. Особенно в этом письме подчёркивалось, что «вольности и выгоды» жителям Екатерининской провинции пожалованы напрямую императрицей, что объявлено всенародно (в том числе малороссийскому гетману К.Г. Разумовскому)[33]. Запорожская Сечь на тот момент формально подчинялась гетману, поэтому уведомить запорожцев обо всех изменениях, связанных с возникновением Новороссийской губ., считалось его обязанностью.

В этот же день Мельгунов направил секретное письмо кн. Баратову, отметив, что принимать меры к защите жителей Богородичного следует с большой осторожностью, не прибегая к вооружённому сопротивлению казакам и ни в коем случае не допуская кровопролития. Главный командир просил гарнизон ретраншемента «держаться скромно, дабы ни малейшего не подать поводу запорожцам к какому-нибудь худому предприятию»[34]. Следовательно, хотя территориальные претензии Запорожского Коша правительством не признавались,

---

[31] Там же, д. 796, ч. 1, л. 184–184 об., 187–187 об.

[32] Там же, л. 189.

[33] Там же, л. 190–191.

[34] Там же, л. 192.

во взаимоотношениях с казачеством оно стремилось проявлять осторожность и дипломатичность.

1 октября 1764 г. кн. Баратов рапортовал Мельгунову, что часть жителей окрестных слобод (около двухсот человек) выразили намерение переселиться в Богородичное. Иные хотели, оставаясь на прежних местах, находиться под протекцией Новороссийской губ. Эти жители опасались запорожских старшин, ожидая от них «грабежа скота и хлеба, и всякого имущества». Для защиты они просили послать к ним несколько военных команд. 27 октября командир Украинской линии генерал-майор Я.И. фон Брандт направил Мельгунову рапорт с сообщением, что перешедший в Богородичное житель Григорий Кучера пострадал от запорожской старшины – его хозяйство в слободке Адымовке было разграблено[35]. Самого Кучеру казаки в слободке не нашли и поставили у его дома караул. В результате таких запугиваний за октябрь 1764 г. желающих переселиться и вступить в пикинёрную службу под ведомство Новороссийской губ., по сообщениям Баратова и Брандта, не нашлось ни человека.

Запорожский Кош никаких нарушений со своей стороны не признавал, продолжая настаивать на праве владения и распоряжения землей вокруг Старосамарского ретраншемента. По поводу ситуации с Григорием Кучерой кошевой атаман Филипп Фёдоров писал Баратову «ответствовать с притверждением», т.е. предоставить доказательства своим обвинениям в адрес запорожских старшин. По словам атамана, тем, кто желал стать поселенцем Новороссийской губ., запорожцы не чинили ни малейших препятствий, но даже должны были «вспомощенствовать и записавшихся з добровольним желанием в пикинеры или поселянии висылать, не задержуя ни мало на воисковой запорожской земле». Фёдоров заверял Баратова и Мельгунова, что по высочайшим грамотам земли при Старосамарском ретраншементе и вся река Самара с угодьями находятся в запорожском владении, а потому состоящие в Старосамарском ретраншементе офицеры не должны ни в чём препятствовать запорожцам[36]. Речь в письме Фёдорова шла о копиях универсалов польских королей и гетмана Богдана Хмельницкого, которые якобы определяли границы вольностей запорожских казаков. Так, в соответствии с ними запорожцы могли владеть «старинным городком запорожским, Самарь называемым, с перевозом и землями в верх Днепра по речку Орель», однако действительное существование таких универсалов, по которым все левобережные земли южнее Украинской линии якобы принадлежали запорожцам, вызывало сомнения[37]. По логике Запорожского Коша, жители, желавшие находиться в протекции Новороссийской губ., не имели права оставаться на территориях Войска Запорожского (к которым они относили все междуречье Орели и Самары) и, соответственно, должны были переселиться. Настаивая на правомерности своих претензий, запорожские атаманы часто апеллировали к копиям этих грамот, не признавая за государственной властью прав на распоряжение днепровскими землями.

В начале ноября 1764 г. к Мельгунову из Старосамарского ретраншемента стали поступать всё более тревожные вести. 6 ноября кн. Баратов рапортовал о разорении ряда слобод от Богородичного вверх по Днепру. Местные жители сообщали, что старшины Запорожского Коша распространяют по слободам

---

[35] Там же, л. 193–194 об.

[36] Там же, л. 197.

[37] *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 1–3.

некую грамоту от кошевого атамана. Эта грамота предписывала жителям покинуть свои места и перейти за Украинскую линию до 15 ноября, в противном случае запорожцы обещали жечь дворы и уводить скот[38]. Угрозы при этом не касались слобод, которые управлялись запорожской старшиной. Баратов отчитался, что, получив такие новости, отправил в слободы, над которыми нависла угроза, войсковую команду из 30 человек. Понимая, что такого числа военных окажется недостаточно в случае наступления запорожцев, он ожидал дальнейших приказаний Мельгунова. Судя по всему, последний предпринимал попытки получить объяснения о происходящих событиях напрямую у кошевого атамана, поскольку примерно в то же время он получил несколько писем от него с комментариями относительно данных угроз. В письме от 8 ноября Филипп Фёдоров обвинил кн. Баратова в клевете и намеренном желании очернить запорожское войско и просил сменить его на посту коменданта Старосамарского ретраншемента. 20 ноября Фёдоров сообщал, что никакие особые партии из коша в слободы не посылались, однако в земли по реке Орели, которые запорожцы считали своими, отправляли разъездные команды «для пограничных и других обережностей»[39]. Посылку таких команд атаман называл обычной практикой. Судя по всему, масштабного сгона населения с обжитых мест действительно не произошло, поскольку источники не фиксируют большой волны переселений за Украинскую линию. В течение ноября 1764 г. ситуация в основном ограничивалась угрозами местному населению со стороны запорожской старшины и показательными разъездами войск Сечи и новороссийской администрации, и спустя полгода она не изменилась. В донесении в Сенат от 26 мая 1765 г. Мельгунов сообщал, что запорожцы «великими оружеиными командами» принуждали жителей за Украинской линией и казаков Полтавского полка записываться под ведомство Сечи и платить туда денежные подати, а в случае неповиновения разоряли дома и хозяйства[40].

Причины запорожского сопротивления с самого начала властям были понятны. В секретном донесении в Сенат от 16 мая 1765 г. Мельгунов отмечал, что столкновения запорожских казаков с местными жителями и претензии на обладание их землёй обострились именно после создания Екатерининской провинции в июне 1764 г. Мельгунов резонно указывал на понимание запорожцами, что создание Новороссийской губ. повлечёт строительство новых укреплений на её рубежах «для целости государственной по неудобности старой линии», а это приведёт к тому, что Запорожская Сечь не сможет более чувствовать себя на этих землях «своевольно и независимо»[41]. Кроме того, процесс распространения власти новороссийской администрации повлёк за собой утечку населения из-под контроля Сечи. Население казацких местечек, перешедших в ведомство Новороссийской губ., переставало платить дань запорожской старшине.

Под руку новороссийского главного командира переходили и некоторые сечевые казаки. Кн. Баратов в рапорте Мельгунову сообщал, что осенью в пикинёрные полки вступил прежде бывший в запорожской службе казак Степан Кардашевский, хорошо владеющий грамотой. Баратов просил наградить его чином, поскольку тот «к собранию желающих пикинеров неусыпное старание

[38] РГАДА, ф.16, оп. 1, д. 796, ч. 1, л. 203–203 об.
[39] Там же, л. 219, 224.
[40] Там же, л. 282.
[41] Там же, л. 269.

имеет»[42]. Выражалась надежда, что следом за Кардашевским и другие начнут переходить в пикинёрную службу. Служба Кардашевского продолжилась – на некоторых копиях кошевых писем из канцелярии Мельгунова отмечено, что подлинник прочитан именно им.

Запорожское казачество и в дальнейшем не выражало готовности мириться с распространением власти Новороссийской губ. То, насколько ситуация вокруг Старосамарского ретраншемента беспокоила Запорожскую Сечь, нашло отражение в наказах депутатов от Войска в Уложенную комиссию 1767 г. В них неизменно звучала просьба вывести правительственные войска и уничтожить этот укреплённый пункт[43].

Ситуация, сложившаяся вокруг Старосамарского ретраншемента в 1764–1765 гг., является ярким примером того, насколько враждебно запорожское казачество встретило расширение территорий Новороссийской губ. и как правительство пыталось интегрировать местное население в состав новой административно-территориальной единицы. Эти события продемонстрировали правительству Екатерины II, что данный конфликт являлся по сути неразрешимым – территориальные претензии запорожцев и их представления о распределении сил в регионе были несовместимы с замыслами центральной власти.

[42] Там же, л. 193–193 об.

[43] *Голобуцкий В.А.* Запорізька Січ... С. 100.

Структура пространства русского города периода правления Екатерины II (на примере Калужской губернии)

Алексей Белов

The spatial structure of a Russian city during the reign of Catherine II's (on the example of the Kaluga province)

Alexey Belov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020021

Базой городского устройства середины и второй половины XVIII столетия выступали, с одной стороны, проживающие в рамках городского пространства социальные группы, с другой – занимаемые ими селения с эксплуатируемыми угодьями, связанные с территорией города. К началу реформ второй половины XVIII в. многие из данных хозяйственных зон, по сути, принадлежали жителям посада и городских слобод. Чаще всего это были замкнутые общины, пользовавшиеся потенциалом города, но его жителями себя считать отказывавшиеся.

Подобная «неустроенность» города и «принадлежащей к нему» «подгородной» территории породила его специфическую стратификацию. Городская пространственная организация середины XVIII в. иногда кажется нам причудливой и нелогичной. Однако современникам она представлялась понятной и разумной. К екатерининскому времени город являлся олицетворением всего своего предшествующего развития. Вместе с тем форма организации городского пространства (способ, особенности, формы её обустроенности) выступает критерием определённого типа города или формы его развития.

Дореволюционные исследователи рассматривали русский город позднего Средневековья и Нового времени как социальный и административный организм, оценивая его структуру и эффективность через призму официальных актов. Работы, затрагивавшие структуру городского пространства, описывали их в рамках более масштабных тем. Наиболее близко к исследованию пространства дореформенного города в конце XIX в. подошёл И.Е. Забелин, описавший структуру «древней столицы» времени Екатерины II[1].

В советской исторической науке город оценивался с точки зрения его социальной структуры и экономического потенциала (посадские люди, ремесло, торг, купеческие организации и др.). Большой вклад в развитие этой тематики внёс М.Н. Тихомиров, поднявший вопрос о наличии в городе социальных

© 2026 г. А.В. Белов

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0010 «Общество и его социальная стуктура в российской истории». НИОКТР 125022002763-0).

[1] *Забелин И.Е.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // Опыт изучения русских древностей и истории. Исследования, описания, критические статьи. Ч. II. М., 1873. С. 351–506.

барьеров («бесчисленные перегородки... феодальной структуры»), отражённых в структуре поселений[2]. Обзору конкретного города посредством оценки его экономического потенциала посвящены монография О.П. Булич и другие исследования, продолжившие эту проблемно-тематическую линию[3]. Важное место в советской историографии заняло описание городского пространства через призму формирующих его слобод. Это направление оказалось продуктивным, оставаясь востребованным и сейчас[4].

При анализе пространства города через систему слобод и сотен тема земельной собственности неизбежно теряется в рамках социально-экономической проблематики. В региональных же конкретно-исторических исследованиях вопрос структуры городского пространства и землевладения проявляет себя более предметно. Примером может служить работа И.В. Пугача об Устюжне Железопольской. Автор рассматривает город в контексте «городского жилого и хозяйственного ландшафта», уделяя внимание землевладению: описаны хозяйственные угодья посада, показано их развитие, анализируются операции с собственностью и борьба с окружающими поместными и вотчинными землевладельцами[5]. Вопрос земельных владений города XVIII в. с точки зрения городских аграрных промыслов изучался также на примере Среднего и Верхнего Поволжья и Северо-Запада[6]. Внимание городскому пространству и его организации уделялось в процессе систематизации данных археологических исследований, в частности на материалах Великого Новгорода. Интерес вызывает выявление здесь В.Л. Яниным аристократических владений («целых районов в своих концах»), с которыми были связаны «административные совокупности деревень»[7]. Тема городского пространства затрагивается и на материалах других русских городов[8].

Среди исследований, относящихся к периоду правления Екатерины II, особое значение имеют монографии П.Г. Рындзюнского, Ю.Р. Клокмана и Л.В. Милова. Рындзюнский поднял вопросы о городском выгоне и характеристике владений «городского гражданства»[9]. Клокман развивал тему городских земель как проблему «взаимоотношений феодального государства с населением посадов»[10]. Милов, чьи труды занимают важное место в изучении аграрных

---

[2] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 64.

[3] *Булич О.П.* Коломна. Пути исторического развития города. Общий очерк. М., 1928. С. 51–65; *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 185–190; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 91; *Шулус И.И.*, *Киприянова Н.В.*, *Мягтина Н.В.*, *Черничкина В.А.* Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Владимир, 2009. С. 68–72.

[4] *Снегирёв В.* Московские слободы. Очерки из истории Московского посада XIV–XVIII вв. М., 1956; *Аверьянов К.А.* История московских районов. Энциклопедия. М., 2005; *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII в. История. Архитектура. Горький, 1989.

[5] *Пугач И.В.* Устюжна Железопольская: город и власть. Очерки социально-экономической истории XVI–XVII вв. [Саарбрюккен], 2012. С. 62, 198–226.

[6] *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья... С. 91; *Зорин А.Н.* Города и посады... С. 185–190.

[7] *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 205–206.

[8] *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 288–290.

[9] *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 511–520.

[10] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 56–61.

пригородов, значительную часть своей научной деятельности посвятил изучению материалов Генерального межевания второй половины XVIII столетия[11].

Вклад в развитие темы внесли специалисты, занимающиеся историей планировки городов и городской архитектуры. Ими рассматривались вопросы строительства городов как государственная практика, особенности организации территории как фактора развития планировки и застройки города («природный фактор», «ландшафтная среда»)[12].

Необходимо также учитывать особенности исторического развития разных регионов России. Городам северо-запада, где действовало магдебургское право, присуще яркое своеобразие[13]. Свою специфику имеют и другие регионы (Русский Север, Урал, Сибирь и т.д.). В настоящей статье я остановлюсь на одном из нечернозёмных, не столичных, обладающих средними показателями экономического развития регионов – Калужской губ. Результаты его изучения можно использовать как удобный сравнительный материал для сопоставления с другими территориями Российской империи.

В середине XVIII в. как пространство города воспринимались несколько последовательно сменяющих друг друга территориальных (в первую очередь социально-хозяйственных) элементов/радиусов. Первый из них – собственно «город». Затем шли «предместья» и подгородные «слободы», общины которых не считали себя частью городского общества. Их сменяли земельные владения собственников, имевших прямое отношение к городу (посадская община, отдельные собственники, Церковь, административные органы и др.). Далее начинались «подгородные» территории, испытывавшие на себе наиболее глубокое трансформирующее влияние административного и хозяйственного центра. Вслед за ними располагались «выгоны» и «угодья», которые город сохранил за собой после установления нового официального городского «выгона». Как завершающий элемент этой системы следует рассматривать принадлежавшие посаду города слободы и иные структуры. Со временем они вошли в состав поселения в ходе усиления хозяйственного потенциала последнего и расширения его территории. Это пространственное деление не имело чёткой организации и напрямую зависело как от конкретных географических, так и исторических особенностей местности.

Показательно, что под термином «город» как жители, так и описывавшие уезд статистики понимали только крепость, т.е. территорию, имеющую чёткие границы по укреплениям. Последние могли находиться в самой разной степени сохранности: от частично руинированных до практически полностью

---

[11] *Милов Л.В.* К истории создания Экономических примечаний конца XVIII – начала XIX века // Проблемы источниковедения. Сборник 10. М., 1962. С. 104–133; *Милов Л.В.* Исследования об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1996. С. 299.

[12] Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. М., 1994. С. 7–11, 83, 293, 294.

[13] См. об этом, например: *Рогачевский А.Л.* К вопросу об эволюции прав на недвижимое имущество в городах Ленинградской области // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. Сборник статей по итогам XIV международной научно-практической конференции «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». СПб., 2019. С. 29–44; Zur Rezeptionsgeschichte des Magdeburger Rechts in Rußland: Die Stadt Belyj (17–18. Jh.) // *Rogatschewski A.* Signa Ivris. Beiträge zur Rechtsikonographie, Rechtsarchäologie und Rechtlichen Volkskunde. Bd. 14. Halle an der Saale, 2015. S. 123–209.

утраченных («градская крепость... которая укреплена была земляным валом, но ныне остался один вид»)[14]. Уже это указывает и на смену эпох, и на сохранение прежних представлений и форм. В соответствии с веяниями Нового времени, принесшими моду на европейские слова, крепость перестала именоваться детинцем или кремлем. Во всех описаниях неизменно использовалось слово «замок»[15]. «Замок» мог и не иметь постоянного населения, властных структур и военного гарнизона. Пространство цитадели нередко использовалось посадскими людьми для ведения сельского хозяйства.

Вторая «зона» городского пространства называлась «предместие». Этот термин по значению ближе всего к понятию «пригород». Однако следует говорить не о традиционной для русской городской сети «пригородов», строившейся на официальном верховенстве города над подчинённым ему (младшим) поселением, хотя эти формы бытовали в административной практике России до второй половины XVIII в. (калужская Таруса официально выступала пригородом московского Серпухова, а Воротынск – Перемышля)[16].

В процессе районирования внутригородского пространства слово «предместие» обозначало территории и поселения, граничащие с городом и находящиеся в его зоне влияния. При анализе материалов Генерального межевания середины и второй половины XVIII в. подмена понятий становится очевидной. В российской практике окрестности города определялись оборотом «подгородные села и слободы» или простым указанием: находится «в градской окружной меже». Под «предместием» однозначно подразумевалась территория, являющаяся неотъемлемой частью городской общины, с дворами её жителей («Город Казельск и предместие онаго, заселенное разного звания людьми»; «Город Серпейск... Онаго города в предместии, заселенном разного звания людьми»)[17]. Показательны два аспекта. В XVIII в. в погоне за западными словами «предместье» заменило собой термин «посад», полностью переняв его содержание. Позже, на исходе Генерального межевания, данная территория определялась статистиками как «город... и градская селидебская земля»[18].

Территории «селидебской земли» ещё до начала межевания включили в себя подгородные слободы. Свидетельства этого процесса при описании структуры городского пространства хоть и не часто, но встречаются. Такие слободы всегда лишались автономности, теряли чёткие границы и собственные улицы, сливавшиеся с городскими. Утрачивалась и сословная обособленность общин. Территории заселяли городские купцы и мещане, которые иногда полностью вытесняли местных жителей.

Третий радиус городского пространства – слободы, непосредственно примыкавшие к крепости помимо её посада, – компактные поселения, имеющие чётко выраженные границы. Даже в конце XVIII в. они оставались абсолютно самодостаточными, самостоятельными и самоуправляющимися территориальными общинами. Их население объединяли особые промыслы, ремёсла, профессиональная деятельность и сословный статус. Слободские общины получили эти земли и угодья как жалованье за службу; владения могли быть весьма значительными, и местные жители ими активно пользовались.

---

[14] РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 454, л. 1.

[15] Там же.

[16] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 926, л. 3 об.; д. 730, л. 5 об.

[17] Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 456, л. 1, 1 об., 80 об., 82 об., 143, 228; д. 467, л. 1.

[18] Там же, д. 456, л. 80.

Жителями слобод являлись бывшие служилые люди: пушкари, городовые казаки и стрельцы. Из 12 городов региона слободы имелись в пяти, при том, что два города сами когда-то были сёлами. Подгородная (ямская) слобода находилась вблизи Калуги, рядом с Боровском – две слободы (казачья и пушкарская), в Жиздре – семь. Мосальск имел три слободы: «Городенка», «прежних служеб пушкарей» и «Арехова Масальского купечества и мещанства». К Лихвину тянули Стрелецкая и Пушкарская слободы. При Серпейске состояла «деревня Горячкова» (5 дворов, 29 душ обоего пола), населённая служилыми людьми («города Серпейска разсыльщиками»)[19]. Общее количество слободских поселений в Калужской губ. достигало 16. В ряде случаев их размеры (по количеству дворов и числу проживавших) были сопоставимы с посадами небольших городов, а земельные владения небольших слобод нередко сильно превосходили угодья посадских общин.

Степень территориальной включенности слободы в город могла быть разной. Во второй половине XVIII в. в половине городов Калужской губ. наблюдались признаки активного и естественного слияния слобод с городским посадом. Поначалу первые в большинстве своём оставались самостоятельными и территориально обособленными, полное их слияние с посадом в третьей четверти XVIII в. демонстрируют лишь один-два примера. В Мосальске в наиболее раннем «экономическом примечании» (составленном с заметным отличием от позднего, общего для всех документов этого типа шаблона) упомянута вторая слобода пушкарей, позже нигде не фигурирующая. При этом в составе её жителей указаны две равнозначные категории: «заселена пушкарями и разночинцами»[20]. Перед нами пример того, как военно-служилое население подгородных слобод, утратив прежние сословные функции, а вместе с ними и статус, переходило в промежуточное (межстатусное) состояние.

Несмотря на фактическую включённость населения слобод в жизнь города (участие в городском рынке, семейные и территориальные связи, аналогичный характер деятельности и др.), видим большую устойчивость, независимость населения слобод по отношению к жителям «города» и посада. Данное обстоятельство детерминировано наличием у подгородных слободских общин «прежних военных служб» обширнейших земельных владений, которые обеспечивали их хозяйственную независимость, а порой и превосходство над собственно городским населением. К примеру, в Перемышле в состав городского выгона вошли земли слободы пахотных солдат. Их удельная масса среди общегородских составила 66% всех типов владений, 8% пашни, 23% лугов, 100% леса.

Фактором обособленности слобод выступал особый и востребованный промысел. Однако в рассматриваемое время эта черта оставалась присуща только ямщикам. Они успешно отстаивали свою общинную автономию, благодаря исключительной востребованности их деятельности в обеспечении сухопутного транспортного сообщения. Спрос на услуги ямщиков, а также полученные за службу привилегии делали их общины не просто устойчивыми, а фактически неприкосновенными. Конец этому положило железнодорожное сообщение. По словам одного из представительней этой сословной категории, «чугунка» их «сильно обидела», отняв «всю... привилегию»[21].

---

[19] Там же, л. 193 об., 230; д. 483, л. 2 об.–3.

[20] Там же, д. 483, л. 2 об.–4.

[21] *Иванов П.* Синий зипун. Красный кушак. Ямская гоньба от монголов до железных дорог // Родина. 2001. № 12. С. 60.

Слободы опоясывали многочисленные владения связанных с городской крепостью общин и других собственников. Находившиеся здесь пустоши, дачи, угодья, как правило, не имели постоянной усадебной застройки, а жизнь здесь носила сезонный характер. Это были относящиеся к посаду земли выгона и имеющие прямое отношение к нему структуры. Именно они стали основой для общегородских выгонов, оформленных Екатериной II.

Опираясь на описания разных лет, можно реконструировать изначальный выгон пяти городов Калужской губ. – Лихвина, Медыни, Мосальска, Серпейска и Тарусы. Для этих городов характерны обширные пашни. Покосов они имели заметно меньше, а лес как городская земельная собственность и вовсе выступал исключительным явлением. Им владела лишь община Тарусы, но эти «дачи» составляли всего 1,6% от общей площади её выгона. В Медыни, правда, размеры лесных угодий были огромны – 1493 дес., но это было связано с тем, что город развился из села, располагавшего лесными ресурсами.

Рассмотрим подробнее владения Лихвина. В источниках они обозначены как «градская выгонная земля... купцов и мещан в двух частях»[22]. Дворовой застройки на этих территориях не имелось. Основу (62%) составляла пашня, за ней шла неудобная земля (неизбежный результат освоения территории) – 26%, и только 17 дес. (10%) занимали сенные покосы. Размеры лесных дач были ещё более скромными – всего 2 дес. (1,3% от всего выгона). На базе этих угодий в ходе реформы и сформировали «официальную городскую межу» (выгон и усадебные земли – 200 дес. 344 саж.), в состав которой вошли владения двух слобод – стрелецкой и пушкарской[23].

Особой частью структуры городского пространства выступали земли фактических жителей посада («пренадлежащия к городу земли особых владениев»)[24]. Это не столь значительная по площади, но также распространённая форма участков, относящихся к посаду или городу как таковому, встречается у большей части поселений. При Лихвине (за пределами города и выгона) имелась «усадебная земля купцов и мещан», куда входили 4 дес. дворовые, 1 дес. сенокоса и 1 дес. неудобных земель. В Козельске упоминаются два участка: «сенные покосы Потрусовской мельницы девицы Марьи Николаевой дочери Ртищевой» и «пустошь Чечерина Натальи Ивановой дочери Бестужевой Рюминой». Если Ртищева имела всего 8 дес., то Бестужева-Рюмина распоряжалась 33 дес. пашни (2% от всей пашенной земли города)[25].

К той же категории можно отнести пригородные земли, находящиеся под фабриками и мельницами. При них нередко имелись собственные сенокосные угодья (луга). Самый крупный кластер данного рода заведений зафиксирован в Калуге, где функционировали три предприятия и несколько мельниц, к которым были примежёваны четыре участка земли. На территории пригорода Боровска – второго города в губернии – находился один из цехов фабрики – помещения для «мытья пряжи». В городах также имелись мельницы, но они не всегда попадали в отчёты, являясь частью не столь больших хозяйств. В Козельске на одном из участков соборной Успенской церкви «на левом берегу реки Другусны» упомянута «мушная мельница о двух поставах», при которой

[22] РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 454, л. 243 об.
[23] Там же, л. 243 об.; д. 469, л. 2.
[24] Там же, д. 482, л. 7.
[25] Там же, д. 454, л. 297, 299 об.

располагались 5 дес. пашни и 1 дес. леса[26]. Все эти участки в итоге были обмежёваны и вошли в общий городской выгон.

Совершенно исключительное место в системе «подгородных» территорий занимали церковные приписные земли. Их удельный вес сопоставим с землями слобод. Это были отдельные участки, в основном скромные по размерам, но часто весьма многочисленные. Наиболее показателен в этом отношении Козельск, где зафиксирована одна из самых больших среди всех городов края группа церковных земель. Если вся изначальная территория Козельска (крепость и посад) занимала 192 дес., то находившиеся вне пределов посада владения городских церквей по площади превосходили её на треть. Здесь же отмечены владения «Макарьевской пустыни Оптина монастыря монахов» в 32 дес., позже также включённые в состав владений города[27]. Церквам Козельска принадлежали 49 участков (231 дес.), из них 177 дес. приходилось на пашню и 38 – на луга. 15 дес. оставались в неизбежной группе неудобных (овраги, болота и т.п.). 77% участков были небольшими – от 1 до 6 дес. Сенные покосы занимали всего 12 участков. Помимо церковных земель в ходе реформы в состав городского выгона вошли и примыкавшие к их территории земли бывших монастырских деревень, а их крестьяне получили статус городского состояния.

Пятый радиус составляли подгородные сельские поселения, никакими официальными связями с городом не соединённые, но испытывавшие на себе его влияние. Сегодня их назвали бы пригородами или пригородными территориями, включёнными в процесс урбанизации, причём не в его формальной (количественной и территориальной) трактовке, а в фактическом выражении – смене деятельности сельского поселения. В крупных городах региона – Калуге и Козельске – подобные процессы должны были иметь место. Но на основании имеющихся источников они однозначно фиксируются только в Боровске. Благодаря работе статистиков второй половины XVIII в., можно утверждать, что других (по крайней мере, равных) примеров пригородов в рассматриваемое время в Калужской губ. не было.

Боровск являлся не просто вторым по потенциалу городом края, но и местом, которому была присуща особая активность местных жителей. Вокруг него сформировалась значительная группа поселений с 1044 дворами, состоящая из трёх слобод (Высотская, Рощинская, Ребушинская), трёх сёл (Русиново, Атепцово, Катово) и 12 деревень с пустошами[28]. Местные жители (почти 8 тыс. ревизских душ) относились исключительно к категории крестьян, состояли «на положенном оброке» и обладали более чем 16 тыс. дес. земли (11 тыс. дес. пашни, более 800 дес. лугов и около 4 тыс. дес. леса). Жители, как отметили статистики, «не столько упражняются в хлебопашестве, как в разных промыслах». Речь шла о полноценных ремесленных производствах – кузнечном, слесарном, резном, иконописном. Не отставали от мужчин женщины. Они ткали по домам «холст и сукна», шедшие «для домовых расходов» и на продажу[29].

В состав последнего, шестого радиуса городского пространства входили земли, которые являлись владениями города или находившихся на его территории структур, но по итогам преобразований оказались в уезде, поскольку их не включили ни в городской выгон, ни в окружную черту самого городского

[26] Там же, л. 298 об.
[27] Там же, л. 297 об.
[28] Там же, л. 120–121.
[29] Там же.

поселения. Это могли быть довольно обширные территории. В Лихвине, по моим подсчётам, их общий размер достигал 780 дес. (511 дес. пашенной земли слобод, 256 дес. церковной земли города, 7 дес. лихвинского Афанасьевского девичья монастыря и участок, принадлежавший мещанам (6 дес.)). Подобное положение дел не являлось исключительным. Владения в уездах имелись у Перемышля (9 дес.), Мосальска (92 дес.), Мещовска (271 дес.), Серпейска (108 дес.) и Боровска. В последнем случае они представляли собой классический пригород. В то же время в Калуге, Козельске, Малоярославце, Жиздре, Медынске и Тарусе такого рода владений не было.

Структура городского пространства указывала на переходность времени. Это выражалось в сохранении понятия города как крепости, при которой находится посад. Причём обе эти пространственные категории утратили базовую функцию. Крепость уже не была укреплённым оплотом, приобретя значение административного центра. Посад сливался со слободами, которые в ряде случаев превратились в его кварталы. Слободы с их общинами не являлись городскими, а их жители часто целенаправленно позиционировали такое своё положение. Преодоление этого явления и стало основой городской (социальной) реформы Екатерины II. Обособленность слобод имела под собой мощное хозяйственное основание, построенное на законном владении угодьями. Эти земли, находившиеся, как правило, в хозяйственном обороте, предстояло объединить в общий городской выгон.

В формируемой структуре города уже наметились пригороды в современном понимании этого слова. В одном случае они сформировали мощный производственный комплекс с развитым ремеслом. При этом промышленные предприятия не играли значительной роли и не образовали собственной зоны влияния, что проявило себя впоследствии.

Эпоха екатерининских преобразований стала рубежным этапом для развития русских городов. В ходе переустройства второй половины XVIII в. их буквально «перебрали» на новых основаниях, но выстраивать приходилось с опорой на имеющиеся, откровенно устаревшие формы. Последние или ломали, или приспосабливали под новые реалии. Понять особенности организации и функционирования русского городского строя дореформенного периода без учёта его исторического наследия невозможно.

Элементы «преждебывшего» городского устройства не спешили «кануть в лету», демонстрируя устойчивость к новым веяниям. Теряя эффективность как инструмент решения насущных задач, они консервировались, оставаясь частью городского пространства, понятного, привычного и удобного его жителям. Но государству, видевшему в городе важный инструмент получения дохода и центр управления огромной страной, такие архаические города были не нужны.

«Пришед в ту ратушу, уграживали оных купцов побоем»: стратегии и практики выборной борьбы в городских магистратах европейской части России 1720–1770-х гг.

Дина Гущина

«Having come to that town hall, they threatened these merchants with a beating»: strategies and practices of electoral struggle in the city magistrates of the European part of Russia in the 1720s–1770s

Dina Gushchina
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020039

Особое место истории русского города в исторической науке определяется его принципиальным значением в структуре общественной системы, интегрирующей функцией, связующей эту систему воедино. Одним из центральных процессов стало развитие выборного управления, которое определяло пути экономического, социального и культурного развития городов, отношения посадских жителей с центральной властью, местной администрацией и между собой.

В петровскую эпоху выборные городские учреждения пережили ряд преобразований, вершиной которых стало создание в 1720-х гг. системы городских магистратов, во главе которых стояло единое центральное учреждение – Главный магистрат. В 1728 г. городские магистраты были ликвидированы и заменены ратушами, вновь подчинёнными местной администрации, однако уже в 1743 г. императрица Елизавета Петровна восстановила эту систему практически на прежних основаниях. Магистраты просуществовали почти без изменений до областной реформы 1775 г.

История изучения органов управления в русских городах XVIII в. насчитывает более двух столетий. За это время издано множество научных трудов, освещающих разные аспекты этой проблемы. Однако сами посадские жители, в первую очередь представители купечества, принимавшие непосредственное участие в формировании состава земских изб, ратуш и магистратов, часто оставались вне поля зрения исследователей.

В то же время, как свидетельствуют архивные документы, купцы применяли в избирательном процессе широкий арсенал самых разнообразных средств. Методы, которыми велась выборная борьба, могут многое сказать о социальной группе, внутри которой она протекала. Изучение этих практик позволяет пролить свет на уровень политической и правовой культуры купечества, специфику социальных взаимодействий в посадской среде, характер социальных связей, которые могли задействовать купцы в своих интересах, восприятие горожанами механизмов формирования магистратов и самих этих учреждений, их представления о государственной системе и собственном месте в ней.

© 2026 г. Д.В. Гущина

Богатый материал для изучения комплекса выборных практик и стратегий купцов предоставляют многочисленные делопроизводственные документы, формировавшиеся в ходе выборов, в частности, доношения городских ратуш и магистратов, а также челобитные посадского населения. Они отражают принципы и условия формирования состава выборных городских учреждений. Особенно яркие свидетельства содержатся в документах, запечатлевших острые выборные конфликты. К сожалению, подобные материалы в достаточном объёме сохранились лишь для городских магистратов, что и определяет временны́е рамки данного исследования двумя периодами: с 1722 г., когда с созданием городских магистратов начались выборы в них, по 1728 г. и с 1743 по 1775 г., когда в результате преобразований Екатерины II система городского управления претерпела существенные изменения. Географически исследование ограничено европейской частью России, поскольку города данного региона составляют более или менее гомогенную с точки зрения административного управления общность, а материалов, посвящённых выборам в них, имеется достаточно.

Дела, касающиеся магистратских выборов, отложились в фонде 291 (Главный магистрат) РГАДА. Это избирательные приговоры, ведомости, указы, промемории, доношения и челобитные. Последние в конфликтной ситуации, когда разные внутрипосадские группы стремились склонить на свою сторону Главный магистрат, становились одним из основных средств выборной борьбы. Этим, а также накалом конфликта, объясняется подчас весьма эмоциональное и яркое содержание документов: сложно сказать, в какой степени можно верить этим источникам, пестрящим обвинениями и обличениями в адрес противников, написанным в пылу внутрипосадской борьбы? Иногда основанием признания правдивости того или иного известия может служить решение Главного магистрата. Однако очень часто дела не содержат такого решения. Не принимая каждую жалобу за непреложную истину, но рассматривая те или иные обвинения как потенциально возможные, исследователь может выявить реальные практики, которые применялись во время выборной борьбы, а также понять, как их оценивали посадские жители. В то же время специфика документов предполагает перекос в сторону именно незаконных или осуждаемых посадскими жителями и властью практик, поскольку на такие случаи стремились обратить внимание противоборствующие посадские группы.

Исследование выполнено на материалах девяти городов. В выборных документах именно их посадов отразились напряжённая борьба и разнообразные избирательные практики посадского населения. Разные группы купцов вступали в борьбу за магистратские должности, зачастую стремясь получить те или иные выгоды: от прямой наживы на посадских сборах или подрядах до сокрытия собственных проступков или, наоборот, защиты отдельных групп жителей от произвола властей. Количество представленных в исследовании посадов свидетельствует, что борьба во время выборов не являлась редкостью.

Лишь в немногих исследованиях, посвящённых выборным городским учреждениям в России XVIII в., уделено внимание посадскому населению, и лишь в отдельных работах затрагивалась тема стратегий и практик посадских жителей в выборной борьбе. Первым, кто систематически изучил магистратские учреждения не на основании законодательных актов, а на базе делопроизводственной документации, отражавшей реальные принципы формирования и функционирования этих учреждений, был А.А. Кизеветтер. Он подробно рассмотрел механизмы избирательного процесса с опорой на обширные ма-

териалы выборов в магистраты[1]. Однако вопрос о том, какие именно средства и практики использовались посадским населением для достижения победы в избирательной борьбе, не попал в фокус внимания исследователя.

Этот сюжет затронут в ряде работ советского периода. В статье Л.С. Рафиенко отмечены некоторые выборные стратегии состоятельных сибирских купцов, в частности подача доношений о нарушениях противников[2]. А.В. Муравьёв, рассматривая выборы 1720-х гг. в Московский магистрат, отметил попытки местного купечества выдвинуть в магистратские чины крупных фабрикантов. Среди современных исследователей специфическим выборным стратегиям и практикам посадских жителей значительное внимание уделял Е.Н. Наседкин, однако его внимание сосредоточено прежде всего на разнообразных посадских службах[3]. Тема стратегий купечества, применявшихся в выборной борьбе, затрагивалась в ряде моих работ[4].

Состав городских магистратов зависел от размера города, их члены избирались из посадских жителей. Регламент Главного магистрата предписывал назначать президентов, бургомистров и ратманов «из граждан первостатейных... пожиточных», «первых мирских людей призвав». Выборные и выборщики должны были принадлежать к числу самых состоятельных людей посада, что объяснялось значительной финансовой ответственностью, ложившейся на эти учреждения. Магистратским служителям следовало «доходы сбирать и отдавать по указам»[5], причём за государственные сборы и их хранение они отвечали собственным имуществом. Важнейшей функцией магистратов являлся суд над посадскими жителями. В их полномочия входил широкий круг вопросов, из компетенции изымались лишь «великие государственные дела».

Ещё одним очевидным требованием к выборным была грамотность. Избранный в магистрат купец исполнял свои обязанности вплоть до отставки (которая могла даваться в силу дряхлости и болезней, а также в результате допущенных им нарушений) или даже до смерти служителя. Избранный в магистратскую должность купец отрывался от торгов и промыслов, и посадские жители едва ли не чаще боролись за то, чтобы такую должность не занимать.

Принципиальным требованием было составление выборного приговора в земской избе. Сама процедура выборов определялась Регламентом Главного магистрата, Инструкцией магистратам[6] и рядом других законодательных актов. И.В. Минникес отметила, что всему периоду 1700–1760-х гг. в целом

---

[1] *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 767–774.

[2] *Рафиенко Л.С.* Социальный состав сибирских магистратов в 40–80-х годах XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1967. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 95.

[3] *Наседкин Е.Н.* Казённые службы московского купечества в 20–30-е гг. XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Наседкин Е.Н.* Посадские выборы в московские таможни в 1739–1740 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 14–16 октября 2009 г. Курск, 2009. С. 134–138.

[4] *Гущина Д.В.* «Из граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей»: механизмы выдвижения и утверждения выборных в должностях московского магистрата в 1720 и 1740 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 1. С. 97–110; *Гущина Д.В.* «Озорники» и «интересохищники»: мотивации купцов на службе в выборном городском управлении в России XVIII в. // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. Сборник научных статей. М., 2023. С. 27–37.

[5] ПСЗ-I. Т. 6. № 3708. С. 299.

[6] Там же. Т. 7. № 4624. С. 388–397.

свойственны многообразие и неопределённость процедуры выборов[7], что давало простор для разных способов выборной борьбы. Выбор, состоявшийся на посадском сходе, не являлся окончательным этапом – кандидатов на магистратские должности предстояло утвердить Главному магистрату. При этом в центральное учреждение могло быть подано несколько выборных приговоров от одного посада. Именно на этом этапе, как правило, конфликт (если он имел место) набирал обороты: разные внутрипосадские группы подавали в Главный магистрат доношения и челобитные, пытаясь убедить центральное учреждение, что именно их приговор самый верный и наиболее точно соответствует букве закона и государственным интересам.

Для оценки уровня политической и правовой культуры посадских жителей важно то, в какой степени они понимали работу механизмов государственного аппарата и использовали это знание. Косвенно это свидетельствует о степени выборной компетентности купечества. Сам процесс представления доношений и челобитных в Главный магистрат можно рассматривать как одну из основных практик выборной борьбы. В этом ключе интересен язык этих документов и способ их подачи.

Непреложной нормой является презентация любой информации с точки зрения государственного (прежде всего финансового) интереса. Любые тяготы как целых посадов, так и отдельных людей не имеют собственного значения и важны только потому, что из-за них посадские люди могут «отстать от податей». Ярким примером тому служит доношение одной из двух противоборствующих групп посадских жителей Брянска, поданное в Главный магистрат в 1723 г. В городе развернулся ожесточённый выборный конфликт, в ходе которого одна группа жителей самовольно захватила ратушу, а другая пыталась взять её здание приступом, что вылилось в массовую драку. Засевшие в ратуше объяснили, что они заперлись, «чтоб Вашего Императорского Величества интересу траты, также и над нами смертного убийства не учинилось»[8]. Прежде всего они упомянули потенциальную «Императорского Величества интереса трату», и лишь потом возможное «смертное убийство», которое могли учинить над ними противники. Подобная подача информации прослеживается и в других доношениях, где представители одной противоборствующей группы жалуются на нарушения другой: любое насилие, угрозы, бесчинства, несправедливые поборы страшны прежде всего тем, что в результате посадские жители могут «от податей отстать». Это же касается и индивидуальных челобитий с просьбами об отставке в силу болезней, старости и одиночества. Выбранные в 1750 г. в Тверской магистрат ратманами Василий Блохин и Василий Софонов били челом, что не могут служить в этих должностях, поскольку оба одинокие и имеют отъезжие промыслы. После назначения в магистрат у них не получится содержать торги, которые придут «в несостояние... от чего во всех платежах имело б быть умаление»[9].

Здесь проявлялось закрепление в общественном сознании важной черты идеологии власти, представлявшей государственный интерес прежде всего как интерес казны. Именно поэтому, подавая доношения о нарушениях противников по выборам, посадские жители часто акцентировали внимание центрально-

---

[7] *Минникес И.В.* Выборы в Российском государстве в XVIII в. Историко-правовое исследование. Иркутск, 2006. С. 50.

[8] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 57.

[9] Там же, д. 405, л. 108.

го учреждения на возможном финансовом ущербе государственному интересу. Однако практика показывала, что это срабатывало далеко не всегда – часто Главный магистрат на такого рода доношения не реагировал. Тем не менее само восприятие купечества центральной властью прежде всего с точки зрения фискального интереса посадские жители подметили весьма точно[10].

Описание событий в доношениях и челобитных могло быть весьма эмоциональным. Заслуживает внимания подбор в них эпитетов. Брянские посадские называли друг друга «самовольцами и сообщниками», «озорниками», а действия противоборствующей группы – «наглым озорничеством»[11]. Алатырский ратман Пётр Гурьев неоднократно звал своего противника, президента Ивана Герасимова, «интересохищником», а его действия «воровством»[12]. Во время выборной борьбы во Ржеве противоборствующие стороны также не скупились на яркие эпитеты: бургомистра Василия Чюпятова противники называли «раскольническим прелестником», а его действия – «непорядками и продерзостями», мотивированными «бездельной корыстью»[13]. Кажется, ни в чём посадские люди не были так красноречивы, как в негативных характеристиках своих противников и соседей. Подчас с каждым новым доношением количество негативных эпитетов возрастало.

В отдельных случаях внутрипосадской борьбы играли немалую роль личный конфликт и неприязнь. Примером может послужить дело о выборах в Алатырский магистрат. Оно ярко демонстрирует внутренний конфликт между избранными служителями учреждения, вылившийся в масштабное противостояние двух внутрипосадских групп; итогом стали существенные перемены в его составе. В ноябре 1744 г. ратман Алатырского магистрата Пётр Гурьев написал доношение на президента Ивана Герасимова в Главный магистрат, указывая, что тот незаконно распределил подряды и утаил часть соляных сборов. Когда же Гурьев отказался подписывать неправильное определение об отпуске соляных сборщиков, президент «с великою яростью схватя его около шеи за шубу, стал говорить, что де своему командиру ослушан явился и определение не подписываешь». Сам Герасимов описывал ситуацию иначе: «Он, Гурьев, сказал с великою гордостью: я вас не слушаю и не подписываю», «с великой яростью... побежал вон из магистрата и во дверях старосту ударил в грудь и сшиб с ног». После этого Герасимов запретил остальным служителям выдавать Гурьеву какие-либо документы[14].

Новый виток противостояния случился, когда в магистрате произошло экстраординарное событие: в ходе пьяной ссоры алатырский посадский Фёдор Скворикoв объявил на своего брата Ивана «слово и дело государево». По версии Герасимова, Иван Скворикoв был приведён в магистрат по пьянству и закован в цепь. Однако «слово и дело» он объявил лишь после того, как президент ушёл из присутствия. Об этом заявлении Герасимов узнал от старосты Фёдора Воронина. Президент, по его собственному утверждению, немедленно вернулся в магистрат и «оного Скворикова призвав при означенном... Гуреве, секретно спросил, кричал ли он слово Ее Императорского Величества, и оной

---

[10] *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999. С. 95.

[11] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 2, 57, 58.

[12] Там же, д. 1020, л. 133, 141.

[13] Там же, д. 1498, л. 47, 345, 358.

[14] Там же, д. 1020, л. 18 об., 47 об.–49.

де Скворикoв сказал, что слово и дело государево кричал». Президент тут же приказал заковать Фёдора и Ивана Скворикoвых в колодки и принялся за составление протокола, однако ратман отнюдь не стремился помогать ему в этом важном деле: «А оной Гурев, ухватя шляпу свою с рукавицами, побежал из магистрата вон, и он де, Герасимов, оному Гуреву стал говорить: зачем де, не окончив великого государственного дела, вон побежал? На которое он, Гурев, ему от дверей сказал: Я есть захотел, и придет де тотчас». Однако Гурьев отправился не есть, а писать очередное доношение на президента о том, что тот не отреагировал должным образом на «слово и дело»: «А оной де Гурев, ушед из магистрата, скрыв лукавство свое, умышленно, знатно де хотя его привесть к неповинному тяжчайшему ответу и штрафу, а не для чего то доношение подал»[15]. Усилия ратмана Гурьева увенчались успехом, и, несмотря на невиновность президента Герасимова в данном эпизоде, по другим обвинениям его отставили от должности.

Примечательно, что в исследовательской литературе указаны и более жестокие попытки оклеветать противника. Л.С. Рафиенко привела пример, когда в 1745 г. бургомистр Тюменского магистрата Стукалов подговаривал посадского Кострыгина и отставного капрала Михеева объявить «слово и дело» на Головакова, бургомистра того же магистрата[16]. В состоянии острого конфликта посадские жители пускали в ход и клевету, причём подчас весьма жёсткую. Впрочем, в большинстве случаев жалобы противоборствующих групп не приводили даже к штрафу.

Многочисленные взаимные обвинения свидетельствуют о знакомстве купечества с правовыми нормами, нарушения которых тщательно и пристрастно выискивались доносителями. Причём знания некоторых из них не ограничивались базовыми представлениями о законодательных актах, непосредственно регулировавших их жизнь. Они вполне понимали механизм функционирования административных структур. Более того, если Главный магистрат не реагировал на их запросы, посадские люди сами искали решения и демонстрировали знание о других государственных структурах.

В 1745–1761 гг. разразился выборный конфликт во Ржеве. Изначально речь шла об отставке бургомистра Василия Чюпятова, имевшего тесные связи с ржевскими старообрядцами, и, по утверждениям его противников, «скрытого раскольника». Внутрипосадской группе старообрядцев противостояли «правоверные» купцы – группа, возглавляемая Дмитрием Орловым и Григорием Зетиловым. К 1750 г. последние не добились от Главного магистрата отставки Чюпятова, защищавшего интересы старообрядцев на посаде. Бездействие этого учреждения можно объяснить его заботой прежде всего о том, чтобы посадские люди исправно платили положенные на них оклады. Те действия, в которых «правоверные» купцы обвиняли Чюпятова – неправильная раскладка платежей в пользу старообрядцев, укрывание от суда родственников, неправомерное распределение подрядов на поставку соли и, главное, то, что он «скрытый раскольник», – не задевали напрямую финансовых интересов Главного магистрата[17]. Бездействие последнего, однако, не остановило жителей: они сменили стратегию и в 1752 г. апеллировали к Соляной конторе и в Тверскую духовную

[15] Там же, л. 53 об.–54 об.

[16] *Рафиенко Л.С.* Указ. соч. С. 95.

[17] *Гущина Д.В.* Практическое применение законодательных норм в русских городах: на примере конфликта в Ржевском магистрате середины XVIII в. // Клио. 2024. № 5(209). С. 87–91.

консисторию[18], после чего оттуда в Главный магистрат потоком хлынули промемории. В конце концов, повинуясь указу Сената, Главный магистрат отставил неугодного бургомистра[19].

Ещё один пример вовлечения в выборный конфликт иных учреждений имел место в Белгороде. Здесь в течение двух лет (1744–1746) кипела борьба между двумя партиями выборщиков, одну из которых возглавлял бывший ратушский бурмистр Михаил Андреев, вторую – его коллега Андрей Есеновский. Группа Есеновского выдвинула на должность президента Белгородского магистрата Осипа Морозова, против утверждения которого активно выступал Андреев, указывавший на его нарушения. Группу, возглавляемую Есеновским, поддерживал один из членов Главного магистрата. Однако и это не смогло обеспечить ей окончательной победы, поскольку у противников, очевидно, были связи как минимум в Белгородской губернской канцелярии. Об этом можно судить по эпизоду, который произошёл на самом ожесточённом этапе борьбы. Написав ряд доношений, члены «группы Андреева» поняли, что Главный магистрат едва ли поможет сместить уже утверждённого президента, несмотря на все его «непорядки». Более того, оттуда поступило распоряжение задержать для расследования самого Андреева, внятно не объявив, по какому поводу. 30 декабря 1746 г. взять Андреева под арест не дали его «сообщники», а «часу во втором ночи приехал... ко оному магистрату вице-губернатор Белгородской губернии Богдан Парсек и послал человека своего в магистрат. И стоящего в карауле посланного от Главного магистрата солдата Григория Черепанова отопхнув от дверей, то он, Андреев, вскочил к нему, Парсеку, на двор. И как оной караульной салдат выскочил за ним, Андреевым, того салдата отбили прочь, а ево, Андреева, в то время оной Парсек, посадя с собою в сани, с вышеписанными бывшими в том магистрате увез к себе в дом». В длительном конфликте Андреев сумел одержать верх. Задействовав свои связи с вице-губернатором, он подал доношение в Сенат мимо головы Главного магистрата, а также в Ревизион-коллегию и Коммерц-коллегию. Эти действия возымели желаемый эффект, и уже в декабре 1746 г. президента Осипа Морозова с товарищами отставили от должности, а Главному магистрату назначили штраф в 100 руб. за то, что он вовремя не отреагировал на доношения «группы Андреева»[20]. Этот случай уже привлекал внимание исследователей: о нём упомянул С.М. Соловьёв[21], апеллировал к нему и Б.Н. Миронов, отстаивая мнение, что в органах выборного городского управления в России XVIII в. всё же имелся существенный элемент самоуправления[22].

В изложенных случаях выборщики чётко понимали, интересы каких учреждений могут быть затронуты теми или иными действиями их противников, и, следовательно, знали принципы их работы. Более того, речь шла об учреждениях, с которыми купцы постоянно не взаимодействовали. Примером тому

---

[18] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 1498, л. 251.

[19] *Гущина Д.В.* Электоральная культура посадских жителей в русских городах 1720–1770-х годов: по материалам выборов в магистраты // Преподаватель XXI век. 2023. № 2–2. С. 251.

[20] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 700, л. 175, 188, 188 об.

[21] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. В 15 кн. Кн. 11. М., 1963. С. 403–404, 463–464.

[22] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 490.

служит обращение «правоверных» ржевских купцов к архиепископу Тверскому и Кашинскому.

Выборные практики и стратегии жителей посада не ограничивались хитроумным вовлечением в конфликт вышестоящих покровителей или центральных учреждений – такие яркие примеры крайне редки. Куда чаще использовались семейные или деловые связи, в частности, чтобы увеличить количество проголосовавших за того или иного кандидата. Подобные обвинения звучали, например, во время упомянутого выше конфликта в Белгороде в 1744–1746 гг. между группами Андреева и Есеновского. «Группа Есеновского» доносила о нарушениях противников: бурмистр Михайло Андреев «по злобе на оных президента и бургомистров» договорился со своими «родственники и свойственники, и з друзьями, и единомышленники своими белгородскими купцами с тестем своим Федором Щедровым и сватом Василием Денисовым с единомышленники Герасимом Муныкиным, Алексеем Евдокимовым, Афонасием Шевалдиным, Василием, Михайло и Родионом Бочеровыми». 23 ноября они собрались в ратуше и призвали посадских людей меньшей статьи «ему, Андрееву, способных, ис которых де единомышленников ево в то время многия находились весьма пьяни». Доносители отмечали, что бурмистр проводил выборы, не призвав первостатейных людей, и «нарекали в ратманы ево, Андреева, знатно по желанию ево да купцов Герасима Муныкина, Василия Бочерова»[23]. Указание на то, что Андреев привлекал своих родственников и «советников», повторяется в доношениях неоднократно. Это наводит на мысль о том, что Михаил Андреев действительно мог прибегать к такой стратегии, которая в глазах других посадских людей нарушала нормы выборного процесса.

В конфликте, развернувшемся в 1722–1724 гг. вокруг Брянского магистрата, также присутствовали родственные связи. Одна из групп, описывая свою версию побоища возле ратуши за право занять её, излагала: «В нынешнем году в феврале месяце в 15 числе означенный староста Давыдов с помянутым дядею своим Безчастновым и Сапошковым, да Гридиным, и Тереховым, верхней и нижней слобод с крестьяны Федотом Преженинovым, Гаврилом и Андреем Никулиными, Федор Шугалев с братьями их и свойственниками, и с посадскими Иваном Говядиновым, Иваном Климовым, Ильею Беляевым, Василием Абросимовым, Елизаром Пашиным, Никитой Ляховым, которые Пашин и Ляхов за воровство их биты кнутом и шельмованы публично, собрався их человек с шестьдесят и больше у оного Безчастнова во дворе, и напоя их пьяны, пришед к ратуше и таможне с копьеми, и с дубьем, и с камнями, и били салдат, которые присланы были указом Вашего Императорского Величества, и посадских людей»[24]. Здесь видим прямое указание на семейные связи, объединявшие представителей противоборствующей группы. Доносители делают акцент на том, что некоторые из выборщиков не соответствуют статусу «лучших мирских людей» в плане благонадёжности («биты кнутом и шельмованы публично»), либо вовсе не являются посадскими («верхней и нижней слобод с крестьяны»).

Такие же методы выборной борьбы можно наблюдать и в документах Ливенского магистрата. Из-за проволочек купечества выбранных в магистрат привели к присяге лишь в 1746 г. В должности бургомистра утвердили Дмитрия Алексеева сына Пронина, ратмана – Герасима Аносова. Спустя 10 лет

[23] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 700, л. 100.

[24] Там же, д. 37, л. 56 об.

выяснилось, что выборные отправляют свои обязанности не безупречно. 5 октября 1760 г. в Главный магистрат поступило доношение о том, что «оной ливенской ратуши бургомистр Дмитрий Пронин [совершал] неоднократные непорядочные поступки. Допустил в 759 и 760 году соль продавать бывшим перемышльским сборщикам, которые были у продажи в 758 г., и к сдаче соли принуждал битьем и обидами». Кроме того, бургомистр активно участвовал в споре с ливенскими купцами, которые имели поселения в пустоши Крюково: угрожал, что сожжёт их дворы, мешал межевать земли. Разбирательство не успели завершить – 2 марта 1761 г. Дмитрий Пронин умер. Уже 19 марта в Главный магистрат поступил выбор в бургомистры на его брата Ивана Алексеева сына Пронина. Ливенское купечество тут же сообщило, что тот «выбран не ими, а старанием своим и родственниками, и свойственниками ево, а не от ливенского купечества, да не более как 10 человеками. А оные купцы Ивана Пронина не выбирали, и чтоб он у них был бургомистром не желают»[25]. Главный магистрат велел назначить того, кто наберёт больше голосов, и Пронин потерпел поражение.

Во время конфликта во Ржеве обе противостоящие группы обвиняли друг друга в том, что основная масса проголосовавших за представленных кандидатов – родственники. Одна из групп полагала, что Василий Чюпятов «выбран в бургомистры записными раскольниками, многие из которых его родственники, родные и двоюродные братья, и прочие свойственники». Противоборствующая сторона прибегала к подобным же методам: на выборном сходе в августе 1752 г. разгорелся конфликт, в ходе которого поступили два выбора. Староста Клим Немилов предпочёл приложить руку к выбору «группы Чюпятова», поскольку, по его утверждению, «с их выбором на том совете почти никто кроме их, Орловых и Зетиловых, и их свойственников, и родственников, и работников не согласен был». В ответ Григорий Зетилов «изодрал» выборный приговор противников[26]. Несмотря на незаконность практики широкого привлечения родственников и свойственников к выборному процессу в глазах посадских жителей, в конфликтных ситуациях противоборствующие группы купцов не гнушались этой стратегией и прибегали к ней часто.

Родственные связи некоторых участников конфликта выходили за пределы одного посада. Яркий пример тому виден в деле о выборах в Алатырский магистрат. В 1744–1745 гг. между выборными вспыхнул конфликт, в котором ратман Пётр Гурьев обвинял президента Алатырского магистрата Ивана Герасимова в несправедливом распределении подрядов, укрывательстве воровства других посадских людей, а также в игнорировании объявленного «слова и дела государевых»[27]. По этим обвинениям Нижегородский магистрат по указанию Главного магистрата начал расследование. Вызванный в ноябре 1747 г. в качестве свидетеля в Нижний Новгород алатырский староста Фёдор Воронин показывал, что следствие велось следующими методами: едва прибыв в Нижний Новгород, Воронин с товарищами был отдан под караул, под которым провёл «без выпуску и дни с три». «Видя себе от того содержания великое изнурение», Воронин трижды просил освободить его, однако доношения его не приняли. Напротив, «более озлобясь, велели свесть под крылец, и заперли

[25] Там же, д. 727, л. 47, 54 об.
[26] Там же, д. 1498, л. 40, 273 об., 303 об.
[27] Там же, д. 1020, л. 17, 19, 52.

его и товарищей в маленькую, каменную, не имеющую печи студеную полатку, из которой де имеется одно маленькое оконце, и в той де полате содержаны дней с шесть, и за бывшими тогда великими мразы, а наипаче от пристрастия, едва не померли. И от того приключения ему, Воронину, великая болезнь. И из той студеной полатки брав его от онаго допрашивали с великими замятениями, при чем де более означенной бургомистр Гурьев... на него, Воронина, закричал с великим угрожением побои». Остальные свидетели, вызванные для следствия, в Нижегородский магистрат ехать «опасны... дабы от того [Нижегородского] магистрата не учинено было им какого изнурения и привлечения от оного магистрата к показанию неправости к пользе бургомистра Гурева». При этом такое «к нему, бургомистру Гуреву, чрез его происки от Нижегородского магистрата видимое дружество и в его неправде поможение» объяснялось просто: «президент Нижегородского магистрата Жуков Петра Гурьева брату Ивану свойственник, Иван живет у него, Жукова, в доме во услужении, по его, Жукова, и всего нижегородского купечества по делам в Москве имеет хождение»[28]. Связи Петра Гурьева не исчерпывались Нижним Новгородом. Его противники, сообщая о пристрастном следствии в Нижегородском магистрате, просили перевести производство следствия в другой город Казанской губ., кроме Сызрани, где у Гурьева имелись свойственники[29].

Этот эпизод в красках демонстрирует, какие преимущества давало родство со служителями провинциальных и губернских магистратов. Родственные связи в магистратах других городов имелись не только у Петра Гурьева. Как отмечает А.А. Кизеветтер, практика присылки служащих была достаточно распространена в ситуациях, когда конфликт обострялся настолько, что посад уже не мог решить его самостоятельно[30]. Когда выборный конфликт 1720-х гг. в Брянске достиг предельного накала, Главный магистрат велел прислать для решения дела представителя Калужского или Трубчевского магистрата. В ответ на это решение в Главный магистрат поступила челобитная от брянских посадских жителей, что трубчевский бургомистр – «сродник» представителю противоборствующей группы Василию Кольцову[31].

Методы внутрипосадской выборной борьбы не ограничивались привлечением родственников. За противников голосовали их работники или деловые партнеры. Так было во время выборов во Ржеве в июле 1752 г., когда несколько купцов, включая предводителей одной из противоборствующих групп Зетилова и Орлова, собрались вместе с работниками их кружечного двора – ржевскими посадскими людьми, целовальниками, что были «само маломожные», и, написав от себя приговор, вписали бургомистром Дмитрия Орлова[32]. К таким же методам прибегала одна из противоборствующих групп в Белгороде: избранный в президенты Осип Морозов во время одного из сходов пришёл с лояльными ему бургомистрами Нижегородцевым и Лашиным, а также с бывшим ратушским бурмистром Есеновским «с детьми, родственниками, и племянниками, и работниками». При этом на сходе президент Морозов «сел в судейское место, кричал... и необычно бранил скверными словами», и пришедшие вместе с ним

[28] Там же, л. 52, 122 об., 123, 124.
[29] Там же, л. 124.
[30] *Кизеветтер А.А.* Указ. соч. С. 767–771.
[31] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 82, 87.
[32] Там же, д. 1498, л. 273.

«дети и племянники кричали необычайно и бранили, и всех купцов, кои на том сходе были, (Морозов) уграживал... и выбирать тогда не дал, и грозил бить»[33].

Привлечение к выборам собственных работников, очевидно, порицалось как по причине зависимости их от хозяина, так и в силу того, что в работниках были в основном люди «маломожные». Из приведённых примеров видно, что родственники и работники могли не только увеличить число рукоприкладств под «нужным» выбором, но и оказать давление на присутствующее на сходе купечество.

В выборной борьбе посадские люди прибегали не только к вертикальным деловым связям – работали и связи горизонтальные. В группы объединялись купцы, связанные общим статусом и единой областью производства. Пример тому можно наблюдать в стратегиях, выстраиваемых соляными промышленниками в Балахне и Старой Руссе. Избранные в 1744 г. в Балахнинский магистрат в бургомистры Пётр Семёнов сын Латухин и в ратманы Иван Окулов и Иван Обросимов сразу объявили в Главный магистрат, что они люди одинокие и к службе неспособные. Доносители отмечали, что выбравшие их соляные промышленники «сочинили выбор непорядочно, видно, что для свободы своей», и просили у Главного магистрата дозволения выбирать в магистрат «достойных», а их отставить[34]. Отразившиеся в выборном деле многократные попытки балахнинского купечества привлечь к службе в магистрате соляных промышленников не увенчались успехом. Последние действовали как единая группа, движимая общими интересами и имеющая общую стратегию, которая заключалась в уклонении от возможной службы и, вероятно, в выдвижении на магистратские должности людей менее состоятельных, которыми проще манипулировать.

В Старой Руссе соляные промышленники объединились против выбора в должность ратмана Лазаря Фёдорова сына Бабкина, мотивируя это тем, что тот сам имеет соляной промысел и прежде «чинил обиды другим промышленникам и ради такой корысти и стремится в магистрат»[35]. Промышленники писали также, что соляной промысел есть у избранного в ратманы Михаила Игнатьева сына Олочанинова. Выяснилось, однако, что Олочанинов в соляных промышленниках быть не желает, и поэтому отрешать его от магистратской должности нет причины. Остальные посадские жители, противостоявшие выбору соляных промышленников, поднимали перед Главным магистратом вопрос о том, должны ли последние, будучи освобождёнными от служб и не испытавшие вместе с посадом «обиды и отягощения», голосовать на мирских советах. От их присутствия на сходах, по словам челобитчиков, «старорусскому купечеству немалое помешательство» происходит, поскольку «многих выбирают в недостойныя службы и чинят несносную обиду, а других по свойству и по дружбе своей обличают (поучают, наставляют. – *Д.Г.*)»[36]. Здесь можно видеть реализацию в выборных решениях групповых интересов соляных промышленников, на которые влияли и их личные связи. Интересно, что в данном случае право голоса на мирских советах посадские люди понимали как нечто, что необходимо подтверждать участием в делах посада, выполнением утомительных для общины служб и несением платежей.

---

[33] Там же, д. 1020, л. 101–101 об.

[34] Там же, д. 627, л. 10–11.

[35] Там же, д. 477, л. 40 об.

[36] Там же, л. 37.

Объединение группы соляных промышленников внутри посада и их совместные решения не выглядят удивительными – освобождённые от многих тягот посадской жизни и поставленные в исключительное положение, они были противопоставлены основной массе посадского населения самим решением законодателя. Интересно, что соляные промышленники всеми силами избегали магистратской службы, тогда как обязанности магистратских служителей, по их же собственному утверждению, сулили бы им выгоды. Вероятно, действительные выгоды от магистратской службы для этих групп посадского населения оказались куда меньше, чем доход, который они могли извлечь, занимаясь своей обычной деятельностью. Это подтверждают и выборы в Московский магистрат 1720-х и 1740-х гг., во время которых выдвинутые посадским сходом фабриканты не изъявили желания отказаться от данного им освобождения от служб в пользу магистратского служения[37].

Посадские люди задействовали деловые и родственные связи не только для того, чтобы получить магистратские места, но и, как показывает пример соляных промышленников Старой Руссы, чтобы уклониться от них. В том же Старорусском посаде видим ещё один пример такого уклонения: по доношению тех же соляных промышленников староста Гаврила Козочкин противодействовал их выбору, «не желая быть брату своему по выбору соляных промышленников в ратманах»[38].

Сохранилась записка орловского купца Якова Неручева, избранного в президенты Орловского магистрата. В ней он обратился с просьбой к бывшему в то время в Москве орловскому купцу Михаилу Шушлонову: «Проси в Главном магистрате, чтобы соблаговолил Главный магистрат в Орловский магистрат послать указ о выборе на место меня президента знатнова и пожиточного»[39].

Очевидно, что посадские люди в выборных процессах нередко задействовали широкие сети родственных, деловых и иных личных связей, подчас выходящих далеко за пределы их посадов. Вероятно, широта и масштаб этих связей во многом определялись спецификой их деятельности, предполагавшей регулярное и активное взаимодействие как с земляками, так и поездки в другие города. Впрочем, они определялись в том числе степенью финансовой состоятельности купцов. Особенно это заметно в случае с привлечением к выборам собственных работников. Принципиально важно, что участие в этом процессе родственников рассматривалось посадскими жителями как грубое нарушение, и не всегда гарантировало победу в выборной борьбе. Главный магистрат гибко подходил к утверждению служителей городских магистратов и мог предпочесть кандидатам, избранным большинством, тех, кого выдвинули наиболее состоятельные купцы. Один из таких случаев отразился в документах о выборах в Московский магистрат в 1744 г.[40] Главный магистрат, имевший присутствие в Москве, хорошо знал московское купечество. В удалённых от центра городах попытка одержать верх в борьбе за счёт перевеса в голосах имела шанс на успех.

Наиболее же грубым и прямым методом выборной борьбы было физическое насилие: запугивание и побои, принуждение посадских жителей подписываться под выбором, драки на избирательных сходах или перед присутствен-

---

[37] *Муравьёв А.В.* Образование московского магистрата // Вестник Московского университета. Сер. История. 1963. № 3. С. 67; *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество... С. 118.

[38] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 477, л. 6.

[39] Там же, д. 964, л. 27–27 об.

[40] Там же, д. 269, л. 20.

ным зданием. Правда, такие эпизоды возникали нечасто. К примеру, в Брянске в 1720-х гг. представителя одной из противоборствующих внутрипосадских групп Фому Сурнина обвиняли в многочисленных нарушениях: он «своевольством своим, без совету земского старосты и знатных посадских людей, соглася с саможелатели в те чины выбрал»; он и его единомышленники «за неприкладывание к выбору их рук чинят брянским посадским людям многие нападки и разорения. И земского старосту Григория Давыдова били смертным боем дубьем, а других держат под караулом, принуждая их, дабы к выбору их прикладывали руки»[41]. «Группа Сурнина» также доносила в Главный магистрат на бургомистра Безчаснова в том, что он и его единомышленники «били салдат», «других же посадских февраля в 14 по 15 число в полдня, захватя оный озарник Безчаснов на двор свой, с единомышленником своим били смертным боем и держали во дворе своем во мшенике судки и мучили в железах безвинно». На Безчаснова жаловались, что он «бьет дубьем и батоги безвинно, смертно. И впредь ухваляется ж переловить по одному человеку и бить до смерти», «из дворов наших... забрал жен и детей наших... безвинно хватает и держит в том дворе под караулом». Сложно сказать, какую информацию из этих эмоциональных доношений, написанных на острие конфликта, следует принимать за действительную, а какую стоит отмести как попытку очернить противника. Несомненна лишь реальность массовой драки перед ратушей, в результате которой были взяты под стражу наиболее активные представители обеих групп посадских людей. При помощи присланного из Калужского магистрата Семёна Ложечникова удалось собрать многолюдный выборный сход, и на нём большинством голосов победили представители «группы Безчаснова»[42].

Остальные примеры насилия, связанного с выборами в учреждения городского управления, не так масштабны. В ходе выборного конфликта в Белгороде представители «группы Есеновского», если верить доношениям их противников, принуждали посадских жителей «к выбору подписаться»; принадлежавшие к той же группе Осип Морозов и Илья Нижегородцев, «пришед в ту ратушу, уграживали оных купцов побоем, а потом де оной Морозов знатного купца Шевалдина бил смертно». Осип Морозов, Илья Нижегородцев, и Андрон Лашин во встречном доношении отвергали эти обвинения, назвав их «оклеветанием»[43].

Жаловались на многочисленные нарушения и насилия на выборных сходах и жители Ржевского посада. В 1754 г. ратманы Вяземского магистрата и Осташковской ратуши Масленников и Крюков, присланные во Ржев для «исправления дел», склонились на сторону «правоверных» купцов. Их нападкам подвергся лояльный старообрядцам ржевский староста Максим Арефьев: 27 января 1755 г. Масленников приказал рассыльщикам отвести его в холодную избу под караул, «в которой и содержался долгое время, и от жестокостей морозов едва не умерщвлен. В земской избе [Масленников] хотел старосте Арефьеву без всякой винности спину батожьем опороть публично, а некоторых купцов тогда ж приказал в настульные цепи посажать». Пострадал от рук Масленникова и староста Андрей Долгополов: его ратман, «призвав в квартиру без всякого резону, сгребши за волосы, ударил оземь, бил тапунками и везовою палкою немилостиво, от которые побои и ныне имеет на себе боевые знаки».

---

[41] Там же, д. 37, л. 1 об.–2 об.

[42] Там же, л. 57 об.–58, 154.

[43] Там же, д. 700, л. 41 об.–42, 99 об.–100.

По утверждению доносителей, ратман Масленников по сговору с Орловым препятствовал выборам в службы 10 января 1755 г., приходил в земскую избу и пытался выдвинуть тех, кто дал ему взятку 120 руб.[44] Последнее обвинение было особенно тяжёлым: указом 24 декабря 1714 г. всем чинам, включая купецкие, «какое звание оные не имеют»[45], запрещалось брать любые посулы под страхом жестокого наказания вплоть до смертной казни.

Все эти свидетельства в деле дополнены красочными описаниями нарушений, которые совершала противоборствующая группа старообрядцев. Противники бургомистра Василия Чюпятова указывали, что он в «нижних магистратских покоях... чтобы во всем было по его прихотям, склонны сделать тюрьму... где уже многих за свои собственные злобы и содержал, а других, напився пьян, и бил своими руками». В 1751 г. соляной голова Дмитрий Ваулин доносил, что «реченой де бургомистр Чюпятов, хотя неправельно подряд соли закрыть, захватя ево во Ржевский магистрат, держал и мучал в чепи 8 дней, и ограживал, чтоб он от такого доказательства отстал. А целовальник, имеющийся при продаже в 751 г. соли, Степан Петров сын Поярков Ефима Нелюбова бил и мучал ботожьем, и велел им показать на него напрасно, якобы он у них брал деньги без ларечного, чего де отнюдь не бывало». Доноситель просил «бургомистра Чюпятова отрешить, и ибо де он, имея присутствие, всякому, как то ныне оказалось, чинит пристрастие, и затем де опасны будут ево изобличать». Покуда же бургомистр не отставлен от дел, посадские жители «не могут, за ево, бургомистра, страхом и нападением, доказывать никак невозможно, чтоб не быть от него в крайнем истязании»[46].

Доношения и челобития не всегда дают возможность выяснить, насколько правдивы звучащие в них обвинения. Предположу, что, когда выборная борьба достигала пика, в ход могло идти прямое насилие и самые грубые методы принуждения. Они могли твориться годами, поскольку медлительные действия Главного магистрата были не в состоянии решить конфликт оперативно.

В главе IX Регламента Главного магистрата законодатель отметил бедственное положение купечества: «Купецкие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва ли не все разорены, от чего оных весьма умалилось, и уже то есть не без важного государственного вреда»[47]. Именно для исправления этой печальной действительности был создан Главный магистрат и подчинённая ему сеть городских магистратов.

Таким образом, в ходе выборов в городские магистраты русское купечество применяло различные стратегии и практики, многие из которых проистекали из их навыков и знаний, а также специфики торговой деятельности. Они взаимодействовали с разнообразными учреждениями, защищали свои интересы, ориентируясь в законодательстве, иногда перед лицом куда более привилегированных противников, например перед представителями местной администрации[48]. Их уверенные знания законодательства, а также принципов

---

[44] Там же, д. 1498, л. 358 об., 359.

[45] ПСЗ-I. Т. 5. № 2871. С. 135.

[46] РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 1498, л. 93 об.–94, 101 об.

[47] ПСЗ-I. Т. 6. № 3708. С. 296.

[48] Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления. СПб., 1908. С. 99.

работы и взаимодействия государственных учреждений говорят о весьма высоком уровне правовой и политической культуры русского купечества в целом.

Н.В. Козлова привела слова неизвестного купца, подавшего свой проект в 1760-х гг. в Комиссию о коммерции: «А ныне, принеся казне большой доход, купцы почтения и рангу себе больше не заслужат, как двух имян, первое – мужик сорокалтынный, второе – подлой человек»[49]. В этой цитате отражается и осознание пользы и ценности купечества для государства, и горечь от его униженного положения. Посадские люди сознавали, что приносят доход государству. Это отразилось в их выборных практиках – способность выплачивать «государевы сборы» становилась одним из главных аргументов и даже средством манипулирования. Более того, подчиняя свои доношения и челобитные логике центрального учреждения, посадские люди подчас ставили возможный ущерб казне превыше здоровья и жизни. Это, впрочем, говорит скорее о прагматичном осознании своего положения в структуре Российского государства, нежели об искреннем беспокойстве за государственный интерес.

Широкие горизонтальные и вертикальные социальные связи, которые подчас задействовались купечеством в выборном процессе, также являлись специфической чертой, проистекавшей из особенностей их деятельности. Они безусловно осуждались и иногда служили поводом к аннулированию выборов. К таким практикам, однако, мог прибегнуть далеко не каждый посадский человек – для привлечения на свою сторону большого количества «сродников» и «сообщников» он должен был иметь авторитет и состояние. Готовность к насилию добавляет специфический штрих к портрету выборщика. Однако в большинстве случаев посадские люди воздерживались от угроз, драк и побоев.

Медлительность и неповоротливость Главного магистрата, иногда годами решавшего конфликтное дело, давали простор применению разнообразных выборных стратегий и практик – от самых грубых до весьма неожиданных и сложных, требующих специальных знаний. Применялись эти практики, как правило, одними и теми же людьми, легко позволявшими себе брань, угрозы и физическое насилие, но при этом обладавшими специфическими знаниями и навыками.

[49] *Козлова Н.В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Русский город XVIII века. Исследования разных лет. М.; СПб., 2023. С. 377.

Итальянцы в дореформенной Москве: единая общность или конгломерат отдельных лиц?

Олег Ларюшкин

Italians in prereform Moscow: a single community or a conglomerate of individuals?

Oleg Laryuschkin
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020047

По наблюдению известного специалиста в области итальянистики Е.С. Токаревой, тема пребывания итальянцев в России, в том числе и в Москве, «разработана гораздо меньше, чем её зеркальное отражение» – русские в Италии[1]. С одной стороны, историко-искусствоведческие исследования показали, что выходцы с Апеннинского полуострова появились в Первопрестольной уже в Средние века, и, например, на протяжении нескольких столетий играли одну из определяющих ролей в сложении архитектурного облика русской столицы и её сердца – Кремля[2]. Известно также, что помимо деятелей искусств в Москве оказывались итальянские путешественники, представители духовенства, купцы и т.д.[3] С другой стороны, имеющиеся наработки традиционно сосредотачиваются на анализе творческой биографии отдельных личностей или характеристике деятельности небольших, относительно узкоспециализированных групп и не позволяют сформировать представление о положении итальянцев в Москве в целом.

С началом императорского периода приток западноевропейцев в Россию заметно увеличился, а их социальное происхождение, образовательный и куль-

© 2026 г. О.В. Ларюшкин

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0005 «Народы России: межэтнические проблемы и этносоциальное развитие», НИОКР 125022002762-3).

[1] *Токарева Е.С.* Итальянцы в России: обзор тем и исследований // Россия–Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. М., 2013. С. 15.

[2] См.: *Талепоровский В.Н.* Кваренги. Материалы к изучению творчества. М.; Л., 1954; *Красовская В.М.* Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. Л.; М., 1958; *Листов В.Н.* Ипполит Монигетти. Л., 1976; *Коршунова М.Ф.* Джакомо Кваренги. Л., 1977; *Пилявский В.И.* Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник. Л., 1981; *Подъяпольский С.С.* Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М., 1983. С. 34–50; *Подъяпольский С.С.* Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI века // Советское искусствознание. М., 1986. № 20. С. 62–91; *Подъяпольский С.С.* Итальянские мастера в России XV–XVI веков // Россия и Италия. Вып. 4. Встреча культур. М., 2000. С. 13–28; *Михайлова М.Б.* К вопросу о месте Кваренги в архитектуре неоклассицизма // Джакомо Кваренги и неоклассицизм XVIII века: к 250-летию со дня рождения архитектора. Тезисы докладов конференции. СПб., 1994. С. 6–10; *Выголов В.П.* К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 234–245; *Потькалова А.* К вопросу о деятельности архитектора Франческо Кампорези (1747–1831) в Москве // Фёдорово-Давыдовские чтения'99. М., 2000. С. 41–47; *Покровская З.К.* Осип Бове. М., 1999.

[3] Подробнее см.: *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва. М., 1997. С. 231–234; *Токарева Е.С.* Итальянцы в России... С. 17–20.

турный уровень, профессиональный состав и другие характеристики стали значительно разнообразнее. Со времён Петра I они всё сильнее встраивались в российскую социальную структуру. Так, только в московское гильдейское купечество в середине XVIII – середине XIX в. вошли более 1 тыс. немцев и свыше 400 французов. Третье место по численности в этой категории заняли итальянцы – 67 человек[4]. Усилению интеграции иностранцев на общероссийском уровне способствовал ряд законов, принятых в начале XIX в. С 1807 г. для проживания в России иноземцам требовалось принять российское подданство[5]. По указам 1806–1808 гг. выходцы из подконтрольных Наполеону территорий (в том числе из Королевства Итальянского, Генуи, Королевства Неаполитанского), а также все французы, попавшие в Россию с 1793 г. и желавшие в ней остаться, должны были присягнуть российскому императору с клятвенным обещанием в том, что они не поддерживают отношения с французским правительством[6].

Между тем изучение положения различных этнических групп в московском обществе развивается неравномерно. Пристальное внимание уделяется анализу деловой, общественной и культурной жизни, а также бытовых практик среди французов и немцев. Исследователи полагают, что внутри этих групп выстраивались земляческие или подобные им отношения[7]. В настоящей работе ставится вопрос о том, насколько эта тенденция была характерна для итальянцев, представляли ли они из себя относительно консолидированную общность или перед нами выступает конгломерат разобщённых лиц? Для ответа на него прежде всего необходимо систематизировать сведения об их социальных характеристиках, выяснить, насколько часто они поддерживали друг друга в деловой сфере и как часто устанавливали матримониальные связи в сравнении с представителями других национальностей, а также имелась ли у них возмож-

---

[4] *Ларюшкин О.В.* Лица иностранного происхождения в составе московского купечества (середина XVIII – середина XIX в.). М., 2023. С. 49, 56–66.

[5] ПЗС–I. Т. 29. № 22371. С. 884.

[6] Там же. № 22371. С. 884–891; № 22418. С. 973–976; № 22533. С. 1191–1193. Интересны наблюдения над составом московских жителей, привлечённых к следствию за сотрудничество с французскими войсками в 1812 г. По подсчётам Е.Г. Болдиной, среди 132 имён только одно принадлежало итальянцу – О. Бекаделли. Он служил переводчиком при комиссариате Муниципалитета (*Болдина Е.Г.* О деятельности Высочайше учреждённой комиссии для исследования поведения и поступков некоторых московских жителей во время занятия столицы неприятелем // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IX всероссийской научной конференции, Бородино, 4–6 сентября 2000 г. М., 2001. С. 45; см. также: ЦГА Москвы, ф. 46, оп. 8, д. 379).

[7] Немцы в Москве: исторический вклад в культуру столицы. Международная научно-историческая конференция, посвящённая 850-летию Москвы (Москва, 5 июня 1997 г.). М., 1997; *Захаров В.Н.* Вступление немецких купцов в московское купечество в 40-х – 70-х гг. XVIII в. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 100–121; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле в XVIII в. М., 2005; Московские немцы. Четыре века с Россией / Сост. Л. Дементьева, Ю. Петров. М., 1999; Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI – начало XX вв. Материалы международной научной конференции (15–16 февраля 1999 г.). М., 1999; *Курило О.В.* Лютеране в России. XVI–XX вв. М., 2002; Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки / Авт.-сост. В.М. Егоров-Федосов. М., 2005; *Ржеуцкий В.С.* Французы на русских дорогах: роль иммиграционной политики России 1760-х гг. в формировании франкоязычных землячеств Санкт-Петербурга и Москвы // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 190–197; *Ржеуцкий В.С.* История французского землячества в России в XVIII – начале XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 5. М., 2003. С. 30–55; Большое будущее. Немцы в экономической жизни России / Под ред. Д. Дальманна, Т. Игумновой, К. Хеллера, Ю. Петрова, К. Рашке. М., 2000.

ность представительства в органах городского управления и насколько интенсивно они ею пользовались.

Следует отметить, что связанная с заявленной проблемой источниковая база достаточно обширна, но в хронологическом отношении неоднородна. Важнейшим ресурсом для определения численности итальянцев, обосновавшихся в Москве, несомненно, являются метрические книги римско-католической церкви Святых Петра и Павла[8] – центра религиозной жизни не только уроженцев Апеннинского полуострова, но и поляков, а также не принадлежавших к протестантским течениям немцев. До 1845 г. храм располагался в Немецкой слободе, затем богослужения стали проходить в новом здании, построенном архитектором А.О. Жилярди в Милютинском переулке (Мясницкая часть). Между тем метрические книги до 1812 г. уничтожил пожар, охвативший город при его занятии войсками Наполеона. За следующие несколько лет сохранились лишь отрывочные записи, а регулярные – только с 1817 г.[9] Очевидно, что часть упомянутых в метрических книгах итальянцев поселились в Москве значительно раньше – в конце, а то и в третьей четверти XVIII в. Восстановить персональный состав таких «ранних» иммигрантов удаётся только в том случае, если они вступили в состав московского гильдейского купечества. Этому способствуют, прежде всего, опубликованные Н.А. Найдёновым материалы ревизий и приговоров купеческого общества[10] и находящиеся в ЦГА Москвы документы городового магистрата (ф. 32), купеческого общества (ф. 2) и купеческой гильдии (ф. 397). Те же источники позволяют определить статус части итальянцев, отмеченных в метрических книгах церкви Святых Петра и Павла.

Не столь подробны, но не менее выразительны сведения адрес-календарей и материалов канцелярии дворянского депутатского собрания[11] (в последних приведены формулярные списки и метрические свидетельства), с помощью которых можно идентифицировать государственных служащих и дворян итальянского происхождения. Несомненный интерес представляют документы Экспедиции Кремлёвского строения, реорганизованной в 1831 г. в Московскую дворцовую контору, где состояло немало архитекторов, скульпторов и художников, приехавших из Италии[12]. Итальянские имена встречаются и в других источниках, например в коммерческих объявлениях, размещённых в газете «Московские ведомости».

Под итальянцами в настоящей работе понимаются жители Москвы итальянского происхождения в первом или, реже, втором поколении. Среди них уроженцы Болоньи (Д. Альбертацци, Ф. Кампорези), Рима (С. Тончи), Ломбардии (Л. Депедри, С.П. Кампиони, И.П. Рубини), Пьемонта (Я. Фассолино) и других «коренных» итальянских городов и земель, а также выходцы с Корсики (И. Ристори) и из Швейцарии (представители фамилии Жилярди, А. Кроаза). Некоторые лица отнесены мною к итальянцам с меньшей долей уверенности. Так, не исключено, что родившийся на Сардинии Е. Маурициий в действительности имел греческие корни. Большинство учтённых персон со временем приняли российское подданство.

---

[8] ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2.

[9] До 1827 г. метрики велись на латыни, а затем – на русском языке.

[10] Материалы для истории московского купечества (далее – МДИМК) / [Сост. Н.А. Найдёнов]. Т. 1–9. М., 1883–1889.

[11] ЦГА Москвы, ф. 4.

[12] РГАДА, ф. 1239.

Точное число итальянцев, проживавших в Москве в первой половине XIX в., назвать сложно. В метрических книгах храма Святых Петра и Павла за 1817–1850 гг. упоминаются 192 итальянские фамилии, к которым принадлежали 475 человек (новорождённые, их кровные и крёстные родители; вступающие в брак и свидетели; умершие). Однако метрики составлялись в связи с конкретными событиями (рождением, крещением, венчанием, смертью), из-за чего могут включать не всех итальянцев, поселившихся в городе. На основании записей о крещении можно предположить, что численность итальянцев в Москве достигла максимума в 20-х гг. XIX в., после чего пошла на спад. Так, в 1821–1830 гг. крестили 83 детей, в 1831–1840 гг. – 42, а в 1841–1850 гг. – 27. За 1816–1850 гг. было совершено 195 таинств, причём 13 из них – в 1827 г. К 1831 г. относятся 10 крещений, к 1821, 1824, 1825, 1828 и 1834 гг. – по 9, в другие годы – меньше[13]. При этом выявлена 201 запись об умерших итальянцах в течение 1812–1847 гг. Из них 33 сообщают о смерти младенцев до года (17%) и 53 – о детях от года до пяти лет (26%)[14].

В архиве этого же храма выявлена ведомость лиц римско-католического вероисповедания, составленная в 1850 г. По ней, в Москве проживали 73 итальянца[15]. Однако эти данные, скорее всего, неточны. Например, достаточно странным выглядит отсутствие у подавляющего большинства из них записей о составе семьи (на этом основании можно было бы предположить, что речь идёт об одиноких людях либо о том, что родные остались в Италии). Исключения касаются лишь шести глав семейств: московских купцов И. Дациаро и А. Монигетти, купчихи первой гильдии М.А. Кампиони, красильного мастера И. Абли, римского подданного К. Мафея, учителя П.-Л. Кроазы[16]. Вместе с тем в ведомости нет упоминаний о Дж. Амадио, Ю. Джионини, Н.С. Кампиони, Дж. Курти, Л. Педотти и П.И. Поцци, хотя все они были католиками и известны по спискам московского купечества за 1834 и 1851 гг.[17]

До начала XVIII в. западноевропейцы должны были селиться в Немецкой слободе, расположенной к востоку от Земляного города, но постепенно зона проживания лиц иностранного происхождения в пределах Москвы всё больше размывалась, и в XIX столетии они при выборе места жительства руководствовались, скорее, удобством с точки зрения профессиональной деятельности. Если говорить об итальянцах, то в первой половине века в городе не выделялось какого-либо очага компактного их расселения. Однако те, кто был связан с предпринимательством, предпочитали дома ближе к деловому центру – в Мясницкой и Тверской частях Белого города[18].

В одной из граф упомянутой выше ведомости отмечался домашний адрес итальянцев. В 1850 г. больше трети из них (25 из 73) обосновались на территории Сретенской части, на севере Земляного города. Ещё 21 человек поселился в Тверской части, а 12 – в Мясницкой[19]. Следует отметить, что выбор Сретенской части в рассматриваемый период был нетипичен для западноевропейцев,

---

[13] Подсчитано по: ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 3, 4, 8, 11, 15, 17, 22.

[14] Подсчитано по: Там же, д. 5, 9, 13, 19, 20.

[15] Подсчитано по: Там же, д. 25.

[16] Там же, л. 22, 102, 119, 122.

[17] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2796, 3632, 3728; ф. 32, оп. 11, д. 8737; МДИМК. Т. 7. С. 159–160; Т. 8. С. 38, 58, 172, 176.

[18] Подробнее см.: *Ларюшкин О.В.* Лица иностранного происхождения... С. 141–176.

[19] Подсчитано по: ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 25.

обычно стремившихся найти жильё в центре города. Возможно, выявленная по ведомости 1850 г. зональность расселения итальянцев обусловлена неполнотой данного источника.

С точки зрения российской социальной структуры, проживавшие в Москве итальянцы делились на две группы. Одни состояли на гражданской или военной службе, другие принадлежали к городским сословиям, вступая в число гильдейских купцов, мещан и цеховых ремесленников. Однако это разделение носит достаточно общий характер и не отражает картину адаптации иноземцев в новом социуме. Так, даже в составе гильдейского купечества оказывались не только торговцы, но и содержатели литографических или скульптурных мастерских. По фактической сфере своей деятельности они приближались к служившим в государственных ведомствах архитекторам, скульпторам и художникам. Последних же роднила с общей массой чиновничества лишь иерархия канцелярских званий и табельных чинов.

Род деятельности определён в отношении 96 уроженцев Италии, проживавших в Москве в первой половине XIX в. 67 человек (69,8%) состояли в московском купечестве, причём специализацию предпринимательской деятельности удалось установить для 43 из них. Так, шестеро (П. Борелли[20], И.-Б. Борци[21], Й. Викиари[22], И. Дациаро[23], Ж. Негри[24], И.К. Нолчини[25]) владели литографическими мастерскими, производившими эстампы для рисования фигур и ландшафтов. Четверо (О. Бачерини[26], Л. Гондати[27], С.П. Кампиони с сыном Александром[28]) содержали заведения по изготовлению скульптур. Среди последних наиболее известен уроженец Ломбардии Сантин Петрович Кампиони (1774–1847), переселившийся в Москву предположительно в 1795 г. Открытая им мастерская просуществовала более полувека, в ней изготавливались мраморные и бронзовые орнаменты, украсившие, в частности, церкви при Голицынской и Шереметьевской больницах, приделы в Новоиерусалимском монастыре, здание Благородного собрания, усадебные дома гр. А.К. Разумовского на Гороховом поле, гр. Н.П. Шереметева в Останкино, кн. Н.Б. Юсупова в Архангельском. Во время французской оккупации Кампиони привлекался к переплавке церковных предметов из драгоценных металлов в плавильне, устроенной в Успенском соборе Кремля[29]. На Московской выставке мануфактурных изделий в 1843 г. он представил бюсты Екатерины II, Александра I, Николая I, богини Венеры, фигуру Купидона и другие композиции, выполненные из белого каррарского и серого итальянского мрамора, бронзы, лазурита (ляпис-

---

[20] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 51, л. 38 об. (№ 152); д. 66, л. 104; д. 77, л. 6 об. (№ 233); д. 940, л. 2 (№ 7); д. 1280, л. 1 об. (№ 5); д. 1619, л. 15 (№ 3); д. 2049, л. 16 об. (№ 3).

[21] Там же, д. 51, л. 35 об.; д. 66, л. 103; д. 77, л. 6 об. (№ 207); ф. 32, оп. 11, д. 6685; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 20 об., 137 об.

[22] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 124, л. 30; д. 178, л. 136.

[23] Там же, д. 1723, л. 1 об. (№ 6); д. 2645, л. 7 (№ 36).

[24] Там же, д. 165, л. 10 (№ 39).

[25] Московские ведомости. 1819. 25 октября. № 86. С. 2226 (№ 21).

[26] ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 2053, л. 7 (№ 50).

[27] Там же, д. 2645, л. 12 об. (№ 77); д. 2936, л. 9 об. (№ 55).

[28] *Н.С.* Кампиони // Русский биографический словарь. [Т. 8]. Ибак – Ключарёв. СПб., 1897. С. 445. Указатель третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. М., 1843. С. 159.

[29] Москва и Отечественная война 1812 г. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. В 2 кн. Кн. 1. М., 2012. С. 161.

лазури) и прочих материалов, а его сын экспонировал два камина из белого мрамора[30].

Четверо итальянцев специализировались на торговле парфюмерией (П. Викиари[31], А. Джюберти[32], Е. Котдиколо[33], П. Панки[34]), девять человек – в гастрономии (А. Бавастро[35], Л. Депедри[36], Дж. Курти[37], А. Монигетти[38], К. Монигетти[39], К. Мора[40], П. Сори Фонари[41], И. Торриани[42], И. Турьяне[43]), шестеро – в продаже «разных товаров» (Дж. Амадио[44], М. Амуретти[45], И. Джилуани[46], Дж. Поцци[47], Л. Треска[48], С.Я. Черфолио[49]), по трое – в торговле табаком (О.И. Берера[50], А. Гамботи[51], И. Дотти[52]) и галантерейными товарами (Г. Викиари[53], В. Тесари[54], А. Триака[55]). Выявлены два торговца модными дамскими уборами (С.И. Манелли[56], А. Мацолли[57]) и два содержателя гостиниц (П. Контю[58], Т. Натуччи[59]), а также торговец картинами (Ж. Негри[60]), кондитер (Л. Педотти[61]), нотариус (А.Б. Дотти[62]), ювелир (Ю. Жионини[63]). Среди перечисленных лиц следует отметить Депедри, который принимал желающих на обучение кондитерскому искусству. В его лавке «Л. Депедри и компания»

---

[30] Указатель третьей в Москве выставки... С. 159, 319.

[31] ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 1, д. 10, л. 422; оп. 2, д. 51, л. 37 об. (№ 149); д. 66, л. 104; д. 77, л. 31 об. (№ 160); ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 37; д. 178, л. 117 (№ 74).

[32] Там же, ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 32; д. 173, л. 69 об. (№ 69); д. 178, л. 136; д. 180, л. 186 об. (№ 1741).

[33] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 165. л. 31 об. (№ 129); ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 127.

[34] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 77, л. 8 (№ 206).

[35] Там же, д. 2651, л. 16 об. (№ 126); ф. 3, оп. 2, д. 686а, л. 150 об.–151.

[36] Московские ведомости. 1816. 23 декабря. № 103. С. 4151.

[37] Там же. 13 декабря. № 99. С. 3096; ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 940, л. 17 об. (№ 119); д. 1280, л. 2 (№ 12).

[38] ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 418, л. 24 об. (№ 106).

[39] Там же, д. 2067, л. 1 (№ 3).

[40] Там же, д. 2639, л. 14 об. (№ 100).

[41] Там же, ф. 32, оп. 3, д. 5044.

[42] Московские ведомости. 1812. 30 ноября. № 97. С. 1812; ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 417, л. 23 об. (№ 104); д. 418, л. 13 (№ 60).

[43] ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 165, л. 30 (№ 122).

[44] Там же. д. 1622, л. 3 (№ 18); д. 2053, л. 20 (№ 152); д. 2564, л. 5 (№ 22); д. 2639, л. 9 (№ 59).

[45] Там же, д. 1622, л. 3 об. (№ 23).

[46] Там же, ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 17 об.

[47] Там же, оп. 2, д. 208, л. 67 (№ 8).

[48] Там же, д. 2103, л. 58 об. (№ 4).

[49] Там же, оп. 1, д. 179, л. 49.

[50] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 51, л. 35; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 57; д. 178, л. 124; д. 180, л. 112 об. (№ 497).

[51] Там же, ф. 32, оп. 3, д. 1744, 5130.

[52] Московские ведомости. 1815. 29 мая. № 43. С. 982.

[53] ЦГА Москвы, ф. 32, оп. 4, д. 4449.

[54] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 165, л. 58 (№ 246).

[55] Там же, д. 2651, л. 2 (№ 5).

[56] Там же, д. 77, л. 8 об. (№ 269).

[57] Там же, д. 2078, л. 6 об. (№ 49).

[58] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 418, л. 4 (№ 15).

[59] Там же, д. 2051, л. 18 (№ 126).

[60] Там же, д. 165, л. 10 (№ 39).

[61] Там же, д. 2650, л. 10 об. (№ 55).

[62] Там же, оп. 1, д. 13, л. 780–780 об.

[63] Там же, оп. 2, д. 2635, л. 10 (№ 51).

можно было купить «всяких сортов кондитерские товары на итальянский манер», а также «холодные пастеты на манер парижских, полученные из Неаполя мостачиоли, тароне, шоколад разных сортов, сыр настоящий швейцарский, пармезанский и одесский, итальянские колбасы, горчицы, уксус французский, прованское и луккское масло, сельди голландские»[64].

Около двух десятков персон итальянского происхождения были задействованы в градостроительстве в качестве архитекторов и скульпторов («каменных дел мастеров»). Большинство из них состояли на службе в Экспедиции кремлёвского строения (Московской дворцовой конторе) или совмещали должности в ней с работой в других учреждениях. С именами архитекторов Ф. Кампорези, О.И. и М.И. Бове, Д. Жилярди, С.К. Черфолио связаны многие памятники, ставшие неотъемлемой частью истории московской культуры. Им посвящено немало работ, в том числе монографических[65], поэтому здесь следует напомнить лишь основные сведения о времени их проживания в Первопрестольной. Кампорези являлся дворцовым архитектором при Экспедиции кремлёвского строения с 1783 по 1809 г. Его учеником был знаменитый архитектор «послепожарной» Москвы О.И. Бове, родившийся в 1784 г. в Санкт-Петербурге в семье художника из Неаполя, а при вторжении Наполеона в Россию добровольно поступивший на военную службу корнетом. Судя по формулярному списку, к 1816 г. он уже перешёл в православие. Этот факт, а также женитьба на княгине Е.С. Трубецкой ясно свидетельствуют о его тяготении к русской среде. Поэтому не удивительно, что биографии четверых их сыновей демонстрируют уже полную интеграцию в местное общество и культуру: они состояли на российской государственной службе, выбрали жён среди дочерей дворян и сами стремились войти в состав первенствующего сословия. Об этом можно судить по особому делу о доказательстве дворянства с их формулярными списками[66]. Подобным образом развивалась судьба «российского подданного из итальянцев» М.И. Бове. Он принял присягу в 1810 г., обратился в православную веру, женился на В.К. Майковой, с которой растил четверых детей. Начав службу под руководством своего брата в Экспедиции кремлёвского строения, Михаил впоследствии стал архитектором чертёжного правления 4-го округа путей сообщения[67].

Отец Доменико (Дементия Ивановича) Жилярди, Джованни Баттиста (Иван Дементьевич), в 1787–1817 гг. занимал пост старшего архитектора при Московском императорском воспитательном доме, но сам Доменико поселился в Москве незадолго до начала Отечественной войны 1812 г. В Экспедиции кремлёвского строения он состоял в 1813–1817 гг., после чего занял место вернувшегося на родину отца. Причём помощником архитектора Московского воспитательного дома с 1827 г. служил двоюродный брат Доменико – Алессан-

---

[64] Московские ведомости. 1816. 23 декабря. № 103. С. 4151.

[65] Подробнее см.: *Крашенинников А.Ф.* Джакомо Кваренги // Зодчие Москвы. В 2 кн. Кн. 1. Зодчие Москвы XV–XIX вв. М., 1981. С. 189–195; *Покровская З.К.* О.И. Бове // Зодчие Москвы... С. 195–205; *Белецкая Е.А., Покровская З.К.* Д.И. Жилярди // Зодчие Москвы... С. 206–216; *Покровская З.К.* Осип Бове. М., 1999; *Малиновский К.В.* Джакомо Кваренги. Жизнь и творчество в письмах и документах. СПб., 2018; *Потькалова А.* К вопросу о деятельности архитектора Франческо Кампорези... С. 41–47.

[66] Подробнее см.: *Покровская З.К.* О.И. Бове // Зодчие Москвы... С. 195–205; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 6230; ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 10, д. 177.

[67] РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 6230; ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 10, д. 178.

дро (Александр Осипович), построивший новое здание костёла Святых Петра и Павла. Оба брата также впоследствии покинули Россию[68].

Одним из учеников Д. Жилярди был С.К. Черфолио, известный благодаря своим работам в северной столице. Но карьеру он начал в 1820-х гг. с должности помощника архитектора Московского воспитательного дома[69]. Точно так же, преимущественно с Санкт-Петербургом, связана биография скульптора Дж. Витали, который, однако, более двух десятилетий, с конца 1810-х гг., трудился в Москве, выполняя многочисленные заказы на отделку общественных зданий[70].

В 1815–1838 гг. в Экспедиции кремлёвского строения состоял каменных дел мастер Л.П. Карлони, выпускник Санкт-Петербургской академии художеств. До приезда в Москву в начале XIX в. он занимался строительством каменных зданий в Полтавской губ. Будучи католиком по вероисповеданию, Карлони женился на православной Е. Кондратьевой, и их общий сын Пётр воспитывался в вере матери. Он пошёл по стопам отца, став архитектором, членом Российской академии художеств, но свою жизнь связал с северной столицей[71]. В той же Экспедиции состоял мастер каменного дела Ф.И. Рушко[72].

Почти полвека, с 1800 по 1844 г., жил и работал в Москве С. Тончи, родившийся в Риме в 1756 г. и появившийся в России в 1795 г. В 1815–1835 гг. он служил инспектором рисовальных классов в архитектурном училище (с 1831 г. Московское дворцовое архитектурное училище) при Экспедиции кремлёвского строения. В документах 1830-х гг. Тончи упоминается под именем Николай, что, вероятно, свидетельствует о его переходе в православие, которое исповедовали его жена княжна Н.И. Гагарина и дочери Мария и Софья[73]. В том же училище с 1807 до начала 1810-х гг. преподавал рисование Д.К. Скотти[74], а Я. Фассолино в 1821–1823 гг. – французский язык. Из формулярного списка последнего известно, что в России он проживал «с давних лет», в Москву же приехал не позднее 1806 г., когда 5 декабря получил свидетельство на приватное преподавание итальянского и французского языков[75]. В штате Экспедиции находились и другие итальянские уроженцы: лекарь П.А. Скюдери[76], столоначальник О.Т. Водо[77], рисовальщик В.Т. Водо[78], канцелярский служащий П.И. Керцелли[79].

Выходцы из Италии встречаются и среди военных. Например, чина подполковника достиг И. Ристори, в 1812 г. состоявший в армии Наполеона, но попавший в плен и в 1816 г. принятый на службу в русскую армию. Его сын Павел впоследствии стал генерал-лейтенантом[80]. В метрических книгах

---

[68] *Белецкая Е.А., Покровская З.К.* Д.И. Жилярди. С. 206–216; ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 15, д. 143.

[69] РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 6522.

[70] *Ногаевская Е.В.* Иван Петрович Витали // Русское искусство: очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина XIX века. М., 1954. С. 353–378.

[71] РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 6737, 6957.

[72] Там же, д. 6444, 7144.

[73] Там же, д. 6253; д. 11494, л. 31.

[74] Там же, д. 6110.

[75] Там же, д. 6481.

[76] Там же, д. 6249.

[77] Там же, д. 7252.

[78] Там же, д. 7021.

[79] Там же, д. 6807.

[80] Московский некрополь. Т. 3. СПб., 1908. С. 22; ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 22, л. 91.

упоминаются подполковник Кавати де Ленгели[81]; ротмистр О. Керцелли[82], фейерверкер 4-го класса Московского артиллерийского гарнизона И. Ковлини[83], штабс-капитан И. Костарди[84].

Помимо преподавателей архитектурной школы, в Москве жили и другие итальянцы, избравшие педагогическое поприще. С 1826 г. и более 30 лет И.П. Рубини обучал итальянскому языку студентов Московского университета. Многие годы он готовил труд по истории России с древнейших времён до смерти Екатерины II, но из-за недостатка средств не смог его издать[85]. По метрическим книгам известны профессор музыки и капельмейстер Ф. Ерколани[86] и учителя из семейств Кроаза[87] и Жамбони[88]. К числу московских жителей относились также вольнопрактикующий лекарь Л. Гизетти[89] и доктора медицины А. Альбини[90] и А. Ломбарди[91].

В XVIII–XIX вв. в Москве подолгу задерживались театральные и оперные деятели, хотя северная столица притягивала их сильнее из-за более широкого круга состоятельных зрителей. Показателен опыт Дж.-Б. Локателли, который в 1759 г. был вынужден закрыть свой театр в Первопрестольной через полгода после открытия из-за отсутствия интереса у «демократической публики» к оперным и балетным представлениям[92]. Во второй половине XVIII в. итальянские имена встречаются среди педагогов балетной школы, организованной при Московском воспитательном доме. Известны они и среди балетмейстеров Петровского театра на рубеже XVIII–XIX вв. В 1782–1796 гг. эту должность занимал Ф. Морелли, в 1796–1799 гг. – П. Пинюччи, в 1799–1805 гг. – Дж. Соломони. Однако в 1805 г. пожар уничтожил это заведение[93].

В истории Императорского московского театра первой трети XIX в. заметна фигура балетмейстера и артиста Ф. Бернарделли, признанного «лучшим из наших московских мимиков»[94]. В Москве он жил в 1818–1822 и 1826–1830 гг., до смерти, наступившей в эпидемию холеры[95]. Бернарделли, его супруга Анна (в девичестве Коблен, очевидно, не итальянского происхождения) и дети Антон-Николай (род. 6 декабря 1821 г.), Себастьян (род. 10 мая 1823 г.), Барбара (20 декабря 1824 г. – 1 января 1830 г.) и Мария (апрель 1827 г. – 27 июля 1828 г.) неоднократно упоминаются в материалах костёла Святых Петра и Павла[96]. Метрические записи позволяют установить имена рядовых актёров, которые в истории искусства часто остаются анонимными. Например,

---

[81] ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 6, л. 16.

[82] Там же, д. 21, л. 30.

[83] Там же, л. 52 об.

[84] Там же, д. 10, л. 11 об.

[85] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года. В 2 ч. Ч. 2. М., 1855. С. 369–373.

[86] ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 18, л. 12 об.

[87] Там же, д. 21, л. 26.

[88] Там же, л. 37 об.

[89] Там же, д. 12, л. 38.

[90] Там же, д. 4, л. 16, 24; д. 8, л. 4 об., 15, 23 об.; д. 21, л. 4 об.

[91] Там же, д. 15, л. 11 об.

[92] *Красовская В.М.* Русский балетный театр... С. 45–46.

[93] Там же. С. 60, 62, 64–65.

[94] Там же. С. 181; Дамский журнал. 1827. Июль. № 14. С. 66–67.

[95] *Красовская В.М.* Русский балетный театр... С. 181; ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 20.

[96] ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 8, л. 1, 10 об., 19 об.; д. 13, л. 6 об., 15.

А. Финанди являлся эквилибристом[97], т.е. зарабатывал на жизнь цирковыми представлениями.

Как видно, профессиональный состав итальянских уроженцев Москвы был очень пёстрым. Среди них особо выделяются деятели искусств, прежде всего архитекторы. Но с этой сферой могла быть тесно связана и деятельность предпринимателей. Несомненно, оказываясь в чужой стране, многие итальянцы искали поддержку, обращались к своим соплеменникам и заводили новые знакомства. Установить круг таких лиц помогают документы Городового магистрата. Желающим вступить в купечество следовало вместе с прошением предъявить поручительства со стороны нескольких купцов, гарантировавших отсутствие у заявителей штрафов и подозрений, а также подтвердить экономическую состоятельность для своевременной ежегодной уплаты 1% с объявленного капитала. В случае неспособности заявителя заплатить налог материальная ответственность возлагалась на поручителей. Очевидно, что при таких условиях поручители должны были хорошо знать обратившегося к ним кандидата в купцы.

Всего выявлено 34 поручительства, в которых встречаются итальянские фамилии. Итальянцы, подававшие прошение о включении в московское купечество, нередко подкрепляли своё заявление ручательствами представителей нескольких национальностей. При этом 17 человек нашли поддержку у русских купцов[98], а 15 – у соотечественников[99]. Последнее следует признать достаточно высоким показателем, особенно в сравнении с частотой обращений к выходцам из других стран Западной Европы. Среди заявлений итальянцев зафиксирован лишь один случай, когда поручителем выступили купцы французского происхождения: в 1787 г. А. Гамботи поддержали Я. Барнье и К. Ганеварда[100]. Зато пятеро итальянцев поручились за французов[101]. В случае с немцами это

---

[97] Там же, д. 8, л. 40.

[98] Среди поручителей И. Борции – Г. Ушаков, Д.П. Щербаков и А.И. Щукин; у И. Викиари – Ф.А. Лузаков, К.Т. Трофимов и Ф.И. Хлебников; у А. Гамботи – А.В. Булавошников и А.Л. Шемшуров; у Л. Депедри – Д.Ф. Фалеев и Ф.И. Фролов; у О. Джиларди – Ф.И. Балахонкин и Е.Ф. Башеров; у А. Джюберти – Иван Иванов, а также И.И. Переплётчиков; у И. Дотти – В.Г. Аралов, И.Н. Никитин и К.Т. Трофимов; у К. Манелли – В.Т. Жданов и И.В. Феофанов; у И. Мундинали – Ф.И. Балахонкин, Е.Ф. Башеров, а также И. Чурин; у И. Нолчини – С.Н. Поляков; у И. Поцци – В.Л. Зотов, В.В. Мясников и А.П. Петров; у А. Риеппи – М.И. Дьяконов и Н. Платонов; у И. Руски – В.И. Богомолов; у П. Сори-Фонари – В.И. Зенин и В.А. Никаноров; у В. Тесари – П.В. Аристов; у И. Турьяне – С.Н. Поляков; у С.Я. Черфолио – Д.П. Щербаков и А.И. Щукин (Там же, ф. 32, оп. 3, д. 1744, 5044, 5130, 6789, 6837; оп. 4, д. 852; оп. 11, д. 6685; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 8, 20 об., 30, 32, 45, 47, 55, 58, 75, 97, 104, 137 об.).

[99] За Д. Альбертацци поручился А.Ф. Керцелли; за И. Берера – И. Борции и П. Викиари; за П. Борелли – С.Я. Черфолио; за А.И. Бравур – И. Поцци; за П. Викиари – И. Викиари и А.-Б. Дотти; за Л. Депедри – А. Гамботи и И. Викиари; за А.-Б. Дотти – И. Мундинали вместе с И. Викиари; за Н. Лорензини – И.К. Нолчини; за А. Монигетти – Ж. Негри; за И.К. Нолчини – И. Торриани; за И. Руски – А. Джюберти и Л. Депедри; за Г. Таркиано – С.Я. Черфолио и П. Борелли; за В. Тесари – К. Манелли вместе с И. Нолчини; за И. Торриани – И.К. Нолчини и И.Л. Торриани; за И. Турьяне – А. Бравур (Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1148; ф. 32, оп. 3, д. 6789; оп. 11, д. 4056, 5071, 5645, 7026, 7983; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 37–37 об., 45, 57, 70, 89, 97, 104, 134, 137 об.–138, 143 об., 147).

[100] Там же, ф. 32, оп. 3, д. 1744.

[101] А. Гамботи – за А. Балтуса, М. Лифнес и П. Пимпаре; Ж. Негри – за Л. Буйе; А. Пендарелли – за Р. Руа; И. Поцци – за И. Сатиаса; С. Манелли – за Д. Гуа (Там же, ф. 2, оп. 1, д. 10, л. 298; оп. 2, д. 949; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 12, 25 об., 44 об., 66, 96, 106 об., 151 об.–153).

соотношение составляет 6:3[102]. Преобладание деловых связей с немцами над французами наблюдается и в более ранний период. По мнению В.Н. Захарова, это объясняется тем, что «многие коммерсанты из Италии... попадали в Россию через ганзейские города», а последние «осуществляли торговое посредничество между итальянцами и восточноевропейским рынком»[103]. Впрочем, применительно к первой половине XIX в. более частую встречаемость немцев среди поручителей итальянцев можно объяснить их численным превосходством над французами (в 2,5 раза) в составе московского купечества[104].

Единичны случаи упоминания других национальностей. У П.Ф. Контю, содержавшего гостиницу, помимо немца из Баварии А.М. Горнстейнера (торговец табаком) поручителем выступил грек Ю.Ю. Янков (продавал пушнину)[105]; а владелец табачной лавки И. Дотти поручился за австрийца польского происхождения кондитера В.В. Товарицкого[106]. Любопытен пример владельца табачной фабрики Гамботи, который в 1784 г. поручился за грузина И.Я. Наврозова[107], в 1796 г. – за немца А.К. Балтуса[108] и итальянца Л. Дедепри[109], в следующем году – за немца Г. Ландграфа[110], а в 1801 г. – за француза П. Пимпаре[111].

Маркером ещё более тесных связей являются брачные союзы. В течение рассматриваемого периода в костёле Святых Петра и Павла было совершено 87 венчаний, при которых один или оба бракосочетавшихся имели итальянское происхождение. Кроме того, в записях о крещении указаны имена и фамилии (в том числе девичьи) 52 супружеских пар с таким же составом родителей новорождённых. Поскольку об их венчании нет сведений в метрических книгах, эти семьи, очевидно, сформировались либо в более ранний период, либо в другом месте. При добавлении к ним сведений об О.И. и М.И. Бове для анализа матримониальных связей итальянцев получается весьма представительная выборка в 141 пару.

Браки внутри национальной группы отмечены в 43 случаях. Среди других национальностей преобладают немцы, причём такие смешанные пары встречаются даже чаще, чем свадьбы между соплеменниками – 50 случаев. Среди них 36 итальянцев взяли в жёны немок, а 14 немцев женились на итальянках. В трёх браках выходцы из немецкой среды исповедовали лютеранство: А.О. Жилярди и чиновник 9-го класса И.Ф. Костарди венчались, соответственно, с Е.К. фон Браун и А.-Г. Бостельман, а мужем М.В. Кампиони стал Ф.Г. Шумахер[112].

---

[102] За Д. Альбертацци поручился Г.Н. Рейнсдорп; за А.И. Бравур – Х. Зелтенрейх; за Е. Котдиколо – А. Горнстейнер и К. Мартен; за П. Контю, Н. Лорензини и К. Манелли – А.М. Горнстейнер (Там же, ф. 32, оп. 11, д. 4056, 5071, 5645, 7026, 7983; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 50, 79, 89, 127, 135, 143 об.). А. Гамботи поддержал А.К. Балтуса и Г. Ландграфа, а Ж. Негри – П. Дефортиссона (Там же, ф. 32, оп. 3, д. 6772; оп. 4, д. 4611, 5495; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 12, 150 об.).

[103] *Захаров В.Н.* Общины иностранных купцов в России в XVIII в. // Экономическая история: ежегодник. 2010. М., 2010. С. 23.

[104] *Ларюшкин О.В.* Лица иностранного происхождения... С. 49, 65.

[105] ЦГА Москвы, ф. 32, оп. 11, д. 8785; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 135.

[106] Там же, ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 158 об.

[107] Там же, ф. 32, оп. 3, д. 672.

[108] Там же, оп. 4, д. 4611, 5495; ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 12.

[109] Там же, ф. 32, оп. 3, д. 6789. Речь идёт об уже упоминавшемся кондитере Дедепри, хотя в данном случае, как и в капитальных книгах за некоторые другие годы, его специализацией показан «торг мрамором».

[110] Там же, д. 6772.

[111] Там же, ф. 397, оп. 1, д. 124, л. 44 об.

[112] Там же, ф. 609, оп. 2, д. 6, л. 11 об., 35 об.; д. 21, л. 41 об.

Значительно реже итальянцы заключали браки с представителями французской и польской наций. В первом случае из Италии происходили пять мужей (один был женат дважды на француженках) и семь жён[113], во втором, соответственно, – четыре мужа и одна жена[114]. Малочисленность таких случаев говорит об отсутствии в Москве единой католической общины. Как известно, объединяясь вокруг особого национально-конфессионального центра – церкви Святого Людовика на Кузнецком мосту – «московские» французы и француженки предпочитали венчаться в его стенах между собой[115]. Предварительные наблюдения за брачными союзами лиц польского происхождения свидетельствуют об аналогичной тенденции[116].

Особо следует отметить свадьбы итальянцев И.О. Амадио и П.С. Кампиони с представительницами армянского купеческого рода Эларовых – Кристиной Николаевной и Агафьей Агапитовной. Они примечательны тем, что избранницы не принадлежали к армяно-григорианскому исповеданию, а являлись прихожанками той же римско-католической церкви Святых Петра и Павла[117].

К смешанным бракам относятся венчания с лицами, придерживавшимися англиканства. В четырёх из них мужьями показаны итальянцы[118], в двух – англичане[119]. При этом после венчания все супруги сохранили свою родную веру. Ещё 22 брака итальянцы заключили с православными. Венчание в таких случаях проводилось в православных храмах, но брачные свидетельства направлялись в приходской центр иноверных супругов. Среди записей в метриках церкви Святых Петра и Павла итальянцы показаны мужьями в восьми случаях (один из них был женат дважды на православных избранницах)[120]. Однако в них отсутствуют упоминания о венчании перекрестившихся ко времени заключения брака О.И. и М.И. Бове, о которых говорилось выше. Кроме того, по данным ревизий известно о жёнах православного вероисповедания

---

[113] И. Негри и И.А. Монигетти женились, соответственно, на сёстрах Е.Ф. и К.Ф. Дюлу; Дж. Курти – на А. Вотье; Л. Триака – на Л.Ф. Депре. Первой женой М.Д. Аморетти стала Р. Буйе, второй – Е. Виллуан. Француз Ж. Бенедикт женился на К. Фраца; И. де Вивьен – на В. Керцелли; И. Дубле – на Б. Поцци; Л. Дюкенуа – на М. Пиовани; И. Истас – на М.К. Жамбони; Ж.-Ю. Лепорк – на А. Жерарди; Г. Мольяр – на К. Моголини-Тиори (Там же, д. 6, л. 15 об., 21 об., 27 об., 28 об., 30; д. 8, л. 26 об., 36 об.; д. 10, л. 17; д. 11, л. 61 об.; д. 21, л. 37 об.).

[114] Я. Батисти взял в жёны М. Станкевич; К. Маттео – А. Куперанько; А. Севалли – Е. Коханскую; А. Финанди – Ю. Бояновскую. А. Смольницкий женился на Ф. Чиарини (Там же, д. 1, л. 19 об., 38 об.; д. 8, л. 2 об.; д. 21, л. 45–45 об.).

[115] *Ржеуцкий В.С.* История французского землячества... С. 17.

[116] ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 12, 18, 21.

[117] Там же, д. 12, л. 34 об.; МДИМК. Т. 9. С. 262.

[118] Уникален случай Октавиана Водо, несмотря на своё итальянское происхождение являвшегося протестантом (более точное исповедание в изученных источниках не зафиксировано). Он женился на Х. Хопс. Другие семейные пары составили: А. Гамботи и Е. Тайлер; А. Кроаза и Е. Гарботле; Е. Маурициий и А. Эванс (МДИМК. Т. 5. С. 241; ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 1, л. 3 об.; д. 4, л. 9 об.; д. 21, л. 18).

[119] Это А.А. Колли и Ю.С. Кампиони; Б. Пирлинг и М.-А. Картемонде (МДИМК. Т. 8. С. 58; Т. 9. С. 257; ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 1, л. 2).

[120] Примечателен выбор московским купцом третьей гильдии П.И. Поцци дочери вольноотпущенных крестьян М. Алабушевой. Уже упомянутый И.О. Амадио после смерти К.Н. Эларовой заключил брак с вдовой чиновника А.М. Климовской. Дважды вступавший в брак Л. Гизетти сначала женился на дочери поручика А.Ф. Сверчковой, а затем на дочери бригадира Л.А. Исленьевой. Кроме того, Д. Альбертацци женился на Е. Смирновой; Л. Желони – на Е. Александровой; Л.П. Карлони – на Е. Кондратьевой; И. Пиателли – на М. Шеймановой (ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 1, л. 3 об., 31; д. 6, л. 27; д. 10, л. 30, 38; д. 18, л. 13 об.; д. 21, л. 11 об., 22).

у купцов итальянского происхождения П. Борелли, Ю. Жионини, А.М. Шантини, А. Мацолли и П. Риеппи[121]. Сложно сказать, являлись ли их избранницы русскими или перекрещёнными в православие иностранками. Семь итальянок были замужем за православными мужьями, причём среди последних встречаются носители западноевропейских фамилий[122].

Как видим, в подавляющем большинстве случаев итальянцы заключали браки с выходцами из Западной Европы. При этом чуть более трети от общего числа выбирали немцев и немок, составлявших одну из крупнейших групп иноземцев в Москве конца XVIII – первой половины XIX в. Почти треть итальянцев полностью сохраняли национальную идентичность, остальные венчались с представителями иных этносов и конфессий.

Дополнительные штрихи к этим наблюдениям можно сделать благодаря сведениям о составе свидетелей, которые установлены для 77 браков[123]. Представители обеих сторон имели итальянское происхождение при 22 венчаниях, один из свидетелей – при 18. Присутствие немцев в том же статусе при 32 бракосочетаниях соотносится с высокой частотой таких же смешанных браков. Объясняется это тем, что свидетелями часто становились родственники со стороны немецкого супруга или супруги. Причём в семи случаях наблюдается полностью немецкий состав свидетелей. На 14 свадьбах свидетелями выступали французы. На двух венчаниях они представляли обе стороны, причём каждый раз их этническая принадлежность совпадала с происхождением жениха[124]. Два брака состоялось при свидетелях из числа англичан, ещё по одному – из поляков и армян.

Особый интерес представляет вопрос о степени участия итальянцев в городском самоуправлении. Возможности для этого открывались благодаря допуску купцов иностранного происхождения к выборам в городскую думу. Сначала они определяли кандидатов, а из числа последних происходила баллотировка гласных для заседания в думе на три следующих года[125]. В действительности избирались только французы, итальянцы, немцы и греки[126], что, по всей видимости, объяснялось их численностью и степенью скооперированности. По имеющимся данным, среди участников общественного городского управления в первой половине XIX в. оказывались и итальянцы. Так, в 1802 г. кандидатами для выборов в гласные думы стали П. Борелли, И. Борции, И. Дотти, Л. Депедри, А. Джюберти, П. Панки, И. Руска и С.Я. Черфолио. Победу одержал уроженец Милана Луи Депедри, к моменту избрания состоявший в московском купечестве уже 17 лет и владевший в городе недвижимостью. На фоне остальных претендентов, проживавших в Москве менее трёх лет и не имевших собственных

---

[121] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 5803; МДИМК. Т. 8. С. 117, 179, 282; Т. 9. С. 154.

[122] М.-В. Боджиа вышла замуж за Н. Буркхарта; Е.А. Гизетти – за коллежского секретаря Н.С. Селиванского; А. Керцелли – за П. Перешивкина; М. Курти – за канцеляриста Л.П. Непорожнева; М.К. Ламони – за И.Г. Янсона; Э. Минелли – за М.Д. Быковского; Е. Пананьи – за надворного советника И.П. Балашева (ЦГА Москвы, ф. 609, оп. 2, д. 6, л. 12, 27 об.; д. 10, л. 29; д. 12, л. 28, 29, 40 об., 42).

[123] Приведённые далее данные о различных группах свидетелей основаны на: Там же, д. 1, 6, 10, 12, 18, 21.

[124] Л.С. Дюкенуа женился на М.И. Пиованни, а И.Н. Истас – на М.К. Жамбони (Там же, д. 12, л. 17; д. 21, л. 13).

[125] *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915. С. 147–148; Материалы для истории московского купеческого общества. Общественные приговоры / [Ред.-изд. Н.А. Найдёнов]. Т. 1. М., 1892. С. 376.

[126] ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 2, д. 66, л. 97–98.

домов, он, действительно, выглядел вполне укоренившимся в местной среде[127]. Аналогичную картину мы наблюдаем на выборах в следующем году, когда от итальянских купцов баллотировались пять кандидатов: П. Борелли, П. Викиари, А. Кампиони, П. Панки и И.И. Поцци. На этот раз выиграл Поцци, поселившийся в Москве десятью годами ранее и успевший за это время обзавестись недвижимостью. В 1807 г. его вторично избрали гласным[128].

Имеются сведения о занятии купцами-итальянцами различных общественных городских должностей. Так, Борелли в 1822 г. был избран ратманом[129], а Дж. Курти в 1843 г. – присяжным попечителем. Правда, сам Курти всячески пытался отстраниться от этой службы, ссылаясь на плохое знание русского языка. Однако купеческое общество не сочло этот довод убедительным, поскольку к тому времени он проживал в Москве более 30 лет и овладел базовыми знаниями русского языка[130]. Одним из 12 базарных смотрителей, избранных в конце 1845 г., оказался А. Монигетти[131]. В 1848 г. А.С. Кампиони был определён в московскую дворцовую контору оценщиком «по искусственной части в вещах мраморных и бронзовых»[132].

Таким образом, в первой половине XIX в. итальянцы представляли собой внушительную группу среди жителей Москвы иностранного происхождения. Прибыв в Москву, они селились достаточно разрозненно, что обусловливалось и разнообразием избранных ими сфер деятельности. Вместе с тем в большинстве случаев, которые удалось идентифицировать, они состояли в купечестве. За редчайшим исключением итальянцы принадлежали к одной конфессии (католичеству), были прихожанами одного храма и при создании семьи предпочитали выбирать единоверцев как в супруги, так и в свидетели. И хотя бракосочетания с выходцами из немецкой среды оспаривали первенство у внутринациональных союзов, в течение первой половины XIX в. наблюдается высокая доля последних. При выборе же поручителей, готовых взять на себя ответственность за финансовую состоятельность ответчика при уплате налогов, внутринациональные контакты выглядят более востребованными.

Активное взаимодействие друг с другом в этих сферах, в том числе более тесное, чем с представителями других этноконфессиональных групп, позволяет говорить о достаточно стойком сохранении у итальянцев, проживавших в Москве в первой половине XIX в., элементов национальной идентичности и опоре на неё при адаптации в новой стране. Эти параметры внутренней консолидации вместе с возможностью собственного представительства в органах общественного городского управления позволяют ставить вопрос о характеристике внутринациональных связей как земляческих, для чего, однако, требуется более детальное исследование практик внутригрупповой коммуникации, выявление данных о выработке ими общих целей и отстаивания групповых интересов. При этом следует учитывать, что из-за последующего снижения численности итальянцев постановка такого вопроса для середины XIX в. и более позднего времени представляется неактуальной.

---

[127] Материалы для истории московского купеческого общества. Общественные приговоры. Т. 1. С. 247.

[128] Там же. С. 284, 376.

[129] Там же. Т. 2. М., 1892. С. 178.

[130] Там же. Т. 4. М., 1899. С. 341.

[131] Там же. Т. 3. М., 1896. С. 463.

[132] Там же. Т. 5. М., 1895. С. 151.

Самоуправление уездного города Пошехонье Ярославской губернии в 1870–1914 гг.

Ярослав Пуневский

Self-government of the county town of Poshekhonye, Yaroslavl province, in 1870–1914

Yaroslav Punevsky
(MIREA – State Technological University, Moscow, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020054

Изучению городского общественного управления Российской империи в пореформенный период посвящён внушительный пласт исторической литературы. Однако, по справедливому замечанию В.Ю. Виноградова, до сих пор чувствуется недостаток исследований, раскрывающих данную проблему на региональном уровне[1]. Отдельные её аспекты в отношении городов Ярославской губ. затрагиваются в немногочисленных работах[2], об особенностях же общественного управления в Пошехонье имеются только справочные сведения[3]. С целью восстановления общей картины самоуправления в Пошехонье в 1870–1914 гг. в настоящей работе будут проанализированы принципы функционирования и особенности формирования состава городской думы и управы, основные черты доходной и расходной частей местного бюджета и главные направления деятельности органов общественного управления. Исследование базируется на широком круге опубликованных и архивных источников. В первую очередь привлекаются материалы Государственного архива Ярославской области и РГИА.

Пошехонье – небольшой уездный город Ярославской губ., расположенный на реке Согоже, притоке Шексны. По переписи 1897 г. в нём насчитывалось лишь 4036 жителей. Важное место в социально-экономической жизни пошехонцев занимала осенняя ярмарка, на которую ежегодно привозилось товаров на сумму 15 тыс. руб. При этом город не имел серьёзного индустриального значения – здесь находилось всего 13 промышленных предприятий со 113 рабо-

© 2026 г. Я.В. Пуневский

[1] *Виноградов В.Ю.* Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М., 2005. С. 215.

[2] См., например: *Велитченко Н.С., Дурдина Е.А.* Деятельность Ярославской городской думы в 1871–1882 гг. // Власть и город: история и современность. Научная конференция 25 мая 2000 г.: материалы докладов. Ярославль, 2001. С. 23–26; *Бикташева Н.Н.* Из истории здравоохранения Рыбинска (XIX – начало XX в.) (санитарное состояние и санитарные врачи) // XI Золотарёвские чтения. Материалы научной конференции (16 ноября 2006 г.). Рыбинск, 2006. С. 144–148; *Шапко Н.И.* Проблемы благоустройства Ярославля в конце XIX – начале XX в. // Путь в науку. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета. Вып. 14. Ярославль, 2010. С. 80–83; *Смирнова Е.М.* Начало оспопрививания в Ярославском крае // Социальная история российской провинции. Материалы Всероссийской научной конференции, Ярославль, 23–24 сентября 2011 г. Ярославль, 2011. С. 14–18.

[3] *Ракитин Н.С.* Пошехонье–Володарск. Ярославль, 1949; Архитектура и монументальное искусство Ярославской области: каталог. Вып. 1. Пошехонье. Пошехонский район. Ярославль; Рыбинск, 2006; Малые города Верхневолжья. Рыбинск–Мышкин–Пошехонье: архитектурно-художественные памятники XVII–XIX веков / Сост. Н.С. Борисов, Л.М. Марасинова. М., 2007.

чими. В Пошехонье функционировало несколько учреждений народного образования, богадельня, земская и тюремная больницы, попечительство о бедных, а также общество пособия бедным учащимся в местных учебных заведениях, земская библиотека, городской общественный банк[4].

О том, что Пошехонье относилось к числу достаточно развитых уездных центров Ярославской губ., свидетельствуют материалы обсуждения вопроса о введении в некоторых городах упрощённого самоуправления, проводившегося в МВД. В направленном в министерство отношении от 16 ноября 1892 г. ярославский губернатор А.Я. Фриде поставил Пошехонье в один ряд с такими городами, как Молога, Романов, Углич. По его мнению, введение упрощённого управления может «дурно отразиться на интересах» каждого из названных городов, «привести к упущениям в городском хозяйстве и задержать развитие городского благоустройства, начавшееся ещё при действии» Городового положения 1870 г.[5]

Как известно, в ходе городской реформы 1870 г. на смену сословному представительству при формировании органов общественного самоуправления пришёл буржуазный имущественный ценз, и приобретение избирательных прав зависело от размера уплачиваемых в городскую казну налогов[6]. При этом основная масса городских обывателей, имевших право голоса, сосредотачивалась в третьем разряде, т.е. в той части списка избирателей, на долю которых приходилась последняя треть от общей суммы сборов по отмеченному цензу. При проведении первых выборов по новому положению в Пошехонье в 1872 г. к первому разряду избирателей принадлежали 17 человек, ко второму – 46, к третьему – 306. Все они уплачивали в городскую кассу 1619 руб., из которых 665 руб. – по факту обладания имуществом, а 954 руб. – по промысловым документам[7].

При этом участники избирательных собраний обычно выбирали гласных из своего сословия, чему способствовало проведение баллотировок по разрядам в разные дни. В первом разряде преобладали купцы и потомственные почётные граждане, в третьем – мещане[8]. Так, в 1876 г. по итогам голосования в первом собрании победили 10 купцов, во втором – 8 купцов, 1 чиновник и 1 мещанин, в третьем – 4 купца, 5 мещан и 1 крестьянин[9]. В 1880 г. это соотношение выглядело следующим образом: 10 купцов; 9 купцов и 1 купеческий сын; 1 почётный гражданин, 1 купец и 3 мещанина[10]; в 1889 г. – 8 купцов и 2 купеческих сына; 8 купцов и 2 мещанина; 4 купца, 2 купеческих сына и 4 мещанина[11].

После введения в действие Городового положения 1892 г. круг избирателей в Пошехонье сократился. В их число могли войти лишь купцы первых

---

[4] *Головщиков К.Д.* Город Пошехонье (Ярославской губернии) и его уезд. Ярославль, 1890; Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 24А. Полярные сияния – Прая. СПб., 1898. С. 824.

[5] РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2601, л. 137.

[6] *Калинин В.Д.* Из истории городского самоуправления в России (XVIII – начало XX вв.). М., 1994. С. 37; *Каукина Р.Н.* Развитие городского самоуправления в России в конце XVIII – начале XIX в. // Регионология. 2004. № 1. С. 41.

[7] Ярославские губернские ведомости. 1872. 13 апреля. № 30. Часть офиц. С. 4.

[8] Там же. 1888. 16 декабря. № 99. Часть офиц. С. 4.

[9] Там же. 1876. 25 ноября. № 94. Часть офиц. С. 3.

[10] Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РБФ ГА ЯО), ф. 2, оп. 1, д. 51, л. 39–41.

[11] Там же, д. 109, л. 24–25.

двух гильдий, а также владельцы недвижимого имущества стоимостью не менее 300 руб. (в Ярославле этот порог составлял 1 тыс. руб.)[12]. От выборов отстранялись предприниматели, занимающиеся питейным производством, лица, состоящие под гласным надзором полиции, и некоторые другие категории горожан[13]. Среди пошехонцев находились те, кто пытался оспорить потерю своего права голоса. Так, вскоре после установления новых правил министру внутренних дел поступила жалоба от купца Н. Шалаева, исключённого из списка избирателей как содержателя винных и ведёрных лавок. По его мнению, формулировку закона – «содержатели и сидельцы винных и ведёрных лавок» – следовало понимать буквально и относить только к тем, кто принимал непосредственное и активное участие в продаже вина. Однако его жалоба была отклонена[14]. В итоге, если до 1892 г. в выборах могли участвовать 7–9% жителей Пошехонья, то в дальнейшем – лишь 2–5% (табл. 1).

Таблица 1

Численность избирателей в Пошехонье в 1877–1909 гг.

Год	Число избирателей (абс.) и их доля в населении города (%)	Население города (человек)
1872	369 (9,34%)	3951
1876	347 (7,02%)	4940
1892	96 (2,68%)	3582
1901	113 (2,8%)	4036*
1906	202	нет данных
1909	161 (4,64%)	3470**

Составлено по: Государственный архив Ярославской области (далее – ГА ЯО), ф. 137, д. 1398, л. 1–6; д. 2624, л. 1–7, 16–18; д. 183, л. 1–24; д. 3380, л. 1–12 об.; Ярославские губернские ведомости. 1872. 13 апреля. № 30. Часть офиц. С. 4; Календарь Ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, 1872. С. 23; Календарь Ярославской губернии на 1876 год. Ярославль, 1876. С. 63; Ярославский календарь на 1892 год. Ярославль, 1892. Таблица № 3; Справочная книга на 1913 год. Ярославль, 1913. С. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 2. Население городов по переписи 28-го января 1897 года. СПб., 1897. С. 23.

* По данным на 1897 г.

** По данным на 1913 г.

Поступали от пошехонцев жалобы и по итогам выборов, что отражало общие недостатки избирательной системы. Так, по сообщению купеческого сына А.В. Дубова, в избирательном собрании 16 декабря 1892 г. приняли участие лица, которые не владели никаким имуществом, а при баллотировке одного лица в гласные П.В. Полушкин обратился к собранию с речью: «В доказательство моего к Вам уважения я поднимаю сукно и торжественно кладу Ваш шар направо». Последнее действие нарушало установленные законом принципы закрытой подачи голосов, а также служило своеобразной агитацией непосредственно в зале избирательного собрания в ходе голосования. Четыре доверенности, выданные избирателями своим представителям, не удовлетворяли требованиям Городового положения, в них отсутствовала помета, в каком именно

[12] Очерки истории Ярославского края / Под ред. В.А. Ляхова. Ярославль, 1974. С. 54.

[13] ПСЗ-III. Т. 12. СПб., 1895. С. 437.

[14] РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2627, л. 109–109 об., 114–114 об.

собрании должны были участвовать их обладатели[15]. В другой жалобе группа купцов указала на отказ председателя Князева вести журнал избирательного собрания, состоявшегося 23 февраля 1893 г. Во время баллотировки Князева ряд купцов отказались его поддерживать и проголосовали против, а два представителя того же сословия взяли по второму шару. После же баллотировки председателя уличили в подкладывании шаров. Кроме того, на выборах присутствовали недоимщики[16].

19 февраля 1910 г. купцы П. Полушкин и И. Захаров заявили об участии лиц, не имевших права голоса, в избирательном собрании, которое состоялось, видимо, в марте 1909 г. К таковым принадлежал, например, купец Н.В. Копотилов, лишившийся имущества и по этой причине отсутствовавший в исправленном списке избирателей. На этих же выборах председатель ограничился зачитыванием списка избирателей с упоминанием представителей, голосующих по доверенности, но содержание самих документов не оглашалось. Рассмотрев вопрос, губернское присутствие по земским и городским делам отменило только избрание А.В. Куклишева и А.А. Созина, получивших равное количество избирательных и неизбирательных шаров[17].

В сословном отношении Пошехонская городская дума формировалась преимущественно из купцов, причём в отдельные периоды их удельный вес вместе с почётными гражданами достигал 80–95% от всех гласных. В некоторых случаях значительную долю мест в думе получали мещане с крестьянами (табл. 2).

Таблица 2

Сословный состав городской думы Пошехонья в 1876–1909 гг. (*абс.; %*)

Год	Купцы и почётные граждане	Мещане и крестьяне	Дворяне и чиновники	Другие	Всего
1876	22 (73,3%)	7 (23,3%)	1 (3,3%)	–	30
1880	22 (88%)	3 (12%)	–	–	25
1889	24 (80%)	6 (20%)	–	–	30
1892	13 (65%)	6 (30%)	1 (5%)	–	20
1901	19 (95%)	1 (5%)	–	–	20
1906	16 (69,6%)	1 (4,3%)	2 (8,7%)	4 (17,4%)	23
1909	8 (34,8%)	14 (60,9%)	1 (4,3%)	–	23

Составлено по: ГА ЯО, ф. 137, д. 1398, л. 44–45; д. 2624, л. 36–36 об.; д. 183, л. 27–27 об.; д. 3380, л. 15–15 об.; РБФ ГА ЯО, ф. 225, д. 51, л. 39–41; д. 109, л. 24–25; Ярославские губернские ведомости. 1876. 25 ноября. № 94. Часть офиц. С. 3; 1910. 6 апреля. № 28. Часть офиц. С. 2.

Традиционно для русского города конца XIX – начала XX в. значительной была роль городского головы. Обычно последние обладали большим опытом службы в органах городского общественного управления и в земских учреждениях. Например, избранный в июле 1894 г. городским головой

[15] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 183, л. 40–41.
[16] Там же, л. 56–57.
[17] Там же, д. 3380, л. 52–52 об.

купеческий сын А.В. Дубов с 1886 по 1894 г. являлся земским гласным, а с 1889 г. – и гласным городской думы[18].

В современной историографии в качестве одной из важнейших составляющих местного самоуправления справедливо рассматривается финансовая самостоятельность[19]. Бюджеты большинства российских городов в исследуемый период были скромными, и ограниченные источники дохода, как и чрезмерный уровень расходов немуниципального характера, заставляли экономить[20]. При этом знакомство с финансовой отчётностью Пошехонской городской управы нередко обнаруживает крайнюю небрежность в составлении доходных и расходных смет[21], что, видимо, было характерно для небольших уездных городов Российской империи[22]. Наиболее достоверными представляются сметы, направлявшиеся местными городскими властями в губернское присутствие по земским и городским делам.

Источники доходов городского общественного управления Пошехонья заметно отличались от ресурсов многих других уездных городов Ярославской губ. Кроме обычных сборов с промышленности и оброчных статей довольно существенные поступления пошехонская казна уже с 1880-х гг. получала от городского общественного банка и частных капиталов, а с начала XX в. – от муниципальных предприятий. Незначительную роль в доходной смете играл оценочный сбор с недвижимых имуществ, хотя в 1911 г. он был доведён до 1% от стоимости имущества[23] (табл. 3).

Одним из серьёзных затруднений при формировании доходной сметы являлась раскладка налогов на промышленные объекты, сложная процедура которой часто приводила к протестам со стороны плательщиков. Например, 24 сентября 1879 г. гласный П.А. Кузнецов, имевший завод, четыре склада и 20 питейных заведений, предложил городской думе запретить открытие торговли в тех местах, где производилась круглосуточная продажа вина, указав на питейный дом Александрова[24]. 24 января 1896 г. пошехонские купцы Н.Ф. и Н.Н. Шалаевы подали жалобу в городскую управу, посчитав несправедливыми её действия при взимании 10%-го сбора на молочный торг, с билетов на торг и с промышленных заведений не только на городской территории, но

---

[18] Там же, д. 183, л. 207–208.

[19] *Важенин А.Г., Галкин П.В.* Московское земство в начале XX века: из опыта регионального самоуправления. М., 2004. С. 117; *Попов П.А.* Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918. Воронеж, 2006. С. 345; *Борисов А.В.* Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской губернии). Пенза, 2010. С. 142.

[20] *Блудов А.М.* Городское самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв. Тамбов, 2006. С. 57; *Ачадов (Данилов Ф.А.).* Государственная власть и местное (городское и земское) самоуправление. Третий элемент (служащие по найму в городских и земских учреждениях), его значение и организация. М., 2017. С. 65; *Тригуб Г.Я.* Финансы городских самоуправлений Дальнего Востока в последней четверти XIX – начале XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 4. С. 75.

[21] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 1–15; Ярославские губернские ведомости. 1884. 21 февраля. № 15. Часть офиц. С. 2; 1885. 12 февраля. № 13. Часть офиц. С. 3–4; 1887. 20 января. № 15. Часть офиц. С. 3; 1888. 29 января. № 9. Часть офиц. С. 3–4.

[22] *Камаева Е.Е.* Документы Госархива Саратовской области и его филиалов по истории органов самоуправления уездных городов Саратовской губернии (1872–1917 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 45–48.

[23] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 249, л. 1–2.

[24] ГА ЯО, ф. 1521, оп. 1, д. 79, л. 1–1 об.

и в уезде. При этом Шалаевы не могли не заплатить указанные налоги, поскольку тогда казначейство не выдало бы им торговых документов[25].

Таблица 3

Источники доходов (*руб.*) и их доля в бюджете (%) городского самоуправления Пошехонья в 1883–1912 гг.

Год	1883	1890	1904	1912
Оценочный сбор	2218 (8,8%)	1440 (5,7%)	2 616 (8,9%)	2600 (9,7%)
Сбор с промышленности и актов	7639 (30,3%)	8194 (32,5%)	9276 (31,5%)	4149 (15,4%)
Оброчные статьи	3334 (13,2%)	6669 (26,4%)	8559 (29,1%)	10236 (38,1%)
С городских предприятий	–	–	1019 (3,5%)	400 (1,5%)
От прибылей общественного банка	3091 (12,3%)	2870 (11,3%)	4147 (14,1%)	2198 (8,2%)
С частных капиталов	5440 (21,6%)	3650 (14,5%)	1200 (4,1%)	3692 (13,7%)
Возврат расходов	831 (3,3%)	–	595 (2%)	954 (3,5%)
Другое	2643 (10,5%)	2423 (9,6%)	2012 (6,8%)	2655 (9,9%)
Итого	25196	25246	29424	26884

Составлено по: ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 2674, л. 82 об.–83; д. 3990, л. 1–6; РБФ ГА ЯО, ф. 225, оп. 1, д. 249, л. 21–29; Статистические сведения по Ярославской губернии за 1890 год // Ярославский календарь на 1892 год. Ярославль, 1892. С. 48–49; Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. 9 / Сост. М.А. Липинский, М., 1885. С. 72–73.

Другой важной проблемой являлись недоимки. Например, за 1887–1888 гг. городская касса недосчиталась 157 руб. 74 коп.[26] К 1901 г. их объём достиг уже 4 777 руб. 90 коп.[27] При этом время от времени задолженности приходилось списывать. Так, 29 января 1901 г. по решению городской думы «в виду многочисленности семейства и крайней бедности» с мещанина В.О. Тумакова была сложена недоимка за арендуемый им участок земли в размере 23 руб. 40 коп.[28]

Случались и споры с земским управлением: входя в состав земства и уплачивая ему налоги, города подвергались двойному налогообложению[29]. В 1878 г. в Пошехонье появилась комиссия «для ближайшего определения взаимных интересов города и земства», в которую вошли городской голова В.М. Чистов и два гласных городской думы[30]. Несмотря на это, без конфликтных ситуаций

[25] Там же, ф. 137, оп. 1, д. 444, л. 1–1 об.

[26] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 101, л. 4.

[27] Обзор Ярославской губернии за 1901 год. Ярославль, 1902. С. 15.

[28] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1305, л. 3 об.–4.

[29] *Щербакова Н.В., Егорова Е.С.* Местное самоуправление в России: теория и практика. Ярославль, 1996. С. 36.

[30] Ярославские губернские ведомости. 1878. 7 августа. Часть офиц. С. 3.

не обходилось. Например, в 1913 г. пошехонский городской голова Дубов жаловался на постановление местного земского собрания, обложившего сбором городские земли и торговые лавки. Поскольку, согласно ст. 53 Устава о земской повинности, земскому обложению не подлежали городские выгонные земли, губернское присутствие по земским и городским делам 25 января решило вопрос в пользу городского общественного управления[31].

Среди расходов пошехонской казны существенную часть средств отнимало содержание учреждений городского общественного управления и сиротского суда, воинского постоя, полиции и пожарной команды. На «обязательные расходы» по требованиям губернской администрации приходилось тратиться в первую очередь. Например, в соответствии с циркуляром, поступившим 9 ноября 1874 г. из московского военного округа, городская управа должна была «сделать заблаговременное распоряжение о назначении квартир для новобранцев в количестве 170 человек»[32]. В другой раз, 6 января 1877 г., губернатор просил не задерживать выплату пособия на содержание центральных управлений МВД в размере 1643 руб.[33], а 3 мая 1885 г. Пошехонской городской управе пришлось покрывать расходы в 150 руб. на содержание местных управлений того же министерства из остаточных сумм 1884 г.[34]

3 августа 1878 г. в губернском присутствии по городским делам обсуждался рапорт уездного исправника Пошехонья на постановление местной думы от 31 мая о закрытии двух полицейских будок. По мнению исправника, их необходимо было оставить, так как они находились на окраине города и позволяли жившим в них служителям следить за подозрительными людьми, «вращающимися для краж около питейных домов». Траты же на содержание будок представлялись ничтожными и необременительными для города. Однако пошехонские гласные считали, что эти постройки пришли в ветхость и никакой пользы не приносят, требуя только излишних расходов. Присутствие пришло к заключению, что городской думе не предоставлено права уничтожать полицейские пункты[35].

С другой стороны, при попытке различных учреждений и лиц навязать дополнительные расходы органы городского самоуправления Пошехонья активно пользовались своим правом подачи жалобы в Сенат. В частности, в 1903 г. Пошехонская городская управа сообщала в столицу о неоправданной отмене губернским присутствием по земским и городским делам постановления думы об отказе церковно-приходской школе в назначении пособия. Сенат встал на сторону городского общественного управления[36]. В 1901 г. там же рассматривалась жалоба городской управы на поддержку присутствием решения земства увеличить оценку городских имуществ. Сенат постановил, что городские выгонные земли, сдаваемые в оброчное содержание, могут облагаться земским сбором, но лишь на одинаковых основаниях с прочими землями[37].

---

[31] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 4456, л. 1–2.
[32] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 1–2.
[33] Там же, д. 28, л. 4–5.
[34] Ярославские губернские ведомости. 1885. 25 июня. № 49. Часть офиц. С. 2.
[35] ГА ЯО, ф. 1521, оп. 1, д. 76, л. 1–3.
[36] Там же, ф. 137, оп. 1, д. 1442, л. 2–7.
[37] Там же, д. 1364, л. 1, 6–6 об.

Расходы на развитие городского хозяйства в основном касались благоустройства и народного образования, ничтожные средства выделялись на общественное призрение, медицинскую и санитарную части (табл. 4).

Таблица 4

Основные статьи расходов (*руб.*) и их доля в бюджете (%) городского общественного управления в Пошехонье в 1883–1912 гг.

Год	1883	1890	1904	1912
Содержание правительственных учреждений	–	–	490 (2,3%)	423 (1,5%)
Содержание городского самоуправления и сиротского суда	3466 (23,5%)	3800 (19,7%)	4204 (19,7%)	3927 (14,6%)
Воинский постой	640 (4,3%)	481 (2,5%)	861 (4%)	740 (2,8%)
Содержание местной полиции	–	1858 (9,6%)	1958 (9,2%)	2872 (10,7%)
Содержание пожарной команды	–	1877 (9,7%)	2358 (11%)	2544 (9,4%)
Благоустройство города	950 (6,4%)	850 (4,4%)	1954 (9,1%)	2505 (9,3%)
Образование	3270 (22,2%)	3760 (19,5%)	5030 (23,5%)	5364 (20%)
Призрение бедных	200 (1,4%)	250 (1,3%)	5 (0,02%)	797 (3%)
Медицина и санитарное дело	–	717 (3,7%)	450 (2,1%)	530 (2%)
Содержание недвижимых имуществ города	760 (5,2%)	–	790 (3,7%)	1060 (3,9%)
Уплата по займам	–	–	1810 (8,5%)	1850 (6,9%)
Другое*	5459 (37%)	5695 (29,5%)	1478 (6,9%)	4272 (15,9%)
Итого	14745	19288	21388	26884

Составлено по: ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 2674, л. 84 об.–85; д. 3990, л. 1–6; Статистические сведения по Ярославской губернии за 1890 год. С. 48–49; Труды Ярославского губернского статистического комитета. С. 75–76.

* В категорию «другое» включены чрезвычайные расходы различного характера, не связанные с финансированием основных направлений деятельности органов городского самоуправления.

При этом подходы к формированию городского бюджета подвергались изрядной доле критики в либеральной периодической печати. Издававшаяся в Ярославле газета «Северный край» следующим образом характеризовала в 1900 г. ситуацию в пошехонском городском общественном управлении: «А наши “отцы” опять дефицит выдумали! Что за гениальная изобретательность! На 1900 г. дополнительного трактирного сбора в доход города с наших трактирщиков брать не положено», а «городской дом на Рыбинской улице постановлено сдать г. Дмитриевскому не за 200 руб. в год, как прежде, а только за 156 рублей». Не без иронии отмечалось, что упомянутые «отцы» прекрасно

понимают, «что и закон даёт им право отказаться от своих должностей... и граждане против этого никаких претензий иметь не будут, и родной город в убытке не будет», но те «всё-таки сидят да сидят на своих курульных креслах. Впрочем, у нас многие любят вести “сидячий” образ жизни и местные коммерсанты зачастую “отсиживают” то в тюрьме, то в домовом, а то так и просто в земской кутузке»[38].

Действительно, городская казна нередко ощущала нехватку средств. Например, согласно представлению Пошехонской городской управы от 7 декабря 1894 г., поданному в губернское присутствие по земским и городским делам, потребовалось выделить 6 тыс. руб. из запасного капитала на покрытие расходов по текущей смете. Дефицит возник из-за постройки коммерческих зданий. Другой причиной хозяйственных трудностей стали возросшие расходы на нужды народного образования[39]. Поэтому поиски новых источников дохода предпринимались неоднократно. В частности, с этой целью в Пошехонье, по решению городской думы от 11 октября 1875 г., предполагалось взимать сбор с продаваемых лошадей в размере 1% с рубля от продажной суммы; с привезённых же, но не проданных лошадей сбора не производить. Другой сбор касался приставших к берегу реки Согожи лодок для разгрузки и погрузки товаров. Однако губернатор посчитал, что в этих нововведениях нет надобности, а городская дума имеет полную возможность увеличить доходы, «не прибегая к установлению сборов, не разрешённых Городовым положением», например, через повышение оценочного сбора или сборов с извозного и перевозного промыслов, с лошадей, экипажей и собак[40]. В свою очередь, ещё 19 марта того же года Хозяйственный департамент МВД обратил внимание ярославского губернатора на «удовлетворительное состояние городских денежных средств» пошехонского городского самоуправления. При этом было отмечено, что, согласно ст. 123 Городового положения 1870 г., городская дума имеет право установить сбор за стоянку судов в водных сообщениях, пролегающих через городские земли, но «для разрешения настоящего дела городской думе следовало бы войти в более обстоятельные соображения» по этому поводу[41].

«Спасением» в сложившейся ситуации стало привлечение частных капиталов, размер которых постепенно возрастал. Например, в 1896 г. в городской кассе Пошехонья их объём исчислялся в 77226 руб.[42] В 1904 г. в бюджете находилось уже десять частных капиталов с общей суммой в 93619 руб. 45 коп.[43] В 1912 г. запасный капитал города составлял всего 19 руб. 60 коп., в то время как частные капиталы (11 наименований) – 102974 руб. 25 коп.[44] Правда, в их использовании встречались определённые трудности. Например, 17 мая 1902 г. МВД отказало городской управе Пошехонья в использовании на нужды народного образования процентов с капитала Г. Фарфоровского, который хранился в форме облигаций Николаевской железной дороги[45]. Согласно воле жертвователя, капитал предназначался на уплату податей за бедных жителей

[38] Северный край. 1900. 17 мая. № 130. С. 2.
[39] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 269, л. 1–14.
[40] РГИА, ф. 1287, оп. 33, д. 532, л. 1–3 об.
[41] Там же, л. 6–6 об.
[42] Энциклопедический словарь... С. 824.
[43] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1951, л. 25 об.
[44] РБФ ГА ЯО, ф. 225, оп. 1, д. 249, л. 21–29.
[45] Ярославские губернские ведомости. 1883. 11 января. № 3. Часть офиц. С. 3.

Пошехонья. Но в связи с отменой 18 мая 1882 г. подушного сбора с мещан Пошехонская городская дума ходатайствовала об их употреблении на содержание реального училища или другого среднего мужского учебного заведения[46].

Как уже отмечалось, важную роль в стабилизации городского бюджета сыграло учреждение в Пошехонье общественного банка, на что из запасного капитала городской управы было выделено 10 тыс. руб. Он открылся 20 января 1870 г. и контролировался городским самоуправлением[47]. Однако и в деятельности банка не всегда всё обстояло благополучно. В частности, по итогам ревизии 1903–1905 гг. выяснилось, что отчисления в пользу города шли в ущерб пополнению запасного капитала, причём поступления в его фонд прекратились в 1895 г., достигнув ко времени проверки лишь 17 030 руб. 73 коп. Количество просроченных ссуд достигало значительной величины (в 1903 г. – более половины). Обнаружилось также превышение норм кредита не вполне благонадёжным лицам[48].

Правда, вопрос о полноте и достоверности сохранившихся материалов подобных ревизий остаётся спорным. Например, в 1902–1903 гг. в присутствии по земским и городским делам обсуждалась телеграмма Г.Н. Гусева, сообщавшего о расхищении пошехонским городским головой городского имущества. Из этой жалобы следовало, что последний как арендатор городских мельниц после торгов забрал себе оттуда приспособления и имущество, которые «по кондициям» принадлежали городу. Судя же по объяснению уездного исправника, затребованного губернатором А.П. Роговичем, телеграмма отражала лишь частные споры между старым и новым арендаторами мельниц[49].

Ещё одним способом увеличения доходной части бюджета стало включение в состав Пошехонья близлежащих поселений, благодаря чему появлялись новые налогоплательщики. 8 мая 1913 г. губернское присутствие по земским и городским делам разрешило присоединить к Пошехонью Шишеловскую слободу и деревню Олюнино. К такому шагу, по мнению городской управы, побуждала прежде всего «общая жизнь» этих населённых пунктов «с городом». В её ходатайстве отмечалось, что жители, не уплачивая никаких сборов в пользу города, пользуются услугами начальных училищ, пожарной команды, освещения (поставленные на берегу Согожи два керосиновых фонаря освещали территорию слободы), близостью находящихся в Пошехонье правительственных учреждений (почты, казначейства, суда)[50].

Одной из важнейших задач городского общественного управления в России являлось обустройство городского хозяйства и общественного быта. Некоторые исследователи убеждены, что активная муниципальная деятельность была характерна только для относительно крупных, промышленно развитых городов[51]. Другие – упрекали российские органы городского общественного управления в том, что они действовали главным образом в интересах имущих классов населения[52]. Судя по имеющимся данным, с учётом размеров города в Пошехонье

---

[46] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1845, л. 1–6.

[47] Ярославские губернские ведомости. 1886. 30 мая. № 41. Часть офиц. С. 2.

[48] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1970, л. 1, 8–10, 18–19.

[49] Там же, д. 1910, л. 1–6 об.

[50] Там же, д. 4104, л. 5–5 об., 9–10.

[51] *Ерохина Е.А.* Органы городского самоуправления Симбирской губернии во второй половине XIX века. Ульяновск, 2010. С. 177.

[52] *Ачадов (Данилов Ф.А.).* Государственная власть... С. 63.

довольно активно развивалась образовательная сфера. В 1873 г. здесь возникла первая в Ярославской губ. публичная библиотека[53]. За счёт городских средств в 1892 г. при здании городского училища возвели надворные постройки[54]. 10 декабря 1899 г. священник Невский получил 100 руб. на содержание находившейся в его ведении пошехонской соборной церковно-приходской школы[55]. Правда, хотя в Пошехонье ощущался недостаток данного типа заведений, в 1893 г. городскому самоуправлению пришлось отказаться от устройства церкви-школы из-за нехватки средств[56]. Вместе с тем через 11 лет, 1 августа 1902 г., преподавателю Виноградову было назначено пособие в 1,5 тыс. руб. в год на открытие нового учебного заведения, взамен чего он обязался учредить пять стипендий для бедных учеников по назначению городской думы[57].

Масштаб задачи по развитию народного просвещения заставлял Пошехонскую городскую управу обращаться за помощью к центральной власти. Так, 13 октября 1895 г. управа просила открыть на средства государственной казны ремесленные классы при городском трёхклассном училище, на что требовалось 600 руб. в год. Министерство народного просвещения поддержало данную инициативу, но при условии, что город возьмёт на себя половину расходов[58]. В 1901 г. обсуждалась возможность открытия низшей ремесленной школы или училища за счёт казны[59].

Перечисленные меры городского самоуправления Пошехонья в области народного образования оказались недостаточными, в первую очередь из-за очевидной нехватки учебных заведений. При рассмотрении вопроса о выплате пособия церковно-приходским школам гласные городской думы 2 марта 1901 г. обратили внимание на недостаток существовавших в Пошехонье мужских учебных заведений: городское училище и две начальные школы могли «удовлетворить потребности только в грамотности». Вместе с тем отмечалось, что они не пользовались популярностью среди жителей. По словам некоторых участников обсуждения, «состоятельные граждане берут своих детей из низших классов городского училища и везут их дальше – в Рыбинск, Ярославль, Кострому, Москву, Петербург, берут из этих же классов своих детей и несостоятельные родители, которые по необходимости удовлетворяются и тем только, что их дети научились читать и писать». Для решения этой проблемы предлагалось преобразовать уже существовавшее трёхклассное городское в шестиклассное реальное училище с седьмым дополнительным классом[60].

С другой стороны, по количеству учебных заведений среднего звена, которые не состояли в прямом подчинении органов городского общественного управления, ситуация в Пошехонье выглядела лучше, чем в других уездных городах Ярославской губ. По данным на 1906–1908 гг. в Пошехонье имелась женская гимназия, чем этот город походил на более развитых соседей – Яро-

---

[53] *Гладун Т.А.* Просветительская деятельность библиотек Ярославской губернии в XIX в. // VIII Золотарёвские краеведческие чтения. Тезисы докладов научной конференции (16–17 октября 2000 г.). Рыбинск, 2000. С. 49.

[54] Обзор Ярославской губернии за 1892 год. Ярославль, 1893. С. 18.

[55] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 874, л. 330.

[56] Ярославские губернские ведомости. 1893. 28 мая. № 41. Часть офиц. С. 3.

[57] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1592, л. 12–13 об.

[58] Там же, д. 340, л. 1–10.

[59] Там же, д. 1453, л. 2, 7–8.

[60] Там же, д. 1305, л. 24 об.–25.

славль, Углич, Ростов, Рыбинск, Мологу. В Любиме, например, девочки могли обучаться только в прогимназии[61]. По данным на 1 декабря 1912 г. в Пошехонье находилось одно городское начальное училище[62], хотя совсем не много начальных школ существовало и в уезде – всего 10 в 1870 г.[63]

Сложное положение складывалось в Пошехонье в медицинской сфере, хотя городское самоуправление предпринимало усилия по её развитию. За 30-летнюю выслугу городскому врачу коллежскому советнику К. Озевульскому 29 июля 1889 г. была назначена пенсия[64]. 23 января 1902 г. в городской думе заслушивался доклад управы о необходимости соблюдения строгого санитарного надзора на местной скотобойне[65]. По данным на 1906 г. городское общественное управление Пошехонья потратило более 1 тыс. руб. на организацию санитарного надзора за местами торговли мясом, что включало в себя содержание санитарного врача, фельдшера и конторщика[66]. В 1910 г. на борьбу с холерой было выделено 80 руб. 85 коп., а в следующем году – кредит в размере 110 руб.[67] Городская управа финансировала бесплатные приёмы врачами у себя на квартирах больных из низших сословий[68]. В 1911–1913 гг. расходы на здравоохранение составляли 630 руб. в год, причём из городской кассы оплачивались лекарства, отпускавшиеся беднейшим жителям из местной аптеки[69]. В то же время 5 сентября 1882 г. городская дума отказала в пособии бывшей повивальной бабке М. Семёновой на наём квартиры[70].

В развитии общественного призрения существенную роль играли частные капиталы. Побочное положение этой сферы в области городского общественного управления симптоматично для России того времени. В 1900 г. из 755 городов империи сметы 345 (45,7%) не предполагали трат на помощь бедным или выделяли с этой целью не более 100 руб.[71] В Пошехонье в ведении городского самоуправления состояла богадельня имени Пермякова, которую дума 19 декабря 1902 г. освободила от уплаты поземельного сбора за принадлежавшие ей лавки[72]. В 1878 г. местный купец П.А. Кузнецов пожертвовал 50 руб. в пользу городского трёхклассного училища, за что получил персональную благодарность от городской думы[73]. Такую же благодарность заслужил в 1892 г. потомственный почётный гражданин Д.И. Калугин после того, как предоставил

---

[61] *Иерусалимская С.Ю., Иерусалимский Ю.Ю.* Народное образование в Угличском крае в XIX – начале XX вв.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль, 2006. С. 211.

[62] Список учебных заведений Ярославской губернии на 1-е декабря 1912 года. Ярославль, 1913. С. 25.

[63] *Тараканова Е., Киселёва З.* Савва Яковлевич Дерунов – великий сын земли Пошехонской // Пошехонье в русской культуре. Материалы Баловских чтений 2003 года. [Б.м., б.г.]. С. 37–38.

[64] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 110, л. 18.

[65] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1592, л. 18.

[66] Там же, д. 2757, л. 5.

[67] Там же, д. 3910, л. 1–2, 36.

[68] Обзор Ярославской губернии за 1898–1899 годы. Ярославль, 1900. С. 49.

[69] *Новиков П.* О городской медицине в Ярославской губернии в 1911–1913 году. Ярославль, 1914. С. 4–5.

[70] Ярославские губернские ведомости. 1882. 24 сентября. № 76. Часть офиц. С. 3.

[71] *Рождественская Н.Ю.* Нищенство и благотворительность в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. Ярославль, 2010. С. 122.

[72] Ярославские губернские ведомости. 1887. 13 января. № 4. Часть офиц. С. 4; 1892. 16 июня. № 46. Часть офиц. С. 2; ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1592, л. 355 об.–366.

[73] Ярославские губернские ведомости. 1878. 6 ноября. № 88. Часть офиц. С. 4.

2 200 руб. собственных средств в пользу бедных горожан[74]. За счёт городского бюджета в 1893 г. получали пенсию пять человек на общую сумму 104 руб. 53 коп. в год[75].

10 декабря 1899 г. Пошехонская городская дума приняла 3 тыс. руб. от купца Е.П. Шуканова, проценты от которых предназначались на покупку ржаной муки для раздачи бедным жителям города[76]. На средства, предоставленные в распоряжение городского самоуправления по завещанию А.Н. Дьячкова, дума 9 октября 1902 г. постановила открыть ночлежный приют[77]. Завещанные Я.И. Пироговым в пользу богадельни 947 руб. 49 коп. были причислены к основному капиталу последней по решению городской думы в 1908 г.[78] Помимо отмеченных, по данным на 28 марта 1908 г. в распоряжении пошехонского городского общественного управления находились благотворительные капиталы Д.И. Калугина (5 460 руб. на выдачу денежных пособий и 1 063 руб. на содержание городского училища), Д.С. Пермякова (3 374 руб. 1 коп. на одежду и обувь бедным ученикам), Г.В. Фарфоровского (54 099 руб. 43 коп. на уплату сборов и повинностей за бедных мещан), а также капиталы на постройку церкви Свт. Николая Чудотворца (7 084 руб. 44 коп.), на устройство и содержание реального училища (3 999 руб. 90 коп.), Ремесленного общества (146 руб. 27 коп.) и продовольственный капитал пошехонского мещанского общества (3 415 руб. 76 коп.)[79].

На протяжении изучаемого периода органы городского самоуправления Пошехонья провели ряд мероприятий по благоустройству города. Например, в 1883 г. местная дума увеличила число фонарей на 15 штук[80]. В 1904 г. их в городе насчитывалось уже 114, а в 1910 г. – 101. По количеству фонарей на квадратную сажень в 1904 г. Пошехонье находилось на шестом месте среди 11 городов Ярославской губ. К 1910 г. удалось замостить 33,3% улиц и 77,5% тротуаров (десять вёрст), имелся один общественный сад[81]. Следует также отметить, что, по данным на январь того же года, на пошехонцев распространялся особый сбор на ремонт мостовых. На заседании управы 2 июня была установлена очередь улиц на повторное мощение[82]. По решению городской думы от 22 ноября 1913 г., «в виду необходимости перемощения торговой площади», на эту задачу выделили дополнительно 250 руб., при этом сократив на ту же сумму траты на освещение[83]. За неимением свободных средств рост расходов по одной части городского общественного управления требовалось компенсировать за счёт других направлений.

Традиционно сложной в русском городе конца XIX – начала XX в. была пожарная обстановка[84]. По этому вопросу удалось найти сведения только об од-

---

[74] Там же. 1892. 1 декабря. № 94. Часть офиц. С. 3.

[75] РБФ ГА ЯО, ф. 2, оп. 1, д. 145, л. 1–1 об.

[76] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 874, л. 330.

[77] Там же, д. 1592, л. 298.

[78] Там же, д. 3137, л. 171.

[79] Там же, д. 3134, л. 34–44.

[80] Ярославские губернские ведомости. 1883. 25 ноября. № 93. Часть офиц. С. 4.

[81] Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 212; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 200–201, 210–211.

[82] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5325, л. 3, 55.

[83] Там же, д. 4182, л. 111.

[84] *Ташлыков А.Ю.* Роль астраханского городского самоуправления в организации пожарной службы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3(28). С. 265–270; *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 97.

ном мероприятии Пошехонской городской думы: 2 ноября 1901 г. она постановила ассигновать 60 руб. из сметы 1902 г. на покупку двух новых пожарных насосов[85]. Однако с уверенностью можно сказать, что к 1 января 1912 г. пожарная команда в Пошехонье перешла в ведение органов городского самоуправления[86].

В финансовой сфере следует отметить решение городской думы от 16 января 1913 г. об учреждении ломбарда, в котором жители Пошехонья могли воспользоваться относительно доступным кредитом. Для этого был осуществлён заём в 10 тыс. руб. в городском общественном банке[87].

Таким образом, в 1870–1914 гг. в уездном Пошехонье функционировала достаточно работоспособная система органов городского самоуправления. Избирательная система хотя и не была безупречной, не давала слишком серьёзных сбоев и позволяла сформировать дееспособный состав гласных городской думы. Среди последних преобладали купцы и почётные граждане, но постепенно возрастал удельный вес мещан и крестьян. Практическая деятельность городской думы и управы Пошехонья отличалась активностью во всех традиционных для городского самоуправления конца XIX – начала XX в. направлениях, хотя многочисленные проблемы при формировании доходной части городского бюджета не могли не оказывать на эту работу сдерживающего влияния.

---

[85] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 1305, л. 252–252 об.

[86] *Макаров А.К.* Положение противопожарной охраны в городах // Городское дело. 1912. № 21. С. 1320–1321.

[87] ГА ЯО, ф. 137, оп. 1, д. 4182, л. 2–2 об.

Формирование и состав Нахичеванской-на-Дону городской думы: 1909–1913 гг.

Левон Батиев

Formation and composition of the Nakhchivan-on-Don City Duma: 1909–1913

Levon Batiev
(Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don)

DOI: 10.7868/S3034579026020062

История Нахичевани-на-Дону – выразительный пример постепенного («мягкого») встраивания автаркической колонии в имперскую политико-правовую систему при сохранении этнокультурной идентичности её населения. Почти столетие автономия Нахичевани, основанной в 1779 г. как центр армян-переселенцев из Крыма, базировалась на жалованной грамоте Екатерины II: внутреннее управление осуществлялось по армянским «правам и обыкновениям»[1], магистрат руководствовался Армянским (Астраханским) судебником, а состав нахичеванцев оставался этнически однородным[2]. В 1872 г. на город была распространена общероссийская модель городского общественного управления, учреждены городские дума и управа, формирование которых впоследствии изменилось в соответствии с Городовым положением 1892 г. Город, к середине XIX в. входивший в Екатеринославскую губ., с 1888 г. оказался в границах Области войска Донского, в 1901 г. перешёл в ведение Министерства внутренних дел, а в 1904 г. вошёл в состав Ростовского-на-Дону градоначальства[3]. В торгово-экономической и демографической сферах Нахичевань достаточно быстро уступила первенство соседу и, имея население в четыре раза меньше (28,4 тыс. человек против 116,3 тыс. в 1897 г. и 43,4 тыс. против 170,9 тыс. в 1910 г.)[4], фактически превратилась в его город-спутник.

© 2026 г. Л.В. Батиев

Исследование выполнено в рамках государственного задания Южного научного центра РАН, проект № 125011200150-2 «Юг России в условиях общественно-политических трансформаций (XVIII–XXI вв.)».

[1] ПСЗ–I. Т. 20. № 14942. С. 879.

[2] Подробнее см.: *Батиев Л.В., Сущий С.Я.* Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 70–87; *Батиев Л.В.* Армянский (Астраханский) судебник в Нахичевани-на-Дону. М., 2025.

[3] Подробнее см.: *Батиев Л.В.* Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. Т. 19. 2020. № 1. С. 155–173; *Батиев Л.В.* Структура и состав городского управления Нахичевани-на-Дону по Городовому положению 1870 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 135–150; ПСЗ-III. Т. 7. СПб., 1889. № 4466. С. 234–238; Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19935. С. 237; Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24085. С. 163–165.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Кн. 12. Область Войска Донского. [СПб.], 1905. С. 2–3, 34–35, 76–77, 78–79; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 562.

С середины XIX в. стремительно менялась и этносоциальная структура Нахичевани. Если к 1863 г. подавляющее большинство из 11,9 тыс. горожан принадлежало к армяно-григорианскому исповеданию, а православных насчитывалось лишь 2,5 тыс. (21%)[5], то в 1897 г. среди 28 427 жителей было 8 249 армяно-григориан (29%) и 19 240 православных «с единоверцами» (67,7%)[6]. Правда, другие источники демонстрируют более сдержанную динамику, но и они свидетельствуют о том, что по мере роста населения Нахичевани на рубеже XIX–XX вв., обеспеченного в первую очередь миграцией из других регионов империи, разнообразие этноконфессионального состава города увеличивалось, а доля армян в нём снижалась. Так, помимо армяно-григориан и православных в 1862 г. здесь жили несколько десятков евреев, а в начале XX в. к ним (более 600 человек) добавились почти 400 магометан, католиков, лютеран и баптистов[7]. По сведениям Статистического комитета Области войска Донского, доля православных среди нахичеванцев-христиан в 1899–1907 гг. колебалась между 28,8–33,1%, а среди всех горожан – от 28,1 до 32,2% (табл.).

Таблица

Распределение жителей Нахичевани-на-Дону по вероисповеданию

Год	Христианского исповедания			Других исповеданий			Итого
	православные*	другие**	всего	евреев	магометан	всего	
1899	9 748	20 363	30 111	534	238	772	30 883
1900	10 031	20 444	30 475	552	191	743	31 218
1901	9 657	20 781	30 438	590	249	839	31 277
1902	8 438	20 862	29 300	622	117	739	30 039
1903	8 707	20 862	29 569	622	121	743	30 312
1904	8 757	20 606	29 363	622	121	743	30 106
1905	9 124	20 491	29 615***	612	112	724	30 339
1906	10 760	21 732	32 492	847	103	950	33 442
1907	9 637	20 756	30 393	622	121	743	31 136

Составлено по: Памятная книжка Области Войска Донского (далее – ПК ОВД) на 1901 год. Новочеркасск, 1901. Отд. III. С. 15; ПК ОВД на 1902-й год. Новочеркасск, 1902. Отд. IV. С. 7; ПК ОВД на 1903-й год. Новочеркасск, 1903. Отд. IV. С. 11; ПК ОВД на 1904 год. Новочеркасск, 1904. Отд. IV. С. 9; ПК ОВД на 1905 год. Новочеркасск, 1905. Отд. IV. С. 9; ПК ОВД на 1906 год. Новочеркасск, 1906. Отд. III. С. 9; ПК ОВД на 1907 год. Новочеркасск, 1907. Отд. III. С. 10; ПК ОВД на 1908 год. Новочеркасск, 1908. Отд. IV. С. 10; ПК ОВД на 1909 год. Новочеркасск, 1909. Отд. III. С. 10.

* Включая единоверцев.

** Армяно-григориане, католики, протестанты, старообрядцы.

*** В источнике допущена опечатка: 29 915.

[5] Подсчитано по: Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, 1864. С. 73–74, 189.

[6] Первая всеобщая перепись... С. 1–3, 76.

[7] Памятная книжка Екатеринославской губернии... С. 76, 189; Приазовский край (далее – ПК). 1905. 21 января. № 19. С. 2.

С учётом данных Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, по которым в 1904 г. протестанты и католики составляли всего 0,4% населения Нахичевани[8], армяно-григориан в первые годы XX в. должно было насчитываться примерно 20 тыс., или около ⅔ горожан[9]. Но уже в 1910 г. их оказалось только 18411 человек (42,4%) среди 43442 жителей, а православных – 23544 человека (54,2%)[10]. Эта тенденция подтверждается сведениями о родном языке и прямыми указаниями на национальное происхождение, правда последние фиксировались в данные годы значительно реже, чем конфессиональная принадлежность. Согласно переписи 1897 г., русский язык (включая великорусский, малорусский и белорусский) являлся родным для 19224 нахичеванцев, а армянский – для 8277[11]. В 1913 г. среди 49601 горожанина армяне составляли 40,8%, русские – 54,7%, немцы, поляки, татары, евреи и представители других народов – 4,5% населения города[12].

Как видно, за последние десятилетия XIX – начало XX в. Нахичевань из центра моноэтнического округа, объединявшего также несколько деревень, превратилась в заштатный город с преобладающим русским населением и тенденцией к этнокультурной аккультурации местных армян. Поэтому не удивительно, что к концу этого периода всё острее звучал вопрос о представительстве в органах городского общественного управления не только армян, но и других этнических групп.

Следует отметить, что уже при распространении на Нахичевань общероссийских законов в третьей четверти XIX в. важную роль играла проблема прав русского населения[13]. В 1860–1910-х гг. разные общественные и политические круги неоднократно предлагали присоединить Нахичевань к Ростову-на-Дону, но центральная власть осмотрительно ограничилась учреждением градоначальства (при этом полицейская власть была передана западному соседу ещё в 1865–1868 гг.)[14]. Примечательно, что введение в действие Городового положения 1892 г. и вхождение в состав градоначальства сопровождались увеличением имущественного ценза для избирателей Нахичеванской городской думы. Богатые домовладельцы были представлены в основном «старыми нахичеванцами», а потому и после реформ 1860-х гг., и на рубеже XIX–XX вв. армянская элита сохранила за собой доминирующие позиции в городском общественном самоуправлении[15]. Только в 1901 г. в Нахичеванской городской думе появились первые гласные не из армян, но уже после выборов в 1905 г. в думском кресле

---

[8] Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 210.

[9] Численность старообрядцев, учтённых в таблице, в течение 1901–1907 гг. составляла 10–50 человек.

[10] Города России в 1910 году. С. 562.

[11] Первая всеобщая перепись... С. 2–3, 78–79.

[12] Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО), ф. 91, оп. 1, д. 1793, л. 15, 17, 19.

[13] Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. СПб., 1866. С. 57–58; Вечерняя газета. 1872. 22 февраля. № 51. С. 1; Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. 1. СПб., 1877. С. 202.

[14] *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996. С. 333–339; Ростовский листок. 1912. 24 июня. № 136. С. 3; Южный телеграф. 1913. 19 сентября. № 3775. С. 3.

[15] Подробнее см.: *Бархударян В.Б.* История армянской колонии... С. 333–336; *Батиев Л.В.* Самоуправление Нахичевани-на-Дону (1779 – начало 1870-х гг.). Ростов н/Д, 2022. С. 193–236; ПСЗ-II. Т. 43. Отд. 1. СПб., 1873. № 45541. С. 171; ПК ОВД на 1888 г. Новочеркасск, 1888. [Ч. 2].

остался лишь один из них[16]. Первая русская революция 1905–1907 гг. и развитие в том числе на юге страны черносотенного движения придало проблеме представительства этносоциальных групп в органах городского общественного управления новое звучание. Задача настоящей статьи – раскрыть особенности формирования состава Нахичеванской городской думы в ходе выборов в 1909 г. и показать их связь с изменениями в этнической структуре населения города. Исследование основано на материалах делопроизводства Нахичеванской городской управы (хранятся в Государственном архиве Ростовской области), отвечавшей за организацию и проведение выборов. Привлекаются также опубликованные статистические данные и материалы периодической печати, где освещались ход избирательного процесса и реакция различных общественных групп на его результаты.

На рубеже 1908–1909 гг., в предвкушении «реванша» за итоги предыдущих выборов, группа «черносотенников» попыталась изменить порядок голосования и предложила использовать подачу записок вместо баллотировки шарами. Последняя применялась в Нахичевани в соответствии с прямыми предписаниями городовых положений 1870 (ст. 31) и 1892 (ст. 45) гг., а на местном уровне дополнительно подкреплялась постановлением Нахичеванской городской думы 24 ноября 1908 г.[17] Видимо, инициаторы перехода к новому способу волеизъявления видели в нём больше возможностей повлиять на решение голосующих. Ростовский градоначальник полковник (с 1910 г. генерал-майор) И.Н. Зворыкин[18] настоял на рассмотрении этого вопроса, но нахичеванские городские дума и управа пришли к выводу, что баллотировка шарами наиболее полно обеспечивает правильность выборов и не создаёт существенных технических затруднений из-за относительно небольшого числа избирателей[19]. Примечательно, что с тем же результатом аналогичное предложение позднее рассматривалось городским общественным управлением Ростова-на-Дону[20].

В соответствии с Городовым положением 1892 г. не менее чем за три месяца – в начале января 1909 г. – Зворыкин утвердил постановление Нахичеванской городской управы о созыве 20 апреля 1909 г. избирательного собрания для выборов гласных. После изготовления списка избирателей заинтересованные лица приглашались в управу «во все присутственные дни до 2 час[ов]» для ознакомления с ним и представления жалоб в случае обнаружения неточностей. От наследников умерших избирателей требовалось предъявить необходимые документы для подтверждения своего права на участие в голосовании. Обращения принимались до 31 января, и поскольку за день до окончания этого срока поступило незначительное количество заявлений о включении в список новых избирателей (всего 15), горожан призвали отнестись к данной возможности более ответственно[21]. К началу марта городская дума удовлетворила 17 из

С. 124–127; Дополнение к Памятной книжке области Войска Донского на 1893–1894 гг. Новочеркасск, 1894. С. 37–38; ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 118, л. 3; д. 155, 251.

[16] *Батиев Л.В.* Выборы гласных в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу на 1905–1909 гг. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. Т. 11. 2024. № 4. С. 15–22.

[17] ПК. 1908. 26 ноября. № 313. С. 2.

[18] Зворыкин принимал участие в подавлении крестьянских выступлений в Саратовской губ. в 1905 г., был отмечен губернатором П.А. Столыпиным и по его инициативе, уже как председателя Совета министров, 26 января 1907 г. назначен ростовским градоначальником.

[19] Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1909. № 1–2. С. 4–5.

[20] ПК. 1913. 14 марта. № 68. С. 3; 17 марта. № 71. С. 5.

[21] Там же. 1909. 11 января. № 9. С. 3; 22 января. № 20. С. 3; 30 января. № 28. С. 4.

22 заявлений об изменении списка[22]. Вместе с тем общественность извещалась об инициативе 35 избирателей провести выборы не в понедельник (20 апреля), а в какой-либо из выходных дней (18 или 19 апреля) и «не закрытой подачей голосов, а прямой подачей списков по бюллетеням»[23]. Управа высказалась в пользу 18 числа, с чем согласился и Зворыкин[24].

После внесения правок перечень из 658 человек с правом голоса поступил на утверждение градоначальника[25]. По имущественному цензу они разделились следующим образом: недвижимостью стоимостью от 1 до 1,5 тыс. руб. владели 230 человек, от 1,5 до 3 тыс. руб. – 149 человек, от 3 тыс. руб. – 219 человек. Кроме того, к первой группе добавились ещё 18 горожан, преодолевших минимальный барьер благодаря объединению стоимости нескольких принадлежавших каждому из них имений[26]. Избирательные права ещё у 36 человек подтверждались промысловыми свидетельствами на торговые предприятия, а у шестерых – на промышленные[27]. Приблизительно 170 человек не являлись армянами[28]. По сравнению с 1905 г. общая численность избирателей сократилась на 29 человек[29].

Выборы проводились под председательством городского головы К.М. Попова в здании Коммерческого клуба 18–19 апреля. В первый день работы избирательного собрания составлялся общий кандидатский список. Когда число зарегистрированных избирателей, начавших прибывать с 10 часов утра, достигло 150 человек, председатель объявил собрание открытым, объяснил процедуру подачи записок с именами лиц, предлагавшихся в качестве претендентов в гласные, и пригласил 26 избирателей в помощь для подсчёта голосов. К четырём часам дня набралось 328 записок, а подсчёты по ним в шести подкомиссиях продолжались примерно с пяти часов вечера до второго часа пополуночи. Всего в них фигурировало 351 имя, но только 138 из них более пяти раз – количество, традиционно использовавшееся в Нахичевани при формировании окончательного кандидатского списка перед баллотировкой (не преодолевшие означенный рубеж соискатели по собственному желанию также могли войти в этот перечень)[30].

На следующий день работа собрания началась с оглашения списка претендентов. Председатель осведомился у «каждого кандидата, пожелает ли он баллотироваться в гласные»[31]. К неармянской части населения принадлежали около 70 человек, в подавляющем большинстве – русские. Большинство кандидатов, получивших минимальное число предложений, как правило, выходили из дальнейшей борьбы, но их место нередко занимали самовыдвиженцы.

---

[22] Южный телеграф. 1909. 17 февраля. № 2202. С. 3; 8 марта. № 2221. С. 3.

[23] Там же. 10 марта. № 2223. С. 3; 11 марта. № 2224. С. 2.

[24] Там же. 13 марта. № 2226. С. 2.

[25] ГА РО, ф. 91, оп. 4, д. 105, л. 1–12; д. 705; д. 1479, л. 85–87 об.

[26] На выборах в 1913 г. Нахичеванская городская управа признала такой подход неправомерным (Там же, оп. 1, д. 1752, т. 1, л. 20–21, 24).

[27] Лица, принимавшие участие в городских выборах одновременно по двум цензам (владение недвижимым имуществом и содержание предприятия), учитывались как владельцы недвижимости.

[28] Там же, оп. 4, д. 705. С учётом того, что немало нахичеванских армян приняли русские фамилии, при определении национальной принадлежности обращалось внимание также на имя и отчество избирателей.

[29] *Батиев Л.В.* Выборы гласных в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу... С. 17.

[30] ГА РО, ф. 91, оп. 4, д. 103, 106.

[31] Там же, д. 103, л. 2 об.; д. 104, л. 10 об.

В собрании имелось всего 70 баллотировочных ящиков, поэтому предполагалось провести голосование в три серии (по 70, 75 и 15 имён), причём в первую вошли фавориты по количеству предложений, поступивших накануне. Некоторые участники заявили о снятии своей кандидатуры после оглашения списка, из-за чего в «выборном листе» с результатами баллотировки присутствуют имена 159 человек, при шести из которых отмечен отказ от выдвижения своей кандидатуры. В выборах приняли участие 369 избирателей (56% от общего числа), в том числе 357 человек, соответствовавших цензу по владению недвижимым имуществом, и 12 – на основании промысловых свидетельств. Все избиратели приняли участие в голосовании по первой серии, менее 300 человек – по второй и 117 – по третьей[32].

По результатам голосования были избраны 53 гласных (причём 46 человек – из первой серии) и двое кандидатов к ним[33]. Ввиду получения одинакового количества шаров, вопрос о том, кто войдёт «в состав гласных», а «кому быть кандидатом в запасе» – П.Х. Титрову или С.С. Чарыхову – решился жребием в пользу первого[34]. Однако Чарыхов добился обжалования жеребьёвки в Особом по городским делам присутствии при ростовском градоначальнике[35], поэтому в дальнейшем его фамилия значилась среди гласных. Титров же стал кандидатом наряду с М.С. Вальяно[36]. Утверждение итогов выборов затянулось, и лишь 2 июня Зворыкин предложил городскому голове Попову сделать распоряжение о публикации окончательного списка гласных и приступить к выборам должностных лиц местной городской управы[37]. В обнародованный 11 числа состав Нахичеванской городской думы на следующее четырёхлетие вошли: И.М. Адабашев (Одабашев), В.В. Акимов, И.В., И.М. и Л.А. Аладжаловы, Е.Х. Алаханов, С.Х. Арутюнов, С.Ф. Асвадуров, М.В. Асланов, И.П. Баев, М.И. Балабанов, Г.Х. Бахчисарайцев, М.И. Берберов, Л.К. Восканов, К.С. Воскерчьян, А.С. Дережанов, Н.Н. Дурбах, Э.М. Кастанаев, И.М. Келле-Шагинов, Ф.С. Кечегьян, Г.Я. Кистов, И.Г. и М.Г. Мелконовы-Езековы, Я.А. Мирзоев, Г.М., К.М. и М.М. Поповы, Х.Н. Сагиров, А.И. Салтыков, С.В. Сармакешев, А.В. Скуба, К.А. Субашиев, В.М. Тер-Крикорьян (Тер-Крикоров), И.М. Тикиджи-Хамбуров, Б.Г. Трапезонцев, А.Ф. Хадамов, Е.А. Ханумьян, П.Е. Хатранов, И.К. Хлебников (О.К. Харагезян), Д.Е. и К.Е. Ходжаевы, И.М. Царуков. И.М. Чайлахов, Г.Х. и Х.Х. Чалхушьяны, С.С. Чарыхов, Д.Н. Чернов, Г.И. Чубаров, М.В. Шаповалов, И.М. Шапошников, Е.Г. и И.Г. Шилтовы, В.С. Эльснер[38].

Большинство из них (42 человека) принесли присягу не позднее 18 июня 1909 г. К середине осени то же сделали ещё девять избранников[39], а Шаповалов, находившийся в продолжительном отъезде, присягнул только 18 января

---

[32] Там же, д. 104, л. 1–9.

[33] Там же, л. 1–11.

[34] Там же, д. 103, л. 3; д. 104, л. 11.

[35] ПК. 1909. 22 мая. № 131. С. 3.

[36] Вся Донская область и Северный Кавказ на 1910 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов н/Д, 1910. Стб. 417–418.

[37] ПК. 1909. 3 июня. № 143. С. 2.

[38] Донские областные ведомости. 1909. 11 июня. № 119. С. 1. До этого в печати также подводились результаты голосования, причём среди гласных упоминались Титров с Чарыховым, а к кандидатам был отнесён Чайлахов (Южный телеграф. 1909. 21 апреля. № 2261. С. 3).

[39] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 6–12, 158–158 об.; ПК. 1909. 28 июля. № 198. С. 2.

1910 г.[40] Более сложной оказалась ситуация с редактором дашнакской[41] газеты «Нор кянк» («Новая жизнь») Хлебниковым: он находился в тюрьме в Ростове-на-Дону по политическим делам. Поэтому 8 февраля 1910 г. городской голова возбудил ходатайство о допущении «вместо Хлебникова в состав думы избранного к нему кандидата»[42]. Через три месяца, 19 мая, из градоначальства пришло сообщение, что выбранный ранее в гласные арестант обвиняется по ст. 102 Уголовного уложения[43], и Нахичеванская городская дума должна принять решение о его отстранении как привлечённого к судебной ответственности в соответствии со ст. 59 Городового положения 1892 г.[44] Тем не менее Хлебников продолжал упоминаться в числе гласных, а в 1913 г. его избрали в ту же думу на следующее четырёхлетие[45].

Следует отметить, что июньской публикацией состава думы избирательная кампания 1909 г. не закончилась. Обратив внимание на малочисленность кандидатов к гласным, ростовский градоначальник 22 июня предложил Нахичеванской городской управе созвать новое избирательное собрание на основании указа Правительствующего Сената № 4413 от 10 мая 1904 г. Через три дня управа попыталась доказать Зворыкину, что при максимуме в 60 гласных, допущенном по ст. 56 Городового положения, имеющегося количества гласных и кандидатов вполне достаточно. В качестве примера приводился местный опыт четырёхлетней давности: в 1905 г. «в Нахичевани требовалось 53 гласных; избрано же было всего 36 человек, т.е. ровно ⅔». Со временем их число сократилось до 32, но и тогда дума «продолжала функционировать, ибо заседания составлялись по 70[-й] ст[атье] Городового положения при наличности 18 гласных». При этом каких-либо препятствий в работе городского общественного управления до окончания срока их полномочий не наблюдалось. Упомянутые же в указе 1904 г. дополнительные выборы, по мнению управы, не являлись обязательными – наоборот, Сенат предоставлял личной инициативе широкий простор. Однако Зворыкин не согласился с таким заключением и 6 июля 1909 г. уведомил нахичеванские власти, что ст. 53 Городового положения прямо предписывает произвести довыборы при недостаточном числе гласных или кандидатов. Сенатский же указ, по утверждению градоначальника, лишь разъяснял, что избирательное собрание можно созывать для избрания одних только кандидатов, а не гласных и кандидатов вместе. Зворыкин предвидел неиз-

---

[40] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 161–162, 164–165.

[41] Принадлежала созданной в 1890 г. армянской революционной партии «Дашнакцутюн» («Союз»).

[42] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 163, 166, 167; ПК. 1911. 29 октября. № 284. С. 3.

[43] Речь шла об участии в таких политических сообществах, которые имеют целью непосредственное насильственное ниспровержение существующего политического строя. Подробнее об этой категории правонарушений см.: *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 186.

[44] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 167–168.

[45] Там же, д. 1752, т. 2, л. 296; Вся Донская область и Северный Кавказ на 1910 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов н/Д., 1910. Стб. 417–418; Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год. Учреждения и должностные лица. Промышленные и торг[овые] предприятия. Ростов н/Д, 1912. Стб. 203–204; ПК ОВД на 1910 г. Новочеркасск, 1910. Отд. II. С. 94; ПК ОВД на 1911 г. Новочеркасск, 1911. Отд. II. С. 104; ПК ОВД на 1913 г. Новочеркасск, 1913. Отд. II. С. 117; ПК ОВД на 1914 г. Новочеркасск, 1914. Отд. II. С. 123; ПК ОВД на 1915 г. Новочеркасск, 1915. Отд. II. С. 130; ПК ОВД на 1916 г. Новочеркасск, 1916. Отд. II. С. 120; *Чеботарёв Г.А.* Ростов–Нахичевань-на-Дону. Справочная книжка. Ростов н/Д, 1911–1912. С. 148.

бежное выбытие части гласных, что при почти полном отсутствии им замены вновь приведёт к работе думы в ненадлежащем составе, а потому предложил городскому голове при первой же возможности организовать дополнительные выборы кандидатов[46].

Последовав этому предложению, городская управа на заседании 2 сентября назначила созыв избирательного собрания на 20 число того же месяца – в воскресный день, чтобы дать всем избирателям возможность воспользоваться своим правом. Градоначальник утвердил это решение, после чего соответствующее объявление появилось в ряде местных газет («Южный телеграф», «Приазовский край», «Южный вестник»)[47]. Управа вновь проверила список избирателей: исключила из него 16 человек, продавших своё недвижимое имущество; удостоверилась, что 37 лиц будут голосовать по доверенности (вместо одного из них на выборы явился сам избиратель)[48].

В назначенный день из 642 избирателей в собрание пришли 106 человек (шесть из них имели два голоса). Для баллотировки их разделили на пять групп, 17 человек участвовали в подсчёте бюллетеней при определении списка претендентов (всего поступило 100 записок с предложениями), а 34 – в сборе и подсчёте шаров[49]. В распоряжении собрания имелось 30 баллотировочных ящиков, и при 43 претендентах голосование проводилось в две серии (30 и 13 человек). В первой серии избрали пятерых кандидатов к гласным, во второй – одного, т.е. общее их количество составило восемь человек, что было признано законным[50]. К Вальяно и Титрову добавились М.Е. Алавердов, Н.Н. Капиков, Н.С. Мхитарьянц, Г.Б. Реизов, Я.Г. Сармакешев и Е.Г. Черепахин[51]. Вскоре они стали занимать освобождавшиеся места в думе, но уже 15 октября 1909 г. успевший стать гласным Алавердов отказался от этого звания без объяснения причин[52]. В связи с переездом в Москву о своём выходе из Нахичеванской городской думы 13 сентября 1910 г. заявил Адабашев. Спустя два дня городской голова извещал градоначальника, что заменить Адабашева приглашён Вальяно[53]. В 1911 г. к присяге привели Черепахина (заменил умершего Эльснера), Капикова и Сармакешева (вместо отказавшихся от своей должности Г.М. Попова и Воскерчяна)[54]. Правда, из-за отсутствия достаточного свободного времени Сармакешев вышел из состава думы в следующем году[55]. В конце декабря 1911 г. по той же причине от своих обязанностей отказался Кистов[56]. С 1912 г. в числе гласных упоминаются Мхитарянц и Реизов[57].

---

[46] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 1–5. См. также: ПК. 1909. 27 июня. № 167. С. 3; 7 июля. № 177. С. 2.

[47] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 13–18, 55, 57–60. См. также: ПК. 1909. 8 сентября. № 238. С. 3.

[48] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 28–52, 63–67, 70–75.

[49] Там же, л. 76–80, 84–84 об., 137.

[50] Там же, л. 131–133, 138–138 об.; д. 1766, л. 3 об.

[51] Там же, д. 1479, л. 136, 143.

[52] Там же, л. 155, 158 об.

[53] Там же, л. 168–170.

[54] Там же, л. 150–151, 158–158 об.; ПК. 1911. 12 июня. № 152. С. 3; 28 октября. № 283. С. 4; 4 ноября. № 290. С. 4; 11 декабря. № 325. С. 6; 18 декабря. № 332. С. 6. На место Эльснера первоначально предполагался Титров (ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 150–152).

[55] Южный телеграф. 1912. 22 февраля. № 3235. С. 3.

[56] ПК. 1911. 31 декабря. № 343. С. 4.

[57] ПК ОВД на 1912 г. Отд. II. С. 106; *Чеботарёв Г.А.* Ростов–Нахичевань-на-Дону... С. 149.

Среди 53 гласных, избранных в апреле и утверждённых в июне 1909 г., 28 человек принадлежали к предыдущему составу Нахичеванской городской думы[58]. Несмотря на рост общей численности избранников в сравнении с 1905 г., социальный состав гласных в 1909 г. принципиально не изменился. Половина из них принадлежала к купцам и промышленникам, 11 мест в думе заняли врачи, 8 – юристы (присяжные поверенные, нотариусы и проч.). Кроме того, среди гласных были издатель «Приазовского края», редактор «Нор кянк», учёный агроном, архитектор, служащий городской управы, преподаватель гимназии. По сравнению с предыдущим созывом число представителей «свободных профессий» в думе увеличилось, но их доля осталась прежней.

Не претерпел существенных изменений и этнический состав гласных. Абсолютное большинство сохранилось за армянами – коренными нахичеванцами. Среди гласных, избранных в апреле 1909 г., лишь Акимов, Скуба и Эльснер принадлежали к другим национальностям[59]. То же можно сказать о кандидатах Вальяно (этнический грек)[60] и Черепахине. Поскольку последний заменил Эльснера, то к 1913 г. в Нахичеванской городской думе заседали всего четверо гласных неармянского происхождения.

Для «русской партии» такой результат означал полный разгром. Не удивительно, что сразу после апрельских выборов 1909 г. её представители (в печати упоминались Н.Г. Киселёв, некий Куликов и «другие избиратели») подали ростовскому градоначальнику коллективную жалобу. Они обвиняли председателя избирательного собрания в ряде нарушений, в том числе «в действии», благодаря которому 100 человек «лишились возможности осуществить свои избирательные права». В данном случае имелось в виду «несвоевременное извещение избирателей о времени производства гласных, а также закрытие входа в избирательное собрание». Как отмечалось в прессе, инициаторами жалобы стали «новые люди», недавно появившиеся «в среде русского населения» Нахичевани, но уже успевшие «провести между русскими и армянами города резкую черту». Результаты выборов совершенно не понравились проигравшим «сеятелям вражды и ненависти среди нахичеванского общества». Признание обвинений в адрес К.М. Попова справедливыми угрожало отменой результатов выборов, но, как прозорливо рассуждал один из публицистов 10 мая 1909 г., «нужно думать», что главный их аргумент «это плод фантазии», и «этот обвинительный пункт выкинется из жалобы как ни на чём не основанный»[61].

Отвечая на эти заявления, Нахичеванская городская управа подчёркивала, что «самый предмет жалобы поставлен на... зыбкую, узко националистическую почву», а её авторы «бесцеремонно обращаются с фактами, измышляют их». Руководствуясь чувством «развязности и бесцеремонности», они, по мнению управы, позволили себе творить «ложь, инсинуацию, клевету и ругань», которыми «испещрена с начала до конца» поданная градоначальнику бумага. Помимо голословных и попросту выдуманных обвинений в нарушении избирательной процедуры, жалобщики ссылались на наличие некоего заговора среди армян-нахичеванцев с целью не допустить русских в городскую думу, для чего

---

[58] ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1766, л. 3 об.

[59] В 1909 г. присягу Эльснера принимал православный священник (ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 7).

[60] Вся Донская область и Северный Кавказ на 1910 год. Стб. 417–418.

[61] *Х.* К нахичеванским выборам // ПК. 1909. 10 мая. № 121. С. 4–5; 1911. 30 мая. № 141. С. 4.

в ходе выборов якобы использовались специальные пароли, разговоры в кулуарах на армянском языке, предъявлялись претензии к написанию в избирательных списках на русском языке армянских имён и фамилий и т.п.[62]

С общей оценкой безосновательности поступившего протеста согласилось и Особое по городским делам присутствие под председательством Зворыкина. На заседании 21 мая оно решило оставить эту жалобу без последствий[63]. Не смогло повлиять на результаты голосования 19 апреля и заявление Киселёва, поданное отдельно. По его словам, к выборам был допущен некто Г.Я. Котляров, отбывавший наказание в арестантских отделениях. Однако, как сообщалось в печати, обвинять в этом избирательное собрание не имелось причин, поскольку перед началом его работы присутствующим сообщили «об обязанности каждого, опороченного по суду, заявить об этом обстоятельстве и под страхом личной ответственности устраниться от участия в выборах»[64]. Именно в связи с этими протестами утверждение нового состава Нахичеванской городской думы задержалось на полтора месяца, до 2 июня 1909 г.

Не все представители «русской партии» смирились с поражением на местном уровне, и уже на постановление Особого по городским делам присутствия от 21 мая 1909 г. Киселёв, а также инженер путей сообщения К. Сабельников, отставной полковник В. Султанов и статский советник Д. Понятовский подали жалобу в Правительствующий Сенат. Рассмотрение вопроса в Санкт-Петербурге затянулось на два года, пока в конце мая 1911 г. в Нахичевань не пришёл вердикт высшей инстанции. Сенаторы посчитали поступившую жалобу безосновательной, поскольку её подали не те лица, которым непосредственно преградили доступ к голосованию, и в ней не сообщалось о прямых случаях такого запрета, т.е. не упоминались конкретные имена. Другие доводы, отнесённые заявителями к разновидностям агитации и беспорядкам[65] в избирательном собрании 19 апреля 1909 г., оценивались как «совершенно голословные». Более того, особо подчёркивалась высокая явка на выборах, «какового количества никогда не бывало»[66]. Позднее Сенат дополнительно разъяснил, что «участие в выборах гласных лиц, не имеющих на то права», действительно является нарушением, но отменять итоги выборов и назначать новые на данном

---

[62] Там же. 1909. 27 мая. № 136. С. 3.

[63] Там же. 22 мая. № 131. С. 3; 3 июня. № 143. С. 2.

[64] ПК. 1909. 9 мая. № 120. С. 3.

[65] В качестве примера нарушений «агитационного характера» можно упомянуть «отметки некоторых баллотировочных ящиков листами белой бумаги». Как оказалось, такая «отметка была сделана на всех ящиках, взятых из Ростовской городской управы, ввиду окраски их в один цвет», тогда как правая сторона собственных избирательных урн нахичеванского городского управления имела белый цвет, а левая – чёрный (ПК. 1911. 30 мая. № 141. С. 4). При организации дополнительных выборов кандидатов к гласным в сентябре 1909 г. нахичеванское городское общественное управление снова запросило 25 ящиков у Ростовской городской управы (ГА РО, ф. 91, оп. 1, д. 1479, л. 27).

[66] ПК. 1911. 30 мая. № 141. С. 4. К примеру, в выборах гласных в Нахичеванскую городскую думу в 1905 г. участвовали лишь 252 избирателя, или 36,7% от общего их количества (*Батиев Л.В.* Выборы гласных в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу... С. 20). Ср.: *Зайцев М.В.* Проведение выборов гласных Саратовской городской думы в 1893–1913 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 3–4; *Архипова Н.Е.* Организация и деятельность органов городского самоуправления Нижнего Новгорода в 1892–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2008. С. 14.

основании допустимо «лишь в тех случаях, когда это могло существенно повлиять на результаты» голосования[67].

Следует отметить, что уже вскоре после 19 апреля 1909 г. в периодической печати появилась подробная характеристика предвыборной подготовки противостоявших сторон в Нахичевани. По сообщению одного из авторов, действия по срыву результатов голосования в думу следовало рассматривать в качестве тактического приёма группы лиц, стремившихся получить более выгодную позицию при последующих переговорах с противниками. В частности, он отмечал, что «благодушно настроенные армяне предлагали новым лидерам русской группы различные комбинации для соглашения на почве составления кандидатских списков, но всякие предложения безапелляционно» отвергались. Вместо этого «новые люди, не стесняясь, объявили, что ни в какие соглашения не войдут», а в уже составленный ими кандидатский список «не включили ни одного армянина». В ходе выборов они намеревались поголовно «чернить армян», но, как подчёркивал публицист, «прямая их цель – сорвать во что бы то ни стало эти выборы, обжаловать их в случае чего, а затем уже, перед новыми выборами, войти с армянами в переговоры и какое-либо соглашение». При этом случилось так, что «руководимые новыми лидерами русские избиратели чернили не только армян, но и русских, выдвигаемых армянской группой в кандидаты гласных». Именно «в отрицательной деятельности этих господ» автор предлагал «искать настоящую причину блестящего результата нахичеванских выборов»[68].

Таким образом, изменение этнического состава местного населения и общий рост черносотенного движения сказались на атмосфере избирательного процесса в Нахичевани-на-Дону на первых же выборах в городскую думу после Первой русской революции. Появившиеся в городе «новые люди», по свидетельству современников, «внесли в Нахичевань отрицательное начало», из-за чего «мирное и спокойное сожительство русских и армян» начинало казаться «едва ли... мыслимым»[69]. Обострение общественно-политической борьбы на национальной основе повлияло на мобилизацию избирателей противоборствующими сторонами и обеспечило нетипичную для городских выборов явку. Однако, несмотря на повышенную активность новых для нахичеванского общества сил, преобладающее положение армян в новом составе думы оказалось непоколебимым.

Важнейшей причиной сохранения позиций армянского большинства в нахичеванском общественном управлении следует считать ценз на недвижимое имущество, установленный Городовым положением 1892 г. В связи с образованием градоначальства он увеличился для местных жителей с 300 до 1 тыс. руб. Коренное, достаточно зажиточное городское население в этом отношении, безусловно, имело серьёзное преимущество перед значительной массой новых переселенцев из других регионов. Вместе с тем нельзя упускать и роль субъективного фактора. Нацеленная на конфликт позиция, открыто заявленная «русской группой», вряд ли могла найти поддержку на фоне традиционной солидарности старой городской элиты и устоявшейся за десятилетия нахичеванской практики «всё делать “по-домашнему” – без

[67] ПК. 1911. 26 июня. № 166. С. 4.
[68] *Х.* К нахичеванским выборам // Там же. 1909. 10 мая. № 121. С. 4.
[69] Там же.

шума и собраний, доверяясь во всём честности “уважаемых” лиц города»[70]. Как отмечалось в либеральной прессе, попытка «внести раздор, сыграв на “национальной” струнке», оказалась неудачной, и городская жизнь в целом характеризовалась сохранением межнационального согласия: «Проповедь человеконенавистничества не встретила отклика»[71]. Следует отметить также ограниченное использование административного ресурса на нахичеванских выборах в 1909 г. Это особенно хорошо заметно при сравнении с событиями 1913 г., когда предвыборная агитация и процедура голосования проходили не только в конфликтной атмосфере, но и под постоянным прессингом со стороны ростовского градоначальника Зворыкина и возглавляемого им Особого по городским делам присутствия[72].

[70] ПК. 1913. 10 августа. № 208. С. 2.

[71] *Федорович Н.* Нахичевань в 1909 г. // Южный телеграф. 1910. 1 января. № 2503. С. 4.

[72] Подробнее см.: Как выбирали раньше: о выборах в Ростовскую и Нахичеванскую городские думы. Ростов н/Д, 1947. С. 18–22.

Сбор разведывательных сведений о вооружённых силах Османской империи перед началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Марина Фролова

Collection of intelligence on the Armed Forces of the Ottoman Empire before the Russo-Turkish War of 1877–1878

Marina Frolova
(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020070

При подготовке к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. одной из важнейших задач Военного министерства России и Полевого штаба Дунайской армии являлся сбор разведывательных данных о противнике. Отдельные аспекты организации разведки в середине 1870-х гг. были рассмотрены в работах А.А. Улуняна, Д. Добрева, Н.А. Кудрявцева, Д. Схиммельпэннинка ван дер Ойе, М.Н. Алексеева, В.В. Кондрашова, М. Симова и др.[1] Привлечение новых материалов из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи позволяет существенно дополнить современные представления как о проведении стратегической разведки русским командованием перед войной, так и о разведывательной деятельности дипломатических представителей России в Османской империи, которая в историографии освещена лишь частично.

После заключения в 1856 г. Парижского мира МИД России значительно увеличил свою консульскую сеть на Балканах. В 1864 г. в Османской империи действовали пять генеральных консульств (в Константинополе, Бухаресте, Бейруте, Белграде и Трабзоне), 18 консульств и 7 вице-консульств, причём 22 дипломатических поста находились в европейских владениях султана[2]. После вилайетской реформы 1865–1867 гг. и нового административного деления Турции МИД России произвёл соответствующие изменения в местоположении и статусе многих своих представительств. Например, консульство в Тырнове было перенесено в Рущук, ставший центром Дунайского вилайета,

© 2026 г. М.М. Фролова

[1] *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971; *Добрев Д.* Организация, форми и способи на разузнаването в Руско-турската освободителна война 1877–1878 г. // Военно-исторически сборник. 1988. № 2. С. 3–25; *Кудрявцев Н.А.* Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. СПб., М., 2002; *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д.* Д.А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 691–700; *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010; *Кондрашов В.В.* История отечественной военной разведки. Документы и факты. Изд. 3. М., 2014. С. 16–19; *Симов М.И.* Русские консульства на Балканах и их роль в осуществлении разведки накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Славяноведение. 2017. № 3. С. 3–14; *Симов М.И.* Военните агенти на Русия в Константинопол (1856–1877) // Фабрика за история. Т. 3. Войни. Революции. Памет. София, 2017. С. 37–52.

[2] *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 129.

и преобразовано в генеральное консульство[3], а ранг дипломатических постов в Мостаре и Видине понижен до вице-консульств. Согласно утверждённому Александром II 4 февраля 1875 г. мнению Государственного совета «о штатах заграничных установлений Министерства иностранных дел», увеличивались оклады чиновников, служивших за границей, но при этом «в видах экономии бюджета» сокращалось их число в Османской империи: в подчинении посла в Константинополе остались шесть генеральных консульств (в Александрии, Бейруте, Белграде, Бухаресте, Константинополе и Рущуке), 15 консульств и четыре вице-консульства. Закрылись вице-консульства в Видине, Варне, Дарданеллах (Чанаккале), Мостаре, Орсове, Призрене и др.[4] Тем самым русское присутствие на Балканах в самый разгар национально-освободительного движения и активизации в регионе западных держав заметно ослабло[5], что не способствовало осведомлённости Петербурга о местных делах. Помимо этого, при спуске российского флага ослабевали или вовсе терялись налаженные с огромным трудом контакты дипломатов с окрестными жителями и проверенными информаторами.

Как известно, на Балканах круг обязанностей консулов был шире, поскольку наряду с традиционными функциями, связанными с экономическими и торговыми интересами России и защитой прав её подданных, они заботились о восстановлении и усилении политических позиций России, а также о нуждах православного населения[6]. Реже упоминается такая важная составляющая их деятельности, как сбор информации о турецких вооружённых силах. В 1856 г. при посольстве в Константинополе появилась новая должность – военный агент (атташе). После полковника В.А. Франкини с 1870 г. её занимал полковник Генерального штаба А.С. Зеленой (Зелёный). Аналитические справки о состоянии армии султана военные агенты составляли на основе собственных наблюдений и сведений, регулярно поступавших от консулов и вице-консулов, которые, по сути, заменяли резидентов.

По мере углубления Восточного кризиса посол в Константинополе Н.П. Игнатьев 21 октября 1875 г. в секретном циркулярном предписании предусмотрительно и заблаговременно поставил перед своими подчинёнными задачу собирать точную информацию о турецких войсках и их вооружении[7]. Донесения направлялись в посольство в Константинополе и в Азиатский департамент, откуда пересылались директором военному министру Д.А. Милютину с просьбой возвращать их «по миновании надобности». В РГВИА сохранилась переписка

---

[3] Н.П. Игнатьев считал, что в случае необходимости русский консул в Рущуке всегда может съездить в Тырново (всего два или три дня пути верхом). В городе практически отсутствовали русские подданные, а найти бесплатного агента из местных жителей было трудно. По наблюдениям Игнатьева, изложенным в донесении директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову 11 мая 1865 г., охотники на такие должности находились преимущественно в портах, «ибо там труды их вознаграждаются сбором с купеческих судов и с русских торговцев и путешественников» (*Жейнов И.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя. (1865–1877 г.). София, 2009. С. 22).

[4] ПСЗ-II. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54347. С. 110–111; Отд. 3. СПб., 1877. С. 48–66.

[5] *Смирнова И.Ю.* Консульские преобразования российского МИД на Балканах и в азиатской Турции (1860–1870-х гг.) // Россия и Балканы: геополитика и общественные связи. М., 2022. С. 245, 257.

[6] *Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 24.

[7] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7629, л. 5.

между МИД и Военным министерством о препровождении и отсылке назад дипломатических донесений со сведениями о турецких войсках, но сами эти документы в данном деле зачастую отсутствуют, встречаясь среди других материалов как в РГВИА, так и в АВПРИ. В ноябре 1875 г. начальник Главного штаба гр. Ф.Л. Гейден отмечал в письме к директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову, что «в настоящее время консульские донесения из Турции имеют особенно важное значение, так как представляют единственно верные данные, по которым можно судить о современном положении дел»[8].

Полковника Генерального штаба Н.Д. Артамонова, вступившего в начале ноября 1876 г. в должность штаб-офицера над вожатыми (т.е. начальника разведки) Дунайской армии, не устраивала такая практика получения информации, поскольку из-за прохождения по нескольким инстанциям она теряла актуальность. Он обратился к управляющему Азиатским департаментом Н.К. Гирсу, которого знал лично, с просьбой, чтобы консулы направляли сведения прямо в штаб Дунайской армии. В присутствии Гирса в самом департаменте полковник составил список вопросов, на которые следовало ориентироваться дипломатам на местах при сборе сведений о численности, расположении и передвижениях турецких войск в Европейской и Азиатской Турции[9]. 10 ноября 1876 г. личная договорённость с Гирсом была официально оформлена письмом в Азиатский департамент, в котором Артамонов просил через русских дипломатов в Рущуке, Тульче, Константинополе доставлять в Полевой штаб армии, который прибудет в Кишинёв к 20 ноября, сведения о турецких войсках, расположенных в районе Рущука, Тульчи, Константинополя и других местах Болгарии и Румелии, собирать сведения о шоссе из Рущука через Тырново в Казанлык и других шоссейных дорогах через Балканы[10]. В тот же день Гирс секретной телеграммой дал соответствующие указания в Бухарест, Измаил, Константинополь, Рущук[11].

Перед отъездом из Петербурга полковник Артамонов получил таблицу расположения в октябре 1876 г. всех частей турецкой регулярной армии, которую составили в Военно-учёном комитете на основании данных, поступавших от Зеленого[12]. И уже в Кишинёв из Военно-учёного комитета переслали донесение, отправленное вице-консулом А.Е. Василевским из Тульчи 31 октября[13].

Главный штаб Военного министерства организовывал одновременный сбор информации о турецких войсках со всех дипломатических постов в Османской империи. 31 декабря 1876 г. гр. Гейден писал Гирсу: «Ввиду необходимости иметь самые точные и современные сведения о турецкой армии, покорнейше прошу Ваше превосходительство оказать Военному министерству Ваше содействие, поручив всем консулам в Европейской и Азиатской Турции доставить через посредство Азиатского департамента *одновременно* (здесь и далее слова, выделенные курсивом, подчёркнуты в документе. – *М.Ф.*), а именно к 15(27) января 1877 г., *по телеграфу* сведения о числе батальонов низама и ре-

---

[8] Цит. по: *Симов М.И.* Русские консульства на Балканах... С. 4.

[9] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 3.

[10] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1877 г., д. 123, л. 5.

[11] Там же, л. 4; *Жейнов И.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя. С. 181.

[12] Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–[18]78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 8. СПб., 1898. С. 18–23.

[13] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 3 об.

дифа, полков кавалерии и батарей артиллерии, которые *к этому времени* будут находиться в районах консульств. При сём считаю долгом присовокупить, что Военное министерство примет на себя все расходы по доставке означенных сведений»[14].

С 10 января начали поступать телеграммы из Сараево, Салоник, Скутари, Битолы, Адрианополя, Трабзона, Кандии, Янины, Рущука, Эрзерума, Иерусалима, Смирны, Батума, Тульчи, Бейрута и др.[15] Затем подобная операция дважды повторялась. В Главном штабе даже не меняли текст отношения, только проставляли новые даты: телеграммы с мест ожидались к 10(22) марта[16], а в третий раз – к 10(22) апреля[17]. Кроме того, в Главный штаб стекались сведения о приготовлениях Турции к войне и о её армии от русских дипломатов и военных агентов, аккредитованных в Лондоне, Париже, Вене, Берлине и других городах. На основании этой информации составлялись подробные ведомости о расположении и численности войск Османской империи. Полковник Артамонов вспоминал, что получил таковую ведомость, отражавшую обстановку на 10–15 марта 1877 г., и признавал её весьма полезной[18].

Возможности самого Артамонова, как начальника разведки Дунайской армии, были гораздо скромнее. Поначалу ему даже отказали в получении некоторых запрещённых в России газет, которые попали в составленный им согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1868 г. список английских, французских, немецких и русских периодических изданий, содержащих сведения о неприятеле. Артамонов настоял на своём, доказав, что именно во враждебной прессе могут быть почерпнуты весьма важные указания, и со второй половины декабря 1876 г. газеты, в том числе и запрещённые, стали приходить в Кишинёв. До того времени полковник пользовался отечественной печатью, которую выписывал на собственные средства[19].

С большим трудом при содействии М.А. Хитрово, временно заведовавшего дипломатической частью при Полевом штабе армии, Артамонову удалось выхлопотать отправку каждому консулу по 300 руб. на расходы, сопряжённые со сбором сведений о турках. Первые донесения, отправленные из Галаца и Константинополя 25 ноября, дошли до Полевого штаба 9 декабря. Подробные и полные данные о турецкой армии в начале декабря привёз в Кишинёв Зеленой, возвращавшийся из Сербии по окончании работ в демаркационной комиссии, которая установила границу между турецкими и сербскими войсками до заключения мира[20].

До объявления войны Артамонов извлекал упоминания о турецких войсках и их вооружении из бумаг, поступавших от Игнатьева к главнокомандующему Действующей армией и в Полевой штаб (он пересылал также копии донесений консулов и вице-консулов); от консулов, писавших прямо в Полевой штаб; от начальника Главного штаба, а также из канцелярии Военно-учёного комитета и Комитета по подготовке данных для мобилизации войск; от полковников

---

[14] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1877 г., д. 123, л. 77–77 об.; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7635, л. 1.

[15] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7635, л. 31–37, 41, 46, 49, 52 и др.

[16] Там же, л. 137–145, 147, 149; д. 7468, ч. 1, л. 160–166.

[17] Там же, д. 7635, л. 160.

[18] Там же, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 6 об.; Сборник материалов... Вып. 8. С. 32–33.

[19] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 3–4.

[20] Те же сведения пришли в Кишинёв вторично 27 декабря из константинопольского посольства при отношении, датированном 10 декабря (Там же, л. 4 об.).

Генерального штаба П.Д. Паренсова и Г.И. Бобрикова, капитана 1-го ранга М.П. Новосильского и других офицеров, направленных для сбора сведений в Румынию. Наиболее ценными и свежими были сообщения консулов. В отношениях посольства и министерства, за редким исключением, лишь повторялись или пересказывались те же консульские известия, шедшие с мест одновременно в Кишинёв, Константинополь и Петербург[21]. В Полевой штаб они попадали гораздо позднее.

Работу начальника разведки Дунайской армии весьма затрудняло то, что по распоряжению главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича он подчинялся не начальнику Полевого штаба генерал-адъютанту А.А. Непокойчицкому, как того требовало «Положение о полевом управлении войск в военное время»[22], а его помощнику генерал-майору К.В. Левицкому, «заваленному массой самых серьёзных и ответственных дел», который по закону «не имел власти разрешить почти ни одного вопроса, а особенно денежного по части штаб-офицера над вожатыми». Только после начала военных действий Артамонов стал докладывать непосредственно Непокойчицкому, но приказ о его подчинении Левицкому не отменялся. При таком положении донесения консулов поступали сначала к Левицкому, а он передавал их Артамонову с некоторой задержкой. В итоге, например, сведения, переданные из Варны 1 декабря 1876 г., попали к Артамонову 23 декабря; сообщения, посланные из Рущука 10, 17, 19 декабря, – 27 декабря; информация из Салоник, отправленная 4 января, дошла до него 25 февраля, и т.д.[23]

По донесениям дипломатов, сохранившимся в фондах АВПРИ и РГВИА, видно, как Османская империя наращивала мощь своих вооружённых сил в Дунайском вилайете. Так, 9 ноября консул в Измаиле П.С. Романенко писал, что укрепления правого берега, возведённые турками в Крымскую войну, оставались «в том самом разорённом виде, в каком они существовали все эти годы»; не обновлялись и орудия на батареях, находившихся в Тульче и на острове Четале. Иностранных офицеров не было[24]. Крепость в Видине, как стало известно консулу в Галаце А.С. Романенко (старшему брату измаильского), имела на вооружении чугунные пушки старой системы, за исключением одной батареи, выдававшейся к Дунаю, где установили шесть медных орудий Круппа. В том же донесении, датированном 25 ноября, говорилось, что турецкая армия будет состоять из семи корпусов (каждый по 25 тыс. человек), квартира главнокомандующего Керим-паши разместится в Шумле, а штаб 7-го корпуса – в Исакче, но в этом городе ещё не наблюдалось никаких приготовлений[25]. Тем временем австрийская дунайская компания объявила о прекращении судоходства на реке 26 ноября (8 декабря) и назначила место для зимней стоянки своих пароходов, ремаркеров и шлепов не в Мачинском рукаве, как ранее, а в Турн-Северине, Пеште и Орсове. Австрийцы объясняли столь раннее прекращение навигации опасением военных действий, но А.С. Романенко полагал, что «едва ли преждевременная отсылка судов на зимовку не сделана австрийцами в угоду туркам, чтобы прекратить всякое сообщение с правым берегом Дуная и отнять

[21] Там же, л. 5.

[22] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1868. С. 40–41.

[23] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 5 об.–7.

[24] Там же, ф. 846, оп. 16, д. 7629, л. 170 об.

[25] Там же, д. 7468, ч. 1, л. 4 об. Копию с этого донесения см.: Там же, д. 7459, л. 94–96 об.

возможность воспользоваться пароходами и громадным материалом на случай переправы войск»[26].

25 ноября Игнатьев секретно уведомил Непокойчицкого и Гирса, что по сведениям консульского агента в Варне Н. Даскалова, с 15 ноября турецкие власти начали поспешно стягивать войска в Дунайский вилайет, где их до того не имелось, за исключением гарнизонов в Варне, Шумле и Силистрии, для образования армии на случай войны с Россией. В Варну 15–20 ноября прибыли шесть транспортных пароходов с 12 тыс. редифов (десять батальонов из армии Дервиш-паши, сражавшейся в Черногории, и восемь – из Смирны и Анатолии). Солдаты Дервиш-паши были вооружены хорошими ружьями системы Генри–Мартини, но настолько изнурены походом, что не могли бы вести бой без полутора месяцев отдыха[27]. Из 18 батальонов 10 отправились по железной дороге в Шумлу, остальные расквартировали в Варне и её окрестностях. В двух этих городах насчитывалось тогда 13 500 редифов, 600 артиллеристов и два эскадрона регулярной кавалерии. Их укрепления защищали старые чугунные крепостные пушки, но к концу ноября там установили по десять нарезных и по восемь орудий, заряжавшихся с казённой части (каждое стояло на лафете с зарядным ящиком и удобно передвигалось тремя парами волов или буйволов). Появились слухи о намерении турецкого правительства перестроить и перевооружить крепости, снабдив их артиллерией новейших систем[28].

10 декабря Игнатьев отослал Непокойчицкому записку о численности и расположении турецких сил, составленную на основании бесед, проведённых «доверительным образом» с иностранными офицерами, которые находились на турецкой службе. «Более обстоятельные и подробные сведения получить ныне здесь трудно, – отмечал посол, – так как суда с войсками проходят через Босфор днём и ночью в значительном количестве, не останавливаясь и часто не сообщаясь с берегом». Они спешно следовали в Варну или в азиатские порты «по личному усмотрению то военного министра, то верховного визира или самого султана, иногда без ведома непосредственных начальников». Тем не менее Игнатьев считал вполне достоверными представленные в записке данные, согласно которым турки рассчитывали развернуть на Дунае армию из 160 батальонов пехоты при малочисленной регулярной кавалерии, а «артиллерию можно считать круглым числом по одному запряжённому орудию на 1000 человек»[29].

4 января 1877 г. русский консул в Салониках Т.П. Юзефович сообщил Хитрово, что часть турецких войск, собранных против Сербии, проследовала через Салоники в Константинополь. При этом египетские войска, в отличие от турецких, «прекрасно вооружены и добросовестно обмундированы, но народ молодой, слабоватый и малорослый». Поскольку они отличались дисциплиной, в городе «не произошло никаких историй», тогда как присутствие турецких солдат «тут чаще бывало замечаемо по крикам и своеволию». Египетские войска по возвращении из сербского похода получили из Египта новые мундиры и обувь, турки же отправились в путь оборванными и полубосыми[30].

---

[26] Там же, д. 7468, ч. 1, л. 3–3 об.

[27] Генеральный консул в Рущуке В.Ф. Кожевников 19 декабря указал, что в Дунайском вилайете расквартированы 34 батальона, а войска, прибывшие из Черногории и Сербии, благодаря отдыху и хорошей пище стали восстанавливать свои силы (Там же, д. 7635, л. 12).

[28] Там же, д. 7468, л. 6–7 об., 9–10 об., 16, 18–19 об.

[29] Там же, д. 7629, л. 179–179 об.

[30] Там же, д. 7468, ч. 1, л. 117–117 об.

Судя по донесениям генерального консула В.Ф. Кожевникова, составленным 22 и 24 февраля, к концу февраля оборонительные сооружения вокруг Рущука были достроены, но ещё не снабжены орудиями. Возводились новые укрепления в окрестностях города. В крепости Видин, Никополь, Шумла и Силистрия передали 27 орудий из Константинополя[31]. 3 апреля Кожевников представил заметку об укреплениях Рущука, в которой сообщалось, что все батареи, находившиеся как на городских укреплениях, так и за чертой крепости, в ближайшее время будут соединены между собой телеграфом. На загородных укреплениях ежедневно работали около 2 тыс. человек. Из шести укреплений обширностью занимаемой площади и «каменными работами» выделялось Сары-Баир, вмещавшее до 2 тыс. человек и уже снабжённое несколькими орудиями большого и малого калибра[32]. К 7 апреля в крепости и на внешних укреплениях Рущука установили 122 орудия[33]. 3 апреля из Константинополя в Варну прибыл сердар-и экрем (главнокомандующий) Абдул-Керим-паша. Осмотрев укрепления, он в тот же день экстренным поездом отправился в Шумлу, затем в Рущук, а оттуда 7 апреля – в Силистрию (за его перемещениями наблюдали Даскалов и Кожевников)[34].

5 марта Даскалов сообщил о переброске 27 февраля на двух паровых транспортных турецких судах трёх батальонов редифа и 3 тыс. анатолийцев. Всего с 15 ноября через Варну прошли 75 батальонов пехоты (60,5 тыс. солдат), вооружённых лёгкими нарезными ружьями системы Генри–Мартини и стальными орудиями гессенского завода Круппа, заряжающимися с казённой части. Каждый батальон был обеспечен амуницией, оружием, припасами и порохом. Учитывая отсутствие у России военного флота на Чёрном море, охрану Варны поручили египетской дивизии, которая возводила оборонные сооружения вне крепостной стены города[35]. 28 марта стало известно, что укрепления вокруг Силистрии «ещё никогда не были в таком исправном виде и что эта крепость есть теперь одна из сильнейших в Европе». К донесению прилагался список имён коменданта (Ахмед-Гамди-паша), заведующего укреплениями (ферик Селами-паша) и других начальников крепости[36].

Согласно сведениям, полученным из Константинополя главным командиром Черноморского флота и портов Н.А. Аркасом, 26 и 27 марта 1877 г. с берегов Босфора в Варну на трёх кораблях отправили войска, а на четвёртом – крупповские орудия большого калибра для укреплений Шумлы. 28 марта в Константинополь из Бейрута пришёл австрийский пароход с войсками, которые временно расположились в столице. По приказу турецкого правительства под знамёна были призваны мустахфиз, местные войска, состоявшие из людей 40 и более лет. Кроме того, «недавно английский пароход привёз из Ливерпуля 145 ящиков с пистолетами, которые идут из Америки (их очень хвалят) и предназначаются артиллеристам»[37].

Ещё в конце октября 1876 г. Игнатьев извещал о том, что Порта после предъявленного ей 18 октября ультиматума решила «заказать громадное ко-

---

[31] Там же, д. 7635, л. 173.
[32] Там же, д. 7459, л. 223–224.
[33] Там же, л. 261–262.
[34] Там же, л. 257–257 об.
[35] АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1628, л. 3–5.
[36] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7635, л. 190 об.–191.
[37] 13 апреля Аркас информировал об этом Милютина (Там же, д. 7468, ч. 1, л. 245–245 об.).

личество патронов в Америке и Англии, снарядов в Магдебурге, заготовить достаточно пороха и орудий, сформировать до 100 новых батальонов и дозволить вербовку охотников для поступления в ополчение». Посол доставил в Петербург копии тайных контрактов, предусматривавших снабжение Турции патронами с 1877 г.[38] 30 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.) он вновь телеграфировал о том, что турки сделали большой заказ патронов в Америке и снарядов к крупповским пушкам в Германии. По его мнению, «желательно было бы затруднить присылки». Александр II сделал на телеграмме помету карандашом: «Да, но как это исполнить»[39].

18 января управляющий Морским министерством С.С. Лесовский препроводил Милютину копию с полученного в тот день секретного донесения военно-морского агента в Берлине капитана 2-го ранга Н.А. Неваховича, который подтвердил сообщение Игнатьева о турецком заказе на изготовление в трёхмесячный срок снарядов на заводе Грюзона в Букао (около Магдебурга)[40]. 22 января Юзефович сообщал из Салоник со слов местных военных, что в Превезу (в Эпире) доставлено из Америки 22 тыс. ружей (ими, в частности, предполагалось вооружить формируемые в городе батальоны)[41]. Между тем патронное отделение в Топхане в Константинополе изготавливало ежедневно до 750 тыс. патронов для ружей Генри–Мартини и 100 тыс. – для стрелковых частей. В Придунайской Болгарии главные пороховые склады находились в Шумле, Рущуке, Силистрии и Видине, менее крупные – в Ловче и Разграде[42].

5 марта английские пароходы доставили в Константинополь 2600 ружей Генри–Мартини, 2350 сундуков свинца, 10 млн металлических патронов Шнейдера, большие крупповские пушки и снаряды к ним. 8(20) марта французский почтовый пароход выгрузил в Топхане 50 орудий[43]. 27 марта из Рущука поступило сообщение, что на укреплениях вокруг города поставлены 326 орудий Круппа[44]. 5(17) апреля пришла телеграмма из Америки об отправке оттуда в Константинополь парохода с 20 тыс. ружей и 20 млн патронов[45].

31 марта (12 апреля) 1877 г. первый советник А.И. Нелидов, замещавший в турецкой столице Игнатьева, писал, что министры султана хорошо осознавали последствия отказа от Лондонского протокола, и с этого дня приготовления к войне с Россией шли «с лихорадочной активностью»: «Шесть полевых батарей, прибывших из Бельгии, были отправлены в Румелию. Транспорт из 30000 ружей и значительного количества боеприпасов, который должен был быть отправлен в Багдад, задержан и будет также двинут против нас». По данным Нелидова, турки ожидали перехода русских войск через Балканы со стороны Ямбола (на юго-востоке Болгарии) и именно на этом направлении концентрировали основные силы[46].

---

[38] Записки графа Н.П. Игнатьева // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 450.

[39] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1877 г., д. 123, л. 76.

[40] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7635, л. 59–60 об.

[41] Там же, д. 7468, ч. 1, л. 121.

[42] Сборник материалов... Вып. 8. С. 33; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 205 об.–206.

[43] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 186 об., 187 об.

[44] Там же, л. 190 об.–191.

[45] Там же, л. 196 об.

[46] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В 3 т. / Под ред. С.А. Никитина и др. Т. 1. М., 1961. С. 630–631.

Разумеется, всё это создавало атмосферу повышенной бдительности и особой подозрительности, вследствие чего русским консулам, добывая нужные сведения, приходилось преодолевать множество трудностей. К тому же мусульманский фанатизм, который господствовал «не только в войсках, но даже и между гражданами», принял «наружный вид патриотического энтузиазма»[47]. П.С. Романенко 4 апреля 1877 г. утверждал, что в Измаиле религиозные чувства целенаправленно разжигались: «Вместо положенной в обыкновенное время для войска вечерней, одиночной суточной молитвы в настоящее время приказано молиться три раза в продолжение дня: утром, в полдень и при заходе солнца, и каждый раз читается молитва, нарочно составленная, в смысле крайнего возбуждения»[48].

Конечно, дипломаты редко упоминали в донесениях имена своих информаторов, тем более – тайных агентов. Но порою сами османские офицеры и чиновники демонстрировали готовность к войне. Кого-то из местных служащих удавалось завербовать. Когда навигация по Дунаю остановилась, П.С. Романенко лишился возможности «старательного контроля» за тем, что происходило на правом берегу реки. Хотя в Тульче имелось вице-консульство, а также действовал тайный агент, писавший в Измаил[49], Романенко и капитан 1-го ранга Новосильский решили наладить сотрудничество с Аали-беем Теодориди – греком, заведовавшим секретной частью при тульчинском мутессарифе (правителе санджака). Отличаясь «своей усидчивой деятельностью и пронырливостью», он пользовался большим доверием у властей Бабадагской области. Посредником при вербовке выступил его родственник – богатый измаильский негоциант Захария, в преданности которого Романенко был уверен. Теодориди сначала отказался, сославшись на то, что «турки не шутят». Однако вскоре Захария стал интересоваться условиями и размером вознаграждения. Тогда консул предложил Теодориди самому определить себе месячное жалование, и 29 ноября 1876 г. запросил Полевой штаб, на какую сумму можно рассчитывать, если услуги агента окажутся небесполезными[50].

Но чаще всего русские консулы обращались за содействием к болгарам, лояльным к России и ожидавшим, что война приведёт к освобождению Болгарии[51]. Так, П.С. Романенко в ноябре 1876 г. поручил разузнать о положении дел в Бабадагской области жителям Тульчи – русскому подданному болгарину Г. Карловскому[52] и старообрядцу О.С. Гончарову. Консул в Измаиле поддерживал связь и с неким капитаном австрийского парохода, который совершал срочные рейсы между Галацом, Тульчей, Измаилом и Килией и был известен местным болгарам с «отличной стороны»[53].

Для Кожевникова «необходимые лица» собирали сведения о дорогах на Балканах – в Казанлык, Ески-Загру, Сливну. При этом 4 декабря 1876 г. он отмечал, что поездки вглубь страны требуют не только больших расходов и времени, но и надёжных людей, «которые бы не эксплуатировали наше доверие,

---

[47] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7629, л. 193; д. 7468, ч. 1, л. 245 об.–246.

[48] АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1885, л. 19–19 об.

[49] См., например: РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 51–51 об., 121; АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1885.

[50] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 47–48 об.

[51] *Симов М.И.* Русские консульства на Балканах... С. 12.

[52] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 203 об.

[53] Там же, д. 7629, л. 174–174 об.

пользуясь исключительными обстоятельствами», в то время как «турки зорко следят за нами, и собирание сведений по военной части делается день ото дня труднее»[54].

Помимо дипломатических каналов, важная информация о неприятеле, как вспоминал полковник Артамонов, поступала от офицеров Генерального штаба и частных тайных агентов, направленных главнокомандующим в Румынию[55]. Среди них – капитан 1-го ранга М.П. Новосильский, полковники Генерального штаба П.Д. Паренсов и Г.И. Бобриков, генерал-майор в отставке И.К. Кишельский. Правда, П.С. Романенко 9 ноября 1876 г. предупреждал: «Турки хвастливы, лазутчики их греки и армяне дерзки, все они распускают самые преувеличенные ложные слухи с целью отвести наше внимание и ввести в заблуждение. Вот почему собираемые нашими военными агентами данные должны быть проверены, взвешены, достойно оценены. Не бесполезно было бы, чтобы сведения, добываемые нашими военными агентами, проверялись местными консулами»[56].

Новосильский, действовавший в Румынии под вымышленным именем Генриха Люба, представителя частной компании, собирал данные о местах, пригодных для движения русской армии между турецкими крепостями, о числе, составе и размещении османских войск, именах командиров, пашей, наличии иностранных инженеров и других специалистов, о строительстве укреплений в городах и балканских проходах, о дорогах и расстояниях между населёнными пунктами, о количестве лошадей и подвод, о расположении пороховых погребов, складов зерна, продовольствия, фуража и амуниции, о национальном составе местных жителей. Им были составлены чертежи и планы придунайских городов. Внимательно фиксировал он всё, что касалось Дуная (ширина, глубина, сила течения), турецкого флота и коммерческих кораблей (количество пароходов и барок, имена их владельцев, стоимость), устройства пристаней, наличия кузнецов, плотников, столяров, запасов железа, гвоздей, канатов и т.п. Кроме того, ему поручалось изучить и состояние судоходных рек Румынии, устройство её сухопутных и железных путей сообщения, телеграфных и голубиных станций.

По мнению А.А. Улуняна, а также Д. Добрева, К. Косева, Ст. Дойнова и др., Новосильскому удалось организовать тайную агентурную сеть на правом берегу Дуная[57]. Однако это явное преувеличение, навеянное героизацией болгарского национально-освободительного движения. Сам Новосильский признавал свою неопытность: разведкой ему пришлось заниматься впервые, а она требовала не только профессионализма, но и знания местности, времени для выявления среди населения надёжных людей, значительных денежных средств. Его успехи во многом объяснялись широкими связями и знакомствами братьев Романенко – галацкого (служившего там с 1846 г.) и измаильского консулов. С их помощью Новосильский разделил Дунайский вилайет и остальную

---

[54] Там же, л. 186.

[55] Сборник материалов... Вып. 14. СПб., 1898. С. 34–35. См. также: *Кудрявцев Н.А.* Государево око... С. 581–584; *Гоков О.А.* Офицеры российского генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149.

[56] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7629, л. 172 об.

[57] *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война... С. 27; *Добрев Д.* Организация, форми и способи на разузнаването... С. 5–6; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. С. 177–180.

Болгарию на две зоны, а затем каждую из них – на районы, направив туда по одному главному агенту и нескольких второстепенных. Чтобы в кратчайший срок получить достоверные и подробные данные по всем вопросам, интересовавшим великого князя, Новосильский решил «как можно более специализировать и разделять работу, а также для проверки доставляемых сведений посылать в некоторых случаях нескольких агентов с одним поручением», например, наблюдать за турецкой флотилией или армией, находившейся в Сербии, в горах, Софии, Татар-Базарджике, Адрианополе, Нише и т.д. Капитан не скрывал, что поскольку «в данном случае приходилось употреблять людей, у которых эстетические чувства не развиты, и притом возлагать на них поручения, сопряжённые с опасностью, то самый доступный для них стимул, бесспорно, составляли деньги»[58].

Новосильский не только щедро платил своей агентуре, но и договорился с Непокойчицким о возможности представления наиболее усердных информаторов к наградам. Так, одному галацкому купцу, Гавриилу Абрамову, помимо 805 франков (не считая 267 франков для его помощников) был обещан крест; другому, Рафаилу Танасову, выдано 993 франка, ему же предназначалась медаль. Главным агентом Новосильского являлся Тодор Велков, получивший на сопутствующие расходы 740 франков и ещё 600 франков за труды[59]. И всё же денег не хватало, расходы после прекращения навигации по Дунаю возросли, поскольку теперь все поездки вдоль дунайского берега совершались верхом на лошади или в экипаже. Капитану даже пришлось занять у галацкого консула 2 тыс. руб. серебром (6 тыс. франков)[60]. Всего с начала ноября 1877 г. до 20 января 1878 г. он потратил 8 803 франков[61].

В начале декабря 1876 г. вел. кн. Николай Николаевич поручил Паренсову проникнуть в Рущук и осмотреть его укрепления. С помощью Кожевникова полковник блестяще выполнил поручение, составив подробное описание города, его окрестностей, укреплений, а также берегов Дуная и прибрежной полосы[62].

В отличие от Новосильского, рассылавшего разных лиц с отдельными заданиями, Паренсов пытался создать постоянную агентурную сеть «с аккуратным периодическим получением сведений». В этом ему активно помогали богатый торговец Е. Георгиев, его коммерческий агент Г.Д. Начович и другие представители болгарской эмиграции в Румынии[63]. Но осуществить задуманное не

---

[58] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7433, л. 1–7 об.

[59] Вскоре Новосильский выехал в Австро-Венгрию закупать корабли, и «Воевода Велков», как он подписывался, стал сообщать о наблюдениях своих информаторов А.С. Романенко (Там же, д. 7459, л. 249–250, 251–251 об., 252–253 об.).

[60] В консульстве запасных сумм не имелось, и Романенко позаимствовал деньги у местного банкира Е. Георгиева, пообещав ежемесячно выплачивать 1%. 5 декабря Новосильский принял под расписку 165 наполеондоров, о чём консул 10 декабря уведомил Непокойчицкого (Там же, л. 90–90 об.).

[61] Там же, д. 7433, л. 7 об.

[62] *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 1. СПб., 1901. С. 154–163. Его донесения и рапорты см.: РГВИА, ф. 84, оп. 16, д. 8269. Подробнее о нём см.: Офицер «по особым поручениям» – военный министр Болгарии // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1996. С. 165–176; *Алексеев М.Н.* Военная разведка... С. 277–292 и др. Главными агентами Паренсова в ту зиму были Г. Начович и П. Черковский (Церковский), о котором, к сожалению, ничего не известно (Освобождение Болгарии... Т. 2. М., 1964. С. 35).

[63] *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война... С. 27–35; *Димитров Ф.* По въпроса за използването на българи за разузнавателна дейност в навечерието на освободителната руско-

удалось[64], во многом из-за отсутствия необходимых денежных средств. Перед командировкой Паренсову выдали кредитными билетами (золота на тот момент в Главной квартире не оказалось) всего 3 тыс. руб. для оплаты информаторов и ещё тысячу на собственные нужды, полковнику же для реализации намеченного плана нужно было не менее 10 тыс. руб. золотом (около 15 тыс. кредитных рублей) в месяц. Бобриков, всецело одобряя его замысел, считал и эту сумму чрезвычайно скудной и советовал просить 15 тыс. золотых или 22,5 тыс. кредитных рублей в месяц, «весьма основательно доказывая, что по мере приближения весны, вследствие увеличения опасности и трудностей при добывании сведений, расходы возрастут, и в то же время допуская, что война будет объявлена весной, положим, в апреле, истраченные в феврале и марте 30 тыс. золотом составят каплю в море расходов и вознаградятся сторицей»[65]. В начале апреля 1877 г. Паренсов занял в генеральном консульстве в Бухаресте 5 тыс. франков, дабы расплатиться с агентурой и «иметь деньги под рукой во всякую данную минуту». 8 апреля он известил об этом Непокойчицкого, приложив к рапорту записку о вооружениях турок[66]. 11 апреля на те же цели полковнику выдали ещё 10 тыс. франков[67].

По словам Паренсова, болгары, ожидавшие в то время освобождения родины, «по большей части брали только самые необходимые для путешествия деньги». Правда, в число его «главных агентов поступали преимущественно люди интеллигентные, одушевлённые любовью к отечеству, но и при этом условии деньги требовались большие и должны были быть всегда под рукой»[68]. Между тем, не имея достаточных средств, «приходилось ограничиваться посылкой в разные места отдельных лиц и вести дело хотя и добросовестно, но, строго говоря, неудовлетворительно». Отправляя разведчиков, полковник всегда устно их инструктировал, иногда читал при этом целые лекции по военному делу и проверял, насколько усвоен урок. Любые письменные инструкции, разумеется, компрометировали бы посланного, а оказавшись в руках неприятеля, указали бы на объекты, особо интересовавшие русских[69].

В Военном министерстве и в штабе вел. кн. Николая Николаевича донесения дипломатов и офицеров, а также публикации зарубежной прессы тщательно обрабатывались, сопоставлялись и проверялись. Артамонов готовил подробные отчёты о расположении, численности и передвижениях турецких войск к 1 и 15 декабря 1876 г., а затем к тем же числам в январе, феврале, марте и апреле 1877 г.[70]

турска война 1877–[18]78 г. // Военно-исторически сборник. 1956. № 2. С. 117–136; *Тодоров Г.* Ролята на българите в руското разузнаване през освободителната руско-турска война (1877–1878) // Известия на института за история на БАН. 1960. Т. 9. С. 3–53; *Дойнов Ст.* Българската общественост и руско-турската освободителна война (1877–1878). София, 1978. С. 40–58; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен... С. 177–208.

[64] *Паренсов П.Д.* Из прошлого... Ч. 1. С. 114.

[65] Там же. С. 170.

[66] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 215–218.

[67] Там же, л. 254–256 об.

[68] *Паренсов П.Д.* Из прошлого... Ч. 1. С. 31, 168.

[69] Там же. С. 114.

[70] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 11. Некоторые из них опубликованы: Сборник материалов... Вып. 8. С. 20–23, 32–34. 25 января 1877 г. Артамонов писал Паренсову, что полученные от него данные послужили «в числе других материалов для составления дислокации турецкой армии к 1 января 1877 г. и далее нужны для того же». Вместе с тем руководитель армейской разведки

16 января 1877 г. вел. кн. Николай Николаевич сообщил императору, что уже возможно составить «весьма вероятное представление» о турецких силах. К рапорту прилагалась подготовленная полковником Артамоновым карта дислокации регулярных войск противника на 1 января 1877 г., согласно которой Турция обладала армией до 400 тыс. человек при 690 орудиях. При этом на пространстве от Чёрного моря до Сербии и от Дуная до Босфора находились 172 батальона, 40 эскадронов и 31 батарея. Между Дунаем и Балканами к 1 января Турция успела сосредоточить 125 батальонов, 29 эскадронов и 26 батарей (всего до 80 тыс. солдат, включая части, расположенные у Видина и Зайчара). Ослабив группировку, остававшуюся в Герцеговине и на сербской границе, и укомплектовав батальоны до 800 человек в каждом, турки могли собрать под знамёнами до 175 тыс., а перебросив из Малой Азии часть Анатолийского или почти весь Сирийский корпус, – увеличить численность армии на Дунае до 200 тыс. бойцов, не считая иррегулярных формирований[71].

В своём отчёте, положенном главнокомандующим 16 января в основу рапорта императору, Артамонов обращал внимание на то, что Турция к началу 1877 г. уже выставила такое число регулярных войск, каким не располагала ни в одну из прежних войн с Россией. Поэтому, заключал полковник, «если целью войны ставится не просто успешный её ход, а напротив, заранее намечается особая цель и требуется во что бы то ни стало её достижение в возможно короткий срок, как, например, по совершении переправы безостановочное наступление к Константинополю, то назначенных для войны с Турцией четырёх корпусов недостаточно, и в таком случае необходимо значительно усилить число войск действующей русской армии». Ознакомившись с таким выводом, Непокойчицкий потребовал доказательств, и начальник разведки выдал ему соответствующую справку «прямо из печатного труда генерал-адъютанта [Н.Н.] Обручева о Турции, помещённого в военно-статистическом сборнике, изданном канцелярией Военно-учёного комитета»[72].

С 16 января вел. кн. Николай Николаевич настойчиво просил Александра II увеличить вверенный ему контингент. 12 апреля царь прибавил к находившимся под командованием его брата четырём корпусам (VIII, IX, XI, XII) ещё три (IV, XIII, XIV), после чего их общая численность достигла (вместе с нестроевыми и проч.) 260 тыс. человек[73].

Тревожила главнокомандующего и турецкая флотилия на Дунае, о которой также сообщалось в его рапорте 16 января. К тому времени она состояла из 10–12 броненосцев разной величины, четырёх винтовых шхун с семью пушками каждая, пяти военных и девяти речных пароходов, а также множества баркасов, шлюпов и транспортных судов. Россия не имела на реке ни одного корабля, и великий князь полагал, что при её форсировании необходимо будет применить мины, разного рода заграждения и те паровые суда, которые удаст-

---

отклонил предложение Паренсова сосредоточить сбор сведений в руках Бобрикова, поскольку полковники освещали обстановку с разных сторон, и это создавало более полную картину (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 8269, л. 15–15 об.).

[71] Сборник материалов... Вып. 14. С. 34–38, 44–45.

[72] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 10–10 об. При публикации данный отчёт был воспроизведён без заключительных выводов: Сборник материалов... Вып. 8. С. 24–26.

[73] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 10 об.; Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 2. СПб., 1901. С. 17; Сборник материалов... Вып. 14. С. 38.

ся подтянуть или купить[74]. Имевшиеся в армии 20 орудий большого калибра (6,03 дюйма) могли пробить броню не толще 4 дюймов. Против двух кораблей с бронёй в 6 дюймов они были бессильны. Между тем их доставка к пункту переправы признавалась едва ли возможной[75].

На 1 февраля полковники Зеленой и А.А. Боголюбов составили новое «расписание» всей турецкой армии на основании как личного опыта, так и сообщений консулов и офицеров и публикаций «наиболее заслуживающих доверие газет, причём различные сведения были подвергнуты самому тщательному взаимному контролю»[76]. Главный штаб препроводил данный документ Непокойчицкому. Согласно этим выкладкам, в Европейской Турции находились 358 батальонов, 83 эскадрона, 330 полевых и 138 горных орудий, всего – 248 800 человек, из них 134 500 – на Болгаро-Дунайском театре (190 батальонов, 59 эскадронов, 258 полевых и 42 горных орудия). Артамонов, приложив к «расписанию» свой отчёт, привёл несколько иные цифры: 242 батальона, 59 эскадронов, 50 батарей, 46 таборов башибузуков и 24 эскадрона черкесов, всего – 173 750 солдат и 300 орудий, в Придунайской Болгарии – 164 батальона, 35 эскадронов, 34 батареи и 37 таборов башибузуков[77].

К 12 апреля, когда была объявлена война, появилась таблица, в которой указывались места дислокации и численность турецких войск в Болгарии, Румелии и Константинополе. Так, в Бабадагской области дислоцировались 12 650 человек, в Восточной Болгарии (Варна, Шумла, Рущук, Силистрия и др.) – 69 200, в Западной Болгарии (Систово, Никополь, Рахов, Видин и др.) – 48 250, в горах (Плевна, Ловча, Тырново, Габрово, Шипка, Елена и др.) – 11 900, в Забалканской Болгарии (Ниш, София, Адрианополь и др.) – 25 950, в Константинополе – 13 500, иррегулярных частей в Придунайской Болгарии – около 46 200, а всего – 227 тыс. человек[78].

Артамонов постоянно обращал внимание на стремление противника «организовать и устроить насколько возможно все свои вооружённые силы, все даже иррегулярные сборища». По его словам, «эта особенность не проявлялась у турок так резко ни в одну из предыдущих их войн с Россией»[79]. Аркас также констатировал, что турецкая армия прекрасно вооружена, нижние чины

---

[74] Сборник материалов... Вып. 14. С. 38–39. Милютин усомнился в верности сведений Полевого штаба о количестве и силе турецких броненосцев на Дунае, и Непокойчицкий, отвечая ему, уточнял: «По известиям, полученным разными путями, и на основании официальных данных, турецкая броненосная флотилия состоит из следующих судов: 8 броненосцев с бронёй от 3,5–4 дюймов и с 2 или 4 орудиями, а именно: “Фехт-уль-Ислам”, “Семендрия”, “Шкодра”, “Беюр Делень”, “Подгорица”, “Хезер” (правильно – “Хизбер”. – *М.Ф.*) и “Сейфи”, название восьмого броненосца неизвестно... Два броненосца с бронёй около 2 дюймов с одним орудием “Ильдырим” (“Тульча”) и “Шимшек” (“Рущук”) (т.е. маленькие железные баркасы. – *М.Ф.*)... Около 3 января прибыли в Сулину два двухбашенных монитора “Хивзил-Рахман” (правильно – “Хифз-ур-Рахман”. – *М.Ф.*) и “Лутфи-Джелиль” с бронёй около 6 дюймов и с 5 орудиями каждый. Таким образом, на Дунае имеется 12 броненосцев, но о двух из них не имеется положительных сведений, где именно находятся» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7635, л. 90). В 1877 г. «Шкодра» и «Подгорица» были захвачены, переименованы соответственно в «Систово» и «Никополь» и включены в состав Российского Императорского флота в качестве мониторов (Сборник материалов... Вып. 8. С. 42–43).

[75] Сборник материалов... Вып. 14. С. 41–42.

[76] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7468, ч. 1, л. 191–191 об.

[77] Там же, л. 192–193 об.; Сборник материалов... Вып. 8. С. 27–31.

[78] Литографировав, эту таблицу разослали в части Действующей армии. См.: Сборник материалов... Вып. 8. С. 34–35.

[79] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 1162, л. 11.

снабжены отличными ружьями новейших систем, а офицеры – револьверами, в артиллерии сплошь крупповские орудия[80].

9 ноября 1876 г. Игнатьев в секретном отношении к командующему Одесским военным округом генерал-адъютанту В.С. Семеке утверждал, что турки, хотя и считают войну с Россией неизбежной, инициативу её объявления на себя «не возьмут». Прислушиваясь к рекомендациям венгерского генерала Д. Клапки и англичан, они будто бы решили не держаться за линию Дуная и перенести оборону к Балканским горам и потому стягивали главные силы в Шумлу. Английские инженеры укрепляли тогда станцию Иатальджи как важный стратегический пункт[81].

Однако в начале 1877 г. Аркасу уже писали из Константинополя, что турки намерены «противопоставить самые жестокие препятствия переходу русской армии через реку, так как они надеются на своих комендоров[82] и свою артиллерию больших калибров, которую они хотят выставить на месте, где будет предпринята переправа»[83]. Теперь для турецкого командования, готовившегося к оборонительной войне, первым рубежом являлся Дунай с крепостями от Мачина до Видина. В случае, если он будет потерян, «надлежало завлекать неприятеля вглубь страны и там дать ему сражение», а затем заставить уйти обратно за Дунай и преследовать до Прута. При неудаче планировалось отойти к Балканам и «не дать противнику распространяться». По мнению Н.И. Беляева, «только такая война и была посильна турецкой армии»[84].

4 апреля 1877 г. П.С. Романенко сообщил, что бригадный генерал Аали-Риза-паша, командовавший войсками в Добрудже, потребовал от подчинённых ему частей «быть в совершенной готовности во всякое время дня и ночи к предстоящей ожидающейся весьма в скором времени тревоге». Турки ожидали, что наступление русской армии начнётся одновременно в нескольких пунктах. Поэтому, как писал консул, «предполагается расставить по реке вдоль границ Румынии от Турно-Северина до Измаила все имеющиеся у них на Дунае на известном расстоянии друг от друга военные суда в таком порядке, чтобы по данному сигналу на каждом переходном пункте возможно было бы противопоставить нам по два панцирных судна»[85]. По сведениям Новосильского, переданным Непокойчицкому 9 февраля, ещё в конце января командиры турецких судов получили секретный приказ быть готовыми в любую минуту сняться с якоря[86].

Перед началом войны русское командование было хорошо информировано о состоянии вооружённых сил Османской империи – их количестве, дислокации, вооружении, командовании, планах, о складах боеприпасов, продовольствия, обмундирования, а также о природно-климатических, метеорологических, географических, экономических особенностях будущего театра военных действий, оно имело планы крепостей и других фортификационных сооружений. Летом 1880 г. управляющий делами Военно-учёного комитета генерал-лейтенант Н.Н. Обручев утверждал: «Никогда данные о турецкой армии не

---

[80] Там же, ф. 846, оп. 16, д. 7468, ч. 1, л. 245–245 об.

[81] Там же, д. 7459, л. 11–11 об.

[82] Комендор – матрос, обученный артиллерийскому делу.

[83] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7468, л. 246–246 об.

[84] *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война... С. 102.

[85] АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 1885, л. 19–19 об.; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 240–240 об.

[86] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7459, л. 168.

были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войною: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи; и это одинаково как для низама, так и для редифа. Оставались неопределённости относительно мюстахфиза (милиции) и новых рекрут. Но штабу главнокомандующего были предоставлены все средства следить за новыми формированиями, и эта работа в течение всей зимы исполнялась столь успешно, что при открытии войны расположение турок было известно почти батальон в батальон»[87]. Как отмечал М. Симов, наиболее ценные и полные данные регулярно передавались по консульско-дипломатическим каналам, от профессионалов, поддерживавших контакты с местным населением[88]. Донесения и телеграммы, поступавшие из Константинополя, Варны, Рущука, Измаила, Галаца, Тульчи, Салоник, Битолы, Скутари, Рагузы, Сараево, Адрианополя и других городов, это вполне подтверждают.

[87] Записка о Русско-турецкой войне 1877–[18]78 гг., составленная г[енерал]-ад[ъютантом] Обручевым в 1880 г. // Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–[18]78 гг. на Балканском полуострове. Вып. IV. СПб., 1901. С. 75.

[88] *Симов М.И.* Русские консульства на Балканах... С. 13–14.

Эвакуация русских войск с Балканского полуострова в 1878–1879 гг.

Олег Айрапетов

Evacuation of Russian troops from the Balkan Peninsula in 1878–1879

Oleg Airapetov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020088

Любая война рано или поздно кончается миром, но и возвращение домой победившей армии нередко сопровождалось немалыми организационными проблемами, которые обычно недооцениваются или вовсе игнорируются в историографии. В частности, практически не освещались исследователями обстоятельства вывода русских войск с Балкан в 1878–1879 гг.

19 февраля (3 марта) 1878 г. представители России и Турции подписали Сан-Стефанский мирный договор[1]. Гр. Н.П. Игнатьев успел завершить переговоры в день восшествия на престол Александра II, и результат его усилий выглядел как триумф императорской политики. «Слава Богу, что кончено, – телеграфировал брату главнокомандующий Действующей армией вел. кн. Николай Николаевич (Старший). – Я счастлив, минута незабвенная, чудная, восторг в войске огромный»[2]. В его официальной телеграмме, предназначенной для публикации в газетах, говорилось: «Имею счастье поздравить Ваше величество с подписанием мира. Господь сподобил нам, государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского»[3]. 22 февраля (6 марта) великий князь отдал приказ по армии: «Отныне мы стоим здесь в стране дружественной. Отношения наши к побеждённому народу должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не умело бить лежачего врага»[4]. Масса офицеров, и прежде всего гвардейской молодёжи, получив возможность посетить турецкую столицу, решила этим воспользоваться. Так как поездка разрешалась только в цивильном платье, а его в походе не было, приходилось накидывать поверх мундиров кожаные плащи, заматывать погоны, заменять фуражки фесками. В городе таких «туристов» узнавали издалека, но там их ждали гостиницы и развлечения, позволявшие потратить своё жалованье[5]. Тогда

© 2026 г. О.Р. Айрапетов

[1] ПСЗ-II. Т. 53. Отд. 1. СПб., 1880. № 58264. С. 156–164.

[2] ГА РФ, ф. 646, оп. 1, д. 115, л. 23.

[3] Правительственный вестник. 1878. 21 февраля (5 марта). № 41. С. 1; Русский инвалид. 1878. 21 февраля. № 42. С. 2.

[4] Приказы по авангарду Действующей армии // Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876–1882). СПб., 1913. С. 55.

[5] *Каульбарс Н.* Посещение русскими офицерами Константинополя (из письма в редакцию) // Русский инвалид. 1878. 22 февраля. № 43. С. 4; *Берс А.А.* Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 гг. // Русская старина. 1898. Т. 96. № 12. С. 704; *Мосолов А.* България 1878–1883. Спомени. София, 1991. С. 10.

же генерал-лейтенант М.Д. Скобелев в сопровождении германского посла принца Г. фон Рёйсса посетил Св. Софию[6].

Между тем в Европе не торопились признавать условия мира, который русская дипломатия поспешила объявить прелиминарным. Возникла угроза столкновения России с Англией и даже образования англо-австрийской коалиции. В связи с этим в конце февраля Александр II принял решение отозвать с Балкан гвардию, две гренадерские, кавалерийскую и казачью дивизии, сапёрную бригаду и часть крепостной артиллерии. Под командованием великого князя после этого остались бы 18 действующих и 3 резервные пехотные дивизии, 2 стрелковые и 2 сапёрные бригады, 6 кавалерийских и 2 казачьи дивизии, а также 9 донских казачьих полков. Им предписывалось готовиться к тому, чтобы в случае возобновления боевых действий занять Босфор (или хотя бы европейский его берег) и отразить возможное наступление австрийцев с севера и десанты англичан на юге[7]. Это поставило бы русскую армию в чрезвычайно сложное положение. Осознавая это, император согласился пойти на уступки, закреплённые 1(13) июля 1878 г. на Берлинском конгрессе. Но и после его завершения более месяца не было ясно, останутся ли вернувшиеся в Россию части на военном положении или запасных начнут распускать по домам, и лишь 3(15) августа последовал приказ о переводе армии на мирное положение[8].

Пока шли переговоры, перемещение войск задерживалось, хотя ещё 5(17) марта вел. кн. Николай Николаевич приказал командующему Гвардейским корпусом генерал-лейтенанту гр. П.А. Шувалову начать подготовку к эвакуации. По первоначальному плану его части должны были идти к оборудованным пристаням в Буюк-дере и там поочерёдно, без остановки в городе, грузиться на пароходы[9].

В Закавказье войска выводились в российские владения, включая и новоприобретённые Батум и Карс, в основном по суше. Но поскольку летом 1878 г. турецкие части ещё находились в Батуме, предполагалось перебросить туда по морю части Кавказской армии из Поти[10]. 16(28) августа русские отряды по трём направлениям двигались к Батуму[11]. Вопреки ожиданиям европейской прессы, никто не оказал им вооружённого сопротивления[12]. Наиболее воинственная часть местного населения – лазы, прислушавшись к рекомендациям турецкого губернатора и английского консула, высылали делегации, выражавшие верноподданнические чувства. Впереди их шли представители беков, затем христианское и мусульманское духовенство, за ними жители с хлебом и солью. Христиане – армяне и греки – были особенно радостно настроены. В Артвине, городе с преимущественно армянским населением, отслужили благодарственные молебны. 25 августа (6 сентября) Дервиш-паша передал Батум русским.

---

[6] Подписание мира. Скобелев в Константинополе. Вооружения Англии // Новое Время. 1878. 20 февраля (4 марта). № 712. С. 1.

[7] 27 февраля (11 марта) военный министр Д.А. Милютин сообщил об этом главнокомандующему: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3 т. / Под ред. С.А. Никитина и др. Т. 3. М., 1967. С. 29–31.

[8] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 45; Русский инвалид. 1878. 11 августа. № 179. С. 1.

[9] РГВИА, ф. 2177, оп. 1, д. 39, л. 106.

[10] Там же, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 52.

[11] Кавказ. 1878. 24 августа. № 191. С. 1.

[12] Занятие Батума // Кавказ. 1878. 5 сентября. № 199. С. 1.

В городской порт вошли корабли Черноморского флота[13]. На следующий день главнокомандующий вел. кн. Михаил Николаевич отдал приказ: «Вступлением вчерашнего дня в Батум окончились боевые труды ваши, войска Кавказской армии... Теперь с миром и с чистою совестью – на отдых. Расходясь с боевого поля, вы уносите с собой сознание честно выполненного долга и заслуженную признательность Отечества»[14]. 31 августа (12 сентября) из Батума отплыл последний пароход с турецкими солдатами. В тот же день началась эвакуация русскими войсками Эрзерума (её порядок был согласован ещё 29 августа (10 сентября))[15]. 6(18) сентября эрзерумский военный губернатор генерал-майор С.М. Духовской передал город ферику (дивизионному генералу) Муса-паше и покинул санджак. Приказом наместника на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича 20 сентября (2 октября) из переданной России части Лазистана была образована Батумская обл.[16]

На Балканах состояние путей сообщения практически исключало возможность быстрого передвижения большой массы войск и грузов. На юго-западе Российской империи к границе с Румынией вела всего одна железная дорога, пропускная способность которой была незначительной[17]. Румынские железнодорожные линии, одноколейные и узкие (по европейскому стандарту), отличались крайне низким качеством[18]. Но за Дунаем на большей части территории Болгарии не было и таких. В ходе кампании 1878 г. под контроль русской армии без каких-либо серьёзных повреждений почти целиком (704 из 723 км) перешла Южно-Турецкая магистраль, проложенная от Филиппополя до Константинополя[19]. Правда, её подвижной состав был невелик. И всё же, когда передовые кавалерийские отряды захватили в Дедеагаче около 200 вагонов и паровозы, это существенно облегчило снабжение войск и передвижение пехоты[20].

Неудивительно, что ещё 12(24) января 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал командовавшему Черноморским флотом адмиралу Н.А. Аркасу: «Прошу собрать елико возможно больше транспортных паровых судов по твоему усмотрению, переговорив с Чихачёвым, в Одессе или Севастополе, с тем, чтобы по первому моему требованию можно было бы направить эти суда в те порты, которые я укажу для доставки провианта и фуража или для обратной перевозки войск»[21]. Начальник морской обороны Одессы контр-адмирал Свиты Н.М. Чихачёв получил этот приказ через два дня вместе с указанием Аркаса – немедленно начать сбор информации об имеющемся транспорте[22].

---

[13] Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 29 августа (10 сентября). № 237. С. 2; Кавказ. 1878. 19 августа. № 187. С. 1; 24 августа. № 191. С. 1; 29 августа. № 194. С. 1.

[14] Кавказ. 1878. 2 сентября. № 197. С. 1.

[15] Там же. 1 сентября. № 196. С. 1.

[16] Там же. 17 августа. № 185. С. 1; 10 сентября. № 203. С. 1–2; Русский инвалид. 1878. 2 сентября. № 194. С. 2; 8 октября. № 222. С. 1–2; Правительственный вестник. 1878. 10(22) октября. № 225. С. 1; *Духовской С.* Русские в Эрзеруме в 1878 году. СПб., 1878. С. 31.

[17] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7036, л. 39.

[18] *Лессар П.[М.].* Военно-железнодорожные постройки русской армии. СПб., 1879. С. 3, 7.

[19] *Измайлов А.* Очерки железнодорожного дела в войне 1877–1878 годов. СПб., 1880. С. 66. Уцелели даже 5 больших и 34 малых моста по пути к Адрианополю и в самом городе (Там же. С. 81).

[20] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7159, л. 78.

[21] РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1(3), д. 8294, л. 2.

[22] Там же, л. 4.

К 27 января (8 февраля) в Севастополе планировалось собрать флотилию из четырёх отрядов (15, 14, 11 и 6 пароходов) во главе с Чихачёвым, контр-адмиралом М.Ю. Поггенполем и капитанами 1 ранга И.О. Дефабром и Н.И. Зеленым[23]. Но быстро найти удалось только 14 пароходов общей вместимостью 20 500 человек или 4 750 лошадей и 10 паровых шхун на 5 тыс. человек или тысячу лошадей. На них предполагалось вывозить личный состав и имущество русской армии с Балкан и возвращать в Турцию военнопленных, которых насчитывалось до 140 тыс.[24] При этом проблемы не сводились к малочисленности судов и их небольшому водоизмещению. Из-за недостаточной пропускной способности Одесской железной дороги командованию пришлось распределять потоки грузов по разным портам Чёрного и Азовского морей, к которым вели железнодорожные пути[25].

К тому же только 22 июля (3 августа) начальник штаба Действующей армии генерал-лейтенант кн. А.К. Имеретинский и представители Главной конторы Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) действительный статский советник Н.Ф. фан дер Флит и капитан 1-го ранга П.А. Зеленой договорились об условиях перевозки войск[26].

Согласно подписанному контракту Общество обязалось выделить 14 пароходов и 6 паровых шхун (с правом изменить судовой состав), получив аванс в 200 тыс. руб. Стоимость рейса колебалась от 3 325 до 13 300 руб.[27] При этом доставка офицера обходилась в 2,5–3 раза дороже, чем солдата[28]. Офицерам предоставлялись каюты, рядовые размещались в трюме на нарах. Они следовали со своим хлебом или сухарями, но горячую пищу и воду обеспечивал перевозчик. Лошадей также перевозили в трюмах, разумеется, отдельно от людей. В Севастополе продолжали искать плоские баржи, паровые шхуны и катера и набирать экипажи для их обслуживания[29]. Но всё это признавалось недостаточным, и ещё в июле штаб армии потребовал ускорить формирование флотилии и увеличить её состав до 53 пароходов[30]. 24 июля (5 августа) инженер-генерал Э.И. Тотлебен, ставший 16 апреля главнокомандующим Дунайской армией, обратился к Милютину с просьбой помочь зафрахтовать как можно больше судов для организации эвакуации и даже предложил ради этого частично разоружить корабли, служившие для обороны Черноморского побережья[31].

1(13) августа Тотлебен получил приказ императора о начале эвакуации Действующей армии и сообщил военному министру, что приступит к его исполнению по прибытии первых пароходов[32]. Ввиду сложных отношений с не-

---

[23] Там же, л. 61.

[24] Там же, л. 110, 144.

[25] Там же, л. 47.

[26] Там же, л. 177–178 об. Общество было учреждено в августе 1856 г. для осуществления грузо-пассажирских перевозок сначала по Чёрному, а затем и по Средиземному морю. Подробнее см.: Устав высочайше утверждённого Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1856. С. 5; *Иловайский С.И.* Исторический очерк Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907. С. 23; *М.* Россия на Чёрном море и в Палестине в 1856–1860 гг. // Русская старина. 1889. Т. 62. № 6. С. 718–719.

[27] РГВИА, ф. 2177, оп. 1, д. 39, л. 177–179.

[28] РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1(3), д. 8295, л. 114 об.–115.

[29] Там же, л. 19.

[30] Там же, л. 28.

[31] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 45.

[32] Там же, л. 84.

давним союзником – Румынией, где возвращение России южной Бессарабии вызвало сильнейшее раздражение, было решено вывезти около 200 тыс. человек, большое количество лошадей, госпитали, тыловые службы и артиллерию по морю, через Бургас и порты Мраморного моря – Сан-Стефано, Эрекли, Родосто, Буюк-Чекмеджи[33]. Проще всего было эвакуировать Рущукский отряд. IV и IX корпуса планировалось отправить в Бендеры и затем морем – в Одессу[34]. Для обеспечения безопасности транспортов Тотлебен ещё 26 июля (7 августа) просил Аркаса разрешить расширение проходов в минных заграждениях, установленных перед войной, в портах Севастополя, Очакова и Одессы. 30 июля (11 августа) на это последовало согласие, и уже 1(13) августа проходы были частично разминированы. 6(18) августа работы ещё продолжались, причём их вели и в Керчи[35].

С сентября в Бургасе два русских сапёрных батальона занимались улучшением дорог, срезали спуски и подъёмы на пути к портам, сооружали подъезды, строили причалы, наводили наплавной мост через реку Мандра. Глубина бухты не позволяла пароходам подойти к берегу, и для перегрузки собирались (в основном силами РОПиТ) баржи, буксиры, паровые катера и шхуны с небольшой осадкой[36]. 1(13) августа Тотлебен вновь предложил направить часть барж, оборонявших подступы к Одессе, в распоряжение армии, предварительно сняв с них мортиры[37]. На следующий день Александр II повелел разоружить три такие баржи и перевести их в Сан-Стефано[38].

Первым делом вывозились больные и раненые, для которых в черноморских портах готовились обширные помещения[39]. Разного рода болезни, прежде всего сыпной тиф и горячка, распространились в армии ещё до заключения мира и особенно усилились во время остановки под Константинополем. Зачастую разносчиками заразы являлись пленные и раненые турки, а также беженцы. С марта тиф принял характер эпидемии: на каждый полк ежедневно приходилось по 34–40 заболевших. Пришлось развернуть три временных военных госпиталя по тысяче коек. Между тем отсутствие канализации и достаточного количества источников чистой воды вызвали всплеск малярии и желудочных инфекций. И если в марте заболело 390 человек, то в апреле – уже 1648, в мае – 5733, в июне – 19333. Армия была серьёзно ослаблена, ситуация стала немного улучшаться только с конца июня, когда в лазарет ежедневно отправлялось в среднем по 5–6 бойцов из полка. Всего же к октябрю 1878 г. с Балканского полуострова было эвакуировано морем почти 64 тыс. больных (268 офицеров и 63711 солдат)[40].

---

[33] *Красовский Д.* Перевозка войск Действующей армии из портов Мраморного моря и Бургасского залива // Морской сборник. 1884. № 4. С. 115, 117.

[34] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 49.

[35] Там же, л. 75–77, 107.

[36] *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 4. С. 118; № 5. С. 72. Стоимость работ составила около 130 тыс. руб. ассигнациями (*А.* Порт Бургас. 4(16) мая // Новое Время. 1879. 13(25) мая. № 1150. С. 1–2).

[37] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 88.

[38] Там же, л. 91.

[39] Русский инвалид. 1878. 1 сентября. № 193. С. 4.

[40] *Гримм [И.В.]* Заметки военного врача (Из опыта войны) // Военный сборник. 1879. № 4. С. 396–399, 405; *Пузыревский А.[К.]* Воспоминания офицера генерального штаба о войне 1877–1878 годов в Европейской Турции // Там же. № 6. С. 396, 398; *Б.* 3-я гренадерская дивизия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Там же. 1882. № 2. С. 412–413; *Епанчин Н.[А.]* Очерк дей-

3(15) августа Милютин известил командующего Черноморским флотом, что император распорядился усилить контроль за соблюдением гигиены. Командованию флота предписывалось обратить особое внимание на карантинные меры[41]. В Петербурге явно опасались повторения ситуации 1829–1830 гг., когда возвращавшиеся из Турции войска принесли в Россию холеру[42]. Летом 1878 г. эвакуация больных и раненых, разумеется, также резко осложнила санитарное положение на юге России[43]. Но благодаря экстренным мерам начавшаяся там эпидемия тифа не приобрела большего масштаба. Через 84-й госпиталь в Николаеве с 12(24) сентября 1877 г. по 12(24) сентября 1878 г. прошло 4,2 тыс. воинов, из которых умерло только 160 (менее 4%)[44].

В начале августа в поход выступила гвардия. Её части, а за ними кавалерия и гренадеры прибывали морем из Сан-Стефано в Одессу, Севастополь и Николаев, откуда следовали на поездах в Петербург и Варшаву[45].

7(17) августа в Сан-Стефано состоялся парад, в котором приняли участие войска Гвардейского, а также IV и VIII армейских корпусов – всего 120 батальонов, 22 эскадрона и 5 сотен, 286 орудий (1725 офицеров и 81283 строевых нижних чинов). На него заранее съезжались многочисленные зрители, в том числе – турецкие генералы и офицеры, послы и военные агенты европейских стран. Командовал парадом командир VIII корпуса генерал от инфантерии Ф.Ф. Радецкий, принимал его – Тотлебен. «Доблестные войска вверенной мне армии! – говорилось в его приказе. – Давно желанный час настал. По высочайшему государя императора повелению вы должны возвратиться на родину»[46].

По словам очевидца, 8(20) августа «на рейде Сан-Стефано бросили якорь целый десяток пароходов, с большими цифрами номеров из белой краски по бокам. Номера эти показывали, что пароходы предназначались для перевозки нашей победоносной армии из Турции в Россию обратно». Порт был окружён войсками, обозами, лошадьми, но порядок соблюдался безукоризненно[47]. Основная тяжесть перевозок первоначально легла на десять судов РОПиТ и один иностранный пароход, позднее к ним присоединились корабли Добровольного флота «Россия», «Петербург» и «Москва». 11(23) августа 1878 г. началась посадка войск на транспорты во всех выделенных для этого портах Мраморного моря[48]. За несколько дней через Босфор прошли 12 транспортов с 18 тыс. солдат

ствий Западного отряда генерал-адъютанта Гурко // Там же. 1893. № 4. С. 190–191; *Шильдер Н.К.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Т. 2. СПб., 1886. С. 883.

[41] РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1(3), д. 8295, л. 72.

[42] Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. СПб., 1907. С. 18–19.

[43] *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 4. С. 120.

[44] Николаевский вестник. 1878. 21 сентября. № 102. С. 386.

[45] Русский инвалид. 1878. 12 августа. № 180. С. 2.

[46] *Пузыревский А.* Из Сан-Стефано (корреспонденция «Русского инвалида») // Русский инвалид. 1878. 18 августа. № 184. С. 3–4; Правительственный вестник. 1878. 19(31) августа. № 186. С. 2; Приказ Главнокомандующего генерал-адъютанта Тотлебена // Николаевский вестник. 1878. 19 сентября. № 101. С. 382; *Борисов В., Сыцянко А.* Походы 64-го пехотного Казанского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888. С. 610–611.

[47] Сан-Стефано. 12 августа // Одесский вестник. 1878. 20 августа. № 186. С. 2.

[48] *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 4. С. 136; № 5. С. 72. Для своего времени «Россия» была довольно быстроходной – развивала скорость в 14 узлов и могла взять на борт для перевозки на близкие расстояния до трёх тыс. пассажиров (при дальнем плавании их число сокращалось вдвое). Водоизмещение парохода превосходило 3 507 регистровых

и офицеров гвардии[49]. Несмотря на летнее время, плавание протекало неспокойно, из-за сильного шторма в первой партии пали 75 (по другим данным – 80) из 500 лошадей гвардейских полков, плохо переносивших качку[50].

13(25) августа в Одессе встретили первый пароход – «Эриклик», на котором находились Радецкий и Шувалов[51]. Основной поток гвардейских частей шёл именно через Одессу. Горожане были настроены радушно. Как утверждала местная печать, «одесское население не забудет, что оно первое родное поселение на пути людей, оказавших такие заслуги и так долго бывших в разлуке с отечеством»[52]. Рядовых размещали в лагере под городом, а офицеров и генералов – в гостиницах на центральных улицах. После дезинфекции и долгожданной бани солдатам предстояло двигаться дальше по железным дорогам к местам постоянной дислокации[53]. Пользуясь моментом, хозяева бань взвинтили цены на свои услуги. Стоимость помывки (со своей мочалкой и мылом) выросла с трёх до десяти копеек. Попытались поднять расценки и владельцы гостиниц и меблированных комнат, но им это сделать не удалось, поскольку городские власти заранее разместили объявления о найме комнат по фиксированным ценам или, по желанию собственников, о предоставлении их бесплатно[54].

Александр II лично посетил свою гвардию. Утром 18(30) августа он прибыл на станцию «Куликово поле», где его ожидали Аркас, градоначальник генерал-майор гр. В.В. Левашов, представители города и многочисленные зрители[55]. В этот же день император провёл смотр прибывшим и местным частям в Одессе, 19(31) августа – в Николаеве, куда 16(28) августа прибыл пароход «Черкасск» с 1,5 тыс. солдат и 31 офицером лейб-гвардии Финляндского и Павловского полков[56], 20 августа (1 сентября) – в Севастополе, после чего отправился инспектировать флот и укрепления в Очакове. 25 августа (6 сентября) он вернулся в Севастополь на яхте «Ливадия». Там уже три дня находились прибыв-

---

тонн (См.: Пароход «Россия» (Holsatia) – первый крейсер Русского добровольного флота // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1878. № 30. С. 544–545; *Поггенполь М.* Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб., 1903. С. 232, 235). Он вышел из Кронштадта утром 5(17) августа и прибыл в Сан-Стефано 1(13) сентября, на заключительном этапе эвакуации войск из Сан-Стефано, Родосто, Эрекли и Буюк-Чекмеджи, продолжавшейся до 9(21)–16(28) сентября (Кронштадт, 5 августа // Кронштадтский вестник. 1878. 9(21) августа. № 93(2551). С. 1; Морская хроника (извлечение из донесения командира крейсера Добровольного флота «Россия»). Капитан-лейтенант Дубасов // Николаевский вестник. 1878. 28 сентября. № 104. С. 393; *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 4. С. 136).

[49] Правительственный вестник. 1878. 19(31) августа. № 186. С. 2.

[50] Одесса, 14-го августа // Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 23 августа (4 сентября). № 231. С. 2; *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 4. С. 137.

[51] Одесса, 19-го августа // Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 27 августа (8 сентября). № 235. С. 3.

[52] Одесса, 14 августа // Одесский вестник. 1878. 15 августа. № 182. С. 1.

[53] С дороги в Сан-Стефано по Чёрному морю // Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 8(20) сентября. № 247. С. 4.

[54] Одесса, 14-го августа // Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 23 августа (4 сентября). № 231. С. 2; От Одесской городской управы // Ведомости Одесского градоначальства. 1878. 15 августа. № 161. С. 1; От Одесской городской управы // Там же. 18 августа. № 163. С. 1.

[55] Одесса, 18-го августа. Городские ведомости // Ведомости Одесского градоначальства. 1878. 19 августа. № 164. С. 1; Военные и дипломатические ведомости // Одесский вестник. 1878. 19 августа. № 185. С. 2.

[56] Николаевский вестник. 1878. 17 августа. № 89. С. 339.

шие из Сан-Стефано лейб-гвардии Семёновский и Преображенский полки[57]. «Благодаря прекрасной погоде, – отмечал обозреватель, – перевозка войск из Турции идёт беспрепятственно, и пароходы с дорогими гостями прибывают к нам аккуратно, по расписанию!»[58].

Перевозку гвардии планировалось завершить 4(16) сентября[59]. Кроме того, за первые недели сентября в Россию убыли две гренадерские, пехотная и резервная дивизии, несколько казачьих полков с артиллерией и обозом[60]. С 15(27) сентября начались перевозки из Бургаса, который к тому времени сильно преобразился: открылись кафе и даже итальянский театр[61]. В навигацию 1878 г., до 7(19) ноября, состоялось 205 рейсов, из них 125 совершили пароходы РОПиТ, 68 – иностранные компании, 10 – Добровольный флот. Всего они перевезли 3731 офицера, 134408 нижних чинов, 21915 лошадей и 7746 орудий и повозок[62]. Некоторые казачьи полки высаживались в Таганроге[63], другие перевозились в Армавир, Новочеркасск и Оренбург через Петербург, Варшаву и Москву[64].

В России эшелоны, двигавшиеся с юга к местам постоянной дислокации войск, повсюду приветствовали цветами, овациями и угощением[65]. В ночь на 3(15) сентября четыре эшелона доставили на станцию Колпино Лейб-гвардии Измайловский полк. После днёвки под городом он проследовал походным порядком к своим казармам по Московскому шоссе мимо Триумфальной арки[66]. 4(16) сентября в столицу вошли егеря и финляндцы. «Встреча, устроенная 4-го сентября обывателями Васильевского острова Лейб-гвардии Финляндскому полку, по своей грандиозности трудно поддаётся описанию, – отмечалось в газете. – Николаевский мост буквально был запружен народом и по нём было остановлено всякое движение»[67]. 7(19) сентября в командование Гвардейским корпусом вновь вступил наследник цесаревич[68].

Осенью 1878 г. бóльшая часть Дунайской армии покинула Балканский полуостров. Но, оставив позиции у Константинополя, русские оккупационные войска продолжали контролировать Адрианопольский санджак, Восточную Румелию и Болгарию, где по условиям Берлинского трактата на девять месяцев устанавливалось временное управление под руководством российского императорского комиссара. Ещё 3(15) февраля 1878 г. этот пост занял генерал от кавалерии кн. А.М. Дондуков-Корсаков, переехавший летом из Филиппополя

---

[57] Правительственный вестник. 1878. 19(31) августа. № 186. С. 2; 20 августа (1 сентября). № 187. С. 2; 22 августа (3 сентября). № 188. С. 2; Русский инвалид. 1878. 29 августа. № 192. С. 1; Николаевский вестник. 1878. 2 сентября. № 95. С. 364.

[58] Николаевский вестник. 1878. 5 сентября. № 96. С. 366.

[59] Русский инвалид. 1878. 12 августа. № 190. С. 2.

[60] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 17.

[61] *А.* Порт Бургас. 4(16) мая // Новое Время. 1879. 13(25) мая. № 1150. С. 2; *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 5. С. 70.

[62] *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 5. С. 73–74.

[63] Там же. С. 73.

[64] Русский инвалид. 1878. 13 августа. № 181. С. 2–3.

[65] *Баланин Д.* Турецкий поход 1877–1878 годов (из воспоминаний офицера) // Военный сборник. 1897. № 10. С. 262–263.

[66] Русский инвалид. 1878. 25 августа. № 190. С. 2; 3 сентября. № 195. С. 2; Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 5(17) сентября. № 244. С. 2.

[67] Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 6(18) сентября. № 245. С. 2; 7(19) сентября. № 246. С. 2.

[68] Русский инвалид. 1878. 8 сентября. № 199. С. 2.

в Софию[69]. 4(16) октября 1878 г. генерал-губернатором Восточной Румелии стал командир IX корпуса генерал-лейтенант А.Д. Столыпин, подчинявшийся императорскому комиссару. Генерал-губернаторство включало три губернии – Филиппопольскую, Адрианопольскую и Сливенскую, в каждую из них назначался русский губернатор. Главной задачей новой администрации являлось умиротворение края, в котором 2/3 населения составляли болгары[70].

Между тем в Боснии и Герцеговине, оккупированных по решению Берлинского конгресса австрийцами, в августе началась череда восстаний, перешедших вскоре в партизанскую войну[71]. Численность повстанцев, по оценке австрийского командования, колебалась от 40 до 93 тыс. человек (хотя на деле ядро их отрядов не превышало тысячи бойцов). Против них Вена мобилизовала 250 тыс. солдат, а специально сформированная для занятия Боснии и Герцеговины 2-я армия к 1 октября 1878 г. насчитывала 159 380 человек при 292 орудиях (159 батальонов, 29 эскадронов, 26 полевых и 21 горная батареи, ряд вспомогательных частей)[72]. Её решительные действия позволили быстро завершить серьёзные бои, и уже 19 октября приступить к демобилизации армии[73]. Потери австрийцев к концу года достигли 5 198 убитых, раненых и пропавших без вести (в том числе 178 офицеров)[74].

Положение в Македонии также оставалось чрезвычайно напряжённым. По мере вывода русских войск увеличивалось число христиан, просивших разрешение на переселение в Болгарию или Восточную Румелию[75]. В отчёте русской военной администрации в Адрианопольском санджаке за февраль 1879 г. констатировалось: «Жители деревень, болгары и греки, имеют намерение переселиться даже и в том случае, если силой им будут препятствовать, говоря, что они слишком много пострадали от турок и не могут более оставаться на своих местах»[76]. 1(13) марта Столыпин докладывал кн. Дондукову-Корсакову: «Брожение умов очень сильное, стремление болгар противодействовать исполнению Берлинского трактата решительное, и мне кажется, что мирным путём почти совершенно невозможно заставить их отказаться от той свободы, к которой они успели привыкнуть за время нашего управления краем»[77].

Города Забалканской Болгарии лежали в руинах, и люди не торопились их восстанавливать. Полковник Ц.А. Кюи отмечал, что «болгары как будто

---

[69] *Овсяный Н.* Устроители Болгарии: князь Черкасский, князь Дондуков-Корсаков и Столыпин // Русская старина. 1909. Т. 137. № 3. С. 582; Т. 138. № 5. С. 251–252.

[70] Русский инвалид. 1879. 31 июля. № 166. С. 2.

[71] Там же. 1878. 11 августа. № 179. С. 3; 18 августа. № 184. С. 2; 19 августа. № 185. С. 2; *В.Н.* Иностранное военное обозрение. Австро-Венгрия. Оккупация Боснии и Герцеговины // Военный сборник. 1878. № 9. С. 114; *К.П.* Оккупация Боснии. Из записок очевидца // Там же. 1880. № 8. С. 327, 339.

[72] *В.Н.* Иностранное военное обозрение. Австро-Венгрия // Военный сборник. 1878. № 10. С. 235–236, 239; Иностранная политика. Австрийцы в Боснии и Герцеговине // Вестник Европы. 1878. № 10. С. 843; *К.П.* Оккупация Боснии... // Военный сборник. 1880. № 11. С. 109–110, 115; *Rothenberg G.E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette (Indiana), 1976. P. 102.

[73] *В.Н.* Иностранное военное обозрение. Австрия // Военный сборник. 1878. № 12. С. 350; *К.П.* Оккупация Боснии... // Там же. 1880. № 12. С. 334.

[74] *Rothenberg G.E.* Op. cit. P. 102.

[75] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 8792, л. 152 об.

[76] *Овсяный Н.Р.* Русское управление в Болгарии в 1877–[18]78–[18]79 гг. Т. 3. СПб., 1907. Приложения. С. 231.

[77] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 8792, л. 173 об.

опасаются возвращения турок и нового побоища»[78]. Тем временем в княжестве шла очистка городов от трупов казнённых в 1877 г. болгар. Наладить же работу гражданских властей не удавалось из-за отсутствия взрослых мужчин – убитых или высланных турками в Малую Азию[79]. Обстановка была взрывоопасной, население Восточной Румелии с тревогой готовилось к неизбежному уходу русских. В декабре 1878 г. в княжестве Болгарском проживало уже свыше 50 тыс. беженцев-христиан[80].

По словам сотрудника временной администрации Болгарии, это могло «снова зажечь пламя на всём Балканском полуострове»[81]. В сложившейся ситуации и Россия, и Турция были одинаково заинтересованы в сохранении стабильности. Поэтому они пошли на взаимные уступки, подписав 27 января (8 февраля) 1879 г. в Константинополе договор, в котором подтверждались установление мира и условия Берлинского трактата, определялся размер контрибуции (802,5 млн франков) и компенсация убытков русских подданных (26,75 млн франков), намечался обмен военнопленными и т.п.[82]

31 января (12 февраля) 1879 г. Аркас известил командующего войсками Одесского военного округа о возобновлении эвакуации с 16(28) февраля. Портом погрузки был назначен Бургас[83]. Оттуда через Одессу должно было пройти 36 полков со штабами, госпиталями и т.д., через Севастополь – 22, через Николаев – 54[84]. Организация перевозок осложнялась тем, что в Болгарии оказалось мало паровых катеров для буксировки транспортных барж, а подойти к причалам пароходы не могли из-за недостаточной глубины. Кроме того, их приходилось снабжать углём и водой. В Севастополе имелись лишь старые катера, не годившиеся для перехода по морю[85]. Во время войны РОПиТ передало Морскому министерству 30 пароходов, 3 паровых катера, 8 барж и 5 шлюпок[86].

29 января (10 февраля) 1879 г. Тотлебен доложил в Петербург о готовности начать 6(18) февраля вывод остававшихся на Балканах частей Действующей армии. Из Бургаса их планировалось отправлять домой с 16(28) февраля по 17(29) марта[87]. В этот раз возможность использовать румынские железные дороги исключалась. Бухарест закрыл границу с Болгарией под предлогом карантина против вспыхнувшей в Астраханской губ. чумы. Так как граница с Бессарабией оставалась открытой, а движение по Дунаю не перекрывалось, часть

---

[78] *Кюи Ц.* Путевые записки инженерного офицера на театре военных действий в Европейской Турции // Инженерный журнал. 1878. № 8–9. С. 661.

[79] *Иванов И.С.* Из заметок об Южной Болгарии во время оккупации её русскими войсками в 1878–1879 гг. и последующих событиях в княжестве Болгарском // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 666.

[80] *Матвеев П.А.* Болгария после Берлинского конгресса. Исторический очерк. СПб., 1887. С. 43. В октябре кн. Дондуков-Корсаков передал Столыпину 160 тыс. франков для помощи беженцам и ещё 200 тыс. франков – на нужды жителей наиболее пострадавших городов (Русский инвалид. 1879. 31 июля. № 166. С. 3).

[81] *Матвеев П.А.* Болгария после Берлинского конгресса... С. 29.

[82] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 207–210.

[83] РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1(3), д. 8528, л. 1, 21.

[84] Там же, д. 8295, л. 553–555.

[85] Там же, д. 8528, л. 3 об., 14, 16–17.

[86] *Денисов А.И.* Генерал-адъютант, адмирал Николай Андреевич Аркас. Биографический очерк. Севастополь, 1887. С. 111–113.

[87] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 177.

войск предполагалось перевезти этим путём[88]. В соответствии с этим планом прекращалась и оккупация Адрианополя. 6(18) февраля 1879 г. во дворе дворца губернатора собралось около 3 тыс. болгар и греков, которые просили «довести до сведения высшего начальства, что все христианские жители Адрианопольского санджака не желают снова подчиниться ненавистному турецкому правительству и ввиду предстоящего выступления русских войск просят разрешения на поголовное переселение в Восточную Румелию или Болгарию». Такую массу людей негде было бы размещать, но разъяснения русского, а затем и турецкого губернатора, пытавшихся уговорить людей остаться на месте, не имели успеха. То же наблюдалось и в сельской округе[89]. Почти сразу же после вывода русских войск из Адрианопольского санджака в Болгарию и Восточную Румелию перебралось около 30 тыс. беженцев[90]. Точное их число неизвестно, но только по железной дороге из Адрианополя в Филиппополь к 4(16) марта 1879 г. выехало 4703 семейства (20187 человек)[91].

В полдень 4(16) марта из Адрианополя ушли последние кавалерийские полки IV корпуса. Входившая в город турецкая пехота выстроилась для приветствия, держа винтовки «на караул»[92]. Стоявшие в Адрианополе войска сделали всё возможное, чтобы оставить о себе добрую память. По распоряжению командовавшего ими Скобелева в праздник Рамазана на освещение мечетей были выделены 3 тыс. руб., горожанам раздавалось продовольствие из обширных трофейных складов[93]. Неудивительно, что посетивших город в тот день Тотлебена и кн. Дондукова-Корсакова городской муфтий благодарил за внимание и заботу[94].

Население Адрианопольского санджака хорошо отзывалось о Скобелеве, который сумел восстановить порядок, организовал питание турецких беженцев (45 тыс. в марте–апреле 1878 г. и всего 27 тыс. – в январе–феврале 1879 г.) и постепенное возвращение их в свои дома, если те находились на контролируемой им территории[95]. Перед уходом корпуса к Скобелеву явилась делегация мусульман, благодарившая его «за беспристрастное и заботливое отношение ко всем национальностям города»[96]. Смена русского гарнизона на турецкий прошла в образцовом порядке, без каких-либо эксцессов. Совсем иная картина складывалась вне крупных городов[97].

С 16(28) февраля по 20 марта (1 апреля) за 84 рейса из Бургаса было вывезено 1827 офицеров, 77896 нижних чинов, 8057 лошадей, 193 орудия, 1539 зарядных ящиков, 2724 повозки и 170020 пудов военных грузов[98]. 11(23) марта пароходы «Константин» и «Владимир» доставили в Одессу главнокомандующе-

---

[88] Там же, л. 185.

[89] Там же, ф. 846, оп. 16, д. 8792, л. 201 об., 241 об., 243.

[90] *Овсяный Н.* Устроители Болгарии... // Русская старина. 1909. Т. 138. № 5. С. 255.

[91] Последний день пребывания русских войск в Адрианополе 4 марта 1879 года (из письма в реакцию) // Русский инвалид. 1879. 27 марта. № 67. С. 5.

[92] Там же. С. 4.

[93] *Яшеров В.В.* Воспоминание о Скобелеве и занятии Южной Болгарии // Русский вестник. 1884. Т. 174. № 12. С. 588.

[94] Русский инвалид. 1878. 7 октября. № 221. С. 1.

[95] *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. Ч. 2. СПб., 1903. С. 249.

[96] Последний день пребывания русских войск в Адрианополе... С. 5.

[97] *Овсяный Н.* Устроители Болгарии... // Русская старина. 1909. Т. 138. № 5. С. 255.

[98] *Красовский Д.* Перевозка войск... // Морской сборник. 1884. № 5. С. 81, 84, 87.

го и его штаб. Перевозка прошла благополучно, лишь несколько шхун сели на мель непосредственно у русских берегов[99]. Тем временем 21 февраля (5 марта) Александр II включил в Русский оккупационный корпус в Болгарии и Восточной Румелии, численность и состав которого регулировались Берлинским трактатом (шесть пехотных и две кавалерийские дивизии, в совокупности не более 50 тыс. человек), IV, IX корпуса, 12-ю и 33-ю пехотные дивизии XII корпуса, два казачьих полка, горную батарею, сапёрный и железнодорожный батальоны и военно-походный телеграфный парк[100]. Этим силам предстояло обеспечивать безопасность в регионе ещё несколько месяцев.

10–11 апреля 1879 г. царь подписал обращения к жителям Восточной Румелии и Болгарского княжества, призвав их к мирному труду и спокойствию[101]. Для того, чтобы избежать столкновений и неизбежного в этих случаях обострения русско-турецких отношений, в Константинополь со специальной миссией отправился генерал-лейтенант Н.Н. Обручев, который сумел убедить султана отказаться от ввода войск в Восточную Румелию (при формальном сохранении права на такой шаг). После этого он посетил Филиппополь, где 25 апреля (7 мая) призвал население провинции к спокойствию. В результате ему поверили, страсти улеглись, а уже начинавшиеся волнения сошли на нет[102].

Ещё в апреле 1878 г. русская администрация создала 12 пеших болгарских дружин (батальонов) по тысяче человек в каждой. Болгарское ополчение стало основой будущей армии, получившей название Земского войска. В случае мобилизации оно могло достигать 84 750 бойцов (59 пеших и 13 конных дружин, 17 артиллерийских батарей)[103]. Поначалу для обучения ратников из русских частей отобрали 14 штаб- и 184 обер-офицера, 766 унтер-офицеров, 85 музыкантов, 83 рядовых, а также 237 нестроевых (75 унтер-офицеров и 162 рядовых)[104]. Всего же в Земское войско были направлены генерал, 32 штаб-офицера, 429 обер-офицеров и 4 538 инструкторов из нижних чинов[105]. Заставлять учиться военному делу никого не требовалось: два раза в неделю, когда ополченцы от 20 до 60 лет выходили на стрельбы, болгарские города и деревни пустели[106]. В августе 1878 г. в армии княжества служили уже 31 085 человек, не считая прикомандированных русских[107]. На организацию местного управления и вооружённых сил на освобождённых от турок территориях Россия к сентябрю 1878 г. потратила 1,2 млн руб.[108]

Обучением восточно-румелийской милиции занимались 27 штаб- и 259 обер-офицеров, 286 унтер-офицеров, 20 музыкантов, 22 рядовых, а также более 130 нестроевых (64 унтер-офицера и 67 нижних чинов)[109]. Одновременно

---

[99] РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1(3), д. 8528, л. 69, 80–81.

[100] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7905, л. 133–133 об.

[101] Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour les années 1879–1880. Saint Pétersburg, 1880. P. 205–209.

[102] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. В 4 т. Т. 3. М., 2018. С. 518–522.

[103] Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 122.

[104] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 17, л. 418.

[105] Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 122.

[106] *Иванов И.С.* Из заметок об Южной Болгарии... // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 678.

[107] *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–[18]78–[18]79 гг. СПб., 1904. С. 74.

[108] Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 122.

[109] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 17, л. 422.

Столыпин всячески успокаивал население и быстро создавал силу, способную повсюду обеспечить порядок[110]. В начале 1879 г. появились специальные гимнастические военно-спортивные общества, для которых каждый русский полк, стоявший в Болгарии и Восточной Румелии, выделял по 60 инструкторов из солдат и унтер-офицеров. Они обучали местных христиан владеть оружием и действовать в военном строе. Иногда в учениях, которые уже больше походили на манёвры, вместе с русскими войсками участвовали до 10 тысяч болгарских «гимнастов»[111].

Планировалось образовать дружины по 600 человек с обученным во время лагерных сборов (полтора месяца в год) резервом, что позволило бы со временем развернуть каждую из них в полк четырёхбатальонного состава[112]. Их формирование велось быстро и активно, в гимнастических обществах приучали к использованию и хранению винтовок Крнка, стрельбе на разные дистанции, окапыванию и т.п.[113] Эта учёба с самого начала пользовалась большим успехом у жителей – в городах и сёлах они добровольно с песнями выходили на занятия[114]. Детально регламентированное положение о сельской страже превратило караулы гимнастических обществ во вполне надёжную полицейскую силу, обеспечивавшую в том числе и охрану границы[115].

14 апреля 1879 г. султан утвердил Органический статут Восточной Румелии, закреплявший автономию этой провинции[116]. Данный акт предвосхищал вывод оккупационных войск. 8(20) и 17(29) апреля части IV и IX корпусов получили приказы направить кавалерию к Силистрии и Рущуку, после чего им предстояло плыть по Дунаю к порту Рени на баржах, которые буксировали пароходы[117]. Пехота и артиллерия следовали от Тырново до Ямболя по железной дороге, а затем маршировали до Бургаса, откуда их должны были переправить в Николаев и Севастополь[118]. Окончательный план, утверждённый 12(24) мая, предписывал перевезти по морю пять пехотных дивизий[119].

Первый командующий войсками восточно-румелийской милиции полковник К.И. Кесяков сдал командование 15(27) мая[120]. Через два дня Столыпин принял делегацию жителей Филиппополя. Вручив ему диплом почётного гражданина, они заявили: «Вверенный Вашему превосходительству край многим Вам обязан, в особенности же город Пловдив, который вы облагодетельствовали великолепным мостом через Марицу, сиротским домом, госпиталем, устройством мостовой и многим другим»[121]. Русская администрация действительно

---

[110] *Овсяный Н.* Устроители Болгарии... // Русская старина. 1909. Т. 138. № 5. С. 252–253.

[111] Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 511.

[112] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 8792, л. 152.

[113] *Розов Н.* Очерк организации военных сил Южной Болгарии (посвящается Царству Болгарскому) // Русская старина. 1911. Т. 146. № 5. С. 555.

[114] *Маджаров М.* Спомени. София, 1968. С. 386.

[115] *Розов Н.* Очерк организации военных сил Южной Болгарии... С. 552, 555.

[116] *Матвеев П.* Органический статут Восточной Румелии: историческая страница из деятельности нашей дипломатии на Балканском полуострове. М., 1884. С. 54, 56.

[117] Отбытие наших войск из Румелии // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1879. № 35. С. 695.

[118] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 8187, л. 1–2, 5–6; Болгария. Железные дороги, их строительство и эксплоатация // Сборник Главного управления Генерального штаба. Вып. 29. СПб., 1911. С. 12.

[119] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 205–205 об.

[120] Одесский вестник. 1879. 10 июня. № 126. С. 1.

[121] Восточная Румелия // Новое Время. 1879. 3(15) июня. № 1170. С. 2.

оставляла за собой прочный тыл. Были устроены гимнастические общества, подготовлены чиновники, размещены беженцы, налажена борьба с вооружёнными бандами, в Филиппополе построен водопровод и т.д.[122]

1(13) июня 1879 г. части Оккупационного корпуса начали покидать болгарские земли, где к 1(13) июля оставались только две пехотные и две кавалерийские дивизии, а также два казачьих полка (около 36 тыс. человек)[123]. Многие жители, прежде всего греки, опасались, что после ухода русских активизируются отряды гайдуков[124]. Но в провинции удалось сохранить спокойствие. Болгарские революционеры не осмелились на вооружённое выступление, а турки так и не ввели в Румелию свои войска. Авторитет русского императора был тогда в Болгарии безграничен.

К середине июня эвакуация русских войск практически завершилась. 7(19) июня вместе с Казанским полком на пароходе Добровольного флота «Россия» в Россию вернулся Скобелев[125]. 9(21) июля в Одессу прибыл штаб Оккупационного корпуса[126]. В Румелии задержались лишь несколько артиллерийских парков, отдельные команды и госпитали[127]. 29 июля (10 августа) было официально объявлено о том, что «русское гражданское управление Восточной Румелии ныне закончило возложенную на него задачу и заключило её ранее того срока, который был положен Берлинским трактатом для очищения турецкой территории русскими войсками. Благодаря этому новая, заменившая нас, администрация, созданная Органическим статутом, могла открыть свои действия под охраною русского знамени»[128]. 6(18) августа Александр II подписал рескрипты кн. Дондукову-Корсакову и Столыпину, поблагодарив их за труды[129].

Выплаты по оккупационному долгу Болгарского княжества перед империей (10 618 250 руб. 43 коп.) регулировались соглашением, подписанным 16(28) июня 1883 г. В нём предусматривалось постепенное внесение платежей вплоть до середины 1895 г.[130] В 1885 г. они прекратились, но в 1895 г. накопившаяся недоимка в 8 867 000 руб. была уплачена. Оставшиеся 618 250 руб. 43 коп. Россия получила летом 1897 г.[131]

Помимо прочего, опыт, приобретённый при эвакуации войск с Балканского полуострова в 1878–1879 гг., учитывался и при планировании десантной операции на Босфоре, которую начали готовить уже в середине 1880-х гг.[132]

---

[122] Извлечение из отчётной записки по генерал-губернаторствам Восточной Румелии (Сливно, 20-го июня 1879 года) // Правительственный вестник. 1879. 29 июля (10 августа). № 169. С. 1–2.

[123] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 17, л. 521–522; *Вълков Г.* Руските учители на Българското воинство. София, 1977. С. 103.

[124] Правительственный вестник. 1879. 31 июля (12 августа). № 170. С. 3.

[125] Одесский вестник. 1879. 7 июня. № 123. С. 2; *Борисов В., Сыцянко А.* Указ. соч. С. 621.

[126] РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 28, л. 216.

[127] Одесский вестник. 1879. 21 июня. № 135. С. 1.

[128] Правительственный вестник. 1879. 29 июля (10 августа). № 169. С. 1.

[129] Там же. 8(20) августа. № 176. С. 1.

[130] Външната политика на България. Документи и материали. Т. 1. София, 1978. С. 460–461.

[131] ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 97, л. 12, 14.

[132] *Айрапетов О.Р.* К вопросу о проекте захвата Босфора (из истории внешней политики и стратегии России 1806–1884 гг.) // Études Balkanique. Кн. 1. София, 2009. С. 143–158.

Российский дипломат Н.Н. Шебеко: политический портрет

Федор Селезнев

Russian diplomat N.N. Shebeko: a political portrait

Fedor Seleznev
(National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020096

Личность Николая Николаевича Шебеко (1863–1953), возглавлявшего накануне Первой мировой войны представительства Российской империи в Румынии (1912–1913) и Австро-Венгрии (1913–1914), до последнего времени не привлекала внимание историков. Лишь недавно основные факты его биографии кратко изложила в научно-популярном очерке Е.В. Евдокимова[1]. Появились также статьи, посвящённые анализу его обширных воспоминаний[2], рукопись которых хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке[3]. В них Николай Николаевич подробно рассказал о детстве, юности, военной службе, переходе в МИД, работе в российских посольствах в Вене, Копенгагене, Париже, Берлине и Бухаресте. Наряду с другими источниками это позволяет охарактеризовать общественную позицию дипломата, а также его взгляды на цели внешней политики России и её отношения с другими державами.

Предки Николая Николаевича, белорусские католики, принадлежали к польской шляхте. В 1805 г. семья вошла в состав российского дворянства[4], и тогда же Франц Иванович Шебеко (1785–1845) поступил на военную службу. Впоследствии он отличился в ряде сражений, получил «за Тарутино» орден Св. Владимира 4-й степени и в 1832 г. уже в чине генерал-майора был назначен исправлять должность помощника директора Пажеского корпуса[5]. Его сын, камергер Игнатий Францов Шебеко (1792–1869), в 1834 г. женился на дочери

© 2026 г. Ф.А. Селезнев

[1] *Евдокимова Е.В.* Последние послы Российской империи. История и судьбы. М., 2023.

[2] *Князев М.А.* «Россия, видимо, переживает острый кризис, и никто не может угадать, чем всё это кончится». Из писем первого секретаря посольства России во Франции Н.Н. Шебеко к жене. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2024. № 4; *Селезнев Ф.А.* Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) // Новая и новейшая история. 2024. № 5; *Князев М.А.* Последний посол России в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко: траектории карьерного пути дипломата на рубеже XIX–XX вв. // Потёмкинские чтения. Сборник материалов IX всероссийской научной конференции с международным участием. Севастополь, 2025.

[3] *Шебеко Н.* Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года // Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064. См. также их публикацию на французском языке: *Schebeko N.* Souvenirs: Essai historique sur les origines de la guerre de 1914. P., 1936.

[4] РГИА, ф. 1343, оп. 33, д. 806, л. 572–572 об.

[5] Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 2.

генерал-майора С.М. Трухачёва Елизавете Сергеевне (1811–1893)[6]. Их старший сын Николай (1834–1904), уже православный, бóльшую часть жизни провёл в столице. В 1855 г., окончив юридический факультет Петербургского университета, он поступил унтер-офицером в Кавалергардский полк, а в 1860 г. женился на фрейлине великой княгини Ольги Фёдоровны (супруги вел. кн. Михаила Николаевича) Марии Ивановне Гончаровой (1839–1935). 24 марта 1861 г. Николай Игнатьевич стал адъютантом шефа жандармов кн. В.А. Долгорукова, оставшись в той же должности и при гр. П.А. Шувалове[7].

Тем временем его сестра Софья Игнатьевна в 1862 г. вышла замуж за кн. В.М. Долгорукова (1840–1910) – чиновника особых поручений при министре внутренних дел и родного брата возлюбленной Александра II княжны Е.М. Долгоруковой. Другая сестра – Варвара Игнатьевна – с середины 1860-х гг. стала неразлучной спутницей и советницей фаворитки императора, а затем и нянькой его внебрачных детей[8]. Николай Игнатьевич также активно включился в дела сестры и её подруги, выступая посредником при получении денег за выданные при их участии железнодорожные концессии и проч. В июне 1871 г. в самый разгар крупного скандала вокруг строительства Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской железных дорог, он был произведён в генерал-майоры и получил пост бессарабского губернатора. Несмотря на благоволение монарха и зачисление в 1872 г. в Свиту, в столицу ему довелось вернуться только весной 1879 г., и то лишь в качестве причисленного к МВД.

3 июля 1863 г. на свет появился его сын Николай[9], который в 1879 г. вместе с младшим братом Вадимом успешно выдержал вступительный экзамен в V класс Пажеского корпуса[10]. По окончании этого привилегированного учебного заведения Николай Николаевич 14 августа 1884 г. был произведён в корнеты Кавалергардского полка, где прослужил в рядах второго эскадрона 11 лет[11]. Когда корнет Шебеко ещё только постигал азы кавалерийской службы, его отец в 1887 г. неожиданно был назначен товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. Его карьерному росту способствовал двоюродный брат жены и единомышленник – кн. В.П. Мещерский, на которого Н.Н. Шебеко «с самых юных лет привык смотреть как на преданного друга» родителей[12].

Пользуясь доверием Александра III, князь с осени 1884 г. регулярно передавал царю свой рукописный «дневник» с острыми политическими характеристиками и рекомендациями, нередко имевшими успех[13]. Не раз на этих листках упоминался и Н.И. Шебеко. 8 марта 1887 г., рассуждая о том, кто

---

[6] РГИА, ф. 1343, оп. 33, д. 806, л. 576, 580 об.–581.

[7] Там же, л. 590–590 об., 593 об.

[8] Подробнее см.: *Сафронова Ю.А.* Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. См. также: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 289–290.

[9] РГИА, ф. 1343, оп. 33, д. 806, л. 597, 598.

[10] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 7.

[11] Там же. Л. 10–11.

[12] Там же. Л. 13–14.

[13] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 43–677. Подробнее о нём см.: *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017; *Дронов И.Е.* Путь консерватора // Князь В.П. Мещерский. Гражданин консерватор / Сост. И.Е. Дронов. М., 2005. С. 7–84; *Дронов И.Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 11/12. С. 70–76.

бы мог заменить в МВД товарища министра П.В. Оржевского, находившегося в остром конфликте со столичным градоначальником П.А. Грессером, князь писал: «Я бы предложил этот пост прекрасному человеку, генералу Шебеко. Он высоко честный, глубоко преданный и умный человек. Он был кишинёвским губернатором, и с тех пор сидит забытый и о себе не напоминает. А жаль такого человека не утилизировать. К тому же [гр. Д.А.] Толстой его очень любит, и Грессер его любит». Через неделю в дневнике вновь зазвучали сетования на то, как гр. Толстой «выбрал Оржевского, которого не знал, выбрал [П.Н.] Дурново ему в помощники, которого тоже не знал, а Шебеко у него же в доме играет в винт с графинею, и только потому, что этот Шебеко никогда не заикнётся, чтобы даже просить намёком о каком-либо назначении, – ему так и суждено играть в винт с дамами. Я глубоко знаю эту личность. Оттого и настаиваю на ней: это высокая честность и глубокая преданность, это человек старых принципов и вдобавок в сношениях необыкновенно приятный»[14]. Как писал позднее Н.Н. Шебеко, «политически отец был консерватор чистейшей воды. Он считал, что русский народ недостаточно развит и образован для участия в управлении государством, поэтому он был противником ограничения верховной власти какими бы то ни было законодательными учреждениями. Он был вместе с тем ярым защитником идеи частной собственности, считая её лучшим стимулом личного труда и бережливости. Ко всякому ограничению права собственности, хотя бы со стороны государства, он относился отрицательно»[15].

Вероятно, такими соображениями кн. Мещерский делился не только с императором, но и с другим товарищем главы МВД – И.Н. Дурново, который позднее, когда назначение уже состоялось, рассказал Владимиру Петровичу, как рекомендовал кандидатуру Шебеко гр. Толстому, собиравшемуся уже отдать эту должность генерал-лейтенанту Н.А. Безаку (начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД). После внезапного возвышения Николая Игнатьевича, по словам князя, «во всех гостиных стон стоял [от] брани», даже гр. Толстой заговорил о том, что допустил ошибку. Князь же, зная, как любит монарх действовать наперекор общественному мнению, заявлял в дневнике: «Не характерно ли это как картина нравов Петербурга. Шебеко всегда был человеком с тактом, со здравым смыслом, и весьма неглупый; честность его высокой пробы, в печальной истории кн. Юр[ьевской] он показал себя рыцарем чести, стушевавшись совсем, и что же? Пока он был без дела и играл в винт, все находили его премилым, как только его как честного человека взяли к делу, тогда со всех сторон зашипели змеи, и пошли толки о его бесчестности, точно прежде никто не говорил о его порядочности и честности». Тут же нахваливались его «строгие принципы, высокая честность, глубокая преданность, такт, умение слушать и примирительный характер»[16].

В 1880–1890-х гг. Мещерский являлся частым посетителем квартиры начальника жандармского корпуса на Фонтанке, куда переехала семья Шебеко[17]. Однако в 1895 г. в её жизни произошли значительные перемены: Николай Игнатьевич стал членом Государственного совета, а Николая Николаевича министр иностранных дел кн. А.Б. Лобанов-Ростовский пригласил в МИД, где

[14] *Мещерский В.П.* Письма к императору... С. 442, 456–457.
[15] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 36.
[16] *Мещерский В.П.* Письма к императору... С. 463–464.
[17] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 13.

он служил в посольствах – вторым секретарём в Вене (1897–1899) и первым секретарём в Копенгагене (1899–1904) и Париже (1904–1906)[18]. В конце 1906 г. по предложению нового главы дипломатического ведомства А.П. Извольского, знавшего его по Дании, Шебеко перешёл в центральный аппарат МИД, став наряду с бароном М.А. Таубе одним из двух советников министерства[19].

Извольский, не отделявший себя от «умеренно-либеральных кругов», считал возможным «установить взаимное понимание между правительственной властью и народным представительством»[20]. Он задумал провести в МИД масштабную реформу и, в частности, учредить должность политического директора, отвечающего за контакты с Государственной думой. Предполагалось, что её займёт Шебеко, который, по собственному признанию, имел «многочисленные знакомства и связи среди членов умеренных партий» (и даже присутствовал на учредительном собрании «Союза 17 октября»)[21]. Однако постепенно Извольский отказался от намеченной реорганизации, и в 1909 г. Николай Николаевич отправился советником в посольство в Берлине.

Перед отъездом Шебеко имел обстоятельную беседу с министром, убеждая его в необходимости поддерживать добрососедские отношения с Германией, «если мы не желаем в самом непродолжительном времени быть втянутыми в европейскую войну»[22]. В феврале 1910 г. посол гр. Н.Д. Остен-Сакен уехал на три месяца в отпуск, предоставив временно заменявшему его советнику самому «сглаживать те шероховатости, которые ежеминутно возникали между Петербургом и Берлином и грозили подчас принять форму открытого конфликта»[23].

В конце марта 1910 г. через Берлин проехал Извольский, направлявшийся на курорт Биарриц. Там он собирался встретиться с Эдуардом VII, а на обратном пути посетить в Париже министра иностранных дел Франции С. Пишона. При этом встреча с германскими официальными лицами не предусматривалась. Шебеко предупредил Извольского, что это произведёт в Германии дурное впечатление, но тот категорически отказался менять свои планы. Между тем 13(26) апреля 1910 г. статс-секретарь по иностранным делам Германии барон В. фон Шён на дипломатическом приёме сказал Шебеко, что будет рад встрече с российским коллегой, если тот остановится в Берлине. Николай Николаевич сообщил об этом Извольскому, прибавив от себя, что «проезд его без остановки через Берлин несомненно будет сочтён за враждебную против Германии демонстрацию», а это при натянутых отношениях между двумя империями представляется «крайне нежелательным». Одновременно он отправил подробное донесение о создавшемся положении в Петербург, где товарищ министра С.Д. Сазонов не мог не доложить о нём императору[24]. 21 апреля (4 мая) Николай II оставил на депеше резолюцию: «Было бы недурно, если бы Александр Петрович остановился на несколько часов в Берлине»[25]. Естественно, после

---

[18] Там же. Л. 16–17, 26, 33, 44.

[19] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1908 год. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 753.

[20] *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 23, 116.

[21] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 43–45.

[22] Там же. Л. 56.

[23] Там же. Л. 65.

[24] Там же. Л. 65–66.

[25] *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 235–236.

этого Извольскому пришлось встретиться с Шёном. Между ними состоялся «продолжительный и вполне дружеский разговор», который, по словам германского министра, «разрядил атмосферу»[26].

Осенью 1910 г. последовала встреча Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме и заключение ими устного соглашения, вызвавшего бурную полемику в русской печати, опасавшейся уступок пожеланиям кайзера[27]. О критике, раздававшейся в обществе, Шебеко узнал в апреле 1911 г. от проезжавшего через Берлин директора канцелярии министерства М.Ф. Шиллинга. Со своей стороны, советник посольства осуждал «бесцельное задирание могущественного соседа», особенно «по второстепенным вопросам», называя это «политикой булавочных уколов», которая уже привела Россию на грань войны во время Боснийского кризиса. Тогда Петербургу пришлось отступать, между тем этого «можно было избежать», оставаясь в рамках «более скромной политики и стараясь поддерживать с Германией добрососедские отношения», для чего не требовалось даже идти «на серьёзные уступки»[28].

Вместе с тем Шебеко вовсе не был «германофилом»[29]. Напротив, в странах Антанты он видел партнёров, а в государствах Тройственного союза – соперников. Это чётко проявилось в 1912–1913 гг. во время его службы посланником в Бухаресте, где Николай Николаевич приложил все усилия для того, чтобы Румыния перестала следовать в фарватере австро-венгерской политики и начала сближение с Россией[30]. В этом ему активно помогал французский посланник Ж.-К. Блондель. Ходатайствуя о его награждении «за полезную для России деятельность» орденом Св. Станислава 1-й степени, Шебеко докладывал в Петербург 3(16) июня 1913 г.: «С самого начала Балканского кризиса до сего дня мы с ним видимся ежедневно и, так сказать, работаем вместе, сообщая друг другу все полученные сведения и впечатления». При этом особо отмечалось, что английский посланник Дж. Барклай «ничего не предпринимает, не посоветовавшись с нами»[31]. Впрочем, уже в июле Шебеко вступил в конфликт с Блонделем, поскольку тот действовал вразрез с интересами России на конференции в Бухаресте, завершившей Вторую Балканскую войну. В частности, он не только не поддержал старания Николая Николаевича умерить требования, предъявлявшиеся сербами и греками к Болгарии, но и открыто порицал его действия[32]. На этот раз Шебеко выступил солидарно с посланником Австро-Венгрии кн. К. Фюрстенбергом, с которым был «связан давно личной дружбой», что способствовало подписанию 28 июля (10 августа) мирного договора[33].

---

[26] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 67.

[27] *Ефремов П.Н.* Внешняя политика России (1907–1914 гг.). М., 1961. С. 123–126; *Селезнев Ф.А.* Обсуждение сметы МИД в III Государственной думе (март 1911 г.) // Таврические чтения 2024. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научно-практическая конференция. Сборник научных статей. СПб., 2025. С. 89–98.

[28] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 73.

[29] Подробнее о его взглядах см.: *Селезнев Ф.А., Князев М.А.* Дипломат Н.Н. Шебеко о взаимоотношениях России с Австро-Венгрией и Германией в конце XIX – начале XX века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. Т. 66. 2025. № 2. С. 57–72.

[30] Подробнее о его службе в Бухаресте см.: *Селезнев Ф.А.* Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) // Новая и новейшая история. 2024. № 5.

[31] АВПРИ, ф. 151, оп. 482, 1913 г., д. 697, л. 85 об.

[32] Там же, л. 123–123 об.

[33] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 128.

7(20) августа 1913 г. Николай II принял Сазонова и Шебеко, которого в очень «милостивых выражениях» поблагодарил за его деятельность в Румынии[34]. В сентябре Николай Николаевич получил крупное повышение, став послом в Вене, куда он прибыл в начале декабря. По свидетельству первого секретаря русской миссии в Белграде В.Н. Штрандтмана, «отлично знакомый со всеми оттенками нового порядка на Балканском полуострове после Бухарестского мира... Н.Н. Шебеко был очень живым и энергичным человеком, к тому же очень любознательным»[35]. Французский посол в Австро-Венгрии А. Дюмен также запомнил его как «человека действия», причём пользовавшегося благосклонностью (*faveur*) монарха[36].

Эти качества российского дипломата в полной мере проявились в период Июльского кризиса 1914 г., начавшегося после убийства 15(28) июня в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Как считают исследователи, в Петербурге поначалу не придали этому серьёзного значения, и «русская дипломатическая машина продолжала работать обычным ходом», поскольку «от посла в Вене поступали успокоительные сообщения»[37].

Действительно, 17(30) июня Шебеко отправил в МИД весьма оптимистический прогноз развития событий. Он ожидал, что после гибели эрцгерцога и назначения нового наследника престола «направление австро-венгерской политики будет сдержаннее и спокойнее», к чему «несомненно будет стремиться сам император Франц Иосиф»[38]. Правда, уже на следующий день, 18 июня, в его докладе говорилось о «большом возбуждении» в военных и клерикальных кругах Вены не только против Сербии, «но и против нас». Тогда же он передал слух, будто австро-венгерское правительство «обратилось к белградскому кабинету с требованием принять меры для раскрытия всех нитей заговора, исходившего, по их мнению, из Белграда». Но в целом из сообщения российского посла следовало, что Австро-Венгрия не способна к решительным действиям, так как дни Франца Иосифа «нужно считать сочтёнными», а отношения Вильгельма II с новым наследником престола ещё не сложились[39]. «Из разговоров моих с графом Берхтольдом, – доносил Николай Николаевич Сазонову 25 июня (8 июля), – я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство не намерено предъявлять сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства»[40]. Любопытно, что это писалось через день после того, как тот же Л. Берхтольд на проведённом у него 24 июня (7 июля) совещании выразил желание выставить Сербии такие условия, чтобы принятие их «заранее было исключено»[41]. По сведениям же, переданным Шебеко в МИД, «ведущееся в строгой тайне следствие по делу убийства эрцгерцога Франца Фердинанда

---

[34] Там же. Л. 136.

[35] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Публ. В.Б. Каширина, Р.Р. Субаева и А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 232.

[36] *Dumaine A.* La dernière ambassade de France en Autriche: Notes et souvenirs. P., 1921. P. 100, 142.

[37] История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 253.

[38] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 178, л. 10.

[39] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). Сер. III. Т. IV. М.; Л., 1931. С. 78–79.

[40] Там же. С. 175.

[41] *Ефремов П.Н.* Указ. соч. С. 259.

и его супруги ничего не обнаружило такого, что могло бы вызвать столкновение между Австро-Венгрией и Сербией»[42].

Между тем Австро-Венгрия и Германия, как показал А.В. Игнатьев, тогда уже приняли решение «уничтожить Сербию как самостоятельный политический фактор». При этом в Берлине и Вене надеялись на то, что Россия, не готовая к войне, с этим смирится, особенно если удастся «захватить царское правительство врасплох». Поэтому «венская дипломатия не только не раскрывала до времени своих намерений, но и маскировала их успокоительными сообщениями»[43].

1(14) июля в Вене были согласованы предварительные условия ультиматума, который австрийцы собирались предъявить Сербии. Шебеко узнал об этом довольно быстро – 3(16) июля британский посол М. де Бунзен рассказал ему, что накануне за завтраком у бывшего посла в Риме гр. Г. фон Лютцова обсуждался текст очень резкой официальной ноты, которую в ближайшем будущем получат в Белграде[44]. Николай Николаевич немедленно телеграфировал Сазонову о готовящемся демарше, особо обратив внимание на уверенность правящих кругов Австро-Венгрии в том, что, как и в период Боснийского кризиса 1909 г., «миролюбие русского монарха одержит верх над всеми другими соображениями», и он не ввяжется в войну для защиты Сербии[45]. «Мне казалось бы желательным, – отметил Шебеко, – чтобы венский кабинет был осведомлён в настоящую минуту перед принятием окончательного решения по сему вопросу, как отнесётся Россия к факту предъявления им Сербии неприемлемых для достоинства этого государства требований»[46]. Однако ответа на телеграмму не последовало: Сазонов уехал в своё имение и вернулся в столицу только утром 5(18) июля.

Обеспокоенный молчанием посол решил посетить Санкт-Петербург «для совместного с Сазоновым обсуждения создавшегося положения»[47]. Вечером 8(21) июля он покинул Вену, 10(23) июля был уже на Неве и на следующий же день, переговорив с министром, выехал обратно. В Вену он вернулся 12(25) июля и на следующий день вступил в управление посольством. Впоследствии его неоднократно упрекали за отъезд из Австрии в столь острый момент[48]. Подобный визит, не согласованный с начальством, мог стоить ему карьеры. Тем не менее Николай Николаевич пошёл на риск, не теряя надежды предотвратить надвигавшееся столкновение.

Дюмен видел в Шебеко «решительного сторонника поддержания мира», который «пытался примирить противоречивые интересы двух империй» и, в частности, «посвятил все свои силы» тому, чтобы убедить гр. Берхтольда в необходимости предоставить послу Австро-Венгрии в Петербурге полномочия провести переговоры с Сазоновым. Обсуждая с Дюменом варианты ком-

---

[42] МОЭИ. Сер. III. Т. IV. С. 283.

[43] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 428.

[44] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 181.

[45] Там же. Л. 168–169.

[46] МОЭИ. Сер. III. Т. IV. С. 299.

[47] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 186.

[48] К примеру, А.В. Неклюдов с возмущением писал, будто за два дня до предъявления австрийского ультиматума Сербии Шебеко отправился в своё поместье под Ярославлем (как он успел до него добраться за считанные часы, проведённые им в те дни в России, – загадка) (*Necludoff A.* Diplomatic reminiscences. Before and during the World War, 1911–1917. L., 1920. P. 280).

промисса, Шебеко полагал, что Россия, «из уважения к раздражению австрийцев», могла бы предоставить им возможность «оккупировать на время Белград», в случае если бы Австро-Венгрия согласилась на пересмотр условий своего ультиматума «посреднической державой». При этом подразумевалось, что Николай II «сведёт к минимуму поддержку, ожидаемую от него в Белграде»[49].

Впрочем, свидетельства Дюмена подтверждаются другими источниками лишь частично, а иногда и противоречат им. Сам Шебеко вспоминал, как 14(27) июля говорил помощнику гр. Берхтольда барону К.Ф. фон Маккио, что российское правительство «дало Сербии совет оттянуть свои войска внутрь страны, чтобы избежать возможно дольше пролития крови и выиграть время для достижения соглашения». В то же время посол недвусмысленно предупредил собеседника, что «война между Австрией и Сербией ни в коем случае не может быть локализирована», поскольку «Россия, которая в течение последних кризисов несколько раз уступала, в этот раз не уступит»[50]. 15(28) июля Шебеко убеждал уже непосредственно гр. Берхтольда в том, что «Россия 1914 года – не Россия 1909 года». Между тем он предлагал (едва ли с согласия Сазонова) не ограничиваться обсуждением австрийской ноты. Как ему казалось, «база переговоров могла бы быть расширена пересмотром взаимоотношений между Россией и Австрией, что не только облегчило бы разрешение настоящего кризиса, но могло быть весьма полезно для будущего обоих государств». Граф слушал его «с большим вниманием»[51], но в тот же день Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

Однако по отношению к России официальные лица в Вене демонстрировали миролюбие. «Продолжаю дружественный обмен мнениями с Берхтольдом и его сотрудниками», – сообщал Шебеко в Петербург 18(31) июля. «Все они, – признавал посол, – настаивают на отсутствии у Австрии каких-либо агрессивных намерений против России и каких-либо завоевательных стремлений относительно Сербии, но все настаивают также на необходимости для Австрии довести начатое дело до конца и дать Сербии серьёзный урок, который должен быть некоторой гарантией для будущего». Более того, по его наблюдениям, «обсуждение вопроса о том, что Австрия разумеет под словом урок, могло бы, может быть, служить базой для соглашения с нами и избежания надвигающегося Европейского пожара»[52].

Сазонов же, похоже, игнорировал поступавшие из Вены донесения. Не получая от него инструкций, Шебеко 19 июля (1 августа) 1914 г. прямо поставил перед гр. Берхтольдом вопрос «относительно размеров требуемого от Сербии удовлетворения». Определённого ответа тот не дал, но из разговора, по мнению посла, следовало, что «Австрия не прочь была бы принять предложение, которое дало бы ей возможность выйти из настоящего положения без ущерба для её самолюбия и престижа на Балканах и внутри страны». Тогда ж он передал в МИД соображения итальянского посла в Вене Д. Аварны, допускавшего, что Австрия удовлетворится принятием в Белграде её ноты, но не станет

---

[49] *Dumaine A.* Op. cit. P. 102, 142. По словам француза, у российского посла имелись и личные мотивы хлопотать о мирном урегулировании кризиса: его жена была больна, и неизбежный в случае войны переезд в Россию представлял опасность для её здоровья.

[50] *Шебеко Н.* Воспоминания... Л. 212.

[51] Там же. Л. 214.

[52] МОЭИ. Сер. III. Т. V. М.; Л., 1934. С. 303.

настаивать «на исполнении пунктов своего ультиматума, явно нарушающих суверенные права Сербии»[53].

Правда, все эти инициативы уже безнадёжно запоздали. В России началась мобилизация, и Германия 19 июля (1 августа) 1914 г. объявила ей войну. 24 июля (6 августа) Австро-Венгрия последовала примеру своей союзницы. Шебеко пришлось вернуться в Петербург, где ему не предложили никакого назначения, хотя его бывший подчинённый Н.А. Кудашев занял должность директора Дипломатической канцелярии в Ставке верховного главнокомандующего[54]. Попытки достичь перед началом войны соглашения с Германией и Австро-Венгрией не могли не сказаться на репутации дипломата. Да и болезнь супруги удерживала его в столице. Только 15 октября 1915 г., когда пошли слухи об отставке Сазонова, потерпевшего фиаско на Балканах (Румыния отказалась поддержать Россию, а Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав), кадетская газета «Речь» уверенно объявила, что по ведомству иностранных дел «очень важное назначение получает Н.Н. Шебеко»[55]. Ожидалось, что Николай Николаевич станет управляющим МИД, а председатель Совета министров И.Л. Горемыкин – государственным канцлером, руководящим всей правительственной администрацией и дипломатией империи. В ведомстве Сазонова констатировали, что это известие «вызвало за границей, а также среди иностранных дипломатов в Петрограде толки о том, будто намеченные перемены должны повлечь в направлении внешней политики России поворот в смысле смягчения вражды к Германии, а затем, может быть, и перехода к отдельному соглашению с последней». Британский посол Дж. Бьюкенен даже добился 22 октября приёма у Николая II, дабы передать ему обеспокоенность официального Лондона подобными разговорами[56]. В итоге Сазонов тогда удержался, и по его совету 24 ноября Николай II отправил Шебеко к румынскому королю, который, сохраняя нейтралитет, не разрешал провести русские войска в Сербию через свою территорию (до этого царь собирался послать в Бухарест вел. кн. Кирилла Владимировича с вел. кн. Викторией Фёдоровной, сестрой румынской королевы, или вел. кн. Николая Михайловича, но в МИД это встречало противодействие)[57]. Поездка носила строго секретный характер и не увенчалась успехом, о чём Шебеко 18 декабря лично доложил императору, от которого больше никаких поручений уже не получал[58].

В начале Гражданской войны семья Шебеко находилась на юге России, и в ноябре 1918 г. он участвовал с правом совещательного голоса в совещании представителей стран Антанты, различных антисоветских организаций и Добровольческой армии в Яссах. Там же его избрали в состав официальной делегации, направленной в Париж для привлечения союзников к борьбе с большевиками[59].

---

[53] Там же. С. 341.

[54] *Самойлов Н.А.* Князь Н.А. Кудашев – последний посланник Российской империи в Китае // Новейшая история России. Т. 13. 2023. № 3. С. 607.

[55] Речь. 1915. 15 октября.

[56] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014. С. 95–96.

[57] Там же. С. 97–100, 103–106.

[58] Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 174.

[59] Ясское совещание 1918 г. Протоколы заседаний (русской делегации) // Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 3. Л., 1992. С. 262, 308.

С 1920 г. Шебеко жил в эмиграции, являясь председателем созданного в феврале 1921 г. в Париже Союза пажей и членом ряда монархических групп. Так, в марте 1921 г. он возглавил Союз освобождения и воссоздания Родины, объединивший парижских конституционных монархистов (в его правление вошли бывшие депутаты-октябристы кн. А.Д. Голицын и Е.П. Ковалевский, флигель-адъютант В.В. Свечин, В.И. Гурко). Они дистанцировались от одиозного Н.Е. Маркова, вокруг которого в 1920–1921 гг. сплотились в Германии наиболее активные эмигранты правых взглядов[60]. На проходившей в Берлине с 25 марта по 5 апреля 1922 г. конференции русских конституционных монархистов Шебеко был избран товарищем председателя президиума и членом ЦК образованного тогда же Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов), областным отделом которого стал Союз освобождения и воссоздания Родины[61].

Шебеко много сделал для превращения Парижа в альтернативный центр монархической эмиграции. 19 декабря 1922 г. именно в столице Франции при его участии состоялось учредительное собрание Союза ревнителей памяти императора Николая II. В сентябре 1923 г. он вместе с С.Н. Третьяковым способствовал возникновению монархической «Инициативной группы по объединению русских общественных организаций»[62]. 15 сентября первое её собрание посетили гр. В.Н. Коковцов, кн. Н.Л. Оболенский (входивший в окружение вел. кн. Николая Николаевича), А.Ф. Трепов, С.Н. Третьяков, М.М. Фёдоров, А.Н. Крупенский, В.И. Гурко, Н.А. Савич, генерал Е.К. Миллер. Шебеко председательствовал на этом и других заседаниях до конца ноября 1923 г. и не раз занимал председательское кресло в 1924 г.[63] 17 ноября 1923 г. он сообщил собравшимся членам группы о том, что побывал с докладом у вел. кн. Николая Николаевича, с которым в дальнейшем поддерживал постоянный контакт. При этом бывший дипломат не скрывал скептического отношения к рассказам, будто «немцы решили порвать с большевиками и подготавливают сейчас комбинацию, при которой возможно восстановление производительных сил России при тесном союзе с Германией». Ему казалось, что это только «спутает все наши карты и принесёт в будущем много несчастий»[64].

Деятельность Инициативной группы оставалась тайной. 7 декабря Шебеко предложил придать ей гласный характер, а 29 декабря призвал «энергично и открыто выступить против признания Советов» и «заявить французскому правительству о нашем существовании». Однако вел. кн. Николай Николаевич решил, что делать это преждевременно[65]. Свою связь с группой он продолжал скрывать, но на Пасху 1924 г. неожиданно дал интервью в американской печати, изложив собственную политическую программу и претендуя на роль общенационального лидера будущей небольшевистской России. С тех пор

---

[60] *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 453–454.

[61] Труды Учредительной конференции Русского народно-монархического союза (Конституционных монархистов) с 25 марта по 5 апреля 1922 года. Мюнхен, 1922. С. 76.

[62] *Корнилов А.А., Лушина К.А.* Русские общественно-политические организации Парижа в 1920-е годы: объединительные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2007. № 6. С. 223.

[63] Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006. С. 15, 70, 178 и др.

[64] Там же. С. 62, 67.

[65] Там же. С. 90, 129, 149.

«Инициативная группа» перестала собираться. Раскол, возникший в монархических кругах, ещё больше усилился после того, как 31 августа живший в Германии вел. кн. Кирилл Владимирович провозгласил себя императором. Шебеко старался не усугублять конфликт. Когда в январе 1925 г. устроенное в Париже под руководством Трепова «Совещание группы патриотических деятелей» поддержало вел. кн. Николая Николаевича и пожелало сформулировать свою позицию в особой записке, Шебеко потребовал, чтобы из неё исключили фразу, в которой притязания вел. кн. Кирилла Владимировича на престол назывались «небесспорными»[66]. Вскоре он вошёл в организационный комитет Союза объединённых монархистов, который сложился в Ницце под председательством герцога Г.Н. Лейхтенбергского и стремился преодолеть династическую рознь, планируя провести общий съезд сторонников возвращения Романовых к власти. Покинув «Совещание группы патриотических деятелей», Шебеко в апреле 1926 г. всё же присоединился к «широкому патриотическому съезду» в Париже и даже попал в его бюро. Затем он вместе с П.Б. Струве, В.П. Рябушинским и П.Н. Финисовым оказался в Российском центральном объединении, куда потянулись умеренные депутаты съезда. Правые, требовавшие безоговорочного подчинения вел. кн. Николаю Николаевичу, ушли в Русское зарубежное патриотическое объединение[67].

Когда в 1929 г. вел. кн. Николай Николаевич скончался, иерархи Русской Православной Церкви за границей признали Кирилла наследником престола, а после его кончины в 1938 г. нарекли главой Императорского дома его сына Владимира. 5 декабря 1938 г. руководители Союза ревнителей памяти императора Николая II предприняли новую попытку консолидировать монархическую эмиграцию, учредив в Париже под председательством Шебеко «Российское монархическое объединение», связавшее возрождение Российской империи с именем вел. кн. Владимира Кирилловича.

Вторая мировая война не позволила этой структуре развернуться, а после её завершения Шебеко в силу преклонного возраста уже не занимался политикой. Его жизнь оборвалась в Ментоне 21 февраля 1953 г., когда ему было более 89 лет. Будучи убеждённым сторонником конституционной монархии, он, несмотря на все свои усилия, а также готовность рисковать и настаивать, не смог повернуть ход событий, не оставлявший шанса для осуществления его идеалов.

[66] Там же. С. 214.
[67] Там же. С. 493, 683.

Румынские национальные части и военнопленные на Восточном фронте Гражданской войны в России (1918–1920)

Руслан Гагкуев

Romanian national units and prisoners of war on the Eastern front of the Russian Civil War (1918–1920)

Ruslan Gagkuev
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Irkutsk State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020104

Характерная черта Гражданской войны в России – формирование на её Восточном фронте национальных частей под командованием Антанты. Попытки воссоздать Восточный фронт Первой мировой войны, а также стремление свергнуть советскую власть требовали многочисленных и боеспособных вооружённых сил. Невозможность, а затем и нежелание отправлять собственные экспедиционные войска большой численности вкупе со стремлением компенсировать слабость сил контрреволюции привели Антанту к идее задействовать военнопленных Первой мировой войны, в большом количестве взятых в плен русской армией в 1914–1917 гг. и находившихся в заключении в концентрационных лагерях Сибири и Дальнего Востока. Речь изначально шла о представителях тех народов Австро-Венгрии и Германии, которые стремились к созданию собственных национальных государств (поляки, сербы, словаки, словенцы, чехи), или же принадлежавших к титульным нациям стран Антанты (итальянцы, румыны).

Наиболее известное и многочисленное формирование такого рода – Чехословацкий корпус (Чешско-Словацкое войско), в составе которого на 17 февраля 1919 г. по данным Французской военной миссии в Сибири насчитывалось 55 тыс. человек[1]. Второе место по численности занимали польские войска (к концу 1919 г. 12503 человека – 1045 офицеров и 11458 солдат)[2], третье – разбросанные по всей Сибири и Дальнему Востоку формирования из югославян (сербов, хорватов и словенцев), в которые суммарно входило порядка 9100–9300 человек[3]. Наряду с ними существовало немало других

© 2026 г. Р.Г. Гагкуев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00216, https://rscf.ru/project/24-18-00216/

[1] Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб., 2021. С. 244–245.

[2] Service historique de la Defense Château de Vincennes (SHD). 16 N. Carton 3810. D. 96. 22 décembre 1919. Телеграмма председателя Совета министров и военного министра Франции Ж. Клемансо начальнику Французской военной миссии в Польше генералу П. Анри. 22 декабря 1919 г. № 10 720 3/II – S. O.

[3] *Legras J.* L'agonie de la Sibérie (1918–1920) // Le Monde Slave. 1931. № 2. P. 47–48; *Поповић Н.Б.* «Одиссея от Одессы до Красноярска...». Сербы в Сибири в 1919–1921 гг. // Славянский

национальных частей, так или иначе принимавших участие в событиях Гражданской войны – итальянских, латышских, польских, югославянских и др. Среди наиболее значимых из них – румынские войска, на пике численности насчитывавшие до 6–8 тыс. человек.

Историография вопроса незначительна. В российских исследованиях румынские национальные части упоминаются эпизодически, в числе других интервентов[4]. Румынские историки, в свою очередь, располагают скудной информацией. Ряд публикаций по теме в большей степени касается событий 1916–1917 гг., в особенности формирования Румынского добровольческого корпуса во время Первой мировой войны (в румынской историографии известен как «первый корпус») и судьбы его чинов по возвращении на родину[5]. В публикациях Й. Шербана[6], И. Казаку[7], И. Сигартеу[8] и др. в общих чертах дана история формирования частей в Сибири («второго корпуса») и их участия в Гражданской войне. В ряде статей уделено внимание отдельным историческим фигурам и их деятельности в России в 1916–1920 гг.[9] Как правило, большинство историков указывает на Чехословацкий корпус как на образец формирования национальных частей и отмечает наличие в его составе румын. При этом комплексное описание положения чехов, словаков и румын, оставшихся в России в 1918–1920 гг., отсутствует[10].

Идея создания добровольческих формирований из солдат австро-венгерских войск румынского происхождения, взятых в плен русской армией, возникла летом 1916 г., после вступления Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты. По оценкам властей страны общее количество военнопленных соотечественников – жителей Трансильвании, Баната и Буковины – в России

альманах 2003. М., 2004. С. 188, 190–191; *Капустин Л.Г.* Итальянские вооружённые формирования на Востоке России. 1918–1920 гг. // Белая армия. Белое дело. № 22. 2015. С. 63; *Захаров А.М.* «Двоюродные братья». Славянские добровольческие вооружённые формирования в России. Изд. 2. СПб., 2020. С. 442.

[4] Антисоветская интервенция и её крах. 1917–1922. М., 1987. С. 60, 63; *Дерябин А.И.* Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М., 2003. С. 34–35; *Дацышен В.Г.* Иностранные войска в Енисейской Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. История. 2021. № 4. С. 15–25.

[5] *Şerban I.* Primul Corp al voluntarilor români din Rusia (I) // Apulum. XXV. 1988. P. 429–454; *Şerban I.* Primul Corp al voluntarilor români din Rusia (II) // Apulum. XXVI. 1989. P. 533–559; *Şerban I.* Din activitatea desfăşurată on Vechiul Regat de voluntarii şi refugiaţii ardeleni şi bucovineni on slujba idealului naţional (iunie 1917 – ianuarie 1918) // Annales Universitatis Apulensis. Series Historica. № 1. 1997. P. 101–111; *Şerban I.* Semnificaţia Memoriului Manifest al soldaţilor români de la Darniţa Kievului (13/26 aprilie 1917) // Annales Universitatis Apulensis. Series Historica. № 4–5. 2000–2001. P. 145–149; *Părean I.* Soldaţi ai României Mari. Din prizonieratul rusesc on corpul colunarilor transilvăneni şi bucovineni (1916–1918) // Studia Securitatis. № 3. 2010. P. 51–54.

[6] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp al voluntarilor români din Rusia – august 1918 (II) // National Museum of the Union Apulum. № 37. 2003. P. 357–366.

[7] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers in Russia // Revista Română pentru Studii Baltice şi Nordice. Vol. 2. 2010. № 1. P. 111–118.

[8] *Sigarteu I.* Legiunea Română de Vânători transilvăneni şi bucovineni on războiul civil din Rusia (1918–1920) // Astra Salvensis. An III. 2015. № 6. P. 61–72.

[9] *Octavian C.* Tăslăoanu şi Corpul voluntarilor români din Rusia // Angvstia. № 1. 1996. P. 223–230; *Groza M.* Cu vicarul Iacob Popa on Rusia pentru cauza românească. Activitatea de recrutare a voluntarilor dintre prizonierii români transilvăneni (1917–1918) // Terra Sebvs. Acta Mvsei Sabesiensis. № 5. 2013. P. 419–427.

[10] *Sigarteu I.* Legiunea Română de Vânători transilvăneni... P. 61–62.

к концу 1917 г. составляло около 120 тыс. человек[11]. В ответ на их просьбы российское правительство после некоторых колебаний приняло решение об освобождении 15 тыс. пленных для последующего их зачисления в румынскую армию (в обмен на это Румыния обязалась передать России такое же число германских и австро-венгерских военнопленных). В рамках договорённостей русская Ставка верховного главнокомандующего согласилась создать лагерь для приёма румын-добровольцев в селе Дарница под Киевом (открылся в декабре 1916 г.). Ядром будущих формирований стали прибывшие в него 250 офицеров и 1 200 унтер-офицеров и рядовых. Организационную работу вёл исполнительный комитет, образованный группой офицеров. В начале января 1917 г. в Дарницу из Ясс прибыли подполковник К. Петрару и подполковник Предеску, уполномоченные властями Румынии изучить вопрос о наборе добровольцев для армии страны[12].

Вскоре началось создание воинской части из пленных. В день начала революции в России – 23 февраля (8 марта) – военный министр Румынии В. Брэтиану приказом № 1191 узаконил создание такого добровольческого корпуса как особой части национальной армии. Его формальным командиром стал представитель румынской армии при Ставке верховного главнокомандующего в Могилёве дивизионный генерал К. Коанда, а начальником штаба и ответственным за вербовку – Петрару. Официально о начале формирования корпуса объявили 3(16) марта, после получения Коандой и Петрару согласия русской Ставки. 5(18) апреля, после просьб главы румынского правительства И. Брэтиану, Петрару получил устное разрешение военного и морского министра Временного правительства А.И. Гучкова на вербовку 30 тыс. человек. Однако позднее, ввиду необходимости задействования военнопленных в сельском хозяйстве и промышленности, это число сократили до 5 тыс. (из находившихся на территории Московского военного округа)[13].

Формирование добровольческих частей не обошлось без громкого политического акта со стороны военнопленных, замеченного в Румынии. 13(26) апреля 250 офицеров и столько же унтер-офицеров и солдат корпуса подписали документ, получивший в историографии название Дарницкого манифеста. Адресованный Временному правительству и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, а также странам Антанты и нейтральным государствам, он стал первым документом, в котором провозглашалось единение всех румын в одном государстве. Таким образом, манифест на полтора года опередил Декларацию о самоопределении, принятую Румынской национальной партией в Ораде 12 октября 1918 г.[14]

В мае 1917 г. командование Румынского добровольческого корпуса перебазировалось из Дарницы в Киев. В начале июня в Румынию отправился первый эшелон с батальоном добровольцев в составе 116 офицеров и 1 250 унтер-офицеров и солдат. В августе, после многочисленных обращений со стороны

---

[11] *Nemoianu P.* Prima Alba-Iulie: voluntarii români on războiul pentru ontregirea neamului. Timişoara, 1922. P. 55.

[12] *Şerban I.* Semnificaţia Memoriului Manifest... P. 145; *Părean I.* Soldaţi ai României Mari... P. 51–52.

[13] *Nemoianu P.* Prima Alba-Iulie... P. 39; *Şerban I.* Semnificaţia Memoriului Manifest... P. 146–147; *Părean I.* Soldaţi ai României Mari... P. 52; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 112.

[14] *Şerban I.* Semnificaţia Memoriului Manifest... P. 146–147; *Părean I.* Soldaţi ai României Mari... P. 53.

румын, Временное правительство одобрило вербовку добровольцев-румын во всех концентрационных лагерях для пленных численностью до 30 тыс. человек. К концу года на пополнение армии из России в Румынию отправили 8513 добровольцев (450 офицеров и 8063 солдата)[15]; по другим данным, в состав добровольческого корпуса зачислили 10117 военных (396 офицеров и 9971 солдат)[16].

Начало Гражданской войны в России, подписание Румынией 26 ноября (9 декабря) 1917 г. в Фокшанах перемирия с Центральными державами и её фактический выход из Первой мировой войны поставили румынских военнопленных и добровольцев в непростое положение. Добровольческий корпус расформировали в январе 1918 г. Большинству его чинов удалось добраться до румынских войск, однако значительное число добровольцев и военнопленных в лагерях не имело возможности вернуться на родину. Причинами этого стали образование фронтов Гражданской войны, нахождение в заключении в лагерях военнопленных, отсутствие средств и проч. Часть бывших военнопленных приняла участие в Гражданской войне по разные стороны фронта[17].

Добровольцы-румыны, стремившиеся попасть в Европу через российский Дальний Восток, в первой половине 1918 г. концентрировались на Востоке России – в Самаре, Челябинске, Иркутске и Владивостоке. В Самаре весной появился батальон численностью около 1300 человек. В его состав вошли преимущественно добровольцы, отступившие из Киева и других городов, при прохождении через них войск Чехословацкого корпуса. Летом, когда на Волге начались полномасштабные боевые действия, батальон перевели восточнее, на железнодорожную станцию Кинель. До начала нового формирования Румынского корпуса этот батальон под командованием капитана В. Милована находился на обеспечении и под командованием офицеров Чехословацкого корпуса. Позднее его дислоцировали в Челябинске, где румынские части возглавил подпоручик Й. Дымбу, сразу повышенный в чине до майора. Он арестовал Милована за организацию воинской части на советских принципах. Однако этот шаг, наряду с чрезмерной строгостью командира, вызвал недовольство чинов корпуса, которые в октябре взбунтовались и убили Дымбу. Милована позднее подвергли суду, но весной 1920 г. оправдали[18].

В июле 1918 г. Министерство иностранных дел Сибирского правительства запросило начальника гарнизона Челябинска о том, насколько соответствуют действительности «появившиеся в печати (“Омский вестник”, вечерний выпуск, перепечатка из челябинских газет) сведения о мобилизации румын в Челябинске»[19]. В конце июля – начале августа румынские общественно-политические и военные деятели действительно развили в этом уральском городе активную деятельность. 3 августа там состоялась Национальная конференция румынских добровольцев, сформировавшая свой «политический и исполнительный орган» – Румынский национальный комитет в России, провозгласивший себя частью военной и политической исполнительной власти Трансильвании и Бу-

[15] *Părean I.* Soldaţi ai României Mari... P. 53.

[16] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 113.

[17] О румынских формированиях в Красной армии см., например: *Клюс И.А.* Румынские подданные и этнические румыны в составе вооружённых формирований Красной армии на Урале в 1918–1919 гг. (по материалам исторических исследований) // Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории. 2021. Вып. 24: Урал между Западом и Востоком. С. 70–78.

[18] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 153–155.

[19] ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 364, л. 1.

ковины. Во главе нового органа встал доктор В. Ницеску, в его состав вошли К. Вайда (секретарь) и Н. Неделку (ответственный за международные связи), к которым позднее присоединился священник-профессор С. Гокан. Для решения вопросов организации воинских частей и их снабжения в составе комитета создали военное и финансовое отделения под руководством Неделку и Гокана соответственно[20].

Комитет объявил о начале формирования двух батальонов увеличенной численности – «Хорея»[21] и «Мэрэшешти»[22], а также резервного батальона, предназначенного для организации прибывавших в Челябинск добровольцев и пополнения действующих батальонов новыми кадрами. Командующим Румынским добровольческим корпусом стал Дымбу. К концу августа, ввиду недостатка помещений в городе, «Мэрэшешти» и резервный батальон перевели в Петропавловск и Курган соответственно[23].

Формирование корпуса (Румынского Сибирского легиона) велось при деятельном участии Отделения для России Чехословацкого национального совета. Согласно решениям его военного отдела (8 августа) создание румынских войск во главе со «штабс-капитаном румынской службы Дамбу» велось под эгидой совета, а пунктами формирования стали Петропавловск и Курган[24]. 24 августа Румынский национальный комитет подписал соглашение о дружбе и сотрудничестве с Отделением для России. Румыны обязались сформировать добровольческий корпус для борьбы за освобождение входивших в состав Австро-Венгрии земель и «присоединение их к свободной Румынии». В обмен на это чехословаки согласились снабжать их продовольствием, одеждой и вооружением.

Определяющей целью пребывания румынских войск в Сибири стало не вмешательство во внутренние дела России, а участие в создании «русского фронта против Центральных держав». В документе фиксировалось, что в случае, если планируемый Антантой фронт прекратит существование, румыны-добровольцы продолжат борьбу с врагом на Западном фронте, во Франции. Хотя согласно 7-й статье соглашения румынские войска подчинялись чехословацкому командованию, в 8-й статье оговаривалось, что их добровольческий корпус формируется и действует как неделимая боевая единица. Кроме того, согласно 9-й статье, внутреннюю организацию жизни корпуса определял Румынский национальный комитет, который ведал судебными вопросами, организацией школ офицеров и унтер-офицеров, повышениями в звании и помощью инвалидам[25].

---

[20] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 155; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 113.

[21] Назван в честь Хорея (настоящее имя Василе Урсу Никола), одного из руководителей Трансильванского крестьянского восстания 1784–1785 гг.

[22] Назван в честь состоявшегося в июле–августе 1917 г. сражения при Мэрэшешти на востоке Румынии между германскими и русско-румынскими войсками.

[23] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 158; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 113.

[24] Приказ № 3/оп командира Чехословацкого корпуса генерал-майора В.Н. Шокорова о реорганизации и переформировании частей корпуса. 15 августа 1918 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / Отв. сост. А.Р. Ефименко. М., 2018. С. 356–358.

[25] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 156–157; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 114.

Дальнейшее развитие ситуации на востоке России не позволило в полной мере воплотить задуманное в жизнь. Однако это соглашение на протяжении нескольких месяцев определяло взаимодействие между чехословацкими и румынскими политическими и военными деятелями. Попытка румын зафиксировать неучастие в Гражданской войне оказалась неудачной и закончилась прямо противоположным результатом – их части по настоянию командующих войсками Антанты заняли одну из сторон в русской междоусобице (хотя и в тылу).

Румынские историки обращают внимание на неизбежность «включения» частей добровольцев в состав Чехословацкого корпуса. В частности, Шербан указывает на их небольшую численность (порядка 3 тыс. человек) и ограниченность ресурсов. По его мнению, в случае самостоятельного существования румыны имели бы минимальные шансы преодолеть расстояние от Урала до берегов Тихого океана в разгар Гражданской войны[26]. Кроме того, на всех румын в России огромное впечатление произвело официальное признание 24 октября 1918 г. странами Антанты парижского Чехословацкого Национального совета в качестве правительства будущей Чехословакии[27]. Для них Чехословацкий корпус стал образцом для подражания, они стремились организовываться по его подобию, имея с чехами и словаками общую цель – распад Австро-Венгрии и образование на её руинах национальных государств[28].

Главным результатом соглашения, заключённого между Румынским национальным комитетом и Отделением для России Чехословацкого Национального совета, стало объединение воинских частей и групп бывших военнопленных в добровольческий корпус под единым командованием и политическим контролем. Уже 28 августа комитет распространил воззвание к находившимся в лагерях с призывом ехать в Челябинск для вступления в него[29]. С целью ускорения набора для вербовщиков определялись зоны и маршруты следования по железной дороге, а также единые для офицеров и солдат размеры суточных выплат. Так, проезжающим из Челябинска на запад выплачивалось 8 руб. в сутки, из Челябинска на восток до Омска – 6 руб., далее от Омска – снова 8 руб. Им также выдавались чай и сахар, документы, облегчавшие размещение и питание в местах расположения чехословацких войск, и проч.

Активная работа национального комитета и его вербовщиков привела к тому, что с конца августа возрос поток добровольцев. К середине сентября их численность в Челябинске, Кургане и Петропавловске достигла почти 4 тыс. человек, а к концу года превысила 5 тыс. Прибывавшие получали в гарнизонах помощь румынских и чехословацких врачей и проходили военную подготовку. К началу октября, после некоторых изменений, корпус размещался так: в Челябинске – 1-й батальон «Хорея» (четыре строевые и три резервные роты, санитарное подразделение, хозяйственная часть); в Кургане – 2-й батальон «Мэрэшешти»; в Петропавловске – резервный батальон, со временем преобразованный в 3-й батальон. Офицерами, помимо румын, служили также чехи и словаки[30].

13 ноября военный начальник корпуса капитан Комш довёл до сведения Министерства иностранных дел Временного Всероссийского правительства, что

---

[26] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 155–156.

[27] Ibid. P. 156.

[28] *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 61–62.

[29] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 157–158.

[30] Ibid. P. 158–159, 161; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 113–114.

это формирование «имеет в настоящее время около 6–8 офицеров и 3 500 добровольцев... Организация нашего корпуса идёт спешно и в хороших условиях. Австрийские военнопленные румынской национальности, размещённые по разным сторонам Сибири и число которых много тысяч, продолжают прибывать массами в город Петропавловск, где производится запись добровольцев в Румынский корпус. Румынский национальный комитет в России является высшим органом этой организации. [Он], равно как начальство корпуса, находится в городе Петропавловске»[31]. Резолюция Министерства иностранных дел – теперь уже Российского правительства адмирала А.В. Колчака – 22 ноября на полях документа гласила: «Копию срочно начальнику Штаба верх[овного] главн[окомандующего] [полковнику Д.А. Лебедеву] с просьбой дать заключение о его отношении к организации корпуса»[32].

Ставка верховного главнокомандующего в Омске и сам Верховный правитель относились к разного рода национальным формированиям в Сибири отрицательно, справедливо считая, что они отнимают у действующих частей необходимое снабжение, получаемое от Антанты. Со времени отвода в начале 1919 г. с фронта частей Чехословацкого корпуса подчинявшиеся командованию Антанты национальные формирования задействовались в тылу на охране Транссибирской железной дороги, гарнизонной службе и в операциях против красных партизан. Все попытки отправить их на борьбу с Красной армией закончились безрезультатно.

Некоторые национальные формирования Ставка не признала вовсе ввиду притязаний правительств их стран на территории бывшей Российской империи. Так, в случае с румынами обозначился принципиальный вопрос принадлежности Бессарабии[33]. Показательно, что ещё 10 ноября 1918 г. – за день до заключения Компьенского перемирия и окончания Первой мировой войны – чины Румынского добровольческого корпуса в Челябинске, Кургане и Петропавловске приветствовали новость о втором вступлении армии Румынии в войну на стороне Антанты и начале её движения в сторону Мунтении и Добруджи, а также через Карпаты в Трансильванию[34]. Бессарабия к тому времени уже была оккупирована.

В конце 1918 г. корпус перевели из Челябинска в Иркутск. К тому времени им командовал чешский полковник Э. Кадлец, временно назначенный командованием Чехословацкого корпуса по просьбе Румынского национального комитета ввиду отсутствия у румын опытных и авторитетных офицеров[35]. В Иркутске войска корпуса застал их будущий начальник – главнокомандующий войсками Антанты к западу от озера Байкал и начальник Французской военной миссии дивизионный генерал М. Жанен, направлявшийся из Владивостока в Омск. В мемуарах он писал, что по прибытии в Сибирь его миссии стало известно о существовании Румынского корпуса «из добровольцев-военнопленных, родом в основном из Трансильвании. В нём наряду с офицерами-румынами находились и чехословаки: один полковник и несколько офицеров». По оценке генерала, во время его проезда через Иркутск численность войска составляла примерно 4,5 тыс. человек, «среди которых было много офицеров».

---

[31] ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 364, л. 2.

[32] Там же, л. 3.

[33] *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 69.

[34] *Şerban I.* Constituirea celui de-al doilea corp... P. 162.

[35] Ibid. P. 160; *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 115.

«Организация, вооружение, экипировка – всё было не основательным, – отмечал он. – Большие разногласия существовали между чехословацкими офицерами и офицерами-австрийцами, которые, очевидно, сохраняли преданность идеям своей бывшей армии. Моральный дух легиона был слабым»[36].

25 января 1919 г. военный министр Чехословакии М.Р. Штефаник подчинил румынские войска Жанену[37]. Тот ожидал от них немало хлопот и высказывался о них довольно критично[38]. Согласно его телеграмме во французское Военное министерство 22 февраля 1919 г., численность батальона в Иркутске составляла около 4,5 тыс. человек[39]. По другим данным, там находились 103 офицера и 4441 солдат[40] или 77 офицеров и 3329 солдат[41]. Заведовавший в 1918–1919 гг. секцией иностранных военных Французской военной миссии Ж. Легра, оценивая общее число румын-трансильванцев в Сибири, писал об около 4 тыс. человек в Иркутске, ещё около 6 тыс. – в Петропавловске, а всего – примерно до 10 тыс. военнослужащих. Он также указывал, что, «к счастью, нам приходится иметь дело только с иркутскими» румынами, и они «причинили нам достаточно неудобств для того, чтобы желать увеличения их численности». По его мнению, серьёзно сказывалась нехватка офицеров[42]. Французский офицер Ш. Кене упоминал о находившихся в Иркутске 6,5 тыс. румын, которые, независимо от того, заражены они большевизмом или нет, «в любом случае были полны решимости не воевать за русских»[43].

После прибытия в Иркутск чины Румынского добровольческого корпуса вошли в конфликт с Кадлецем, который, выполняя приказы командования, задействовал их в решении боевых задач. Жанену для прояснения ситуации пришлось вызвать в Омск Ницеску. Последний исходил из того, что корпус будет участвовать в действиях войск интервентов в России только в тех случаях, когда это совпадает с интересами самих румын, и главной своей задачей видел репатриацию соотечественников из России.

Пока он находился в Омске, конфликт усугубился. Кадлец сформировал штаб корпуса из чешских и русских офицеров, а также задействовал его батальоны в боях, которые румыны считали чуждыми своим интересам. В результате Ницеску подготовил меморандум Жанену, сообщив о решении сменить командира. Генерал первоначально планировал удовлетворить просьбу, назначив на это место одного из французских офицеров. Но в скором времени выяснилось, что кандидаты не разделяют позицию румын и поддерживают чеха, считая необходимым оставить его во главе корпуса. В январе 1919 г., после отъезда Ницеску в Румынию для решения вопроса о репатриации добровольцев и военнопленных из Сибири, ситуация обострилась. 19 февраля Жанен отдал

---

[36] *Janin [M.]* Ma mission en Siberie, 1918–1920. P., 1933. P. 90–91.

[37] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 117; *Висьневски Я.*, *Карпус З.* Создание национальных формирований при Чехословацком корпусе в Сибири (май 1918 – январь 1919 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2019. С. 210.

[38] *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil H. Jelínek. Praha, [1926]. S. 227–228.

[39] Враг, противник, союзник?.. Т. 1. С. 246.

[40] *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle (Directeur de thèse). Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. P., 1971. P. 76–78.

[41] *Висьневски Я.*, *Карпус З.* Создание национальных формирований... С. 210.

[42] *Legras J.* L'agonie de la Sibérie... P. 40.

[43] *Quénet Ch.* L'Arrière sibérien // Le Monde Slave. P., 1926. № 9. P. 334.

приказ о смене командира, но уже спустя несколько дней, после переговоров с Кадлецем и одним из кандидатов на пост командира Румынского корпуса майором Мальгра, отменил это решение. 23 февраля он объявил об отстранении Румынского национального комитета от руководства созданной им воинской части и переподчинил корпус Французской военной миссии в Сибири[44].

В марте командование Антанты преобразовало Румынский добровольческий корпус в Румынский легион трансильванско-буковинских стрелков. Также с целью усиления дисциплины прошло его переформирование – из 5 тыс. румын, находившихся в Иркутске, в легион вступили только 2 тыс. Он по-прежнему состоял из трёх батальонов: 1-го «Хореи», 2-го «Мэрэшешти» и 3-го резервного (в каждом – по четыре пехотных, пулемётная и запасная роты, команда связи), а также двух пулемётных рот и других частей[45]. Согласно резюме телеграмм Жанена от 14, 16 и 21 октября, легион представлял собой войсковую часть, «заслуживающую похвал». «Но данное состояние было достигнуто в результате неоднократного удаления нежелательных элементов, – отметил генерал. – В марте месяце в легионе царил опасный хаос: русские жаловались на склонность к русофобии, большевизацию и приверженность к Австрии среди офицеров, в частности этим отличалась группа, присвоившая себе наименование Национального комитета. Жанен получил об этом уведомление лично от адмирала Колчака и от [российского] Военного министерства. Степанов также указал на необходимость распустить эту часть и вернуть солдат и офицеров в лагерь для военнопленных. Солдаты и офицеры откровенно заявляли, что, поступая в легион, не брали на себя обязательств сражаться и даже охранять железную дорогу, они хотели только уехать и предпочитают оставаться военнопленными, а не солдатами»[46]. Именно реорганизация (около 1,8 тыс. солдат вернулись в лагеря) позволила поднять боеспособность.

Зимой–весной 1919 г. румынские войска использовались для несения караульной службы на разных объектах вблизи Иркутска и охраны лагерей военнопленных, в которых содержались солдаты австро-венгерской и германской армий, а также красноармейцы. 10 мая правительство Румынии дало согласие на участие румын в военных операциях интервентов в Сибири. Через неделю Жанен поручил им охрану района Транссибирской железной дороги (отрезок от Нижнеудинска до станции Кутулик, около 350 км), освободив от этой задачи части 1-й Чехословацкой дивизии[47]. Летом Румынский легион участвовал в боевых действиях против красных партизан в Приенисейском крае и Нижнеудинском районе. Согласно сохранившимся журналам боевых действий и другим документам, румыны совершили по территории Сибири в общей сложности 37 экспедиций, в которых приняли участие все подразделения легиона[48]. За жестокость в боях они получили у местных жителей

---

[44] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 115–116.

[45] Ibid. P. 117.

[46] SHD. 16 N. Carton 3810. D. 94. Резюме телеграмм начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена от 14, 16 и 21 октября 1919 г.

[47] Донесение главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала М. Жанена министру иностранных дел Чехословацкой Республики доктору Э. Бенешу о прекрасном моральном состоянии чехословацкого войска и ходе боестолкновений с отрядами большевиков. 28 мая 1919 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 2. С. 635; *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 65.

[48] *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 67.

название «Дикой дивизии»[49]. Операции проводились против повстанческих отрядов крестьян – к отправке на фронт легион не был готов ни по численности, ни по моральному состоянию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о судьбе военнопленных-румын на Восточном фронте Гражданской войны. К 1 марта 1919 г. общая численность всех пленных армий Центральных держав, находившихся в концентрационных лагерях Сибири и Дальнего Востока, составляла 165 505 человек[50]. Необходимость их содержания, охраны, контроля за настроениями требовали от Российского правительства немалых усилий. В случае утраты контроля такая масса военнопленных могла полностью взорвать ситуацию в тылу белого Восточного фронта. Ситуацию осложнило формирование командованием войск Антанты в Сибири разного рода национальных частей. Именно поэтому Российское правительство приложило немало дипломатических усилий по их репатриации. В этой связи показательны действия и омского правительства, и верховного руководства Антанты по выделению из общей массы военнопленных армий Центральных держав заключённых славянского и романского происхождения.

В начале 1919 г. военный министр Российского правительства генерал-майор Н.А. Степанов направил в Совет министров записку. В ней он обратил внимание на обретение свободы и независимости романскими и славянскими народами, бывшими ранее в составе Австро-Венгерской империи. В силу этого «находящиеся ныне в русском плену солдаты романо-славянского происхождения» – итальянцы, карпато-руссы, поляки, румыны, сербы, словаки, словенцы, хорваты, чехи и проч. – «стали свободными гражданами соответствующих вновь образовавшихся государств». Поэтому министр полагал излишним их содержание в лагерях, которое тяжёлым бременем ложится на государственный бюджет. Он предложил считать их иностранными гражданами и предоставить им свободу в выборе места жительства и рода деятельности на территории России. Выдвинутый им проект предполагал освобождение 15 мая всех «романославян» из лагерей с выдачей им удостоверений личности[51].

Возможность снятия с бюджета части бремени, разгрузки лагерей и уменьшения забот по их охране показались правительству достаточно заманчивой перспективой. В феврале МИД направил посланнику в Афинах Е.П. Демидову телеграмму с просьбой выяснить отношение румынского и сербского правительств к возможному освобождению румын, сербов, словенцев и хорватов и предоставлению им права выбора места жительства в России[52].

Поступившие в конце зимы – начале весны ответы содержали положительную реакцию Белграда, Бухареста и Рима на эту инициативу. 19 марта Демидов ответил: «Румынское правительство просит освободить бывших австрийских и венгерских пленных румын, выразивших желание вернуться на родину»[53]. 10 апреля он сообщил, что «румынское правительство [готово] послать пленных румын во Владивосток и обратиться к междусоюзному военному командованию для их водворения на родину при помощи английского и японского правительств»[54]. Управляющий МИД И.И. Сукин 24 апреля сообщил об этой

---

[49] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 117; *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 69.
[50] РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 214, л. 11.
[51] ГА РФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 641, л. 44–44 об.
[52] Там же, л. 47.
[53] Там же, л. 62.
[54] Там же, л. 70.

«готовности» Степанову и просил «относительно отправки пленных румын во Владивосток... обратиться к междусоюзному военному командованию за содействием для водворения их на родину. Буду весьма обязан, если Вы не откажете в сообщении мне по сему Вашего заключения»[55]. Впрочем, положительные ответы из европейских столиц не предусматривали практических действий по обеспечению дальнейшей судьбы военнопленных.

Антанта смотрела на возможное их освобождение гораздо более трезво. Сукин ещё 28 февраля запросил мнение Жанена об этом[56]. В ответе 3 марта французский главнокомандующий резонно задался вопросом: «Что будет с пленными, выпущенными на свободу сегодня, и завтра остающимися без крова и без средств к существованию?». Он обратил внимание на то, что в случае, если не предпринять меры по их репатриации в Европу или не обеспечить жильём и трудом, «можно быть уверенным, что увеличится количество элементов, вносящих беспорядок»[57]. В сообщении 7 апреля Жанен снова подчеркнул, что освобождение такого большого количества пленных «может отразиться на общественной жизни». Он обоснованно заметил, что в телеграммах, получаемых из Европы, «недостаточно одного выражения желания правительств об освобождении своих новых граждан». Необходимо, чтобы эти правительства предвидели последствия и могли бы обеспечить существование бывших пленных до их отъезда[58].

Из концентрационных лагерей предлагалось освободить несколько десятков тысяч человек. Согласно сведениям, представленным в феврале 1919 г. по запросу МИД исполняющим должность начальника Мобилизационного отдела Главного штаба полковником Н.В. Шереховским, в прифронтовой полосе и в Омском и Иркутском военных округах содержались 42 049 военнопленных «романо-славянской национальности» (593 офицера и 41 456 солдат)[59]. Уточнённые данные содержали разбивку по этнической принадлежности[60] (табл. 1). Так, румын на 9 марта насчитывалось 8 718 (4 офицера и 8 714 солдат).

Таблица

Динамика численности военнопленных-румын в лагерях Сибири и Дальнего Востока

Дата	Офицеров	Солдат	Всего
15 января 1919 г.	4	9 995	9 999
1 марта 1919 г.	1	8 962	8 963
1 апреля 1919 г.	–	7 114	7 114
1 июня 1919 г.	6	9 984	9 990
1 августа 1919 г.	8	9 256	9 264
1 сентября 1919 г.	7	9 327	9 334

Составлено по: РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 221, л. 123 об.–124, 131 об.–132, 146 об.–147, 97 об.–98. 37 об.–39.

[55] Там же, л. 69.
[56] Там же, л. 49–49 об.
[57] Там же, л. 65–65 об.
[58] Там же, л. 66–66 об.
[59] Там же, л. 54–55.
[60] Там же, л. 58.

Незначительная динамика в течение года свидетельствует о вступлении большинства желавших пополнить Румынский добровольческий корпус в его ряды ещё летом–осенью 1918 г. Снижение количества пленных, зафиксированное в марте 1919 г., по всей видимости, отражает их максимальный отток в состав румынских войск в Сибири, а увеличение к июню – возвращение в лагеря бывших легионеров после мартовской реорганизации.

Внушительная общая численность пленных «романо-славян» дополнялась проблемами, которые могло вызвать их освобождение. Не было ясно, где селить бывших заключённых (для свободных иностранцев требовалось больше жилья, чем мест в бараках), как их обеспечивать питанием и другим снабжением, перевозить во Владивосток и далее в Европу, так как страны Антанты не могли предоставить необходимое количество судов. 29 апреля Степанов сообщил Сукину, что проект «15 мая с.г. Военным министерством был отклонён в связи с ответами представителей ведомств и представителей заинтересованных держав». При этом министр указал, что для эвакуации военнопленных «было бы крайне желательно, чтобы заинтересованные государства и правительства озаботились своевременной присылкой тоннажа», а до этого – организацией помощи им[61].

Товарищ управляющего министра иностранных дел и председатель Комиссии по делам военнопленных Министерства иностранных дел В.Г. Жуковский 21 мая в телеграмме Демидову отметил: «Освободить военнопленных румын не представляется возможным, прежде чем их правительство не примет реальные меры к обеспечению их судьбы после освобождения из лагерей и водворению на родину. Необходимо располагать во Владивостоке тоннажем, а также иметь здесь агентов от Румынии, т[ак] к[ак] официального представителя ещё нет. Румын-военнопленных насчитываем около 9000»[62]. Помощник военного министра генерал-лейтенант В.И. Марковский, отвечая 26 мая на запрос МИД, писал: «Препятствий не встречается к эвакуации пленных румын. Необходимо иметь положительные данные к тому, что тоннаж будет предоставлен союзными правительствами от Владивостока, после чего возможно сосредоточение румын в указанном пункте. Очень желательно, чтобы аккредитованные представители румынского правительства приняли с своей стороны меры к фактическому осуществлению эвакуации, а пока военнопленные будут продолжать оставаться в концентрационных пунктах»[63].

В дальнейшем репатриация румын проводилась уже в рамках общей эвакуации национальных формирований под командованием Антанты и военнопленных Первой мировой войны. Жанен ещё летом 1919 г. занял позицию, согласно которой национальные части должны эвакуироваться с российского Дальнего Востока в Европу в порядке их боевой значимости: начиная с Чехословацкого корпуса, и только потом остальные (и в последнюю очередь – австрийцы и немцы). Попытки тех или иных формирований или объединений «влезть вне очереди» вызывали у него стойкое неприятие. Французское политическое и военное руководство разделяло эту позицию.

7 октября французский Генеральный штаб телеграфировал Жанену о сделанном румынской делегацией в Париже сообщении: «Репатриировать пленных,

---

[61] Там же, л. 68.
[62] Там же, л. 71.
[63] Там же, л. 72.

уроженцев стран, ныне присоединённых к Румынии, на таком же основании, что и волонтёров, сгруппированных в Иркутске, то есть всего приблизительно 14000 чел[овек]. С другой стороны, Румыния заключила соглашение с Чехословакией о том, чтобы все румынские подданные, волонтёры или пленные, были бы репатриированы одновременно с чехословаками, все расходы возлагаются на румынское правительство. Французское правительство ответило румынскому правительству, что, поскольку вы руководите всеми инородными контингентами Сибири, следует оставить за вами высшее руководство операциями по репатриации в соответствии с совместным планом, разработанным вами. Ознакомившись с решением и вышеназванным договором, вы можете, тем не менее, связаться по этому поводу с Румынским национальным комитетом в Иркутске». В примечании к документу, сделанном, вероятно, перед его отправкой, отмечалось, что в ряде телеграмм «Жанен, предоставив суровые сведения о так называемом иркутском Румынском комитете, о мерах, принятых в отношении этой корпорации, и о непрерывных неприятностях, которые доставлял Румынский легион, в качестве заключения заявил, что он был бы счастлив увидеть наконец прибывшую румынскую миссию, "чтобы снять с себя обязанность заниматься этим неприятным вопросом"»[64].

8 октября Жанен доложил в Генштаб в Париже, что для «безопасного проведения» эвакуации чехословацких и других национальных войск из России необходимо следовать ранее определённому плану. «Если каждый будет заключать отдельные договоры, мы из этого не выпутаемся и потерпим крах, – указывал он. – В этом отношении я считаю невозможным реализацию румынского проекта эвакуировать одновременно с чехословаками свои войска, военнопленных, разбросанных по Сибири»[65].

Упомянутая Жаненом Румынская военная миссия для организации эвакуации румынских добровольцев и военнопленных во главе с майором запаса В. Кэдэре прибыла на Дальний Восток только в 1920 г. 30 апреля Румынский легион переместился из Иркутска во Владивосток, преодолев этот путь за три месяца. 10 мая правительство Румынии наградило его знаменем, а 68 его чинов получили различные иностранные награды (французские, английские, итальянские и чехословацкие) за участие в интервенции в России[66]. По воспоминаниям Жанена, в числе национальных формирований в Европу вывезли до 2,3 тыс. румын[67]. Эвакуация военнопленных румын прошла уже после того, как из Владивостока уплыли чины Румынского легиона.

История Румынского добровольческого корпуса (Румынского легиона трансильванско-буковинских стрелков) в Сибири – часть общей истории уча-

---

[64] Телеграмма из Генерального штаба Франции главнокомандующему союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генералу М. Жанену о решении Верховного совета Антанты создать комиссию по репатриации из Сибири военнопленных и с предложением разработать план репатриации чехословацких и других иностранных войск. 7 октября 1919 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 2. С. 696–697.

[65] Телеграмма главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала М. Жанена в г. Париж – в Генеральный штаб Франции о необходимости скоординированных действий правительств Союзных держав по репатриации из Сибири военнопленных и чехословацких и других иностранных войск. 8 октября 1919 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 2. С. 697–698.

[66] *Cazacu I.* The Second Corps of Romanian volunteers... P. 118; *Sigarteu I.* Legiunea Română... P. 71–72.

[67] *Janin [M.]* Ma mission en Sibérie... P. 295, 298.

стия национальных формирований из бывших военнопленных Первой мировой войны в Гражданской войне в России. Она отразила сложное переплетение геополитических интересов внешних сил, национальных устремлений румын, особенностей междоусобного конфликта. С одной стороны, они оказались инструментом в руках командования Антанты. С другой – эти части преследовали собственные цели, которые далеко не всегда совпадали с интересами русского Белого движения. Проблемы с дисциплиной, снабжением, внутренние конфликты между офицерами разных национальностей и нежелание многих легионеров воевать в чужой для них войне делали боеспособность румынских войск невысокой. Не случайно командование войсками Антанты в Сибири не считало их способными к выполнению задач на фронте. Не менее сложным оказался и вопрос освобождения и эвакуации нескольких тысяч военнопленных-румын. Попытки правительства в Омске и Антанты решить проблему их репатриации натолкнулись на логистические и политические трудности, а освобождение такой массы людей без средств к существованию грозило дестабилизацией тыла белого Восточного фронта. Эвакуация бывших румынских военнопленных в Европу поставила точку в этой истории, а сама она оказалась на периферии как российской, так и румынской историографии.

Планы военного ответа на подготовку Германией агрессии против СССР в предвоенные годы

Сергей Кудряшов, Артём Домнин

Plans of military retaliation to the German aggression against USSR shortly before the war

Sergei Kudryashov, Artyom Domnin
(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020112

Долгое время детальному изучению советского военного планирования в межвоенный период и накануне Великой Отечественной войны мешал режим секретности соответствующих документов. Самые важные директивы, доклады по мобилизационным вопросам, соображения о стратегическом развёртывании и оперативном планировании Вооружённых сил хранились в секретном отделении Оперативного управления Генерального штаба РККА под грифом «Особо важно». С такого рода материалами могли ознакомиться лишь два-три десятка людей в стране. Это, главным образом, 11 томов дела № 528. Окончательно их сформировали и сшили в 1948 г., а позднее передали в Архив Генштаба, где эти тома хранились вместе с другими материалами 1920–1930-х гг. (ф. 16а, оп. 2951сс)[1]. Большинство документов написаны от руки и в единственном экземпляре. Всех их, включая карты, окончательно рассекретили в 2010 г.[2]

Переписка по оперативным вопросам показывает, что в Генштабе руководствовались общими политическими установками руководства СССР и опытом предшествующих военных кампаний. При этом командование исходило из того, что Красная армия – одна из сильнейших в мире и выдержит любой удар агрессора. Сценарии возможных военных действий допускали незначительный успех противника в начале вторжения, но предполагалось, что пограничные части и войска прикрытия границы упорной обороной его сдержат. За это время главные силы армии отмобилизуются, подготовятся и начнут контрнаступление, в результате которого враг будет изгнан с советской территории. Затем основные боевые действия развернутся уже на территории агрессора и закончатся для него сокрушительным поражением. Таким образом, оперативные

© 2026 г. С.В. Кудряшов, А.И. Домнин

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

[1] 16а – фонд Главного оперативного управления (ГОУ) Генерального штаба. Буква «а» означает, что дела находятся не в Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске, а в хранилище самого Генерального штаба в Москве (15-й отдел). Сокращение «сс» после номера описи означает «Совершенно секретно». В отделе тома получили другую нумерацию: 235–245. В 2024 г. все дела по предвоенному периоду и Великой Отечественной войне передали из 15-го отдела в главное хранилище в Подольске. Они стали частью фонда ГОУ под № 28, оп. 17. Нумерация снова поменялась – они стали делами 12–22. По актам передачи в ЦАМО РФ можно всегда установить, где находятся материалы из фонда 16а.

[2] Три дела (240, 244 и 245) содержат только карты. Часть карт находится в других делах описи.

планы принципиально строились на идее переноса всей тяжести войны на территорию противника.

Для разработки такого рода планов Генштабу требовалось проанализировать и учесть огромный массив разнообразной информации (военные и людские ресурсы, потенциал и мобилизационные возможности экономики, снабжение армии по дням, неделям и месяцам, рельеф местности и географию будущих театров военных действий), а также напечатать десятки тысяч топографических карт, обеспечить надёжную связь, наладить работу тыла и проч. Каждый план стратегического развёртывания на случай войны обрастал значительным количеством сопроводительной документации и постоянно дорабатывался как в центре, так и в военных округах[3]. Эта работа продолжалась вплоть до 22 июня 1941 г.

С учётом международной обстановки политическое и военное руководство СССР не сомневалось в том, что основные действия будущей войны развернутся на Западе. До начала 1930-х гг. главными противниками считались Польша, Румыния и прибалтийские государства. Приход к власти в Германии нацистов обусловил перенос акцента советских планов на Третий рейх. Даже после заключения 23 августа 1939 г. договора о ненападении, судя по документам Генштаба, главный противник не изменился.

После разгрома и раздела Польши в сентябре того же года и присоединения к Советскому Союзу новых территорий образовалась весьма протяжённая советско-германская граница (почти 2 тыс. км). Это потребовало существенной корректировки военного планирования. В первую очередь следовало определить возможные время нападения и направление главного удара вермахта. От оценки планов противника зависела логистика многих подготовительных и мобилизационных мероприятий. Следующая задача заключалась в том, чтобы максимально сократить сроки сосредоточения и развёртывания частей. И если в 1920-х гг. это время составляло от 30 до 60 дней, то к концу 1930-х гг. его удалось уменьшить вдвое почти во всех приграничных округах. По плану развёртывания 1935 г. войска Западного фронта должны были перейти в наступление главными силами на 17-й день (М-17) с начала войны, однако и этот срок стремились сократить[4].

Одной из ключевых фигур советского военного командования являлся Б.М. Шапошников, который участвовал в разработке почти всех стратегических планов. До войны он дважды – с мая 1928 по июнь 1931 г. и с мая 1937 по август 1940 г. занимал должность начальника Генштаба. Ещё в 1924 г. он рассматривал в качестве центрального направления боевых действий район к северу от р. Припять (позднее – Северо-Западный и Западный фронты). Соответственно, операции Юго-Западного фронта увязывались с «успехами» Западного[5]. Это общее представление затем конкретизировалось в оперативных планах округов (фронтов), которые утверждались в Москве.

---

[3] Пакет документов по плану развёртывания одного округа мог включать в себя 20 и более различных документов.

[4] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 172, л. 4–6. Сроки мобилизации, сосредоточения и развёртывания отсчитывались от условного дня М-1, т.е. первого дня мобилизационных мероприятий. Аналогичные сроки для противника также просчитывались от М-1. К примеру, в Генштабе определяли возможный уровень готовности противника к М-10 или М-20 и, исходя из этого, планировали сроки перехода к наступлению.

[5] Шапошников разделял мнение М.Н. Тухачевского, позднее его поддержал и крупный теоретик военного дела В.К. Триандафилов. Переписку и карты по этим вопросам см.: ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 4, л. 21–53; 130–179. Шапошников придерживался этих взглядов и в дальнейшем.

13 марта 1938 г., на фоне осложнившейся международной обстановки и необходимости укрепления обороноспособности страны, решением партии и правительства при Наркомате обороны был образован новый коллегиальный орган – Главный военный совет (ГВС) РККА[6]. 24 марта вошедший в его состав Шапошников подготовил аналитическую записку «Об основах нашего стратегического развёртывания на Западе и на Востоке»[7]. В ней излагались мысли о потенциальных врагах – Германии, Польше, Италии, прибалтийских странах и Японии. Западное направление по-прежнему считалось наиболее опасным. «Трудно сказать, где произойдёт развёртывание главных сил германских и польских армий», – отмечал Шапошников, полагая, что они могут действовать совместно. Он надеялся, что разведка сможет своевременно определить главное направление удара врага, «а поэтому, начиная с 10 дня мобилизации, мы можем также изменить вариант нашего развёртывания главных сил». Дабы заранее быть готовым к такой ситуации, он считал необходимым «иметь два варианта стратегического развёртывания – к северу или к югу от Полесья»[8].

По первому варианту считалось, что противники будут готовы к боевым действиям к 20-му дню своего развёртывания, а по второму варианту – только на 28–30-й день. Независимо от этого, основная задача армий РККА – «нанесение решительного поражения главным силам» противника. Шапошников не выделял ни один из вариантов, но обращал внимание на существенные трудности сосредоточения военных частей по второму варианту, поскольку дорожная сеть к югу от Полесья развита плохо. «Северный» вариант, наоборот, давал больше возможностей для оперативной переброски войск и ведения активных боевых действий[9].

Примечательно, что, выбирая направление главного удара блицкрига, немцы тоже учитывали наличие транспортных возможностей на советской территории[10].

Анализируя вероятное развитие событий на Дальнем Востоке, Шапошников высказал мысль, которой спустя три года, в мае 1941 г., воспользовались другие штабные работники применительно к Германии. Он предложил вступить в войну «до окончания полного сосредоточения японской армии». Иными словами, если армии противников приступают к быстрой мобилизации, то РККА не должна ждать готовности врага и ограничиваться исключительно «активной обороной»[11]. Таким образом у армии появляется возможность использовать свои преимущества и перейти к решительным наступательным действиям.

Реакция военно-политического руководства на записку Шапошникова неизвестна. Однако на титульном листе документа сохранилась помета автора:

---

[6] См.: Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004.

[7] Он написал её собственноручно и направил в адрес наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова.

[8] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 130–132. Как показало развитие событий, оценка Шапошниковым способности РККА в короткий срок передислоцировать сотни формирований оказалась слишком оптимистичной.

[9] Предполагалось, что основные силы Красной армии по «южному варианту» закончат сосредоточение на 32-й день, а стратегический резерв – только на 37-й день с начала войны (ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 142–143).

[10] См. доклад начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера на совещании у А. Гитлера 5 декабря 1940 г. (РГВА, ф. 1280к, оп. 2, д. 26, л. 5).

[11] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 239, л. 148.

«По Западу доложено на Глав[ном] в[оенном] совете. 12/XI.38», т.е. обсуждение состоялось через без малого восемь месяцев. В архиве сохранился черновой вариант этого доклада на 14 листах[12]. Поскольку членами ГВС РККА являлись многие руководители страны и армии, начиная со Сталина и Ворошилова, нет сомнений, что высшее руководство СССР было в курсе оперативных разработок Генштаба.

После войны с Финляндией Сталин решил сменить военное руководство (решение Политбюро ЦК ВКП(б) 8 мая 1940 г.). От прежнего и нового наркомов обороны – Ворошилова и С.К. Тимошенко – потребовали «произвести сдачу и приёмку дел по НКО в течение не более 10 дней»[13]. Составленный в результате «акт» характеризовал положение дел в армии и ведомстве такими эпитетами, как «запущено», «устарело», «не соответствует», «не налажено», «не утверждено», «не обеспечено», «не составлено», «не организовано» и т.д. В частности, говорилось: «К моменту приёма и сдачи Наркомата обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные... Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения военных советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны... Точно установленной фактической численности Красной армии в момент приёма Наркомат не имеет. Учёт личного состава по вине Главного управления Красной армии, находится в исключительно запущенном состоянии»[14].

На самом деле Сталин и председатель СНК СССР В.М. Молотов получили от Наркомата обороны подробную информацию о составе родов войск и численности РККА на 1 мая 1940 г. (3 млн 886 тыс. 329 человек). Этот отчёт подписали Ворошилов, Тимошенко и заместитель наркома обороны СССР Г.И. Кулик. Следовательно, Наркомат имел подробную статистику о численности армии[15]. В то же время в Оперативном управлении Генштаба хранились планы прикрытия и развёртывания по разным округам за разные годы[16]. Возможно, комиссия имела в виду общий оперативный план, приближенный к политическим реалиям после «зимней войны». Но имелся и таковой, составленный Шапошниковым в августе 1940 г. и направленный на имя Сталина и Молотова.

Даты в тексте, написанном от руки заместителем начальника Оперуправления А.М. Василевским, нет. 19 августа приступил к исполнению обязанностей новый начальник Генштаба К.А. Мерецков, следовательно, документ составлялся до этой даты. Отсутствие сведений по прибалтийским лимитрофам говорит о том, что были учтены стремительные политические перемены июля и начала августа 1940 г.[17], и эти страны исключены из числа потенциальных противников СССР. Шапошников выделил главного противника – Германию и обозначил круг её основных сателлитов: Венгрия, Италия, Румыния и Фин-

---

[12] Там же, д. 242, л. 264–277.

[13] В комиссию по приёмке Наркомата Политбюро также направило Н.А. Вознесенского, А.А. Жданова и Г.М. Маленкова.

[14] Акт приёма Наркомата обороны СССР С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–208.

[15] РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 261, л. 162–185.

[16] Они и сейчас хранятся в ЦАМО РФ (ф. 16а, оп. 2951сс, д. 216, 218–219, 223 и проч.).

[17] 3–6 августа 1940 г., в соответствии с решениями Верховного совета СССР, прибалтийские республики включены в состав Советского Союза.

ляндия (не исключалось и выступление Турции). Как и ранее, подчёркивалось, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб КА не располагает»[18]. Поэтому исходили из общих стратегических соображений.

Шапошников опять подчеркнул значение «северного варианта». Он склонялся к мысли, что именно этот театр военных действий станет главным: «Германия вероятнее всего развернёт свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, Ковно и далее на Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск». Одновременно необходимо ожидать ударов на Белосток и Брест с развитием в направлении Барановичи–Минск. Как и в плане 1938 г., учитывалась вероятность захода с юга: «Не исключена возможность, что немцы, с целью захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа, сосредоточат свои главные силы к югу от устья р. Сан в районе Седлец, Люблин с направлением главного удара на Киев». Однако особо оговаривалась наибольшая вероятность именно «первого варианта»[19]. Проанализировав возможное развитие событий на Дальнем Востоке, Шапошников отказался от идеи упреждающего удара РККА.

В нашем распоряжении нет данных о том, ознакомился ли Сталин с этими «соображениями», но вот новое руководство Наркомата и Генштаба с ними тщательно поработало. Уже 18 сентября Тимошенко, Мерецков и начальник Оперуправления Генштаба Н.Ф. Ватутин направили в адрес Сталина и Молотова принципиально иной вариант плана развёртывания армии на случай войны (на 48 листах), написанный Василевским. Общая тональность и акценты в нём существенно смещены. Если разделы с первого по четвёртый повторяли записку Шапошникова, то начиная с пятого, озаглавленного «Основы нашего стратегического развёртывания на Западе», руководству предлагалось другое видение проблемы. Впервые подробно обосновывался южный вариант: «Мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислава) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне». «Единственный, но серьёзный недостаток» этого варианта авторы находили в низкой пропускной способности отечественных дорог, из-за которого сосредоточение могло быть закончено только к 30-му дню.

Одновременно подчёркивались слабые стороны «северного варианта»: сложные природные условия Восточной Пруссии, затрудняющие ведение наступательных операций; исключительная подготовленность этого театра для обороны, особенно в инженерном и дорожном отношениях, а также сильное сопротивление, которое будет оказано Германией в борьбе за Восточную Пруссию. «Как вывод, возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас»[20]. К изменённому плану Василевский

[18] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 239, л. 5–6.
[19] Там же, л. 6–8.
[20] Там же, л. 210–222.

подготовил и приложил две карты со схемой развёртывания по «северному» и «южному» вариантам.

Тогда же, 18 сентября, Тимошенко и Мерецков подписали ещё одну записку: «Соображения по развёртыванию вооружённых сил Красной армии на случай войны с Финляндией». Здесь авторы не видели особых затруднений – после сосредоточения перейти в мощное наступление и разгромить финские войска в центральной части страны[21]. Обе записки поступили высшему руководству. 5 октября в кремлёвском кабинете Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Мерецков, Кулик, Ватутин, Жданов, С.М. Будённый, Н.С. Хрущёв, Л.П. Берия[22]. Вождь высказал ряд предложений и замечаний, которые оперативно воплотили в новой редакции плана, представленного уже 14 октября.

Этот небольшой (всего семь листов), но принципиально важный документ иллюстрирует взгляды военно-политического руководства на стратегию действий в будущей войне. Основную группировку на Западе страны предполагалось «иметь в составе Юго-Западного фронта, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне. Одновременно активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать силы немцев в Восточной Пруссии». В связи с этим ставилась задача максимально усилить юго-западное направление, уделив основное внимание развитию железных дорог и строительству аэродромов. В кратчайший срок предполагалось усилить Юго-Западный фронт, доведя его состав до 80 стрелковых, 5 мотострелковых, 11 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 20 танковых бригад и 140 полков авиации. С учётом вероятного превосходства противника в воздухе требовалось довести боевую авиацию до 20 тыс. самолётов, сформировать в 1941 г. дополнительно 100 авиационных полков: 60% бомбардировочных и 40% истребительных[23]. Мысль Шапошникова о целесообразности разработки двух планов развёртывания воплотилась в следующей формулировке: «Признать необходимым одновременно иметь разработанным план развёртывания войск на Западе с основной группировкой в составе Западного фронта с целью – усилиями Западного и Северо-Западного фронтов разбить немцев в Восточной Пруссии, силами Юго-Западного фронта нанести вспомогательный удар на Люблин»[24]. Соответственно, ставилась задача переработать все планы наркоматов обороны и военно-морского флота к 1 мая 1941 г.

Как можно объяснить изменения предвоенных планов? На наш взгляд, убедительно высказался маршал М.В. Захаров, дважды в послевоенное время занимавший должность начальника Генштаба. Он связал это с тем, что после возвышения Тимошенко ключевые посты в Генштабе стали занимать специалисты по юго-западному направлению. Сам новый нарком до переезда в Москву командовал Киевским особым военным округом (КОВО). В июле

---

[21] Там же, д. 237, л. 138–156. Даже после заключения мирного договора советские военные полагали, что Финляндия при удобном случае будет стремиться к реваншу.

[22] На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Авт.-сост. А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 313–314. Регистрирующий офицер по ошибке записал Ватутина как «т. Ваттуха».

[23] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 242, л. 84–90.

[24] Там же, л. 88–89.

1940 г. бывший начальник штаба того же округа Ватутин стал начальником Оперуправления, а позже – первым заместителем начальника Генштаба. Бывший заместитель начальника штаба округа генерал-майор Н.Л. Никитин возглавил Мобилизационное управление, а должность военного комиссара Генштаба занял член Военного совета КОВО С.К. Кожевников. 1 февраля 1941 г. место начальника Генштаба перешло к бывшему командующему КОВО Г.К. Жукову. Он назначил на должность начальника Оперуправления генерал-лейтенанта Г.К. Маландина (ранее также служившего в штабе КОВО), а начальника отдела укреплённых районов штаба КОВО генерал-майора С.И. Ширяева перевёл на должность начальника Отдела укреплённых районов Генштаба. Захаров утверждал, что все эти военные, независимо от компетенции и опыта службы, хорошо разбирались в специфике Юго-Запада как боевого направления, поэтому смещение акцента на этот регион объяснимо[25].

Справедливости ради отметим, что ещё до назначения Тимошенко наркомом из КОВО поступали записки о том, что главный фронт может образоваться именно на территории Украины. Однако Ворошилов не давал хода этим бумагам, а на одной из них даже написал «чепуха». Тем не менее некоторые копии направлялись Сталину и, вероятно, привлекли его внимание. Известно также, что немцы летом и осенью 1940 г. долго не могли определиться с направлением главного удара при вторжении в СССР. «Южный» вариант ими рассматривался, и даже после утверждения плана «Барбаросса» Гитлер допускал возможность поворота войск с Запада в направлении УССР (что в принципе и произошло в середине июля 1941 г., после небольшой оперативной паузы)[26]. Наконец, сторонники наступления вермахта в «южном» направлении подкрепляли свою точку зрения донесениями разведки[27].

28 ноября 1940 г. Ватутин собственноручно составил директиву Жукову на разработку плана оперативного развёртывания армий Киевского округа. От имени Наркомата и Генштаба Военному совету и штабу КОВО приказали в срок до 1 апреля 1941 г. представить в Москву соответствующие предложения. Ближайшая задача Юго-Западного фронта формулировалась так: «Во взаимодействии с 4[-й] армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10[-й] день операции выйти на р. Висла, р. Дунаец, в готовности форсировать р. Висла и развивать наступление в направлениях на Кельце, Петроков и на Краков». Ближайшая стратегическая цель фронта – «разгром, во взаимодействии с 4[-й] армией Западного фронта, вооружённых сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30[-й] день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от её южных союзников»[28].

По-видимому, в Киеве уже давно работали над этими документами. Спустя всего неделю, 4 декабря, начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М.А. Пуркаев представил обстоятельную записку по плану развёртывания (на 35 листах и с пакетом карт). В ней утверждалось, что главный удар объединённых сил

---

[25] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 220–222.

[26] Замечания фюрера при обсуждении плана «Барбаросса» см.: РГВА, ф. 1280к, оп. 2, д. 26, л. 7–8.

[27] См., например: РГВА, ф. 33988, оп. 4а, д. 36, л. 468–471; ф. 25885, оп. 2, д. 73, л. 453, 465–466.

[28] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 229, л. 1–18. Директива наркомом и начальником Генштаба не подписана, но на десяти листах, включая последний, стоит подпись Ватутина. Первоначально требовалось представить планы к 15 февраля 1941 г., но Ватутин зачеркнул эту дату и поставил 1 апреля.

противника будет наноситься по Юго-Западному фронту, и что к этому надо готовиться. Невозможность нанесения удара на Западе объяснялась так: «Если Германия будет наступать из Восточной Пруссии и из района Брест-Литовска, то она не может допустить наступления Юго-Западного фронта, угрожающего разорвать её связи с Балканскими государствами. Поэтому она будет держать против Юго-Западного фронта значительные силы»[29].

Анализ советских планов 1940 г. и их изменений показывает, что общая установка на стремительный разгром противника на его собственной территории обрела конкретные очертания. Ясно назывался главный театр военных действий, определились направления ответных ударов, продумывалось взаимодействие фронтов и проч. Принципиально важно понимать, что Генштаб не обдумывал и не предлагал «начать войну» или «объявить войну». Речь шла о масштабной наступательной операции уже в условиях начавшейся войны: противник напал, необходимо дать быстрый отпор и разгромить его за пределами СССР. Однако возникает резонный вопрос: почему советские аналитики так уверенно полагали, что Красная армия при встречном сражении обязательно одержит верх? Гарантию успеха они видели в скрытой мобилизации через «учебные сборы», когда армия пополняется за счёт «учений», а также в дополнительном призыве за счёт сокращения обучения в военных учебных заведениях. Одновременно форсировались поставки необходимого оборудования и снаряжения для главного театра военных действий, резко увеличивалась численность артиллерии, авиации, бронетанковых войск и т.д. Считалось, что если провести все эти мероприятия предельно скрытно, то враг, начав войну и не зная о силе развёрнутых советских армий, получит сокрушительный ответ.

Конечно, с высоты современных знаний планы Генштаба можно упрекнуть в умозрительности. Тем не менее в них был определённый смысл. Мощный удар на Юго-Западе, в «подбрюшье» германской армии, действительно мог привести к негативным результатам: отсекались или ставились под угрозу поставки нефти из Румынии, черноморский регион становился зоной влияния РККА, выход в южные районы Польши разрушал немецкие тылы и ставил под сомнение их любые крупные наступательные операции на Западном фронте. А если бы войска Западного особого военного округа (ЗапОВО), помогая Юго-Западному фронту, нанесли заранее спланированный сокрушительный удар в направлении Варшавы и Кракова, то для агрессора исход войны оказался бы предрешён. Однако такая амбициозная стратегия требовала тесной координации фронтов. Известно, что именно Западный фронт не выдержал натиска немцев. Их глубокие прорывы и охваты создали угрозу флангам и тылам уже и Юго-Западного фронта. Поэтому воплотить задуманное оказалось нереально.

Изменения на политическом ландшафте Европы, стремительные победы вермахта, опыт советских военных кампаний, а также реформы в армии и существенные корректировки мобилизационных планов требовали обсуждения и осмысления. С этой целью в Москве в конце декабря 1940 г. прошло большое совещание высшего командного состава. На нём присутствовал почти весь генералитет (274 участника), прозвучало более 80 выступлений[30]. Формат

[29] Там же, л. 245–279.

[30] Основные докладчики и нарком обороны выступали дважды (Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993).

мероприятия – пять основных докладов по наиболее актуальным проблемам (организация обороны, наступления и проч.), затем прения по ним и работа в группах по заданиям Генштаба.

Анализ выступлений показывает, что советская военно-теоретическая мысль находилась на уровне своего времени. Все участники стремились учиться на опыте войн в Европе для укрепления армии. С обстоятельным заключительным докладом выступил Тимошенко. Тезисы своего доклада он предварительно послал Сталину, который отредактировал текст и оставил немало замечаний. Поскольку нарком уделил особое внимание значению оборонительных операций (13 страниц из 60), вождь счёл нужным его поправить, заметив, что «оборона особенно выгодна лишь в том случае, если она мыслится как средство для организации наступления, а не как самоцель»[31].

Для отработки современной оборонительной и наступательной операции с учётом изменений в планах развёртывания после совещания провели две оперативно-стратегические игры на картах. Ход игр и их итоги изучены недостаточно[32]. Драматизм ситуации, так ярко описанный в мемуарах Жукова, не подтверждается архивными материалами. В первой игре «западные» (т.е. немцы под его командованием) вовсе не победили. Наоборот, «восточные» (Красная армия под командованием Д.Г. Павлова и др.) упорно оборонялись, а затем, руководствуясь своевременными указаниями Ставки, нанесли мощный контрудар и выбили противника за пределы страны. Поэтому первая игра вовсе не была «во многом» похожа на события июня–июля 1941 г., как полагал Жуков. Да и театр военных действий на ней отрабатывался другой[33]. Куда важнее оказалась вторая игра, о которой маршал не упомянул вовсе. Именно во время неё он осуществлял ту самую массированную наступательную операцию Юго-Западного фронта, запланированную в скорректированных мобилизационных планах. Она закончилась полным разгромом немцев, ещё раз подтвердив обоснованность «южного» варианта[34].

Главные изъяны проведённых игр, ставшие частью всех планов, – чрезмерный оптимизм и сильная недооценка будущего врага. Возможные успехи вермахта, его высокая мобильность, слаженность и мотивация, глубокие прорывы, способность купировать контрудары и окружать крупные соединения РККА во внимание не принимались. Вероятность утраты господства в воздухе не рассматривали. И, конечно, никому даже в голову не приходило, что высшее руководство в Москве в первые же дни войны может потерять связь с войсками.

После совещания и оперативно-стратегических игр Сталин вновь сменил руководство Генштаба. Мотивы отстранения Мерецкова, занимавшего должность всего пять месяцев, неясны. Возможно, на него имелись какие-то

---

[31] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 437, л. 37. Тезисы доклада Тимошенко послал Сталину с опозданием и не успел учесть замечания вождя во время своего выступления, за что подвергся критике.

[32] Наиболее подробно их описал М.В. Захаров: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 239–250.

[33] Карты и задания игр см.: РГВА, ф. 37977, оп. 5, д. 564, 568, 570; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 292–293. По его утверждению, речь шла о борьбе «синих» и «красных». Такая игра действительно планировалась в октябре 1940 г., но не состоялась. В январских играх воевали «западные» против «восточных». К сожалению, сведений об обсуждении этой игры со Сталиным, о чём пишет Жуков, не обнаружено.

[34] Материал к разбору игры см.: РГВА, ф. 37977, оп. 5, д. 577, л. 1–34.

компрометирующие материалы, поскольку сразу после начала войны его арестовали как шпиона и выпустили только в конце августа (опять же с санкции Сталина). Но назначение Жукова нельзя признать удачным. Он не имел соответствующего образования и опыта, поэтому через шесть месяцев его тоже пришлось заменить.

Приступив к работе, Жуков следовал одобренным установкам: усиление юго-западного направления, западный и южный фронты помогают осуществлять главный удар на юго-западе, тогда как на северо-западе – в основном активная оборона. Всем приграничным округам пришлось вносить коррективы в планы сосредоточения и развёртывания. Первым отчитался будущий Западный фронт. В середине февраля 1941 г. начальник штаба ЗапОВО генерал-майор В.Е. Климовских представил в Генштаб пакет документов по плану действий в случае войны[35]. В объяснительной записке он указал, что юго-западное направление считается основным, а фронт будет оказывать содействие наносящему главный удар Юго-Западному фронту. Тем не менее перед войсками округа тоже ставились наступательные задачи – с целью сковать силы противника и не дать перебросить их на другие участки[36].

11 марта Ватутин и Василевский подготовили новую записку на имя Сталина и Молотова. В литературе она именуется по предложению из преамбулы: «Уточнённый план стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на западе и на востоке». Уточнения касались количественных данных, размещения войск, географических названий, но не смысла уже принятых директив: «Германия, вероятнее всего, развернёт свои главные силы на юго-востоке – от Седлец до Венгрии – с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев, захватить Украину». Как и ранее, подчёркивались недостатки «северного» варианта и достоинства «южного»[37].

Анализ рукописи и сличение почерков показывают, что текст этого довольно обширного документа написан Василевским. Он же проставил и дату документа. На последней странице стоят фамилии Тимошенко и Жукова, но их подписей нет. Имеющиеся в рукописи многочисленные исправления и добавления, сделанные Василевским и Ватутиным, показывают, что «Уточнённый план» носил рабочий характер. Всего на 56 листах текста содержится 113 правок.

В литературе вызывают дискуссию карандашные пометы Ватутина на обороте листа 27 (рис. 1)[38]. Это фраза, начинающаяся со слов «наступление начать», после которой видны цифры 12 и 6, а ниже – буквы «на». Цифры отдельные историки трактуют как день и месяц и делают вывод о будто бы принятом

---

[35] Документы не датированы. Указан лишь месяц – март. По-видимому, предполагалось утверждение в марте в Генштабе. Однако на одной из карт развёртывания, подготовленной начальником оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майором И.И. Семёновым, стоит дата «15 февраля 1941 г.» (ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 218).

[36] Там же, д. 218, л. 4–18.

[37] Там же, д. 241, л. 1–13. Василевский также подготовил новую редакцию карты для «южного» варианта.

[38] Отдельные комментаторы ошибочно приписывают пометы и исправления Маландину (Оборона СССР. Военная политика, военное строительство и планирование применения Вооружённых сил. 1921–1941 гг. Документы / Отв. сост. П.П. Скороспелов, А.К. Сорокин. М., 2025). Однако тот не оставил после себя большого эпистолярного наследия, тогда как рукописных документов Ватутина сохранилось много, благодаря чему его почерк легко установить.

решении превентивно напасть на Германию 12 июня 1941 г.[39] Однако с такой интерпретацией нельзя согласиться. При внимательном рассмотрении документа видно, что между цифрами 12 и 6 нет точки, как если бы речь шла о дне и месяце. Точка просматривается после цифры 6, однако в действительности она не проставлена карандашом, а является текстурой бумаги. Таких «текстурных» точек в тексте очень много. «1941 год» в тексте никак не обозначен. При многократном увеличении помет видно, что цифры 12 и 6, а также слово «наступление» написаны разными карандашами. Но даже если допустить, что у Ватутина сломался карандаш и он проставил цифры другим, то интерпретация «12 июня 1941» совершенно не связана со смыслом самого текста и со всеми остальными пометами. Неясно также, в какое время вносились указанные пометы и исправления. В любом случае, такую фразу нельзя рассматривать как директивное указание войскам.

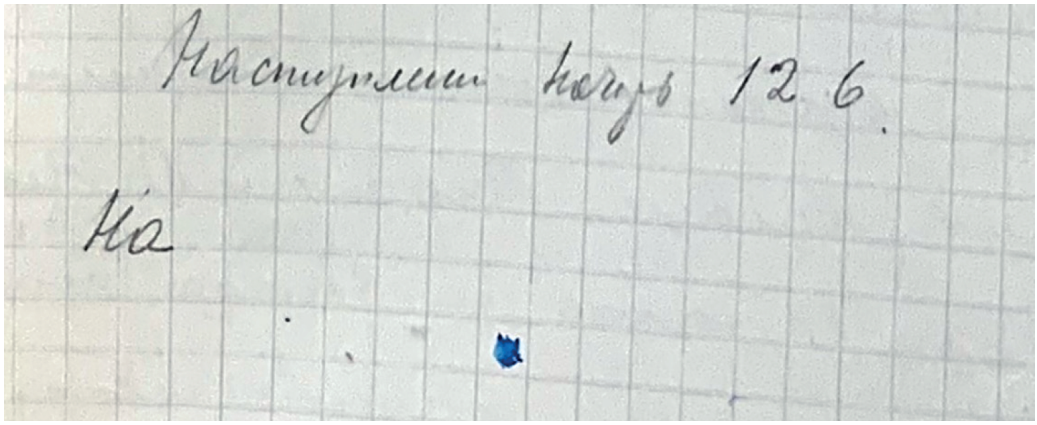

Рис. 1. Карандашные пометы генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина на «Уточнённом плане стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на западе и на востоке» (ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 241, л. 27 об.)

Логика изложения и лексика документа («прочная оборона», «упорная оборона», «не допустить прорыва противника» и т.д.) свидетельствуют о том, что Ватутин и Василевский рассматривали вариант наступления Юго-Западного фронта с перенесением боевых действий на территорию Германии не превентивно, а в условиях уже начавшейся войны, а именно нападения немцев на СССР. Однако с конкретными датами и сроками мобилизации войск РККА в этом документе ясности нет.

То, что высшее руководство не утвердило «Уточнённый план», неудивительно. При сложившейся к тому времени практике кремлёвского делопроизводства Жуков и Тимошенко никогда бы не осмелились послать Сталину документ с таким количеством исправлений и помет. Перед нами – черновой вариант, демонстрирующий квалифицированную работу высших офицеров Генштаба, которые, как и положено, рассматривали разные варианты развития событий на поле боя.

[39] *Скороспелов П.П.*, *Сорокин А.К.* Теория Победы. Советское политическое и военное руководство и планирование применения Красной армии в 1920–1945 гг. М., 2024. С. 35.

Обсуждался ли план со Сталиным? В архивах подтверждения этому не обнаружено. В случае рассмотрения такого документа Генштаба в Кремле туда обязательно бы вызвали Ватутина. Однако, как видно из журнала посещений кремлёвского кабинета вождя, в марте–апреле 1941 г. он генерала не принимал. Нет и прямых свидетельств того, что с документом работали Тимошенко и Жуков. Тем не менее можно предположить, что они были в курсе его подготовки, поскольку заложенные в плане идеи и формулировки использовались в директивах, направлявшихся в течение весны из Москвы в военные округа[40].

В историографии значительное внимание уделено другому документу Генштаба под названием «Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками». Он часто цитируется, но мало кто видел его оригинал, текст которого в ряде случаев тоже ставит перед исследователями вопросы[41]. Это записка на 15 листах, также написанная Василевским, с редактурой, многочисленными поправками и уточнениями Ватутина (таковых в тексте минимум 68). Подписей наркома обороны и начальника Генштаба нет. Соответственно, мы имеем дело с ещё одним черновиком штабного документа. Точной даты в «Соображениях» не проставлено, однако указан месяц – май. Поскольку сведения по вооружённым силам Германии в тексте приводятся на 15 мая 1941 г., последний датируют «не ранее» этой даты[42]. Содержательно он во многом повторяет «Уточнённый план», но в нём имеются и новые данные.

Концентрация германских войск у границ СССР к середине мая приняла угрожающий характер. В Москву поступала обширная информация о готовящейся агрессии, из анализа обстановки делался вывод, что Гитлер «может предупредить нас в развёртывании и нанести внезапный удар». Генштаб предлагал Сталину рассмотреть возможность «упреждающего удара». Принципиально идея не менялась – главный удар по-прежнему наносили силы Юго-Западного фронта, а вспомогательный – левое крыло Западного фронта. На остальных участках войска вели активную оборону[43].

Но как подготовить «нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле», в какие сроки и в какой конкретно момент? По сложившимся тогда представлениям, доминировавшим в штабах всех армий мира, задача решалась поэтапно: сначала мобилизация, затем – сосредоточение и развёртывание войск. Исходя из советских планов и директив, быстрое развёртывание планировалось осуществить после нападения агрессора. До тех пор войскам прикрытия предстояло сковать врага на границе, не допуская прорывов. В Генштабе считали, что немцам для развёртывания нужно минимум десять дней. Вполне возможно, штабные работники пред-

---

[40] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 237, л. 48–64; д. 241, л. 101–117.

[41] Там же, д. 237, л. 1–15.

[42] Ватутин регулярно получал донесения 7-го отдела Разведуправления Генштаба по Германии и Венгрии с подробной информацией о перемещении и дислокации войск. Данные наносились на карту. Все они свидетельствовали о быстром сосредоточении армий противника. К 22 июня 1941 г. поступило 24 таких донесения (Там же, оп. 1024сс, д. 24, л. 137–150, 152–155 и др.). Аналогичную информацию от заместителя наркома внутренних дел генерал-лейтенанта И.И. Масленникова получал и Жуков (Там же, л. 130, 151).

[43] ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 241, л. 1–55.

полагали, что – по аналогии с другими войнами со стороны Германии – последует объявление войны. В Берлине усиленно распространяли именно такую версию. В таком случае заблаговременное и скрытое сосредоточение сил позволило бы РККА выиграть время и нанести мощный упреждающий удар по ещё не развёрнутым армиям врага уже в первые дни войны. Такой подход выглядит вполне разумным и соотносится с предшествующими планами.

В майских «Соображениях» есть важная вставка Ватутина: «Форсировать строительство и вооружение укреплённых районов, начать строительство укрепрайонов в 1942 году на границе с Венгрией». Говорится о необходимости обязать Наркомат путей сообщения полностью выполнить план 1941 г. по строительству железных дорог, без чего невозможны оперативное развёртывание и переброска к границе войск второго эшелона. Однако если готовить войска к переходу в наступление после выполнения всех этих требований, то «упреждающий удар» откладывается на отдалённое будущее. Так, может быть, в тексте речь идёт не о 1941, а о 1942 г.? Этого нельзя исключить.

Другой вопрос: в какой степени «Соображения» – «план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией» – соответствовали реалиям времени? И был ли такой план вообще выполним? Предложения «не давать инициативы действий германскому командованию», «упредить противника в развёртывании», атаковать немецкую армию в наиболее удобный момент, пока она не организовала фронт и не наладила взаимодействие родов войск, – всё это в принципе соответствовало обстановке и не противоречило военной теории.

К майским «Соображениям» прилагались две карты-схемы – развёртывания вооружённых сил СССР и Германии с сателлитами. Подготовил их также Ватутин. Первую схему (рис. 2), на которой отображены планировавшиеся удары из Белостокского и Львовского выступов, нередко представляют как доказательство будто бы готовившейся агрессии против Германии. В действительности этот план схематично показывает основные направления ударов Юго-Западного фронта в условиях уже начавшейся войны.

Гораздо бóльшую ценность представляет вторая схема (рис. 3), на которой отражены, во-первых, оценка советским командованием состава войсковых группировок Германии с её сателлитами, а во-вторых – прогноз действий противника в случае нападения на Советский Союз. Сравнение данного картографического материала с военно-историческими картами даёт наглядное представление о природе основных ошибок, допущенных советским командованием при стратегическом развёртывании.

За самый северный участок Восточного фронта со стороны противника отвечала группировка, размещённая в норвежской Лапландии. При наступлении на Мурманск она проходила через полосу финской территории (рис. 4). Ватутин обозначил здесь 171-ю пехотную дивизию, которой никогда не существовало. В действительности же наступал горный корпус «Норвегия», состоявший из двух пехотных дивизий. Второй удар, согласно карте, противник должен был наносить на Кандалакшу, чтобы отрезать Мурманск от железной дороги и выйти к Белому морю. В немецком и финском штабах такая операция («Полярфукс») действительно планировалась, но попытка реализовать её потерпела неудачу.

Рис. 2. Схема развёртывания Вооружённых сил СССР. 15 мая 1941 г.
Общий вид приложения к докладной записке наркома обороны СССР
и начальника Генштаба Сталину

Рис. 3. Схема соотношения сил СССР и Германии с её союзниками. Общий вид приложения к докладной записке наркома обороны СССР и начальника Генштаба Сталину

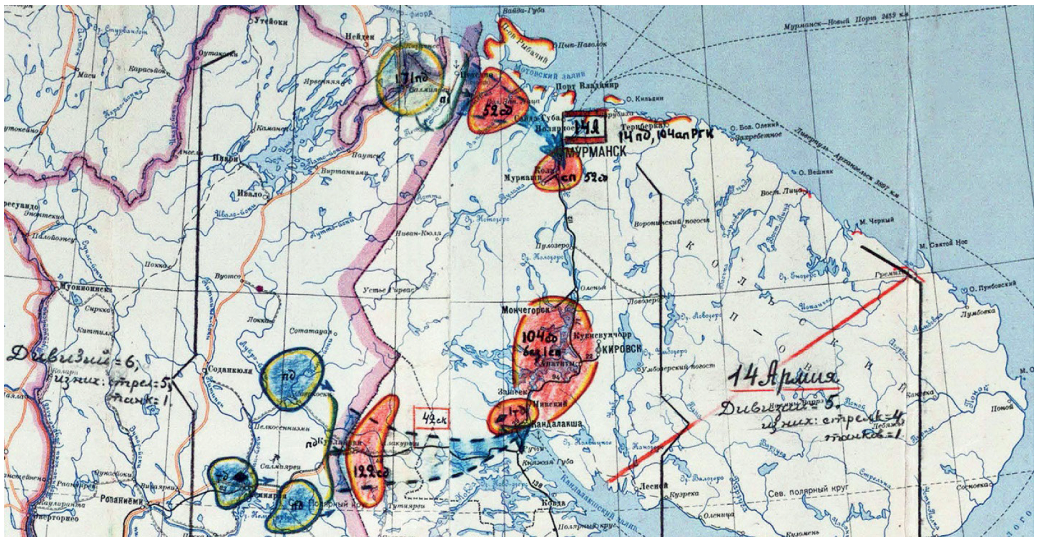

Рис. 4. Мурманское и Кандалакшское направления.
Фрагмент «Схемы соотношения сил»

Обращает на себя внимание предполагаемый состав германо-финляндской группировки. Численность пехотных сил – две пехотные дивизии – явно занижена. В действительности наступал армейский корпус, в который входили три пехотные дивизии (в том числе одна финская) и один полк. Также Ватутин предположил задействование противником танковой дивизии, что, учитывая природно-географические условия, в высшей степени нецелесообразно. Характерно, что наступление на кандалакшском направлении ожидалось значительно более широким фронтом. Таким образом, направления ударов противника в Заполярье Ватутин спрогнозировал в целом верно (хотя альтернатив в регионе по объективным причинам немного), но численность пехотных сил серьёзно недооценил.

Во многом ошибочной оказалась оценка предполагаемых действий противника в Карелии (рис. 5). Не прогнозировались удары на ухтинско-кемском, ругозёрском и олонецком направлениях, серьёзно недооценивались силы вражеских группировок. Последнее обстоятельство, по всей видимости, привело Ватутина к заключению, что войск противника – одного корпуса – хватит только для нанесения удара на Петрозаводск. Однако финны сосредоточили два армейских корпуса, которые наступали по расходящимся направлениям – на Петрозаводск и Олонец. Следовательно, военачальник не ожидал выхода финских частей и соединений на рубеж реки Свирь ранее, чем была бы захвачена столица Карело-Финской ССР. Следует отметить, что Петрозаводск оказался потерян только в октябре 1941 г., тогда как Олонец финны захватили уже 5 сентября, существенно облегчив задачу выхода к Свири и закрепления на данном рубеже.

Изучение отображённого на карте Ватутина прогноза действий Германии и её сателлитов на ключевых стратегических направлениях необходимо сравнить с картой Генерального штаба сухопутных войск вермахта от 21 июня 1941 г.[44] Она даёт исчерпывающую информацию о стратегическом развёртывании сил Германии и составе групп её армий (до дивизий включительно).

[44] ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 200, д. 1.

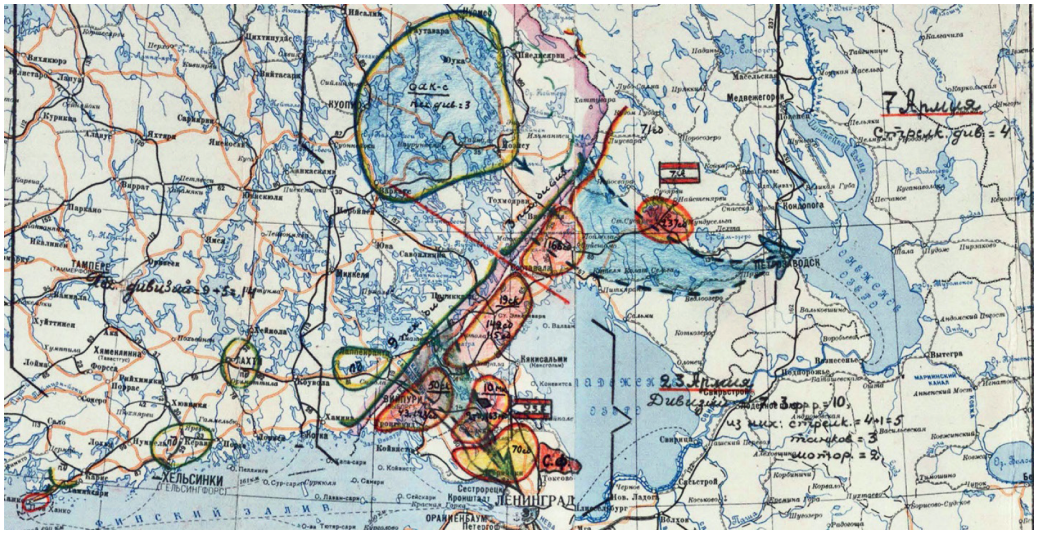

Рис. 5. Петрозаводское и Ленинградское направления.
Фрагмент «Схемы соотношения сил»

Выясняются пробелы в определении Генштабом возможных действий противника на ленинградском направлении. На советской карте отмечен единственный вероятный удар на незначительную глубину – до Шауляя, а направление на Даугавпилс, имевший стратегическое значение, упущено (рис. 6). Тогда как именно сюда устремился 56-й моторизованный корпус Э. Манштейна, которому 26 июня 1941 г. удалось захватить неповреждёнными мосты через крупнейшую на пути к Ленинграду водную преграду – Западную Двину.

Рис. 6. Северо-Западное стратегическое направление.
Фрагмент «Схемы соотношения сил»

На центральном – московском – направлении Ватутин прогнозировал один мощный удар. Предполагалось, что вначале немцы нацелятся на Северо-Западный фронт РККА, а после выхода приблизительно на меридиан Минска

продолжат в полосе Западного фронта. Направление наступления на советской карте показано до рубежа Витебск–Орша (рис. 7), и здесь штабисты в целом не ошиблись. Однако, согласно карте, часть немецких сил при этом должна была повернуть на юго-восток – через Борисов к Бобруйску.

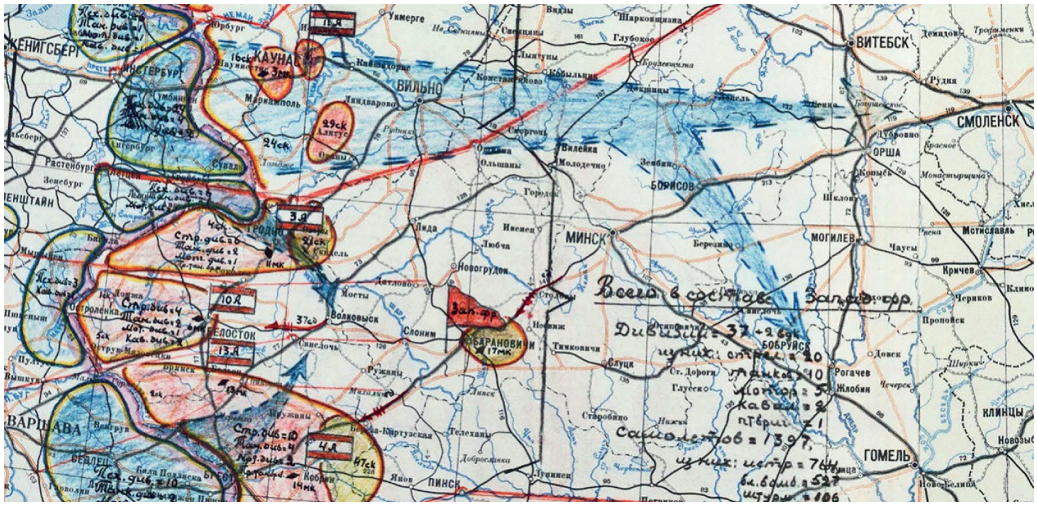

Рис. 7. Западное стратегическое направление.
Фрагмент «Схемы соотношения сил»

Главной же ошибкой Генштаба стало неверное определение основного удара. Он ожидался на южном направлении – в сторону Украины и Кавказа, но основные силы вермахта сосредоточились севернее, по центру западной границы СССР. Советское командование существенно недооценило силы противника на главном направлении и переоценило таковые на юге. Это видно по отсутствию на карте Генштаба неожиданного удара немцев против Западного фронта, вследствие которого уже к середине июля им удалось выйти к Смоленску. Наступление главных сил правого крыла группы армий «Центр» началось в районе Бреста, однако на советской карте отмечено нанесение отсюда лишь «частного» удара на Волковыск при одновременном наступлении немцев в этом направлении из района Гродно.

Удар южной группировки немцев прогнозировался на киевском направлении. Его конфигурация на карте Ватутина в целом соответствовала действительности, хотя и обозначена несколько севернее. При этом, согласно предположению Генштаба, часть сил вермахта должна была направиться на северо-восток – к Мозырю. Вместе с ударом центральной группировки на Бобруйск и далее на юг, это создавало потенциальную опасность окружения группы советских войск (что и произошло в сентябре под Киевом). На южном направлении Ватутин обозначил ещё два предполагаемых наступления противника – из Буковины через Подолье на Киев (рис. 8) и из центральной части румынской Молдавии через Бессарабию на Кривой Рог (рис. 9). При наличии у группы армий «Юг» 153 немецких, румынских и венгерских дивизий, как это отмечено на советской карте, такие действия оказывались в принципе возможны. Однако в данном случае советское командование переоценило силы неприятеля. Сосредоточенные в Румынии войска, в том числе 11-я армия вер-

махта, были слишком слабы и не могли действовать без поддержки основных сил группы армий «Юг».

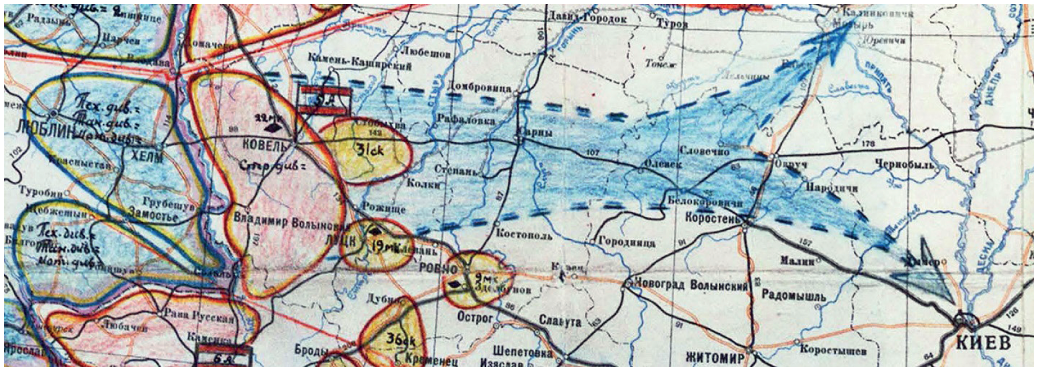

Рис. 8. Юго-Западное стратегическое направление.
Фрагмент «Схемы соотношения сил»

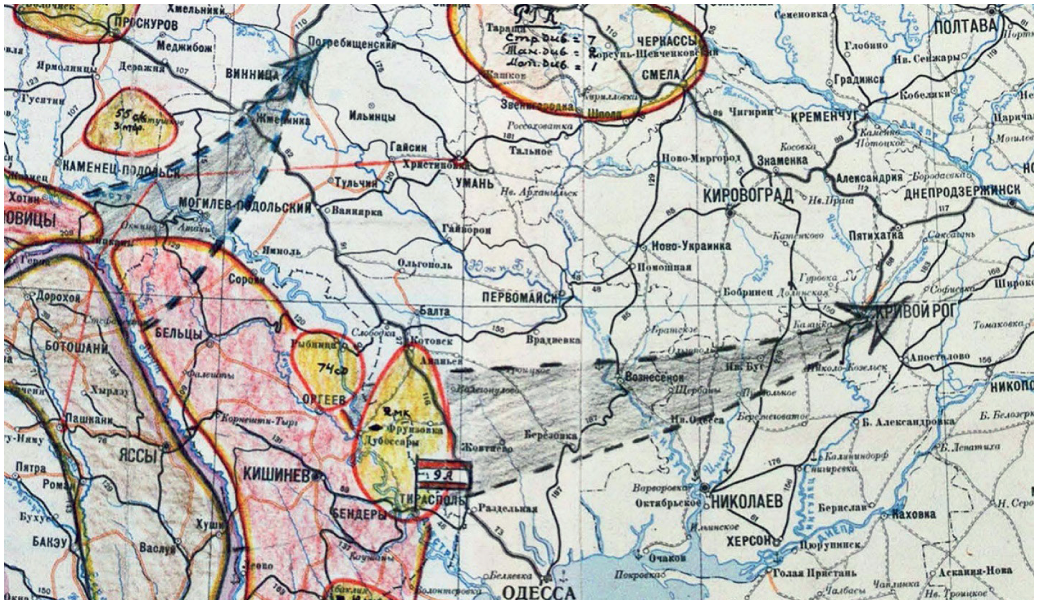

Рис. 9. Южное стратегическое направление. Фрагмент «Схемы соотношения сил»

В итоге получилось, что значительные силы Красной армии сконцентрировались у государственной границы, особенно в Белостокском и Львовском выступах. При этом расстояние между войсками первого и второго стратегических эшелонов не оставляло командованию возможности своевременно собрать группировку, достаточно мощную для отражения немецкого наступления[45]. Обогащение ресурсами КОВО привело к тому, что сил и средств ЗапОВО

[45] Недооценка сил противника заметна и на схеме расположения и сосредоточения войск прикрытия, подготовленной командованием ЗапОВО к «Записке по плану действия войск в при-

не хватило для противостояния группе армий «Центр», сосредоточившей на сравнительно небольшом (500 км) фронте 51 дивизию, в том числе 15 танковых и моторизованных, которые поддерживались 1600 самолётами.

Достоверных данных о том, что подготовленные в мае 1941 г. «Соображения» были посланы Сталину, изучены и одобрены им, нет. Однако можно предположить, что взятые за основу данного документа положения, по меньшей мере, докладывались ему и Молотову. Это могло произойти 19 мая. В этот день Сталин и Молотов встретились с Жуковым, Тимошенко и Ватутиным. Точно известно, что Ватутин пробыл у вождя около часа – с 20:10 до 21:05. В следующий раз он появился в Кремле вместе с военным руководством 24 мая. В этот день состоялось большое совещание, на котором присутствовали 22 человека. В Интернете можно встретить текст сфальсифицированной речи Сталина на этом заседании. В действительности никаких записей не велось, и неизвестно, какие вопросы рассматривались. Вряд ли секретная тема «упреждающего удара» РККА могла обсуждаться в таком широком составе. Правда, в тот же день в течение 40 минут отдельно совещалась «пятёрка» – Сталин, Молотов, Ватутин, Жуков и Тимошенко. 3 июня руководителей военного ведомства вновь пригласили в кремлёвский кабинет – на полтора часа. Затем их вызывали к Сталину 6 июня (совещание продолжалось 2 часа 5 минут) и 9 июня (1 час). Последний раз перед войной Ватутин посетил Сталина поздно вечером 17 июня и находился на приёме полчаса[46].

Повестки этих совещаний не обнаружены, можно лишь догадываться, какие вопросы на них обсуждались. Отсутствие достоверной информации даёт почву для предположений и даже фальсификаций, корни которых уходят в нацистскую пропаганду или конфронтацию холодной войны. Нацисты приложили немало усилий, чтобы оправдать агрессию против СССР. Они изобрели тезис о «превентивной войне», пытаясь представить её как «защитную акцию упреждения» против планов большевиков напасть на Германию и «разжечь костёр мировой революции». Однако давно доказано, что подготовка к операции «Барбаросса» осуществлялась независимо от каких-либо действий советского правительства.

В историографии можно встретить утверждение, что усилиями советской разведки план нападения на СССР уже вскоре после его принятия будто бы стал известен советскому руководству[47]. Убедительных же данных о том, что дело обстояло именно так, нет. Если бы основное содержание плана гитлеровцев стало известно, Москва наверняка укрепила бы свои силы на направлении главного удара вермахта. Однако этого не произошло. Материалы из архива Политбюро свидетельствуют, что лишь после капитуляции немцы по требованию советского командования передали основные документы, связанные с подготовкой войны против СССР. Их оперативно направили Сталину[48].

Среди историков продолжаются споры об отношении Сталина к данным разведки, которая неоднократно сигнализировала о готовящейся агрессии. Из-

---

крытии на территории Западного особого военного округа» 6 июня 1941 г. (ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 2951сс, д. 240).

[46] См.: На приёме у Сталина... С. 333–337.

[47] См., например: Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. Сборник документов / Сост. В.К. Виноградов и др. М., 1995.

[48] РГАНИ, ф. 3, оп. 58, д. 460, л. 1–9.

вестно, что в первой половине 1941 г. в Москву шёл поток противоречивой информации, которая часто не подтверждалась (например, в донесениях назывались и более ранние, чем 22 июня, даты нападения) или являлась дезинформацией немецких спецслужб. Доступные исследователям докладные записки с анализом разведданных, которые посылались на имя Сталина, начальника Разведуправления Генштаба РККА генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, наркома военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова и наркома внутренних дел Берии, показывают, что их составители подстраивались под мнение вождя и зачастую расценивали реальные сведения как дезинформацию.

В литературе о кануне войны большое внимание уделяется речи Сталина в Кремле 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий[49]. Некоторые авторы видят в ней указание на намерение начать превентивную войну против Германии[50]. На самом деле текст не содержит утверждений такого рода. Вождь, по своему обыкновению, лишь задавался вопросом, действительно ли германская армия так непобедима, как себя представляет. А затем объяснил, что она не столь сильна, превратилась в захватническую и под такими лозунгами не сможет одержать победу. Сталин заявил, что верит в силу и мощь Красной армии. Хотя при этом потребовал от офицеров не зазнаваться и совершенствоваться в военном деле изо дня в день[51].

Таким образом, анализ предвоенных планов СССР показывает, что высшее военно-политическое руководство осознавало угрозу стране, готовилось дать решительный отпор врагу, но переоценивало возможности своих вооружённых сил и недооценивало силу и боеготовность вермахта.

---

[49] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 3808, л. 1–12.

[50] См.: *Hoffmann J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995.

[51] См.: *Bonwetsch B.* Nochmals zu Stalins Rede am 5 Mai 1941 // Quellenkritisch-historiographische Bemerkungen Osteuropa. Zeitschrift fur Gegenwartsfragen des Ostens. 1992. № 6. S. 536–542; *Невежин В.А.* Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 54–69; 1941 год. Сборник документов в 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. С. 158–163; *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 176–182.

Советская внешняя разведка накануне германского вторжения (май–июнь 1941 г.): анализ документальных публикаций

Владимир Невежин

Soviet Foreign Intelligence on the eve of the German invasion (May–June 1941): analysis of documentary publications

Vladimir Nevezhin
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020120

В отечественной[1] и зарубежной[2] историографии и публицистике много внимания уделяется деятельности советской внешней разведки в предвоенные годы. Особый интерес проявляется к вопросу о том, каким путём и какую именно информацию о подготовке Германии и её сателлитов (Венгрии, Румынии, Финляндии) к нападению на СССР она получала с 1 мая по 21 июня 1941 г. Однако до настоящего времени отсутствует анализ делопроизводства разведки, без чего сложно понять порядок прохождения такого рода сведений в Москву и ознакомления с ними И.В. Сталина и других представителей высшего партийно-государственного и военного руководства СССР. Между тем за последние 30 лет в научный оборот введено немало материалов по истории внешней разведки, на основании которых, как представляется, можно попытаться восполнить этот пробел. В фокусе внимания данной статьи – пять документальных сборников, опубликованных типографским путём[3], и один – размещённый в Интернете на сайте Рос-

© 2026 г. В.А. Невежин

[1] *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013; История российской внешней разведки. Очерки. В 6 т. Т. 3. 1933–1941. М., 2014; *Колпакиди А.И.*, *Мзареулов В.К.* Советская внешняя разведка, 1920–1945 годы. История, структура и кадры. М., 2021; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу, 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 4. М., 2021; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис, сентябрь 1938 – июнь 1941 г. Изд. 2. М., 2021; Павел Фитин. Начальник разведки. М., 2022; *Мзареулов В.К.* Красная капелла. Страшный сон гестапо. М., 2023; *Дамаскин И.А.* Советская разведка в 1917–1953 гг. М., 2024; *Сорокин А.К.* История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2. Война и мир Сталина. 1939–1953. В 2 ч. Ч. 1. «Наше дело правое». М., 2024; и др.

[2] *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999; *Коткин С.* Сталин. В 3 т. Т. 2. В предчувствии Гитлера (1929–1941). В 2 кн. Кн. 2. М., 2023; *Карлей М.Д.* «Большая игра» Сталина. Война и нейтралитет, 1939–1941 гг. М., 2025; и др.

[3] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. 1 января – 21 июня 1941 г. М., 1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995; 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998; Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941. М., 2011; Рассекреченные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации, 1939–1945 гг. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2025.

сийского исторического общества[4]. Помимо этого, использованы материалы коллекции Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина по истории Второй мировой войны[5].

К началу войны внешняя разведка находилась в ведении Наркомата государственной безопасности (НКГБ) СССР, созданного 3 февраля 1941 г. на основе разведывательных, контрразведывательных и оперативных подразделений, выделенных из состава Наркомата внутренних дел СССР. НКГБ возглавил В.Н. Меркулов, за внешнюю разведку отвечало 1-е управление этого ведомства под руководством старшего майора П.М. Фитина. В его состав входили секретариат и восемь отделов. Шесть из них являлись территориальными (1-й – Германия; 2-й – Дальний Восток; 3-й – Англия, Америка; 4-й – Франция, Испания, Португалия, Швейцария, Финляндия, Швеция; 5-й – Италия, Югославия, Греция, Румыния, Венгрия; 6-й – Ближний Восток), остальные – функциональными (7-й – советская колония за рубежом, визы, информация и оперативный учёт; 8-й – подготовка спецкадров). В штате центрального аппарата управления числились 240 сотрудников[6], что порождало обширный документооборот. Поэтому в своей повседневной деятельности Фитин опирался на уже прошедших «школу резидентов» начальников отделов: П.М. Журавлёва (1-й отдел) и Б.А. Рыбкина (4-й отдел)[7].

Внешняя разведка имела за границей 40 резидентур, в которых работали свыше двухсот оперативных сотрудников[8]. Берлинскую резидентуру – одну из важнейших – возглавлял А.З. Кобулов («Захар»), официально советник полпредства (с начала мая 1941 г. – посольства) СССР в Германии, лондонскую – А.В. Горский («Вадим»), первый атташе и второй секретарь советского посольства. Резиденты или сотрудники резидентур (кураторы) привлекали к сбору информации иностранных граждан, сочувствовавших Советскому Союзу. Они именовались агентами («источниками»)[9]; накануне германского нападения их общее количество достигло шестисот человек[10]. В Германии наиболее ценными из них являлись А. Харнак («Корсиканец»), Х. Шульце-Бойзен («Старшина») и К. Эйкоф («Франкфуртер»), принадлежавшие к группе, именуемой в литературе «Красной капеллой»[11]. В свою очередь «Вадим» привлёк к работе Д. Кернкросса («Листа»), Э. Бланта («Тони») и других членов «Кембриджской пятёрки».

Введение в оборот материалов разведывательных органов началось после их частичного рассекречивания вслед за распадом СССР. В 1995 г. появились

---

[4] Документальные материалы (1939–1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 6 т. Т. 1. 1939–1941. М., 2025 // Российское историческое общество. Историко-документальный просветительский портал (URL: https://historyrussia.org/sobytiya/dokumentalnye-materialy-1939–1945-iz-arkhiva-sluzhby-vneshnej-razvedki-rossijskoj-federatsii.html).

[5] Вторая мировая война в архивных документах. Комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов (URL: https://www.prlib.ru/project/1298142).

[6] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 58.

[7] В 1-м управлении также служила его жена, разведчица З.И. Воскресенская-Рыбкина.

[8] Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина // История российской внешней разведки... Т. 4. М., 2014. С. 20.

[9] Ввиду того что термин «агент» в словаре разведслужб имеет несколько значений (см.: Контрразведывательный словарь. М., 1972. С. 7–12), здесь и далее вместо него будет использоваться термин «источник».

[10] История российской внешней разведки... Т. 3. С. 18.

[11] См., например: *Мзареулов В.К.* Красная капелла...

первые издания подобного рода. Сборник «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» (Т. 1. Кн. 2) вышел под грифом Федеральной службы контрразведки РФ и содержал материалы, выявленные составителями в архиве этого ведомства (ЦА ФСК). Однако в предисловии к изданию не сообщалось, какие именно виды документов в нём опубликованы. Они имели заголовки, но издавались с купюрами, к тому же отсутствовали архивные легенды (указания на номера фондов, дел, листов) и сведения о том, подлинники это или копии. В следующее издание – «Секреты Гитлера на столе у Сталина» – вошли копии разведдонесений НКГБ, направлявшихся Сталину, наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии и наркому обороны СССР С.К. Тимошенко с сопроводительными записками Меркулова (или его заместителя Б.З. Кобулова). Основу этой публикации составили документы Центрального архива ФСБ России, а её подготовка состоялась при содействии Московского городского объединения архивов.

В 1998 г. вышел сборник «1941 год», второй том которого, наряду с разнообразными по характеру и содержанию источниками о внутренней и внешней политике СССР, укреплении его обороноспособности накануне войны и т.д., содержит и материалы внешней разведки. В предисловиях к изданиям «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» и «1941 год» обрисована расстановка сил на международной арене в начальный период Второй мировой войны, представлено видение составителями внешнеполитического курса СССР, дана высокая оценка роли разведывательных структур в деле информирования партийно-государственного и военного руководства.

В целом эти три издания позволили приоткрыть завесу тайны над деятельностью советских разведчиков накануне германской агрессии. В них представлены некоторые сведения справочного характера, способствующие лучшему ознакомлению с опубликованными материалами. В сборниках «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» и «1941 год» указаны даты каждого документа, им даны заголовки, из которых можно понять основное содержание, приведены архивные легенды. Помимо этого, в именных указателях, по существу, впервые раскрыты оперативные псевдонимы некоторых «источников» и резидентов.

Данные сборники упоминаются в историографических обзорах документальных изданий о начальном периоде войны, работе внешней разведки и т.д.[12] Однако за редким исключением отсутствуют оценки их научного уровня. Между тем методика представления материалов и комментарии составителей к ним имеют ряд недостатков и упущений. Так, из обширного (свыше 15 машинописных страниц) «Предисловия» к сборнику «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» следует лишь то, что документы освещают деятельность «внешней разведки, контрразведки, территориальных органов безопасности и пограничной службы СССР за период с марта по 21 июня 1941 г.». Далее сообщается, что материалы расположены «в хронологическом порядке, снабжены легендой с указанием места хранения, номера фонда, описи, дела, подлинности» и т.д.[13] В тексте «Предисловия» существительные «документ» и «документы» упомянуты 13 раз, но попыткой охарактеризовать их содержание можно считать лишь текст, занимающий всего полстраницы. При этом составители так и не сообщили, какие именно виды материалов включили в сборник. Эти недомолвки

[12] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 10–11.

[13] Предисловие // Секреты Гитлера на столе у Сталина... С. 16.

можно объяснить тем, что в середине 1990-х гг. предпринимались лишь отдельные попытки введения в научный оборот комплекса ранее строго засекреченных документов спецслужб.

Над первыми тремя изданиями работали представительные коллективы составителей. Четвёртое, вышедшее в 2011 г., самостоятельно подготовил генерал-майор Службы внешней разведки РФ в отставке Л.Ф. Соцков. В «Предисловии» к сборнику (шесть с половиной страниц) он ограничился следующей формулировкой: «Документы из архива СВР России публикуются без каких-либо изъятий, в том виде, как они отложились в оперативных делах»[14]. Однако представленный материал взят из фондов не только архива Службы внешней разведки (СВР), но и Центрального архива ФСБ.

Сборник отличается низким уровнем археографической подготовки и научной обработки. Публикуемым документам даны лишь лаконичные заголовки («Сообщение из Лондона», «Спецсообщение НКГБ СССР», «Сообщение в ЦК ВКП(б)»), не раскрывающие их содержания. Отсутствуют архивные легенды, комментарии, а также именной указатель. Восприятие материала затруднено из-за нарушения хронологического принципа. Так, после «Спецсообщения НКГБ СССР» от 1 мая 1941 г.[15] следуют сообщения из лондонской и берлинской резидентур от 22 мая[16], за документом, датированным 14 мая[17], помещён материал, относящийся к 9 мая[18]; а за датированным 11 июня[19] — к 6 июня[20]. Документы не упорядочены по проблемно-тематическому признаку. Наконец, отсутствует их нумерация, что мешает работе со сборником в целом. Эти и другие критические замечания, которые можно отнести ко всем четырём названным сборникам, высказал В.С. Христофоров[21].

К 80-летию победы в войне приурочен выпуск тематического сборника «Рассекреченные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1945 гг.». Это своеобразная выборка из шеститомника «Документальные материалы (1939–1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации», размещенного на сайте Российского исторического общества в том же году. В него вошли материалы за май–июнь 1941 г., некоторые введены в оборот впервые, а их заголовки больше соответствуют содержанию, чем в предшествующих публикациях. Однако документы снова даны без комментариев и указания архивных легенд, отсутствуют расшифровки псевдонимов резидентов и «источников», нет именного указателя. В кратком «Предисловии» за подписью директора СВР С.Е. Нарышкина разъяснено, что тексты «публикуются с сохранением стиля, орфографии и основных элементов оформления первоисточников. Составители сборника намеренно воздержались от комментариев и пояснительных статей, с тем чтобы читатели могли составить непредвзятое мнение о сути, причинах и итогах крупнейшего конфликта XX столетия»[22].

---

[14] Цит. по: Агрессия. Рассекреченные документы... С. 7.
[15] Там же. С. 376–378.
[16] Там же. С. 379–384.
[17] Там же. С. 385.
[18] Там же. С. 386–390.
[19] Там же. С. 420–421.
[20] Там же. С. 422.
[21] Цит. по: *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР... С. 54.
[22] Рассекреченные материалы... С. 4.

Однако данное издание выгодно отличается от предшествующих тем, что содержит немало отсканированных (в цвете) материалов. С одной стороны, можно согласиться с критическим замечанием Христофорова о том, что «это позволяет увидеть сам документ, но затрудняет его понимание»[23]. С другой – наличие таких образов открывает возможности для анализа и интерпретации их текстов (о чем будет сказано ниже).

Согласно моим подсчётам, к настоящему времени из упомянутых документальных сборников известно о 34 сообщениях резидентов, направленных в Москву за период с 1 мая до 20 июня 1941 г. Девять из них поступили из Лондона (№ 323, 336, 354, 388, 395, 431, 504, 505[24], 512[25]); восемь – из Берлина (№ 147, 148, 156, 170, 181[26]; 29–30 мая, без указания номера, № 209[27]; 2 июня, без указания номера[28]); пять – из Хельсинки (№ 112, 118, 120, 125, 126)[29]; четыре – из Будапешта (№ 89, 90, 93, 94)[30]; три – из Рима (№ 30, 50, 55)[31]; два – из Бухареста (№ 140, 144)[32], по одному – из Нью-Йорка (№ 130)[33], Софии (№ 107)[34], Стокгольма (№ 144)[35] и Шанхая (№ 9)[36]. Однако на деле сообщений было гораздо больше. Основание для подобного суждения даёт сравнительный анализ их нумерации за рассматриваемый период (табл. 1).

Таблица 1

Сообщения европейских резидентур за 1 мая – 21 июня 1941 г. (опубликованные и упомянутые в публикациях)

Место пребывания резидентур	Порядковые номера и исходные даты опубликованных сообщений	Порядковые номера и конечные даты опубликованных сообщений	Разница порядковых номеров	Количество опубликованных сообщений
Лондон	№ 323 от 4 мая	№ 512 от 16 июня	190	9
Берлин	№ 147 от 1 мая	№ 209 от 11 июня	63	8
Хельсинки	№ 112 от 4 июня	№ 126 от 18 июня	15	5
Будапешт	№ 89 от 9 июня	№ 94 от 19 июня	6	4
Рим	№ 30 от 4 июня	№ 55 от 19 июня	26	3
Бухарест	№ 140 от 9 июня	№ 144 от 19 июня	5	2
		Итого	305	34

Составлено по: см. примеч. 24–36.

[23] *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР... С. 54.

[24] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 410, 411, 420–421, 434–435, 425–427, 445, 493–496.

[25] Агрессия. Рассекреченные документы... С. 459–460.

[26] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 403–405, 391–396, 412–419, 422–424, 442–444.

[27] Агрессия. Рассекреченные документы... С. 414, 420–421.

[28] Секреты Гитлера на столе у Сталина... № 61. С. 141–142.

[29] Секреты Гитлера на столе у Сталина... № 60. С. 140; № 67. С. 151; № 68. С. 153; Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 486, 500–502, 503–505.

[30] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 485, 488, 507–510.

[31] Там же. С. 402, 483–484, 516.

[32] Там же. С. 490–492.

[33] Там же. С. 468–469.

[34] Там же. С. 477–479.

[35] Там же. С. 489.

[36] Там же. С. 481–482.

Таким образом, только из столиц шести европейских государств пришло 305 сообщений. То, что к настоящему времени их введено в оборот почти на порядок меньше, затрудняет исследовательскую работу, поскольку «выборка» опубликованных документов явно недостаточна.

Анализ последних позволяет сделать вывод о том, что в НКГБ в целом и в его 1-м управлении в частности существовала отлаженная система получения и передачи разведданных. Информация от «источника» фиксировалась в виде сообщений, на её основе резиденты готовили тексты, предназначенные для отправки в Москву. Практически все опубликованные сообщения в зашифрованном виде вошли в состав документов[37], которые в делопроизводстве 1-го управления представлены входящими шифртелеграммами. Их оцифрованные образы впервые в большом количестве представлены в сборнике СВР. В данной связи отмечу, что в других сборниках они именуются «агентурными сообщениями» или просто «сообщениями»[38]. Однако противоречия тут нет: входящая шифртелеграмма – это открытый текст, полученный в результате расшифровки текста, переданного из резидентуры посредством телеграфа.

В каждой зарубежной резидентуре практиковалась собственная сплошная нумерация таких документов. В рассматриваемый период она состояла из одной, двух или трёх цифр. Обработанные в Москве шифртелеграммы имели четырёхзначную нумерацию. Их формуляр включал следующие основные реквизиты. В верхней части первого листа располагалась «шапка»: заголовок «Шифртелеграмма Вх[одящий №]», набранный типографским шрифтом красного цвета. Сам входящий номер печатался на машинке. Ниже (также машинописью) давались название столицы (или города) иностранного государства, из резидентуры которого она пришла; точное время её поступления и расшифровки (с указанием часов и минут, числа, месяца и года). Как правило, агентурный псевдоним адресата не назывался, однако в некоторых случаях фигурировал «Виктор» (Фитин).

Сам текст телеграммы также был машинописным либо записывался от руки на отпечатанных типографских бланках. В конце ставилась дата составления резидентом (число, месяц, год) и номер, а также агентурный псевдоним отправителя. Далее следовал штамп 1-го управления с указанием входящего текущего номера и даты. В нижней части последнего листа текста указывались общее количество отправленных экземпляров (например, «2») и номер представленного экземпляра, а также уточнялось, сколько экземпляров и кому отослано (например, «Экз. № 1. Адресату»; Экз. № 2. «В дело»). Как можно судить по опубликованным материалам, в середине июня 1941 г. формуляр претерпел изменения: на каждой странице (слева) появилась специальная колонка («Для резолюций и заметок»)[39]. Некоторые телеграммы имели не один, а два или три порядковых номера, например, № 3217, 3223 (10 мая); № 3606, 3610 (24 мая); № 3892, 3893, 3891 (5 июня); № 4034, 4036 (8 июня); № 4018, 4048 (12 июня);

---

[37] Отсутствуют тексты шифрограмм агентурных сообщений из Берлина (№ 147) и Хельсинки (№ 112 и 118).

[38] Агрессия. Рассекреченные документы... С. 418–419, 435–438, 443–445, 447–448, 451–453, 482–484, 490; 1941 год. Кн. 2. № 532. С. 336.

[39] Шифртелеграммы № 4234 и 4241 (15 июня), № 4329 (18 июня); № 4348 и 4354 (19 июня); № 4382 (20 июня) // Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 493–495, 503–505, 507–510, 516–517.

№ 4161, 4162 (13 июня)[40]. Это объяснялось тем, что их тексты пересылались по частям, каждая из которых фиксировалась в делопроизводстве 1-го управления как отдельная шифртелеграмма.

Анализ содержания вышеназванных документальных сборников показывает, что к настоящему времени опубликованы подлинники 33 шифртелеграмм, полученных в 1-м управлении с 1 мая по 20 июня 1941 г. включительно: № 2975; № 2981; № 2983; № 2997; № 3032; № 3150; № 3217, 3223; № 3221; № 3226; № 3428; № 3430; № 3461; № 3606, 3610; № 3705; № 3892, 3893, 3891; № 3965, 3966; № 4018, 4048; № 4034, 4036; № 4078; № 4107; № 4123; № 4124; № 4140; № 4161, 4162; № 4196; № 4234; № 4241; № 4261, 4262; № 4329; № 4342; № 4348; № 4354; № 4382[41]. Помимо них пока не введены в оборот, но упомянуты в документальных изданиях ещё шесть: № 3205, 3210, 3211 (10 мая)[42]; № 3150 (25 мая)[43]; № 3858 (2 июня)[44]; № 4043, 4044 (9 июня)[45]; № 4115 (11 июня)[46]; № 4186 (13 июня)[47].

Они приходили в Москву за подписью «Захара», «Вадима», «Джона» (советник полпредства СССР в Швеции И.А. Чичаев), «Шиллера» (заместитель начальника 1-го управления В.М. Зарубин, направленный весной 1941 г. в служебную командировку в Шанхай). На данный момент неизвестны имена и биографические сведения некоторых других резидентов: «Авака» (София), «Василия» (Будапешт), «Фомы» (Бухарест), «Тита» (Рим), «Адвоката» и «Клима» (Хельсинки).

Сведения, полученные от резидентов и «источников», добывались традиционными для внешней разведки методами. Преимущественно практиковались выведывание[48] и оперативный опрос[49]. Применялись также анализ письменных документов (в первую очередь копий дипломатических телеграмм, донесений иностранных разведслужб), публикаций СМИ зарубежных государств[50]; визуальное наблюдение[51].

Живой интерес вызывало содержание разговоров с должностными лицами (политическими и государственными деятелями, дипломатами, военными),

---

[40] Вторая мировая война в архивных документах...; Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 412–416, 442–445, 483–484.

[41] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 391–396, 402, 410–427, 434–435, 442–445, 456–459, 468–469, 477–479, 481–486, 488–496, 503–505, 507–510, 516–517.

[42] Секреты Гитлера на столе у Сталина... № 33. С. 86–87.

[43] Там же. № 53. С. 131–132. Порядковый номер шифртелеграммы указан неверно.

[44] Вторая мировая война в архивных документах...

[45] Секреты Гитлера на столе у Сталина... № 65. С. 148–150.

[46] Там же. № 69. С. 154–156.

[47] Там же. № 70. С. 156–157.

[48] Выведывание – метод получения фактической информации путём целенаправленных бесед, в ходе которых резидент или «источник» с использованием закономерностей психологии подводят собеседника к «непреднамеренному и непринуждённому сообщению скрываемых сведений» (Контрразведывательный словарь. С. 61).

[49] Оперативный опрос – метод получения информации, имеющей значение для разведывательной деятельности, который состоит в побуждении к её сообщению лиц, осведомлённых о тех или иных фактах (Контрразведывательный словарь. С. 194).

[50] Таковые упоминаются в шифртелеграммах резидентов НКГБ среди «прочих источников информации» (Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 422, 468–469).

[51] Визуальное наблюдение – зрительное изучение объекта (объектов) наблюдения невооружённым глазом либо с использованием оптических приборов (Контрразведывательный словарь. С. 166).

журналистами и даже случайными собеседниками. К примеру, «Захар» использовал сведения, полученные «со слов директора фирмы “Гартвик”»[52], из устных суждений военного атташе Германии в Хельсинки[53]. «Тит» в сообщении 8 июня активно цитировал зафиксированные им слова итальянских военного и военно-воздушного атташе в Бухаресте[54]. «Клим» в послании из Хельсинки 10 июня привёл устные аргументы бывших финляндских министров Ю. Нюкканена и А.В. Хацкеля, высказанные ими в приватных беседах[55]. 18 июня он сообщил о беседе с министром торговли В. Таннером, убеждённым в неизбежности начала войны между Германией и СССР в ближайшее время[56]. В тот же день «Василий» передал суждения на актуальные политические темы заместителя государственного секретаря Совета министров Венгрии Патаки и генерал-лейтенанта В. Надя[57]. Резиденты включали в тексты сообщений содержание зафиксированных ими «разговоров» между неназванными офицерами и генералами вермахта[58]. Не чурались они и пересудов, циркулировавших в Германии по поводу полёта в Великобританию А. Гесса[59], или «упорных слухов» о возможности «массовой эвакуации» гражданского населения из Хельсинки[60], поскольку «точных данных» по этим сюжетам не имелось.

В шифртелеграммах неоднократно упоминались добытые агентурным путём документы, прежде всего материалы британской разведки, с которыми удалось ознакомиться «Листу». Он доводил их содержание до сведения «Вадима», что следует, например, из сообщений 5 и 17 мая[61], 14 и 15 июня[62]. 8 мая он сообщил, что ему удалось перехватить телеграмму британского посла в Финляндии, направленную в британский МИД[63]. В свою очередь, «Тони» знакомил лондонского резидента НКГБ с материалами английской, польской и швейцарской разведок[64]. В частности, он довёл до его сведения содержание телеграммы японского генерального консула в Австрии, полученной в МИД Японии. В ней сообщалось, что руководители Германии намерены спровоцировать военный конфликт с СССР, в связи с чем «откладывают вторжение в Англию»[65]. «Тит» ознакомился с телеграммой, направленной 19 июня в Рим послом Италии в Германии, в которой со ссылкой на немецкое военное командование указывалось, что нападение на СССР произойдет «между 20 и 25 июня». Он сообщил об этом в шифртелеграмме № 4382 (получена 20 июня в 6:55, расшифрована в 11:00)[66]. Наконец, резиденты неоднократно сообщали в Москву о результатах отслеживания передвижений личного состава и военной техники вермахта к границе СССР, которые имели место в Генерал-

---

[52] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 393, 395.
[53] Там же. С. 417.
[54] Там же. С. 483.
[55] Там же. С. 486.
[56] Там же. С. 503.
[57] Там же. С. 507.
[58] Там же. С. 413–414, 423.
[59] Там же. С. 422.
[60] Там же. С. 504.
[61] Там же. С. 410, 425.
[62] Там же. С. 495–496.
[63] Там же. С. 411.
[64] Там же. С. 420.
[65] Там же. С. 445.
[66] Там же. С. 516.

губернаторстве (оккупированной немцами части Польши)[67], Румынии[68] и Финляндии в мае и первой половине июня[69].

Публикации документов позволяют выявить механизм принятия руководством 1-го управления решений о дальнейшем движении шифртелеграмм. В сборнике, подготовленном Соцковым, впервые в полном объёме воспроизведены (типографским способом) пометы на подобного рода документах, которые оставляли Фитин и его заместитель П.А. Судоплатов[70]. Увидеть оригиналы помет можно на оцифровках из коллекции, размещённой на сайте Президентской библиотеки, а также в сборниках СВР. Исходя из их содержания можно сделать вывод, что решение о дальнейшем использовании развединформации принимал Фитин. Одна часть шифртелеграмм служила основой для подготовки справочных материалов внутреннего пользования[71]. Таков, например, «Календарь сообщений “Корсиканца” и “Старшины”», составленный 20 июня[72]. В ходе работы сотрудники управления иногда «разбивали» текст на отдельные справки (например, в случае с опубликованными материалами «Зенхена» и «Старшины» о полёте Гесса, которые, вопреки расхожему мнению[73], Сталину не отсылались[74]). Другая часть оперативно пересылалась для сведения в «соседние» профильные ведомства, прежде всего Разведывательное управление Генерального штаба (5-е управление) Красной армии. Об этом вспоминал сам Фитин[75].

Его свидетельство можно не только подтвердить документально, но и дополнить данными о подготовке к нападению на СССР союзников Гитлера. Так, 11 июня от «Джона» из Стокгольма пришла шифртелеграмма № 4124. Среди прочего, в ней утверждалось, что «немцы перебросили из Балканских стран к советской границе 10 дивизий и авиачасти», ранее участвовавшие в боевых операциях против англичан. «Всего у советской границы сосредоточено 74 германских дивизии», – сообщал резидент. Слева на полях напротив этой части текста Фитин написал синим карандашом: «Сообщить в РУ. 11/VI», т.е. в Разведуправление Генштаба. 12 июня, после отправки информации по адресу, телеграмму приобщили к делопроизводству 1-го управления[76]. В тот же день из Бухареста поступила шифртелеграмма «Фомы» за № 4140 о том, что германские войска и военная техника «двигаются сплошным потоком» по направлению к советской границе[77]. Фитин и на этот раз отдал письменное распоряжение переслать сообщение в оборонное ведомство. В левом верхнем углу (на первом

---

[67] Там же. С. 391, 396.

[68] Там же. С. 479, 484, 488, 490.

[69] Там же. С. 505.

[70] В сборнике «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» пометы не воспроизводились. В публикации «1941 год» об их наличии лишь упомянуто (1941 год. Кн. 2. № 430. С. 150; № 433. С. 152; № 435. С. 155; № 543. С. 350).

[71] 1941 год. Кн. 2. № 447. С. 177; № 453. С. 180–181; № 455. С. 184–186; № 467. С. 200–201; № 485. С. 248–249; № 539. С. 342–343; № 581. С. 391; Агрессия. Рассекреченные документы... С. 379–393, 420–421, 439–450.

[72] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 534–538.

[73] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 65.

[74] Подробнее см.: *Невежин В.А.* Советские источники мая–июня 1941 г. о полёте Р. Гесса в Англию // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг. Документы, факты, версии. М., 2022. С. 153–159.

[75] Воспоминания начальника внешней разведки... С. 21.

[76] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 489.

[77] Там же. С. 490.

листе упомянутого документа) сохранилась его карандашная помета: «т. Калошину[78]. Сообщить в НКО. 12/VI»[79]. Наконец, на бланках ряда шифртелеграмм (№ 3892, 3893, 3891 от 5 мая[80]; № 4241 от 16 июня[81]) сохранились карандашные пометы Фитина, предписывавшие Судоплатову и сотрудникам 1-го управления сообщать в ЦК (Сталину), НКИД (Молотову) и «т. Берия» «наиболее важную информацию», полученную от резидентов.

Часть шифртелеграмм по распоряжению Фитина откладывались в оперативной папке, именовавшейся «дело "Затея"». Судоплатов вспоминал: «Разведка НКВД сообщала об угрозе войны с ноября 1940 года. К этому времени Журавлёв и Зоя Рыбкина завели литерное дело под оперативным названием "Затея", где собирались наиболее важные сообщения о немецкой военной угрозе... По этим материалам нам было легче отслеживать развитие событий и докладывать советскому руководству об основных тенденциях немецкой политики. Материалы... нередко докладывались Сталину и Молотову, а они пользовались нашей информацией как для сотрудничества с Гитлером, так и для противодействия ему»[82].

Утверждение об использовании лидерами СССР данных разведки одновременно и «для сотрудничества с Гитлером», и «для противодействия» ему не подтверждается фактическим материалом. Что касается свидетельства об отсылке документов «Затеи» советскому руководству, то оно верно. Письма с упоминанием этого «дела» за подписью Меркулова получали Сталин, Молотов, Берия и Тимошенко (№ 1416/М, № 1452/М)[83], либо Сталин, Молотов и Берия (№ 2215/М и 2279/М). Об этом свидетельствуют пометы Фитина на текстах шифртелеграмм, которые легли в основу этих документов.

Вряд ли имеет смысл пересказывать содержание всех перечисленных выше шифртелеграмм. Достаточно сказать, что они содержат убедительную информацию о подготовке Германии к нападению на СССР. Однако считаю важным обобщить представления о порядке доведения сведений внешней разведки до «верхов», поскольку в историографии данный вопрос совершенно не разработан. Как следует из опубликованных материалов, право такого рода докладов принадлежало Меркулову или Кобулову. Тексты шифртелеграмм, а в некоторых случаях – сообщений резидентов направлялись (порой после предварительного редактирования) Сталину, Молотову и Берии[84]. Разведдонесения состояли из двух частей. Первая – сопроводительная записка НКГБ. В ней указывались адресаты и вид пересылаемого документа (полученная агентурным путём дипломатическая телеграмма; обзор материалов иностранной разведки; и т.д.). Под запиской заделывались подписи Меркулова или Кобулова[85], но сами их

---

[78] Сотрудник 1-го управления НКГБ СССР.

[79] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 490.

[80] Там же. С. 418.

[81] Там же. С. 495.

[82] Цит. по: *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Воспоминания опасного свидетеля. М., 2025. С. 129.

[83] Вторая мировая война в архивных документах...; Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 368, 406.

[84] В сообщениях № 1420/М (1 мая), № 1452/М (5 мая), № 2233/М наряду с ними как адресат рассылки упомянут Тимошенко (Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 406).

[85] Во время служебной командировки наркома в Западную Белоруссию Кобулов завизировал сопроводительные записки к сообщениям за № 1983/М, № 2122/М, № 2171/М, № 2200/М, № 2207/М, № 2215/М, № 2233/М (Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1).

автографы отсутствовали. Вторая часть – копия текста сообщения. Под этим документом печатались фамилии Фитина или Судоплатова, но и здесь подписей заверителей нет.

Собственно разведданные составители сборников «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» и «1941 год» и документальной коллекции «Вторая мировая война в архивных документах...» именуют «Записками». При этом в одних случаях названы фамилии адресатов, а в других приведены лишь аббревиатуры (ЦК ВКП(б), СНК СССР[86], НКВД СССР). Далее в заголовке упоминался основополагающий документ, пересылавшийся «наверх» (агентурное сообщение; выдержка из материалов английской разведки; содержание телеграмм британского МИД и др.). В сборнике «Секреты Гитлера на столе у Сталина...» они названы «заверенными копиями», что, на мой взгляд, ошибочно. Составители издания «1941 год» обозначили их как «незаверенные копии», а самый точный заголовок – «копия письма» – подобрали составители сборников СВР. В заголовке указаны содержание информации (военные мероприятия Германии; переброска немецких войск к границе с СССР и др.), а также основание для её направления (сообщение из «закордонной» резидентуры и др.).

В исследовательской литературе отсутствуют данные об общем количестве письменных сообщений НКГБ; не указываются и их исходящие номера[87]. Согласно проведённым мной подсчётам, к настоящему времени опубликовано 25 копий таких документов (табл. 2).

Таблица 2

Опубликованные письменные сообщения 1-го управления НКГБ СССР (1 мая – 17 июня 1941 г.)*

	№ и основание сообщения НКГБ СССР	Исполнители (сотрудники 1-го управления НКГБ СССР)	Время отправления адресатам
1	№ 1416/М Шифртелеграмма «Захара» № 2904 от 30 апреля	П.М. Журавлёв	1 мая, 2:45
2	№ 1420/М Сообщение «Франкфуртера» № 141 от 28 апреля	З.И. Рыбкина	1 мая, 2:45
3	№ 1450/М Телеграмма из Берлина № 147 от 1 мая	П.М. Журавлёв	5 мая, 4:00
4	№ 1451/М Шифртелеграмма из Лондона № 2950, 2965 от 30 апреля	Б.М. Крешин	5 мая, 4:00
5	№ 1452/М Телеграмма из Берлина № 148 от 1 мая	З.И. Рыбкина	5 мая
6	№ 1515 Шифртелеграмма из Лондона № 3032 от 4 мая	Б.М. Крешин	8 мая, 19:00

[86] После 6 мая, когда Сталин сменил Молотова на посту председателя СНК СССР, оставив его на посту наркома иностранных дел, в сообщениях Меркулова (Кобулова) употреблялась аббревиатура НКИД.

[87] История российской внешней разведки... Т. 3; *Колпакиди А.И., Мзареулов В.К.* Советская внешняя разведка...; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина...; *Мзареулов В.К.* Красная капелла...; *Карлей М.Д.* «Большая игра» Сталина...

7	№ 1548/М Шифртелеграмма из Лондона № 3119 от 7 мая	Б.М. Крешин	9 мая, 19:30
8	№ 1549/М Шифртелеграмма из Лондона № 3121 от 7 мая	Б.М. Крешин	9 мая, 19:30
9	№ 1612/М Сообщение из Берлина № 156 от 9 мая	З.И. Рыбкина	14 мая, 4:55
10	№ 1746/М Шифртелеграмма из Лондона № 3226 от 9 мая	Б.М. Крешин	19 мая, 19:00
11	№ 1610/М Шифртелеграмма из Праги № 3205, 3210, 3211 от 10 мая	П.М. Журавлёв	14 мая, 4:50
12	№ 1749/М Шифртелеграмма из Лондона № 3430 от 16 мая	Б.М. Крешин	19 мая, 19:00
13	№ 1797/М Сообщение «Старшины» № 174 от 19 мая	З.И. Рыбкина	22 мая, 10:35
14	№ 1856/М Сообщение из Берлина	Неизвестно	25 мая
15	№ 1898/М Шифртелеграмма из Рима № 3150 от 25 мая	Б.Б. Кейлин	26 мая, 19:00
16	№ 1983/М Шифртелеграмма из Лондона № 3705 от 27 мая	Б.М. Крешин	30 мая, 10:20
17	№ 2112/М Шифртелеграмма из Берлина № 3858 от 2 июня	З.И. Рыбкина	5 июня, 17:25
18	№ 2110/М Сообщение из Хельсинки № 112 от 4 июня	Б.А. Рыбкин	5 июня, 17:25
19	№ 2122/ М Шифртелеграмма из Софии № 3891, 3892, 3893 от 5 июня	Ф.Д. Ярошенко	6 июня, 4:00
20	№ 2171/М Шифртелеграмма из Берлина № 4044, 4043 от 9 июня	П.М. Журавлёв	9 июня, 18:45
21	№ 2200/М Сообщение из Хельсинки № 118 от 10 июня	Б.А. Рыбкин	11 июня, 15:00
22	№ 2207/М Сообщение из Хельсинки № 120 от 10 июня	Б.А. Рыбкин	11 июня, 16:15
23	№ 2215/М Шифртелеграмма из Берлина № 4115 от 11 июня	П.М. Журавлёв	12 июня
24	№ 2233/М Шифртелеграмма из Хельсинки № 4186 от 13 июня	Ф.А. Гаранин	13 июня, 17:45
25	№ 2279/М Шифртелеграмма из Берлина № 4261, 4262	З.И. Рыбкина	16 июня, 12:00

Составлено по: Секреты Гитлера на столе у Сталина... № 51. С. 124–127; Вторая мировая война в архивных документах...; Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 368–370, 387–390, 403–409, 470–472.

* Сведений о публикации такого рода документов за 18–21 июня 1941 г. не выявлено.

Благодаря анализу рассекреченных материалов СВР можно составить более ясное представление о формуляре копий писем. В качестве примера приведу документ № 1451/М (5 мая). В его левом верхнем углу находятся исходящий порядковый номер (в рассматриваемый период он был уже четырёхзначным) с литерной буквой «М»[88] и дата. В правом верхнем углу – слово «Копия». Ниже перечислены адресаты, следует текст сопроводительной записки и фамилия отправителя: «Направляем содержание телеграмм английского посла в СССР Криппса за №№ 412 и 413 от 23 апреля 1941 г., адресованных Министерству Иностранных Дел Англии. Содержание телеграмм получено НКГБ СССР из Лондона агентурным путём. Народный комиссар государственной безопасности В. Меркулов»[89]. Ниже этого текста, слева, указывались экземпляры рассылки. В упомянутом документе они распределены следующим образом: первые три экземпляра – адресатам; четвёртый – в секретариат НКГБ; пятый – в секретариат 1-го управления; шестой – в дело[90]. Ещё ниже, по центру, указывались фамилия и структурное подразделение исполнителя, а также основание для составления документа (сообщение «Захара» № 147 от 1 мая). На сопроводительной записке от руки проставлялись дата и время отправления копии адресатам (5 мая, 4:00). Вторая часть документа состояла из копии текста сообщения и фамилии заверителя (в данном случае – Фитина)[91].

При сравнении количества опубликованных шифртелеграмм и копий писем НКГБ СССР, направленных Сталину за подписью Меркулова или Кобулова, видно, что вождю докладывалась не вся информация, полученная от резидентов. Неизвестно, получил ли он телеграммы из Берлина (№ 3428), Будапешта (№ 4078, № 4123, № 4348, № 4354), Бухареста (№ 4140, № 4161, 4162), Лондона (№ 3461, № 4234), Нью-Йорка (№ 4196), Рима (№ 4034, 4036; № 4382), Стокгольма (№ 4124), Хельсинки (№ 4329) и Шанхая (№ 4018, 4048), поскольку на них отсутствуют пометы Фитина о необходимости подобной рассылки. В то же время основанием для информирования Сталина руководством НКГБ не всегда выступали входящие шифртелеграммы. Источниками становились и непосредственно сообщения резидентов из Берлина (№ 1420/М, 1450/М, № 1452/М, 1612/М, 1797/М, 2031/М) и Хельсинки (№ 2110/М, № 2200/М, № 2207/М).

В своих кратких воспоминаниях, написанных спустя три десятилетия после описываемых событий по памяти, без документальных материалов под рукой, Фитин допустил неточности. В частности, он утверждал: «Наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза»[92]. Скорее всего, в данном случае имелись в виду сведения, полученные не из Праги, а из Варшавы, и вошедшие в текст шифртелеграммы № 2975 из Берлина (получена в Москве 2 мая)[93]. Их можно обнаружить в копии письма НКГБ № 1452/М, направленного 5 мая Сталину, Молотову, Тимошенко и Берии с сопроводительной запиской

---

[88] Буква «М» – первая буква фамилии Меркулова. В документах, направлявшихся Берией Сталину (в частности, разведсводках), после номера ставилась буква «Б».

[89] Вторая мировая война в архивных документах...

[90] В случаях, когда адресатами рассылки оказывались Сталин, Молотов, Берия и Тимошенко, сопроводительная записка составлялась не в шести, а в семи экземплярах.

[91] Вторая мировая война в архивных документах...

[92] Цит. по: Воспоминания начальника внешней разведки... С. 21.

[93] Документальные материалы (1939–1945)... Т. 1. С. 391.

Меркулова. Из записки следовало, что источник информации – резидент «Иван» (комендант советского имущества в Генерал-губернаторстве П.И. Гудимович)[94].

Другая неточность объясняется, на мой взгляд, сугубо политическими причинами. Фитин утверждал, что «наиболее важная информация» направлялась «в три адреса»: Сталину, Молотову и К.Е. Ворошилову[95]. Однако, как следует из опубликованных материалов, подобного рода рассылку получал не Ворошилов, а Берия. Но в тот период, когда Фитин писал мемуары, упоминать его (равно как и Меркулова с Кобуловым) он не мог. Поэтому место «разоблачённого врага народа» занял «первый красный офицер».

В завершение упомяну важный сюжет, который активно обсуждается в историографии, но дискуссия по которому ещё далека от завершения. Речь идёт о реакции Сталина на сообщения разведки, в особенности на сигналы, полученные непосредственно накануне германского вторжения. Так, Городецкий утверждал, что в начале мая «многие разведывательные донесения подгонялись к мнению Кремля» в связи с желанием Сталина избежать германо-советской войны, и даже «Старшина» придерживался подобной «пагубной точки зрения»[96]. Но возникает закономерный вопрос: откуда иностранный агент, не имевший никаких каналов связи со Сталиным, мог проникнуться мыслями советского вождя?

Далее, высказываются претензии к качеству информации, поступавшей от «Старшины» и «Корсиканца». В частности, к их известной шифртелеграмме из Берлина (№ 4261, 4262 от 16 июня), в которой они на основании собранной информации сделали вывод о готовности Германии к нападению на СССР в ближайшее время. Она стала основой сообщения НКГБ, заверенного Фитиным (сопроводительную записку подписал Меркулов) и в тот же день направленного Сталину, Молотову и Берии (документ № 2279/М). Материал в ней излагался так, что в начало документа оказались вынесены частные вопросы, например, утверждение, что «объектом налётов германской авиации в первую очередь станет электростанция “Свирь-1”». В то же время оказались опущены сведения об использовании немцами аэродромов в Кёнигсберге и Киркенесе для подготовки бомбардировок[97]. Так или иначе, Сталин, получив сообщение, зелёным карандашом начертал на сопроводительной записке резолюцию с оценкой «Старшины» не как «источника», а как «дезинформатора», да ещё с употреблением нецензурного выражения в его адрес[98].

В данной связи необходимо отметить парадоксальный факт: пока известен единственный введённый в научный оборот подлинный документ за рассматриваемый период, свидетельствующий о реакции Сталина на информацию НКГБ. Данное обстоятельство в очередной раз указывает на необходимость не только тщательного анализа содержания делопроизводства НКГБ и его 1-го управления (в более широких хронологических рамках), но и публикации новых источников по теме.

---

[94] Там же. С. 406–409.

[95] Воспоминания начальника внешней разведки... С. 21.

[96] *Городецкий Г.* Роковой самообман... С. 221.

[97] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 83.

[98] Накануне Великой Отечественной... С. 293.

Истребительные батальоны Вологодской области: создание, комплектование, боевая работа (1941–1944)

Тимофей Медведев

Fighter battalions of the Vologda region: creation, recruitment, combat work (1941–1944)

Timofey Medvedev
(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.7868/S3034579026020138

Нападение Германии и её союзников на СССР потребовало массовой мобилизации населения в ряды Вооружённых сил, а также создания новых видов подразделений для обороны и выполнения специальных боевых задач. Среди таковых наиболее известны дивизии народного ополчения, интерес к которым в современной историографии неуклонно растёт[1], а также привлекает широкие круги общественности. Например, в 2021 г. появилась специализированная некоммерческая организация, занимающаяся работой с потомками ополченцев и сбором их личных архивов[2]. В том же году в Москве, а через два года в Санкт-Петербурге были введены дни памяти народного ополчения – 11 октября и 23 сентября.

На этом фоне гораздо слабее изучена история истребительных батальонов, сформированных уже в первые дни войны в прифронтовых областях. Их задачи определялись как борьба с диверсантами и охрана тыла Красной армии, однако в отдельных местностях им пришлось поучаствовать и в боестолкновениях. На эту тему имеются лишь обобщающие монографии советского времени, фундаментальная работа А.Ю. Безугольного и несколько статей по отдельным регионам[3]. Деятельность батальонов чаще всего рассматривается в рамках

© 2026 г. Т.Д. Медведев

[1] См., например: *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016; *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы. Боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; *Будницкий О.В.* «Писательская рота». К истории сталинизма военного времени // Cahiers du Monde Russe. Vol. 62. 2021. № 1. P. 179–206; *Безугольный А.Ю.* «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом // Вестник Российского университета дружбы народов. Т. 22. 2023. № 4. С. 629–644.

[2] Автономная некоммерческая организация «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны» // Официальный портал программы памяти Московского народного ополчения (URL: https://mosopolchenie.ru/ano).

[3] *Банников Ф.Г.* Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Учебное пособие. М., 1968; *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; *Биленко С.В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988; *Шолин В.В.* Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; *Пилишвили Г.Д.* Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (1941–1945 гг.). Курск, 2007; *Пенькова Ю.А.* Истребительные батальоны Заполярья и их вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Вестник архивиста. 2012. № 3.

истории местных органов госбезопасности, что ярко видно на примере Вологодской обл.[4]

Настоящая статья посвящена истребительным батальонам этого региона, основное внимание в ней уделено их институциональной и социальной истории (повседневная и боевая работа, типичные трудности и способы их преодоления). Кроме того, интересна специфика их применения в малонаселённой местности с ограниченными ресурсами. Выбор региона объясняется его прифронтовым положением (к сентябрю 1941 г. линия фронта проходила через Оштинский район), наличием в нём важных транспортных магистралей и крупных промышленных объектов. Исследование опирается на делопроизводственные материалы Центрального штаба истребительных батальонов и документы низового уровня (донесения, обзоры, статистика)[5], докладные записки областного управления НКВД (частично опубликованные) и материалы партийных органов[6].

Уже на третий день войны, 24 июня 1941 г., вышло постановление СНК СССР № 1738–746 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Согласно ему, на территории всех западных республик страны, а также Крымской АССР, Краснодарского края, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Ростовской областей и западных районов Грузинской ССР создавались истребительные батальоны, предназначенные в первую очередь для «своевременной ликвидации диверсантов, забрасываемых противником на парашютах или иным способом». Подчинялись эти подразделения Наркомату внутренних дел СССР. Каждый батальон должен был состоять из 100–200 партийных и комсомольских активистов, имевших навыки владения оружием. Они вооружались двумя ручными пулемётами, винтовками и гранатами, а их командирам выдавалось личное оружие[7].

Задачи и методы комплектования новых боевых единиц конкретизировал приказ НКВД № 00804[8]. В соответствии с ним создавались структуры управления истребительных батальонов – Центральный штаб под руководством генерал-майора Г.А. Петрова и оперативные группы при НКВД республик и управлениях НКВД областей. Позднее система управления батальонами видоизменялась (оперативные группы заменили региональными штабами[9]).

В июле–сентябре батальоны создали в Ивановской и Вологодской областях, Армянской ССР, в октябре – в Рязанской и Горьковской, в декабре –

С. 187–195; *Безугольный А.Ю.* Добровольцы и ополченцы в военной организации Советского государства. 1917–1945 гг. М., 2025.

[4] Всё для фронта, всё для Победы! Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Великой Победы. Череповец, 2021; *Кузьминых А.Л.* Органы внутренних дел Вологодской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Вологда, 2024.

[5] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 45, 47, 70, 277, 278, 420, 565.

[6] Вологодская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Вологда, 1971; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. М., 2008; Органы государственной безопасности... Т. 4. Кн. 2. М., 2008; Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. П-2522, оп. 3, д. 74.

[7] НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). М., 2008. С. 55–56.

[8] Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 1. С. 77–79.

[9] О трансформации системы управления истребительными батальонами см.: *Медведев Т.Д.* Истребительные батальоны НКВД в период Великой Отечественной войны: организационная структура и управленческая вертикаль // ЭНОЖ «История». Т. 16. 2025. С. 33–38.

в Сталинградской областях. В январе 1942 г. они появились в Дагестанской АССР и должны были появиться в Чечено-Ингушской (на деле, несмотря на содержавшиеся в приказе НКВД № 00804 указания, их не удалось собрать даже год спустя). По мере развития наступления немецких войск на юге СССР сеть батальонов продолжала расширяться, охватывая Кавказ, новые области РСФСР и даже Западно-Казахстанскую обл. Казахской ССР[10]. Чаще всего их формировали по мере приближения линии фронта к границам региона.

В начале сентября 1941 г. финские войска вышли к реке Свирь и захватили обширный плацдарм на её правом берегу, после чего начали наступление на село Ошта. Именно в связи с неблагоприятно складывавшейся обстановкой партийные органы и управление НКВД Вологодской обл. приняли решение о наборе в истребительные батальоны. Командовать ими предстояло оперативной группе УНКВД во главе с лейтенантом Винокуровым. Координировал их деятельность начальник УНКВД майор госбезопасности Л.Ф. Галкин. В дальнейшем Винокурова сменил майор В.Е. Ломакин, а опергруппу преобразовали в Штаб истребительных батальонов, состоявший из двух отделений: службы и подготовки, а также политического[11]. Сотрудники первого занимались организацией обучения и службы личного состава, взаимодействием с армейскими и другими структурами. Второе следило за морально-политическим состоянием военнослужащих, вело агитационно-пропагандистскую работу. Периодически батальоны проверяли инструкторы Штаба (обычно два-три человека), они же выезжали в части для помощи командирам, вели систематизацию учётных документов, касавшихся вооружения, снаряжения и имущества этих подразделений[12].

К концу сентября в области создали примерно 20 батальонов общей численностью 1,5 тыс. человек[13]. В Оште ещё 8 июля начала формироваться рота народного ополчения, а в окрестных сёлах – ополченческие взводы[14]. В этой связи важно отметить: ополченцы коренным образом отличались от «истребителей» способами формирования, применения и кругом решаемых задач. Кроме того, они подчинялись Наркомату обороны СССР, а не НКВД, и предназначались в первую очередь для усиления частей Красной армии. Однако в Вологодской обл. наблюдалась специфика, обусловленная местными условиями. Так, после того, как в октябре финские войска подошли к границам региона, бойцов оштинских роты и взводов народного ополчения объединили в истребительный батальон[15]. Согласно сведениям оштинского штаба «истребителей», их подчинили не армейскому командованию, а местному райкому партии[16], – скорее всего, из-за отсутствия в тот момент в этом районе частей РККА. Батальон первоначально состоял из 110 человек, большинство которых составили военнообязанные, освобождённые от призыва. 7 октября подразделение вступило в бой с отрядами финских разведчиков. Ему удалось выполнить боевую задачу – удержать рубеж в районе Оштыдо прибытия 272-й стрелковой дивизии, входившей в состав 7-й армии[17].

---

[10] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 70, л. 25, 98.
[11] Там же, д. 47, л. 2, 17.
[12] Там же, д. 277, л. 118.
[13] Там же, д. 47, л. 15.
[14] ГА ВО, ф. П-2522, оп. 3, д. 74, л. 26.
[15] Там же.
[16] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 70, л. 72.
[17] Там же, д. 47, л. 5.

После этого, согласно информации одного из областных партийных работников, батальон вывели с передовой, его бойцы посменно строили линии укреплений на подходах к посёлку. Основными же задачами подразделения стали обеспечение флангов 272-й, а затем сменившей её 368-й дивизий, разведка в ближнем тылу финских войск, борьба с диверсионными группами противника. Из-за того что по территории Оштинского района проходила линия фронта, обком проверял службу местных «истребителей» достаточно часто. В отчётах, в частности, отмечались сложности со снабжением и выплатой зарплат бойцам, которые формально по-прежнему подчинялись партийным структурам, но фактически находились в составе РККА[18]. На этом основании можно заключить, что единого механизма перевода истребительных батальонов в состав армии не существовало, а соответствующие решения принимались на местах в зависимости от обстановки.

Ситуативно истребительные батальоны могли действовать совместно с ополченцами, а в ряде случаев становились основой для ополченческих дивизий. Такая ситуация имела место, к примеру, в Москве в октябре 1941 г., когда большинство столичных «истребителей» вошли в состав 4-й и 5-й стрелковых дивизий, считающихся в современной историографии ополченческими[19]. В случае с истребительным батальоном Ошты ситуация скорее обратная – оперативное командование им осуществлялось РККА, тогда как за обеспечение отвечало областное управление НКВД[20].

К концу октября 1941 г. в Вологодской обл. действовало 25 истребительных батальонов общей численностью 2950 человек[21]. В 1941–1944 гг. в состав области входили 43 района, следовательно, истребительные части имелись более чем в половине из них. Таким образом, руководство местного УНКВД частично не выполнило постановление СНК 24 июня 1941 г. и приказ ведомства № 00804. Это объяснялось прежде всего недостатком человеческих ресурсов. По оценкам командиров батальонов, на их укомплектование к концу года ушли практически все командные кадры органов госбезопасности региона. Отмечалось, что на должностях офицеров среднего звена в ряде подразделений находились гражданские лица (начальники почт, председатели колхозов и машинно-тракторных станций). Быстро заменить их кадровыми военнослужащими не представлялось возможным, впрочем, отмечалось, что в условиях тылового региона такая ситуация допустима. Судя по имеющимся данным, офицеры и сержанты органов внутренних дел полностью заместили гражданских на указанных должностях только к концу 1942 г.[22]

Потери истребительных частей области в сравнении с другими регионами Советского Союза характеризуются следующими цифрами. В 1941 г. общее количество убитых военнослужащих-«истребителей», согласно отчётным документам Центрального штаба, составило 89 человек. Однако на деле их погибло гораздо больше, потому что подсчётами явно не охватывались бойцы и командиры, принявшие участие в боях с противником в составе частей РККА[23].

---

[18] ГА ВО, ф. П-2522, оп. 3, д. 74, л. 36–37.

[19] *Дроздов К.С.* Осеннее ополчение на защите Москвы: от рабочих и истребительных батальонов к регулярным частям Красной армии // Российская история. 2024. № 5. С. 142–162.

[20] ГА ВО, ф. П-2522, оп. 3, д. 74, л. 27.

[21] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 47, л. 54.

[22] Там же, л. 11–12.

[23] Там же, д. 70, л. 22.

Случаи полноценного задействования батальонов в боях отмечались на начальном этапе войны, когда в результате глубоких прорывов врага на его пути оказывались истребительные части. К примеру, в сентябре 1941 г. серьёзные потери в ходе боёв за свои города понесли батальоны Пушкина и Сестрорецка[24].

Согласно отчёту Центрального штаба на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, в 1942 и 1943 гг. число погибших «истребителей» составило 73 и 102 человека соответственно. В 1944 г. отмечен резкий рост количества жертв – в ходе боестолкновений и в результате несчастных случаев погибли 1769 военнослужащих[25]. Очевидно, это связано с началом активного формирования и использования истребительных частей на освобождённых территориях Украины и прибалтийских республик, где они регулярно вступали в столкновения с местными боевиками-националистами[26]. Также сыграло роль общее увеличение численности истребительных батальонов в течение года[27].

Вологодские батальоны (за исключением Оштинского) не участвовали в значительных боях с противником, столкновения же с группами бандитов, дезертиров, а также немецкими и финскими диверсантами носили эпизодический характер. В этой связи их потери оказались относительно невысокими: за 1942–1944 гг. они потеряли убитыми 20 человек. Пик потерь (10 человек) пришёлся на 1942 г. Судя по всему, это объяснялось боестолкновениями с бандитами, а также «бандами дезертиров». В 1943 г. «истребители» региона потеряли четверых человек, в 1944 г. – шестерых[28]. Последние, по данным отчётов командиров батальонов, погибли в ходе разминирования освобождённых территорий Оштинского района. Для выполнения этих задач из состава истребительных подразделений области отбирались бойцы, имевшие хотя бы минимальную сапёрную подготовку. Они должны были не только самостоятельно осуществлять снятие финских минных полей и «секретов», но и обучать местных жителей, большинство из которых, в связи с призывом мужчин в ряды армии, составляли женщины. По свидетельствам командира сводной группы бойцов, «истребителям» пришлось работать, не имея схем минных заграждений противника, что и приводило к потерям[29].

Если сравнить эти данные с аналогичными сведениями по другим регионам РСФСР, то, к примеру, сформированные во второй половине 1942 г. в Саратовской обл. истребительные батальоны потеряли в течение первого года своей службы пять человек. В Ростовской обл. за тот же год погибли (в том числе в боях) 33 человека, в Архангельской – четверо, в Ленинградской – 14 (без учёта Ленинграда, на тот момент частично блокированного). В 1944 г. потери сократились во всех областях за исключением Ростовской, где они составили 40 человек[30]. Из этого можно заключить, что уровень потерь вологодских «истребителей» не вышел за рамки среднего по РСФСР.

Особняком в статистике стоит Оштинский истребительный батальон, выполнявший боевые задачи и использовавшийся в составе линейных пехотных

---

[24] *Цыпин В.М.* Судьбы пушкинских истребителей // Царскосельский краеведческий сборник. Вып. 2. СПб., 2013. С. 47–65.

[25] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 70, л. 22.

[26] О способах применения истребительных батальонов в западных республиках СССР см.: *Statiev A.* The Soviet counterinsurgency in the Western borderlands. Cambridge, 2010. P. 209–230.

[27] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 277, л. 72.

[28] Там же, д. 47, л. 12.

[29] Там же, л. 14–15.

[30] Там же, д. 277, л. 74–75.

частей. Вследствие этого до 1944 г. он в общей статистике «истребителей» не учитывался. Его личный состав за время пребывания на фронте, по данным областного штаба, обновился дважды, однако цифр потерь в изученных мною документах на данный момент не выявлено[31]. Вместе с тем уточню, что термин «обновление» по отношению к личному составу в документах органов госбезопасности означал не только замену убитых и раненых бойцов, но и выбытие из состава подразделений по небоевым причинам. В Оштинский батальон мобилизовывались гражданские лица из других районов области или переводились бойцы из других областных батальонов. Порядок этих цифр исчислялся десятками военнослужащих, т.е. процессы перемещения личного состава носили локальный характер. После того как батальон вывели с передовой, его бойцы и командиры продолжили службу в тылу обороняющихся частей армии[32].

«Истребители» совмещали службу с работой, т.е. прибывали в расположение своих частей по тревоге, для участия в крупных операциях или боевой учёбы. В расположении батальонов (чаще всего их размещали в помещении клуба, школы или другом относительно капитальном строении) оставались только сменные дежурные группы в количестве 10–12 человек[33]. Служба на постах у охраняемых объектов также осуществлялась посменно. Только в начале 1943 г. отдельные подразделения в районах, прилегавших к Северной железной дороге, перевели на «полуказарменное положение». Его суть заключалась в том, что на постах и в расположении несли ночную службу небольшие группы бойцов, в то время как остальной личный состав в случае необходимости вызывался посредством посыльных на сбор в заранее обозначенном месте[34].

Такой порядок обусловили участившиеся попытки противника подорвать стратегически важную транспортную магистраль. Однако время от времени он давал сбои. В ряде случаев бойцам и командирам требовалось на сборы больше двух часов из-за отсутствия у посыльных транспорта и сложности с оповещением военнослужащих, совмещавших службу с работой. Так, после обнаружения в июне 1943 г. в Вытегорском районе финской разведывательно-диверсионной группы местный истребительный батальон «не мог оперативно принять участие в поиске диверсантов, так как личный состав не прибывал в расположение». Операция по уничтожению этой группы провалилась, в том числе по причине ограниченных возможностей истребительных батальонов. В докладе начальника областного управления НКВД полковника Т.Е. Свиридова отмечалось, что большинство их бойцов не имели специальной одежды и обуви для действий в условиях лесистой и болотистой местности[35]. Медленное развёртывание «истребителей» стало одной из причин того, что диверсантам удалось покинуть территорию области с помощью гидросамолёта.

Ещё одной важной задачей изучаемых подразделений выступала подготовка обученного пополнения для дальнейшей передачи в состав РККА, войск НКВД и партизанских отрядов. Также из-за необходимости формировать батальоны в каждом районе прифронтовых областей местные штабы истребительных батальонов через областные управления НКВД маневрировали ресурсами, перебрасывая в соседние регионы уже организованные и обученные

---

[31] Там же, д. 45.
[32] Там же, д. 277, л. 18.
[33] Там же, д. 47, л. 5.
[34] Там же, д. 45, л. 10.
[35] Там же, л. 10, 12.

части. Так, с июля 1941 по январь 1943 г. вологодские «истребители» передали в армию 1144 человека, а в истребительные батальоны освобождённых районов соседних регионов – 51. Кроме того, на трудовые работы направили 526, а ещё 32 отсеялись как не внушавшие политического доверия и по состоянию здоровья. Всего за полтора года войны батальоны поредели на 1769 человек. Однако, поскольку за этот же период в подразделения прибыли 1972 бойца, уменьшения их численного состава не произошло[36].

Летом 1942 г. два истребительных взвода из Вологды вместе с вооружением отправили в восточные районы Ленинградской обл.[37] Там соответствующих соединений практически не было по причине отсутствия подходящих кадров в связи с эвакуацией населения[38]. Вместе с тем собственных ресурсов у вологодского штаба не хватало. Судя по имеющимся документам, командиры подразделений на местах ограничивались наборами в районных центрах, а в сельской местности работа практически не проводилась. К примеру, за последние три месяца 1942 г. из батальона Харовского района «убыл» 21 из 75 человек. При этом замещения выбывших не велось, а потерь он не понёс. Похожая ситуация имела место в Бабаевском, Кирилловском, Шольском и некоторых других районах[39]. Таким образом, одна из важнейших функций истребительных частей – создание системы оповещения и контроля в небольших населённых пунктах – частично не выполнялась, а её развёртывание затруднялось недостатком ресурсов. По тем же причинам практически отсутствовал отбор бойцов исходя из их физической подготовки и политической благонадёжности[40]. Повторялась типичная для всех регионов СССР ситуация – после неконтролируемого набора первых месяцев войны заметная часть личного состава отсеивалась, а образовавшиеся вакансии заполнялись медленно.

Несмотря на все сложности, количество «истребителей» в Вологодской обл. росло, достигнув к 1 июля 1942 г. 2250 человек. Однако на казарменном положении находились порядка 500–600 из них, что серьёзно затрудняло боевую подготовку и деятельность[41].

Боевая подготовка состояла из стандартных пяти- и шестимесячных программ. Первую разработал Центральный штаб истребительных батальонов, вторую – областной[42]. При этом важно отметить, что программа от Центрального штаба поступила в областной в декабре 1942 г., а внедрить её получилось только в 1943 г. Ранее, по данным начальника Вологодского УНКВД полковника госбезопасности А.П. Свиридова, для занятий с бойцами и командирами применялась программа подготовки, разработанная сотрудниками управления на основе наставлений Осоавиахима. Основное внимание уделялось изучению общевойсковых уставов, затем проводились стандартные занятия по огневой и тактической подготовке. Специализированное обучение выполнению задач, поставленных перед батальонами, происходило только по инициативе офицеров областного штаба[43].

---

[36] Там же, д. 47, л. 14.

[37] Там же, д. 45, л. 15.

[38] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. 8671, оп. 1, д. 139, л. 7–9.

[39] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 47, л. 20–21.

[40] Там же, д. 45, л. 50.

[41] Там же, д. 47, л. 32.

[42] Там же, л. 35.

[43] Там же, л. 11.

Проблемы отсутствия материальной базы и программ обучения бойцов и командиров носили комплексный характер. «Истребители» – части по своей сути иррегулярные, а по изначальному замыслу вспомогательные – изначально не имели чёткой структуры подчинения и, как следствие, в течение первых полутора лет войны были вынуждены использовать общегражданские наставления и местные инициативы[44]. Следует добавить, что постановление СНК СССР 24 июня 1941 г. формирования истребительных батальонов на территории Вологодчины не предусматривало[45]. Ввиду этого руководству областного штаба пришлось заниматься их подготовкой самостоятельно. Так было во многих регионах СССР. Лишь к 1943 г. удалось наладить систему обучения, которая заключалась как в начальной военной подготовке (большинство призванных не имело опыта военной службы), так и в специальных тактических занятиях. К примеру, бойцов и командиров учили организовывать засады, «секреты», прочёсывать местность, вести поиск малых диверсионных групп противника[46].

Вовлечение военнослужащих в обучение оказалось задачей нетривиальной. По данным отчёта об оперативно-служебной деятельности батальонов Вологодской обл. за 1943 г., «охватить учёбой» удалось чуть больше половины общего личного состава. Даже при этом многие из них либо не посещали занятий совсем, либо делали это с большими перерывами. Последнее объяснялось главным образом проведением уборочных и посевных работ в сельской местности, а также выездом в командировки. Сведения о посещаемости занятий, собранные командирами частей, говорят о её стабильности в зимние месяцы и резких (до 20%) падениях весной и осенью. С похожими проблемами сталкивались в батальонах, состоявших из рабочих и служащих речного транспорта. Многие из бойцов в период навигации уходили в плавания, а подразделения частично теряли боеспособность. При этом попытки командиров пополнить их на время отсутствия моряков приводили к конфликтам с райкомами партии, которые не хотели отпускать рабочих и служащих с городских предприятий. Подобные факты имели место в Вологодском, Вытегорском и некоторых других батальонах[47].

В изученных документах с лучшей стороны оценивались части, состоявшие из работников одного предприятия. Освоение учебной программы в таких случаях контролировало не только командование батальона, но и гражданское руководство, а взаимодействие между ними происходило напрямую. Кроме того, отмечались лучшая управляемость таких подразделений, более высокие цифры посещаемости занятий, бóльшая вовлечённость военнослужащих в учёбу. Однако части, сформированные на базе одного предприятия, среди областных батальонов составляли меньшинство. В основном встречаются данные о невысокой посещаемости занятий, а также перманентной нехватке учебных материалов, оборудованных классов, тиров для освоения теории и практики стрельбы[48]. Иррегулярностью изучаемых подразделений объяснялись также текучесть личного состава и перегруженность их руководящего состава, не освобождённого от работы в управлении НКВД. В первую очередь это происходило из-за отсутствия соответствующих штатных должностей[49].

---

[44] Там же, д. 277, л. 103.
[45] НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 55–56.
[46] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 47, л. 12.
[47] Там же, л. 12–14.
[48] Там же, л. 14–15.
[49] Там же, л. 29.

Кроме того, серьёзной – и особенно острой именно для Вологодской обл. – проблемой оказалось снабжение бойцов и командиров, выезжавших на прочёсывание местности или для поимки диверсантов/бандитов. Долгое время им не полагался постоянный паёк, вследствие чего продукты приходилось искать на местах, приобретая их у местных жителей, а в случае проведения операций на малонаселённых территориях – заниматься собирательством[50]. Эту проблему удалось решить только в апреле 1942 г., когда постановлением Государственного комитета обороны все военнослужащие истребительных батальонов, достигшие призывного возраста, получили денежное довольствие согласно нормам младших командиров и бойцов Красной армии. Бойцы и командиры, освобождённые от призыва, стали получать зарплату, равную окладу сотрудников милиции[51].

В 1942–1944 гг. важной, временами основной задачей вологодских «истребителей» являлась охрана района Северной железной дороги, а также промышленных предприятий и транспортных коммуникаций. Для её выполнения подразделения располагались мелкими группами (10–30 человек) в населённых пунктах, находящихся вдоль линий железной и крупных автомобильных дорог. Такое «полуказарменное положение» характерно именно для Вологодской обл. и являет собой пример адаптации системы истребительных батальонов к стоявшим перед ними задачам и местности, на которой они решались. При этом следует подчеркнуть: угроза диверсионных операций немцев в этом районе не была надуманной. Абвер достаточно часто забрасывал на территорию Вологодчины диверсионные группы для выведения из строя на длительный срок железнодорожной магистрали, игравшей ключевую роль в доставке угля из Воркутинского бассейна, а также грузов, поступавших по ленд-лизу в порт Архангельска[52]. Так, летом 1943 г., в преддверии наступления вермахта, немецкое командование сконцентрировало внимание диверсантов на железных дорогах в тылу Красной армии, в связи с чем активизировались операции по их поимке, в том числе с участием отдельных истребительных батальонов. В сентябре–ноябре на территории области удалось задержать шесть таких групп[53].

В большинстве случаев задержания происходили без применения оружия – диверсанты из числа советских военнопленных сами выходили на контакт. Следует также отметить, что в отчётах органов НКВД часто преувеличивался объём работы по поиску и обезвреживанию парашютистов. Однако имели место и достаточно масштабные поисковые операции. К примеру, 17 мая 1943 г. сводная группа бойцов-истребителей задержала в Кубено-Озёрском районе двух из трёх диверсантов, десантированных с немецкого самолёта с задачей подрыва Северной железной дороги. После неудачной высадки (парашюты со взрывчаткой и частью оружия приземлились в отдалении и их быстро обнаружили) диверсанты скрылись в лесу, затем двое из них вышли на контакт с местными жителями. Те оперативно сообщили о неизвестных в органы милиции, и на задержание выехали бойцы истребительного батальона. Неделя поисков командира группы результатов не дала – при прочёсывании лесных массивов удалось обнаружить

---

[50] Там же.

[51] РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 28, л. 78–80.

[52] Подробнее о деятельности Вологодского управления НКВД и борьбе его сотрудников с диверсантами см.: *Кузьминых А.Л.* Органы внутренних дел Вологодской области...

[53] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 47, л. 27.

только выброшенные документы[54]. В итоге местное управление НКВД отчиталось о том, что диверсант покинул территорию региона.

2–4 сентября того же года прошли поиск и задержание диверсантов, высаженных в Кубено-Озёрском и Чёбсарском районах. Всего удалось захватить пять человек – бывших красноармейцев, завербованных в лагере и заброшенных на советскую территорию для совершения диверсий. Важнейшую роль в их поимке сыграли члены групп содействия, оперативно сообщившие в районное отделение НКВД о пролёте немецкого самолёта и найденных жителями одной из деревень парашютах[55]. Ещё одна группа диверсантов добровольно сдалась сотрудникам милиции на территории Чёбсарского района 17 сентября[56]. Пик активности противника пришёлся на 1943 г., хотя до середины 1944 г. имели место ещё несколько случаев задержания групп немецких и финских парашютистов.

К концу 1943 г. истребительные подразделения области насчитывали от 50 до 100 человек. При этом в пяти батальонах отмечался некомплект личного состава. По сообщениям командиров, к лету 1944 г., после освобождения территорий Вологодской и Ленинградской областей от оккупации, основной задачей подразделений стала помощь гражданскому населению в уборке урожая и разминировании, а также формирование групп бойцов для отправки в освобождённые районы[57].

В ходе исследования выявлены особенности функционирования истребительных батальонов Вологодской обл. в 1941–1944 гг. Прежде всего, будучи чрезвычайным институтом, созданным для удовлетворения потребностей обороны, они оказались на пересечении ведомственных юрисдикций (НКВД, райкомы, командование РККА), что приводило к ситуативному подчинению и дублированию функций. Исходные директивы июня 1941 г. носили рамочный характер и не учитывали локальной специфики. Острой проблемой оставался кадровый дефицит. Офицерские должности занимали гражданские лица, процесс их замены сотрудниками НКВД шёл медленно. Совмещение службы с работой, текучесть состава и использование батальонов в качестве «донора» для РККА снижали их боеспособность и мешали превращению в устойчивые формирования.

Трудности снабжения отрицательно сказывались на подготовке «истребителей» и их активности. Решение продовольственного вопроса весной 1942 г. не сняло других проблем, а полуказарменное положение оставалось локальным. Обучение долгое время велось исходя из местных инициатив. Единую программу внедрили только в 1943 г., но и при этом цифры охвата обучением остались неудовлетворительными; не хватало учебных помещений и тиров. Как следствие, эффективность батальонов долгое время была невысокой. Многие диверсанты задерживались при содействии населения или органами милиции, а поисковые операции часто срывались из-за медлительности и нехватки снаряжения. Перечисленное характерно и для деятельности истребительных батальонов в других регионах страны. То, что на территории Вологодской обл. проходила линия фронта и находились стратегические объекты (предприятия, магистрали), обусловило повышенную частоту применения местных батальонов и бóльшую оперативность в решении проблем их функционирования.

---

[54] Там же, л. 36.

[55] Органы государственной безопасности... Т. 4. Кн. 2. С. 340–342.

[56] Там же. С. 386–388.

[57] ГА РФ, ф. Р-9478, оп. 1, д. 47, л. 55.

Организация выпуска военной продукции эвакуированных заводов на предприятиях Наркомата общего машиностроения (миномётного вооружения) Пензенской области в 1941–1942 гг.

Евгений Воейков

Organization of the production of military products from evacuated factories at the enterprises of the People's Commissariat of General Machine Building (Mortar Armament) of the Penza region in 1941–1942

Evgeny Voeikov
(Penza State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579026020146

В региональной историографии Поволжья Пензенская обл. периода 1941–1945 гг. остаётся в тени более индустриально развитых соседей – Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областей, располагавших крупными авиационными, артиллерийскими и танковым заводами. Между тем в организации выпуска военной продукции Сурского края во второй половине 1941–1942 г. отразились многие общесоюзные тенденции. В год 85-летия начала Великой Отечественной войны уместно остановиться на малоизученных вопросах эвакуации предприятий и развёртывания выпуска военной продукции в области, ставшей крупным центром производства миномётов и боеприпасов.

Следует отметить недостаточную разработку в отечественной историографии экономики военного периода сюжетов, связанных с миномётным вооружением. Приоритет явно отдаётся танковой и авиационной промышленности, в научной литературе можно сравнительно легко найти списки заводов этих отраслей с указанием количественных параметров выпуска по каждому году войны[1]. А вот история Наркомата миномётного вооружения СССР пока ещё не написана. Хотя именно Вторая мировая война положила начало массовому применению этого вида оружия, и оно хорошо зарекомендовало себя как в обороне, так и в наступлении.

Как следствие, непросто выявить перечень предприятий, выпускавших знаменитые реактивные миномёты «Катюша». В современном обобщающем издании «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» указаны только три завода: два московских («Компрессор» и им. Владимира Ильича) и воронежский (им. Коминтерна)[2]. Однако «Катюши» производились также на заводах фрезер-

© 2026 г. Е.В. Воейков

[1] *Свирин Н.М.* Стальной кулак Сталина. История советского танка, 1943–1955. М., 2006; *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009; *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011; *Мельников Н.Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2017.

[2] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013. С. 513, 817.

ных станков (г. Горький), им. Куйбышева (г. Киров), «Уралоэлектроаппарат» (Свердловск), «Челябкомпрессор» (Челябинск) и на Пензенском машиностроительном заводе («Пензмаш»)[3]. При этом в Горьком, Кирове и Москве наряду с распространённой моделью «М-13» выпускалась более редкая и практически неизвестная в наше время модификация «Катюши» – установка «М-8», а в Пензе – только последняя. В отличие от «М-13» (калибр снарядов 132 мм), «М-8» предназначалась для запуска 82-мм снарядов. Ещё сложнее искать информацию о региональной и ведомственной принадлежности предприятий, выпускавших 50-мм, 82-мм, 120-мм и 160-мм миномёты.

Исследователи обычно не уделяют внимание начальному этапу производства военной продукции на предприятиях Наркомата общего машиностроения (НКОМ); 26 ноября 1941 г. преобразован в Наркомат миномётного вооружения (НКМВ). Перечень главков (Главсельмаш, Главтекстильмаш, Главпродмаш и др.) создаёт впечатление, что производилась сугубо мирная продукция. Поэтому в научной литературе обычно констатируется, что переход на военные рельсы произошёл летом–осенью 1941 г.[4] Но, как показал анализ документов РГАЭ, обнаруженных в фонде НКВМ (ф. 8123), военная продукция выпускалась на заводах сельскохозяйственного и текстильного машиностроения задолго до начала эвакуации.

Наконец, в исторической литературе обычно лишь фрагментарно упоминаются предприятия, которые не удалось эвакуировать. Например, в известном сборнике «Эшелоны идут на Восток» в качестве примера ошибок эвакуации одним предложением указывалось: «Так, опоздали эвакуировать машиностроительный завод “Красная звезда” из Кировограда, ряд металлургических заводов Донецкой области»[5]. Почти дословно данная информация повторена в первой книге четырёхтомного издания «Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки»[6]. Помимо неточности (в 1941 г. Донецкая обл. называлась Сталинской), подчеркну, что подробности, как показано далее в статье на примере упомянутого кировоградского завода, имеют значение. Они позволяют сформировать более объективную картину крупномасштабного и не имеющего аналогов в истории процесса перебазирования промышленности в восточные районы страны.

Во второй половине 1941 – начале 1942 г. Пензенская обл. – наряду с Москвой, Рыбинском, Свердловском и Кировом[7] – стала одним из центров производства миномётного вооружения. Миномёты и корпуса миномётных мин производили заводы № 740 «Пензмаш» в Пензе и № 748 «Кузтекстильмаш» в Кузнецке. Также минные корпуса делали на заводах № 704 «Сельмаш» (Каменка[8]), № 744 «Пензтекстильмаш», пензенских № 821 литейно-механическом и арматурном.

---

[3] *Васильев А.Н., Михайлов В.П.* Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор». М., 1991. С. 55.

[4] *Симонов Н.С.* ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. С. 191.

[5] Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 206.

[6] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 391.

[7] Государственный архив Пензенской области (далее – ГА ПО), ф. р-2128, оп. 1, д. 8, л. 103; *Тихонов С.Г.* Оборонные предприятия СССР и России. Т. 2. М., 2010. С. 482, 484–485, 495, 499, 517.

[8] Каменка – районный центр Пензенской обл.

Однако накануне войны техническая база пензенской индустрии была скромна. Машиностроительных заводов в области насчитывалось четыре: завод № 50 им. Фрунзе (взрыватели для снарядов, станки и велосипеды; в годы войны – в системе Наркомата боеприпасов (НКБ)), завод № 163 (детали для самолётов Наркомата авиационной промышленности (НКАП)) и часовой завод (производство наручных часов) в Пензе. «Возрождение» в Кузнецке выпускало детали для ткацких станков, запчасти для тракторов и токарные станки. В остальном преобладали текстильная и пищевая отрасли промышленности. Это обусловило довольно ограниченный набор производственных площадок для размещения предприятий НКОМ из Воронежа, Запорожья, Кировограда, Ленинграда, Орла, Симферополя, Харькова и др. В большинстве случаев их располагали на неподготовленных для выпуска военной продукции недостроенном сахарном, спиртовом, крахмальном, часовом заводах, бисквитной фабрике и т.п.

Однако в Пензенской обл. хотя бы удалось разместить заводы НКОМ на локациях именно промышленных предприятий. В других регионах им предоставлялись непрофильные помещения. Чаще всего подобные случаи фиксировались в Сибири, отставшей по уровню промышленного развития от европейской части СССР. Так, в Новосибирске заводу № 211 Наркомата электропромышленности выделили здание сельскохозяйственного института[9]. В Томске заводы № 353 и № 355 Наркомата вооружений (НКВ), выпускавшие прицелы к артиллерийским системам, разместились в зданиях университета и Дома науки. В Омске заводам № 7 и № 357 НКВ, а также заводу № 210 Наркомата электропромышленности, выпускавшим оптические прицелы для артиллерийских систем и радиоаппаратуру, дали помещения сельскохозяйственного и ветеринарного институтов, патронному заводу № 540 НКВ в Иркутске – здания горно-механического, педагогического и сельскохозяйственного институтов[10].

Встречались и более экстремальные случаи. Так, в Ташкенте сразу двум предприятиям разного профиля (из Москвы и Харькова) пришлось налаживать производство в крупном гараже[11]. В Куйбышеве вывезенное из Москвы оборудование 1-го подшипникового завода поместили в бывших казармах резервных полков, формировавшихся в Самаре в годы Первой мировой войны[12]. В Саратове эвакуированный московский завод № 205 занял здание сельскохозяйственного института. Под размещение вывезенного из Ленинграда механического завода планировалось отдать территорию и корпуса университета, но отсутствие подъездных путей и мощных электрокабелей, а также опасная в случае налётов немецкой авиации близость к железнодорожному вокзалу привели к тому, что завод получил здание горисполкома районного центра Петровск[13].

В Пензенской обл. каждый завод НКОМ за счёт продуманного подбора площадок получил имеющиеся площади одного из местных предприятий

---

[9] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов / Отв. ред. И.М. Савицкий. Новосибирск, 2005. С. 122.

[10] *Шевченко В.Н.* История создания и деятельность оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Красноярск, 2017. С. 114.

[11] *Голдман В.З.*, *Фильцер Д.* Крепость тёмная и суровая. Советский тыл в годы Второй мировой войны. М., 2021. С. 99.

[12] *Репинецкий А.И.* Военная столица СССР. 1941–1943 гг. Очерки по истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара, 2021. С. 157.

[13] *Данилов В.Н.* Проблема перестройки промышленности Саратовской области на военный лад в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2015. № 4. С. 132–133.

и избежал дробления. Это можно поставить в заслугу руководству Наркомата, возглавлявшегося П.И. Паршиным (к слову, и само ведомство в августе 1941 г. частично эвакуировали в Пензу[14]). Заводам № 255 НКБ в Нижнем Ломове и № 472 НКАП в Кузнецке повезло меньше: первый после эвакуации на его базу завода № 53 из г. Шостки Сумской обл. вынужден был занять ещё и производственную площадку ликёро-водочного завода (филиал завода № 255); второй также разместился на территории двух небольших промышленных предприятий. Нахождение одного предприятия в двух разных местах, на расстоянии нескольких километров друг от друга, осложняло производственный процесс.

Следует подчеркнуть, что выпуск вооружения на пензенских заводах НКМВ удалось наладить в течение нескольких месяцев. Однако с переводом производства на военные рельсы возникла серьёзная проблема. В региональной исторической литературе она, как правило, лишь упоминается. Так, о становлении «Пензмаша» говорится: «На Пензенской бисквитной фабрике рабочие никогда не имели дела с металлом. Но харьковские машиностроители помогли кондитерам (в большинстве женщинам) переквалифицироваться»[15]. При этом возникает вопрос: а умели ли сами работники харьковского завода текстильного машиностроения им. Шевченко делать миномёты (обычные и реактивные), выпуск которых им пришлось налаживать? Ведь, помимо трудового энтузиазма и металлообрабатывающих станков, для налаживания производства в кратчайшие сроки на неподготовленной производственной базе требовались также специальные знания и квалификация работников.

В данном случае эвакуация прошла благополучно – в сохранившихся в РГАЭ сводках и отчётах НКОМ о перебазировании предприятий в восточные районы данных об оставленном на оккупированной территории или повреждённом оборудовании по данному предприятию не приведено. Однако общие неувязки затронули и процесс установки оборудования. Для ввода в строй заводской электростанции планировалось установить полученный дизель. Но, как отмечалось в докладной записке директора, «платформа с рамой дизеля железной дорогой была заслана в неизвестном направлении, и розыск принял чрезвычайно затяжной характер»[16]. В целом по стране ситуация складывалась хуже. Специалист по истории оборонной промышленности Сибири отметил: «Вплоть до весны 1942 г. по железным дорогам страны продолжали блуждать многие тысячи вагонов с оборудованием одного и того же предприятия, а их хозяева не могли разыскать отправленное необходимое и ценное имущество»[17].

До эвакуации харьковское предприятие освоило выпуск корпусов 50-мм миномётных мин. Аналогичную продукцию Наркомат запланировал и новообразованному «Пензмашу» (с 1942 г. – завод № 740)[18]. Но уже 27 октября 1941 г. он получил новое дополнительное задание на выпуск ротных миномётов калибра 50 мм, а 4 ноября – ещё и реактивных миномётов «М-8»[19]. Можно представить недоумение и растерянность его руководителей. Между тем в декабре (т.е. уже через месяц) требовалось выпустить несколько сотен ротных миномётов

---

[14] РГАЭ, ф. 8123, оп. 1, д. 349, л. 17, 45, 47, 144.

[15] *Власов В.А.* На заводах и фабриках // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Г.В. Мясникова. Саратов, 1985. С. 31.

[16] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 47.

[17] *Шевченко В.Н.* История создания и деятельность оборонной промышленности... С. 106.

[18] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 184.

[19] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 45–46.

и 35 установок «М-8». А налаживание «с нуля» выпуска реактивных миномётов – задача сложная. Так, Горьковский завод фрезерных станков, начавший производство «М-8» осенью 1941 г., для изготовления отдельных деталей привлёк в порядке производственной кооперации группу других машиностроительных заводов региона[20].

Понять действия руководства НКОМ нетрудно: на фронтах сложилась тяжёлая обстановка, немецкие войска продвигались к Москве, армия потеряла множество артиллерийских орудий. Быстро компенсировать урон не представлялось возможным: десятки заводов, задействованных в их производстве, находились в тот момент в медленно продвигавшихся на Восток эшелонах или, преодолевая многочисленные трудности, налаживали производство в эвакуации. Выход нашли в ускоренном производстве миномётов, в том числе на новых производственных площадках. По своему фугасному действию разрывной снаряд мины не уступал снаряду орудия аналогичного калибра, а по лёгкости и дешевизне изготовления миномёты и боеприпасы к ним превосходили традиционную артиллерию[21].

Разумеется, полностью заменить её они не могли – мины малоэффективны против бронетехники или долговременных укреплений. Но зачастую ротные 50-мм и батальонные 82-мм миномёты становились единственной поддержкой винтовочного и пулемётного огня красноармейцев при отражении атак немецкой пехоты; если же в дело вступали ещё и «Катюши», то атаки противника обычно срывались. 20 августа 1941 г. ГКО постановил изготовить в течение сентября–декабря 15,5 тыс. 50-мм и 8,4 тыс. 82-мм миномётов. Их среднемесячный выпуск вырос с 1,7 тыс. до 7 тыс.[22], также началось активное формирование частей реактивных миномётов[23].

Поскольку ни миномёты, ни, тем более, реактивные миномёты, харьковский завод до эвакуации не выпускал, возникли неизбежные трудности. В докладной записке директора «Пензмаша» Н.Д. Павлова 12 декабря 1941 г. подчёркивалось: «Если производство мин на первое время было обеспечено минимальной оснасткой, вывезенной из Харькова, а также значительным опытом работников завода по изготовлению мин, то производство миномётов потребовало изготовления значительной оснастки и освоения производства деталей»[24]. Первоначально лучшие станки разместили в цехе № 4, отведённом для выпуска мин. Затем для производства решили использовать цеха № 5 и № 7, поэтому только что установленное оборудование пришлось снимать и переставлять в цех № 5. При этом из необходимых 65 токарей к концу ноября имелись лишь 24[25]. Для сборки «М-8» выделили цех № 6. Здесь требовались 285 рабочих, а насчитывалось на 11 декабря только 56[26]. Отсутствие необходимого оборудования, задержки поставок комплектующих вынудили привлечь для изготовления отдельных узлов «М-8» другие заводы Пензы. Конструкция

---

[20] *Серебрянская Г.В.* Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века. Н. Новгород, 2003. С. 178.

[21] *Никифоров Н.Н.* Боевое применение миномётов. М., 1944. С. 20, 22.

[22] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 150–151.

[23] *Макаров М., Коломиец М.* Реактивная артиллерия Красной армии // Фронтовая иллюстрация. 2005. № 3. С. 2–27.

[24] ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 397, л. 229.

[25] Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 45–46.

[26] Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 397, л. 229.

установки менялась четыре раза. Для улучшения производственного процесса создали цех № 19 (механическая обработка деталей)[27].

Частая смена заданий характерна осенью 1941 г. и для предприятий других наркоматов в разных регионах страны. Так, секретарь Нижнетагильского горкома докладывал о заводе № 63 НКБ: «В течение сентября–октября... получено 15 противоречащих друг другу указаний, парализующих нормальную работу завода. План по снарядам несколько раз то увеличивался, то сокращался, что не давало заводу возможности заняться усовершенствованием технологии и поднятием производительности труда... Станочное оборудование несколько раз переставлялось с места на место, а значит, простаивало»[28]. Ещё более сложной задачей становилась смена профиля выпускаемой продукции. Так, Саратовский паровозоремонтный завод (после передачи его из Наркомата путей сообщения в Наркомат танковой промышленности – завод № 180) в январе 1942 г. начал выпуск корпусов и башен танков «Т-50», после чего получил новое задание – по производству корпусов для «Т-60»[29].

В планах «Пензмаша» на декабрь 1941 г. значились 35 установок «М-8», однако наладить их выпуск не удалось; производство «Катюш» началось лишь в январе 1942 г. Не получилось полностью выполнить и скромный план по выпуску ротных 50-мм миномётов: их изготовили только 139 (46,3% задания). Предсказуемо лучше всего освоили декабрьское задание по производству корпусов 50-мм мин (40,5 тыс. шт., 101,2% плана)[30]. Успех явно связан с имевшимся у работников харьковского завода опытом выпуска такой продукции до эвакуации. На это указывает докладная записка директора, сохранившаяся в фонде Пензенского горкома: «В декабре месяце план по минам был выполнен. Однако следует отметить, что это выполнение шло в основном за счёт имевшегося задела и привезённых из Харькова крылышек и корпусов»[31].

За январь 1942 г. завод выпустил 375 миномётов (125% плана), 24 установки «М-8» (40%), 20 тыс. корпусов миномётных мин (28,6%)[32]. В феврале 50-мм миномётов изготовили 363 шт. (121% плана), «М-8» – 39 шт. (65% плана), 50-мм мин – 50 тыс. (50% плана)[33]. Как видим, выйти на плановый выпуск «Катюш» в первые месяцы нового года не удалось. Но следует подчеркнуть, что совершенно новую для них – и достаточно сложную – технологию работники «Пензмаша» сумели успешно освоить за ноябрь–декабрь 1941 г., т.е. всего за два месяца.

На 1 марта 1942 г. среднесписочное число рабочих «Пензмаша» составило 1662 человека (61% плановой потребности). На предприятии не хватало 229 слесарей, 123 токарей, 100 строгальщиков, 52 сверловщиков, 32 фрезеровщиков, всего – 1021 рабочего. Таким образом, эвакуированные не смогли заполнить как количественный, так и качественный пробел в рабочей силе.

---

[27] Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 46.

[28] *Симонов Н.С.* ВПК СССР... С. 196.

[29] *Данилов В.Н.* Оборонно-промышленный комплекс Саратова в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 2. С. 104.

[30] *Воейков Е.В.* Завод № 740 «Пензмаш» // Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пензенская область / Гл. ред. О.В. Мельниченко. Пенза, 2025. С. 136.

[31] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 46.

[32] Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 731, л. 41.

[33] Там же, ф. р-1746, оп. 1, д. 5а, л. 13.

В декабре 1942 г. на заводе № 740 работали уже 3 тыс. человек, что с запасом перекрыло мартовскую потребность[34]. Наращивание числа рабочих могло произойти только за счёт местных трудовых ресурсов: в документах упоминаются переобучение работников бывшей бисквитной фабрики и приход на производство учеников ФЗО[35].

Следует отметить трудовой героизм как эвакуированных работников, так и жителей области. Освоение новых видов продукции происходило, как и по всей стране, в тяжелейших бытовых условиях. Ограниченные рамки статьи позволяют лишь упомянуть наиболее значимые проблемы – жилищную и продовольственную. Помимо них остро обозначились недостаток одежды и обуви, перебои с отоплением в зимний период, сложности медицинского обслуживания. Проблемы постепенно решались, в частности в 1943–1944 гг. улучшилось питание[36]. Однако налаживать производство в конце 1941 – начале 1942 г. пришлось полуголодным, проживавшим в тесноте и скученности, мёрзшим в цехах и общежитиях работникам.

В ходе боевых действий 82-мм батальонные миномёты показали высокую эффективность, поэтому их производство резко увеличили: если в 1941 г. выпуск составил 16 534 шт., то в 1942 г. – уже 103 232 шт. (624% к 1941 г.)[37]. Во второй половине 1942 г. «Пензмаш» освоил новую модель 82-мм миномёта и произвёл их 973 шт.[38] За первое полугодие 1943 г. изготовили 1 017 шт., после чего производство таких орудий прекратили[39]. Всего за годы войны «Пензмаш» выпустил 1 990 82-мм миномётов.

На завод «Возрождение» в ходе эвакуации поступили 242 единицы оборудования, в том числе 61 – с завода им. Калинина (Клинцы Орловской обл.) и 127 – с завода № 9 «Текмаш» (текстильного машиностроения) из Орла[40]. Так в Пензенской обл. появился новый военный завод – № 748 «Кузтекстильмаш». На «Возрождение» отправили только три эшелона с орловским оборудованием – четвёртый не успели вывезти из-за прорыва в город немецких войск. К тому же оборудование механического, инструментального и сборочного цехов пострадало при бомбардировках[41]. Приведённые данные коррелируют со сведениями из справки НКОМ 15 ноября, где в примечаниях по заводу № 9 указано: «Эвакуирован частично в связи с особыми условиями военной обстановки»[42].

Перед эвакуацией «Текмаш» выпускал ротные 50-мм миномёты и корпуса 45-мм снарядов[43]. Справка ГКО о выполнении годового плана по выпуску миномётного вооружения за январь–июнь 1941 г. содержит задание на

---

[34] Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 666, л. 152; д. 866, л. 49.

[35] Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 51.

[36] *Воейков Е.В.* Состояние общепита оборонных заводов Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и пути решения продовольственной проблемы // Российская история. 2025. № 3. С. 62–73.

[37] Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1945). Т. 5. Ч. 2 (1943–1945). Сборник документов / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2023. С. 104.

[38] ГА ПО, ф. р-1746, оп. 1, д. 5в, л. 63–63 об.

[39] Там же, д. 6а, л. 90; ф. р-2128, оп. 1, д. 14, л. 183.

[40] Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 2–2 об.

[41] История завода. Кузнецкий завод текстильного машиностроения. К 100-летию со дня основания. Рукопись. С. 140 (URL: http://kuzbibliok.ru/литература-о-кузнецке_/).

[42] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 76.

[43] Там же, л. 183.

6 500 ротных миномётов, из которых удалось произвести 3 147[44]. Таким образом, завод начал производство военной продукции по крайней мере за несколько месяцев до начала войны. Опыт работников предприятия позволил возобновить производство сразу же по прибытии его оборудования в Кузнецк: в сентябре собрали 50 миномётов. Также доделали партию 45-мм снарядов. Производство запустили ещё до того, как всё оборудование было расставлено и налажено[45]. Напряжённая ситуация на фронте отразилась в приказе НКОМ 14 октября 1941 г., поставившем задачу произвести в октябре на «Кузтекстильмаше» 800 миномётов. При этом директору разрешалось «за каждый выпущенный миномёт премировать рабочих, ИТР и служащих»[46].

Но опыт работников завода ещё не гарантировал беспроблемного начала производства и выполнения планов на новом месте. Заместитель начальника управления НКВД по Пензенской обл. П. Синицын в адресованной первому секретарю обкома А.Ф. Кабанову докладной записке (22 ноября) обратил внимание на состояние прибывшей техники: «Эти станки в значительной своей части представляют оборудование, побывавшее в пожаре... Всё это оборудование требует капитального ремонта. Однако ремонт задерживается отсутствием запасных частей... и необеспеченностью квалифицированными слесарями-ремонтниками»[47]. Упоминавшимся приказом 14 октября НКОМ передал на предприятие восемь револьверных и двадцать токарно-винторезных станков с других пензенских заводов.

Кроме того, на «Кузтекстильмаше» также остро стояла проблема квалифицированных кадров. Наркомат распорядился «обучить определённым операциям 140 человек вновь набранных рабочих и доквалифицировать 294 учеников, переведённых из ФЗО, для чего прибывший с орловских заводов инженерно-руководящий состав направить в цеха, главным образом мастерами, бригадирами с закреплением за каждым из них 8–10 учеников»[48]. В результате этих усилий в сентябре–декабре 1941 г. завод № 748 выпустил 5 тыс. корпусов 45-мм снарядов и 1 179 миномётов. Производство корпусов снарядов в январе 1942 г. передали на каменский завод, а на заводе № 748 в мае началось производство 50-мм миномётных мин[49].

Завершая сюжет об организации производства 50-мм миномётов на пензенской группе заводов НКМВ, важно отметить, что в целом задачу увеличения их выпуска выполнили. В докладе руководителей промышленности вооружений и боеприпасов об итогах работы за 1942 г. содержатся следующие сведения. За 1941 г. выпуск ротных 50-мм миномётов составил 26 037 шт., за 1942 г. – 102 807 (395% к 1941 г.)[50]. «Пензмаш» и «Кузтекстильмаш» внесли достойный вклад в обеспечение армии. Кузнецкий завод за 1942 г. выпустил 16 675 боевых (115,8% плана) и 560 учебных миномётов[51]. В 1942 г. завод № 740 произвёл

---

[44] Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1945). Т. 5. Ч. 1 (июнь 1941–1942). Сборник документов / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2020. С. 118.

[45] ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 533, л. 69–69 об.

[46] Там же, д. 529, л. 60.

[47] Там же, д. 397, л. 204.

[48] Там же, д. 529, л. 61, 62.

[49] Там же, ф. р-2128, оп. 1, д. 11, л. 31 об., 78.

[50] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 2. С. 104.

[51] ГА ПО, ф. р-2128, оп. 1, д. 11, л. 31 об.

3225 ротных 50-мм миномётов (113,2% плана)[52]. Всего на долю пензенской группы заводов в 1942 г. пришлось 19900 ротных миномётов – почти каждый пятый, поставленный в том году в армию (19,4%). В 1943 г. 50-мм миномёт сняли с вооружения из-за недостаточных мощности и дальности выстрела. Однако в городских боях он, благодаря небольшому весу (9–12 кг), был достаточно удобным для огневой поддержки пехоты при невозможности перемещать среди руин зданий орудия. Для партизан же этот вид артиллерийского вооружения оказался единственным пригодным для использования на заданиях[53].

Ещё один вариант налаживания военного производства видим на примере завода № 704 «Сельмаш». В Каменку планировалось эвакуировать два предприятия: из Кировограда и Запорожья. Обычно в литературе просто констатируется, что завод появился на их основе. Между тем история эвакуации сложна и драматична.

Кировоградский завод «Красная Звезда» выпускал 50-мм миномётные мины и 57-мм снаряды. 10 июля 1941 г. НКОМ предложил Совету по эвакуации немедленно приступить к его перемещению. 40% оборудования предполагалось отправить на строительную площадку Рубцовского сахарного завода (станция Рубцовка Томской железной дороги); 30% – на законсервированный недостроенный Каменский сахарный завод; 30% – на завод «Красный Аксай» (Ростов-на-Дону), где уже производились 50-мм мины. Для перевозки требовалось 1115 вагонов. По этому вопросу Совет последовательно принял три решения: 16 июля постановил приступить к вывозу, 23 июля отменил решение, а 2 августа вернулся к первоначальному варианту[54]. Согласно справке «по вопросу состояния заводов в угрожаемых зонах», предоставленной НКОМ в Совет 1 августа, в Ростов-на-Дону планировалось вывезти 2987 единиц оборудования и 1500 работников, на станцию Белинская[55] – соответственно 688 и 700, на станцию Рубцовка – 702 и 300. Для перевозки требовалось 1100 вагонов[56].

Однако потеря июльских недель оказалась катастрофической. 5 августа немецкие войска заняли Кировоград. Лишь 131 единицу оборудования (37 вагонов) удалось вывезти в Люберцы Московской обл. на завод им. Ухтомского[57]. Ещё одна полуторная машина с грузом стали и режущего инструмента направилась на завод «Ростсельмаш». На платформах последнего уходившего из Кировограда поезда в Ростов вывезли ещё незначительную часть производственного арсенала. 1 сентября НКОМ констатировал: «Всё остальное имущество, оборудование, материалы и готовая продукция остались на заводе»[58].

Завод «Коммунар» в Запорожье, ставший основой каменского, перед эвакуацией выпускал корпуса 122-мм снарядов и бронекорпуса «Ил-2». Оборудование для снарядного производства по плану НКОМ 6 августа 1941 г. предстояло эвакуировать на заводы «Ростсельмаш» и «Красный Аксай», остальное – на станцию Белинская. В справке НКОМ 1 сентября сказано, что механизмы для производства снарядов 122 мм и бронекорпусов прибыли

---

[52] Там же, ф. р-1746, оп. 1, д. 5 в, л. 63–63 об.

[53] *Шунков В.Н.* Полная энциклопедия вооружений Второй мировой войны 1939–1945. Минск, 2010. С. 105.

[54] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 61, л. 33–34; д. 63, л. 51.

[55] Станция Белинская расположена в Каменке.

[56] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 61, л. 156.

[57] Там же, д. 63, л. 51.

[58] Там же, д. 62, л. 40.

на «Ростсельмаш». На Белинскую отправили только 60 вагонов[59]. В них, как сказано в подготовленном в феврале–марте 1942 г. для СНК СССР докладе о ходе строительства завода № 704, находились «оборудование трёх цехов и материалы эвакуированного завода "Коммунар", а также небольшая часть рабочих, ИТР и служащих как завода "Коммунар", так и завода "Красная Звезда", г. Кировоград»[60]. Таким образом, вместо мощностей двух крупных военных заводов фактически в Каменку поступила лишь меньшая часть одного запорожского. К тому же они «в значительной своей части» оказались некомплектными и обгоревшими[61].

Но роль «Красной Звезды» не следует недооценивать. Книга об истории каменского завода содержит фрагмент воспоминаний мастера инструментального цеха А.А. Гирского. Он рассказывал: «В Каменку мы приехали из Кировограда. Нашу группу, состоявшую из рабочих, инженеров и техников, а также членов их семей, возглавлял директор завода Н.Н. Шинкаревич и главный инженер И.Н. Еськов. В этих же должностях они были утверждены Наркоматом и на Каменском заводе»[62]. Шинкаревич и Еськов имели опыт выпуска в Кировограде 50-мм мин и 57-мм снарядов, и именно эту номенклатуру «Сельмаш» начал осваивать в конце 1941 – начале 1942 г. Кроме того, директор, не успев эвакуировать оборудование, всё-таки сумел обеспечить организованный отъезд группы заводских работников. Следует также отметить, что у Наркомата претензий к нему не возникло.

Эта история объясняет и незначительное количество прибывших в Каменку работников двух крупных производств: 85 рабочих, 67 инженерно-технических работников и 37 служащих[63], всего – 189 человек. К слову, подобное наблюдалось повсеместно. Доклад Госплана СССР «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам на 20 декабря 1941 г.» сообщил, что «количество эвакуированных рабочих не превышает 30–40% общей численности рабочих, занятых на предприятии до их эвакуации»[64]. Например, по восьми предприятиям, перебазированным в Саратов, из ожидаемых 15 540 человек прибыли 4 660, или 30%. Саратовский исследователь подчеркнул: «И хотя во многом это были высококвалифицированные кадры, их малое количество не могло обеспечить должную работу предприятия»[65].

В связи с этим необходимо отметить важнейшую роль жителей Каменки и ближайших сёл в строительстве «Сельмаша» (август–октябрь 1941 г.) и освоении новых профессий на производстве корпусов снарядов и мин. Среднесписочное число работников завода в 1942 г. составило 914, а в 1943 г. – 1 345 человек[66]. 189 специалистов из Запорожья и Кировограда, при всём их высоком профессионализме, в силу малочисленности не смогли бы ни достроить в кратчайшие сроки производственные корпуса бывшего сахарного завода и уже в ноябре 1941 г.

---

[59] Там же, д. 61, л. 162; д. 62, л. 40; д. 63, л. 180.

[60] ГА ПО, ф. р-2490, оп. 1, д. 3, л. 6.

[61] Там же, ф. р-568, оп. 1, д. 1110, л. 22.

[62] *Васильев А., Васильев П.* Рассказ о твоём заводе. Пенза, 1973. С. 15.

[63] Там же. С. 17.

[64] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 1. С. 305.

[65] *Козурман С.О.* Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область и социально-бытовые проблемы рабочих кадров (1941–1954 годы) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. Т. 10. 2010. Вып. 2. С. 105.

[66] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 125, л. 253.

начать выпуск военной продукции[67], ни вывести предприятие по объёмам производства в пятёрку крупнейших в системе НКМВ (вместе с № 744 «Пензтекстильмаш», № 740 «Пензмаш», № 748 «Кузтекстильмаш» и № 807 часовым заводом).

Также, с учётом приведённой информации об ассортименте продукции «Красной Звезды» и «Коммунара», становится понятнее, каким образом эвакуированные в Пензенскую обл. летом–осенью 1941 г. заводы сельскохозяйственного и текстильного машиностроения сумели на новом месте за несколько месяцев наладить выпуск военной продукции. Фактически специализацией украинских предприятий накануне эвакуации являлось производство корпусов снарядов и миномётных мин. На новом месте имело место восстановление уже отработанного технологического процесса. В ноябре 1941 г. на «Сельмаше» начался выпуск корпусов 57-мм снарядов[68]. С 30 января 1942 г. там перешли на производство 45-мм снарядов[69]. Весной каменский завод начал выпускать 50-мм миномётные мины[70].

«Красная Звезда» – не единственное предприятие НКОМ, оборудование которого не удалось эвакуировать. Механический завод в Старой Руссе Ленинградской обл. сумел отправить в Пензу восемь вагонов (на место назначения прибыли всего два). Остальные агрегаты были приведены в негодность или зарыты на заводской территории[71]. Согласно сводной таблице по эвакуированным предприятиям (10 ноября 1941 г.), оборудование поступило на Пензенский литейно-механический завод[72]. Случаи неудачной эвакуации имели место не только по НКОМ. Некоторые оборонные заводы Москвы и Подмосковья (№ 20 НКАП из Москвы, № 510 НКВ из Ногинска, № 512 НКБ из Люберец и др.) получили приказ об эвакуации только в октябре–ноябре, когда на этой территории уже шли ожесточённые бои или она подвергалась массированной бомбардировке[73]. В августе 1942 г. не удалось вывезти оборудование выпускавшего танки «Т-34» Сталинградского тракторного завода. Исследователь данной темы А.Ю. Ермолов назвал произошедшее «самым неудачным эпизодом в истории эвакуации танковой промышленности»[74].

Завод «Пензтекстильмаш» создавался в соответствии с приказом НКОМ 29 сентября 1941 г.; впоследствии ему присвоили № 744. Предполагалось организовать его на производственной площадке бывшего спиртзавода с использованием базы Симферопольского завода им. В.В. Куйбышева, но из-за обстановки на фронте из Симферополя вывезли только часть оборудования и некоторых работников[75]. Его снарядное производство направили в Пензу (в графе «специализация перед эвакуацией» указано: «снаряд 45 мм»), остальное – в посёлок Сысерть Свердловской обл.[76] На пензенской площадке также разместился эва-

---

[67] *Воейков Е.В.* Промышленность Пензенской области на начальном этапе Великой Отечественной войны в архивных документах и региональной историографии (на примере завода № 704 в с. Каменка) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 126.

[68] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 1. С. 252.

[69] ГА ПО, ф. р-568, оп. 1, д. 1122, л. 6; ф. р-2490, оп. 1, д. 3, л. 44–46.

[70] *Воейков Е.В.* Промышленность Пензенской области... С. 128.

[71] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 51.

[72] Там же, л. 191.

[73] *Шевченко В.Н.* История создания и деятельность оборонной промышленности... С. 104–105.

[74] *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР... С. 161.

[75] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 7.

[76] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 73, 188.

куированный из Воронежа завод им. В.И. Ленина, мощности которого (182 единицы) прибыли в город 28–30 декабря 1941 г.[77] В справке НКОМ (15 ноября) упоминается, что эвакуировалось производство 37-мм и 45-мм снарядов[78].

Эти два завода подтверждают тенденцию, выявленную ранее на примере харьковского завода в Пензе, орловского в Кузнецке, кировоградского и запорожского в Каменке: вооружение на перебазируемых предприятиях производилось ещё до войны. В полном соответствии со специализацией воронежского и симферопольского заводов Наркомат запланировал ассортимент выпускаемой продукции и на новообразованном «Пензтекстильмаше». Но впоследствии вместо боеприпасов для «сорокопятки» решили производить корпуса 50-мм мин для самого массового миномёта Красной армии. В феврале 1942 г. завод № 744 начал выпускать 37-мм снаряды и 50-мм мины[79].

Курс на резкое увеличение выпуска миномётного вооружения привёл к тому, что в Пензе корпуса миномётных мин наряду с крупными предприятиями поручили делать небольшим арматурному и литейно-механическому заводам, которые явно не обладали необходимыми ресурсами[80]. На арматурный поступила основная часть мощностей завода им. Лепсе из Ленинграда, который до эвакуации производил корпуса 76-мм снарядов[81]. Распоряжение СНК СССР (4 октября) предписывало выпускать 50-мм миномётные мины, что можно объяснить незначительным количеством оборудования (19 единиц)[82], прибывшего из Ленинграда. Увы, из-за его недостатка, а также нехватки топлива и рабочих (в декабре – 80 человек) начать работу в 1941 г. не удалось[83].

На литейно-механический прибыло оборудование Ромненского завода полиграфических машин (Сумская обл.). Он перешёл на выпуск военной продукции (50-мм миномётных мин) ещё до эвакуации, аналогичный профиль Наркомат запланировал и для пензенского предприятия[84]. В конце 1941 г. завод не имел общежития и столовой, отсутствовало топливо, не хватало инструментов; в декабре на нём числились 56 рабочих, в том числе 5 квалифицированных токарей. Выпуск продукции начался лишь с 1 марта 1942 г.[85]

На базе часового завода разместили оборудование заводов им. Макса Гельца из Ленинграда и счётно-аналитических машин из Москвы. Первый с апреля 1941 г. собирал системы приборов управления артиллерийским зенитным огнём, второй – пулемётные прицелы[86]. Также эвакуировали 28% рабочих ленинградского завода. Часть квалифицированных кадров в августе временно задержали в Ленинграде для выполнения заказов фронта. Они вместе с оставшимся оборудованием должны были выехать четвёртым предназначенным для эвакуации эшелоном[87]. В примечаниях к справке НКОМ 15 ноября 1941 г.

---

[77] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 7.

[78] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 74, 187.

[79] ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 529, л. 103; д. 656, л. 78 об.–79.

[80] *Воейков Е.В.* «Мне не время отдыхать, я хочу работать так, чтобы все силы отдавать фронту». Пензенская область – центр производства миномётного вооружения в Поволжье в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2025. № 9. С. 76–77, 81.

[81] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 115, 190.

[82] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 1. С. 258.

[83] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 44 об.; ф. п-148, оп. 1, д. 529, л. 50.

[84] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 187; ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 29.

[85] ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 815, л. 93; д. 866, л. 29.

[86] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 187; ГА ПО, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 101.

[87] ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 537, л. 30.

пояснялось: «Завод эвакуирован частично (102 вагона). Дальнейшая эвакуация приостановлена по решению местных ленинградских организаций»[88]. В Пензе из имевшихся запасов в сентябре удалось собрать 12 прицелов для миномётов из 25 по плану[89]. Однако сказывался недостаток рабочих из-за неполной эвакуации. В докладе НКОМ в СНК СССР о ходе эвакуации и восстановлении производства заводов (25 ноября 1941 г.) подчёркивалось: «Производственных рабочих на завод прибыло 241 чел[овек]. Потребность в них на ноябрьскую программу составляет 664 чел[овека]»[90].

Завод им. Гельца – не единственное ленинградское предприятие, которое предстояло вывезти в Пензу. Справка НКОМ 15 ноября 1941 г. даёт сведения по заводам «Знамя труда», им. Лепсе, «Вперёд», «Металлометр», «Госметр», которые планировалось разместить в городе, на базе бывшей бисквитной фабрики. Ещё три завода – «Леншвеймаш», «Лентрикмаш» и «Красную Вагранку» – предполагалось эвакуировать в Кузнецк, на площадку «Возрождения». Но все указанные предприятия остались в Ленинграде «в связи с решением местных ленинградских организаций... для обороны города»[91].

Информация о ленинградских заводах НКОМ, эвакуацию которых отложили, а потом и отменили, коррелирует с данными доклада НКВ об эвакуации ленинградской группы заводов (14 августа 1941 г.), где, в частности, говорилось: «Завод № 357 эвакуирован неполностью в связи с заказами Северо-Западного фронта... Это создало некомплектность оборудования и не позволяет организовать на полную мощность производство оптических приборов на новой базе в Омске». Завод № 7 вывез в Омск только оборудование и инструменты для производства орудия «ЗИС-2». Оставшееся предприятие усиленно производило 120-мм миномёты и танки «КВ». В документе подчёркивалось: «Ленинградский горком ВКП(б) категорически возражает против дальнейшей эвакуации завода № 7»[92]. В данном случае неполная эвакуация или отказ от таковой прослеживаются по ряду предприятий другого наркомата, а сведения по Пензенской обл. позволяют уточнить общую тенденцию.

Решения ленинградских властей, как показал дальнейший ход боёв на подступах к городу, оказались оправданы. В частности, в научной литературе отмечается хорошая обеспеченность вооружением частей ленинградского ополчения, отличившихся на Лужском рубеже. Также отказ от вывоза может быть связан как с установлением блокады города 8 сентября, так и с остановкой немецкого наступления 9–17 сентября[93].

Расположенный на железнодорожной станции Грабово[94] крахмальный завод Наркомата пищевой промышленности СССР в 1941 г. перешёл в систему НКОМ и в документах военных лет обычно именовался Грабовским заводом продовольственного машиностроения («Продмаш»). На его базу эвакуировали завод им. Воровского из Мелитополя. Он уже выпускал бензозаправщики для ВВС, поэтому данный вид изделий стал в 1942 г. основной продукцией

---

[88] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 71.

[89] ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 537, л. 20, 25, 29–30, 34, 37.

[90] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 1. С. 257.

[91] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 67–69, 74.

[92] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 1. С. 160, 161–162.

[93] *Исаев А.В.* Иной 1941. От границы до Ленинграда. М., 2011. С. 391–403, 409.

[94] Грабово – населённый пункт в Бессоновском районе Пензенской обл.

Грабовского завода[95]. В данном случае, как и с производством на «Сельмаше» и «Пензтекстильмаше», предприятия НКМВ выпускали продукцию, которая больше соответствовала профилю НКВ и НКБ.

В экстремальной обстановке военного времени подобное перекрещивание допускалось; можно отметить также, что и миномётное вооружение в значительном количестве производили предприятия не только НКМВ, но и других наркоматов. По профилю своего ведомства Грабовский завод в 1942 г. выпустил 454 «станков М-30»[96]. Их разработало конструкторское бюро при московском заводе «Компрессор», а на вооружение их приняли в 1942 г. Они предназначались для запуска 300-мм реактивных снарядов и представляли собой изготовленные из стальных уголковых профилей наклонные рамы, на которые укладывались в один ряд четыре укупорки со снарядами[97].

Подводя итоги, можно констатировать, что, во-первых, в общесоюзном масштабе выпуск группой предприятий НКОМ, расположенных в Воронеже, Запорожье, Кировограде, Ленинграде, Мелитополе, Орле, Ромнах, Симферополе и Харькове, военной продукции начался ещё до войны. При этом в годы третьей пятилетки Наркомат, в отличие от НКАП, НКВ и НКБ, не имел военного профиля. Подобный факт может рассматриваться как ещё одно подтверждение ускоренной подготовки Советского Союза в первой половине 1941 г. к будущей войне.

Два предприятия НКОМ, запланированные для эвакуации в Пензенскую обл., вывезти не удалось из-за быстрого продвижения немецких войск и ошибок в определении сроков погрузки оборудования. Также сорвалась эвакуация в Пензу группы предприятий Ленинграда. Перебазирование остальных можно счесть успешным: в Пензенской обл. производства разместили исключительно на заводских площадках, случаев выделения неприспособленных для промышленных нужд помещений не было.

Риск руководства НКОМ, принявшего решение организовать в области производство миномётного вооружения и другой военной продукции на базе гражданских производств, оправдался. В 1942 г. по стране выпуск 50-мм миномётных мин достиг 17,6 млн шт.[98], из них на «Пензмаше» – 1106 194 шт., на «Кузтекстильмаше» – 547 тыс., на «Сельмаше» – 503,5 тыс., на «Пензтекстильмаше» – 407 694 шт.[99] Всего же четыре основных пензенских завода выпустили 2 564 388 50-мм мин, или 14,6% их общего производства. Ещё несколько десятков тысяч корпусов произвели арматурный и литейно-механический заводы, а также трудовая колония НКВД. Область, наряду с другими центрами производства миномётного вооружения, смогла в кратчайшие сроки в тяжёлый начальный период войны организовать изготовление самых массовых ротных миномётов и боеприпасов к ним. С заводским оборудованием прибыли кадры рабочих и инженеров, имевшие опыт выпуска военной продукции. Вместе с местными работниками они создали в области комплекс предприятий миномётного вооружения, который, наряду с реактивными миномётами «Катюша», обеспечил пехоте Красной армии огневую поддержку в бою.

---

[95] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 63, л. 187; д. 125, л. 194 об.

[96] Там же, д. 125, л. 194 об.

[97] *Васильев А.Н.*, *Михайлов В.П.* Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 70–72.

[98] Оборонно-промышленный комплекс СССР... Т. 5. Ч. 2. С. 104.

[99] РГАЭ, ф. 8123, оп. 8, д. 125, л. 117 об., 124 об., 230 об., 254 об.

Борьба с последствиями немецкой пропаганды и восстановление социальной инфраструктуры в Запорожской и Херсонской областях в 1944–1945 гг.

Забия Аджиева, Лилия Олифер, Дмитрий Парфирьев

The struggle against the consequences of German propaganda and restoration of social infrastructure in Zaporozhe and Kherson regions, 1944–1945

Zabiya Adzhieva, Liliya Olifer, Dmitry Parfiryev
(all – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579026020153

Массовые настроения населения на только что освобождённых Красной армией территориях СССР, а также меры, которые предпринимались властями для их трансформации, в настоящее время изучаются гораздо реже, чем сюжеты, связанные непосредственно с оккупацией (повседневная жизнь, коллаборационизм, деятельность подполья и партизан и т.д.)[1]. При этом регионы Украинской ССР (в том числе и нынешние Запорожская и Херсонская области России) заслуживают особого внимания, поскольку их история между освобождением и завершением Великой Отечественной войны скупо освещалась в советской историографии[2] и почти не рассматривалась в последующие десятилетия[3]. Частично восполнить этот пробел позволяют документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Причём если

© 2026 г. З.А. Аджиева, Л.В. Олифер, Д.С. Парфирьев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-78-00254 (https://rscf.ru/project/25-78-00254/).

[1] См., в частности: *Орлов И.Б.* Пропаганда на освобождённых территориях РСФСР: проблемы и пути их решения // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2015. С. 289–297; *Синицын Ф.Л.* Этнополитические последствия германской оккупационной политики на территории СССР (1944–1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2015. № 3. С. 26–32; *Дацишина М.В.* «...Обозначилось различное отношение к Красной армии и советской власти различных слоёв» (о чём спрашивали красноармейцев жители Прибалтики в 1944 г.) // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 39–76. См. также: *Левченко Ю.* Окупаційні адміністративно-територіальні одиниці України 1941–1944 рр.: етнічний, етнографічний та політико-географічний вимір // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. Сер. Історія. 2016. № 2(1). С. 73.

[2] *Носиков Ю.В.* З історії відбудови народного господарства України в 1943–1945 рр. (За матеріалами Миколаївської, Запорізької та Херсонської областей) // Український історичний журнал. 1971. № 7. С. 46–53; *Ярошкевич Ю.М.* Деятельность партийных организаций Украины по восстановлению сельского хозяйства и мобилизации колхозного крестьянства на помощь фронту в завершающий период Великой Отечественной войны (1944 – май 1945 гг.) (На материалах Одесской, Николаевской и Херсонской областей). Автореф. ... канд. ист. наук. Одесса, 1972.

[3] Исключение составляет деятельность националистических организаций и борьба с ними. См., в частности: Діяльність ОУН та УПА на території Центрально-східної та Південної України. Київ; Торонто, 2011; *Щур Ю.* ОУН на території Запорізької області. 1940–1945. Документи і матеріали. Торонто; Львів, 2018.

материалы партийных и комсомольских организаций уже в значительной мере введены в научный оборот и опубликованы[4], то профсоюзная документация практически не анализировалась и не издавалась. Немало ценных сведений можно обнаружить и в региональной печати, в частности, в газетах «Красное Запорожье» (до января 1945 г. выходила на двух языках) и «Большевик Запорожья», в херсонской «Наддніпрянській правде» и т.п.

Советская армия освободила город Запорожье 14 октября 1943 г., вся область была очищена от войск противника к февралю 1944 г. Из Херсона неприятеля выбили 13 марта 1944 г. в ходе Днепровско-Карпатской операции[5]. 30 марта Президиум Верховного совета УССР своим указом учредил в составе республики Херсонскую обл., включив в неё 13 районов Николаевской и 6 – Запорожской областей. За время оккупации с территории Запорожской и будущей Херсонской областей в Германию были вывезены соответственно 174 416 и 40 407 человек (примерно 12% и 5% населения этих регионов)[6]. К сентябрю 1945 г. лишь незначительная их часть (30 129 и 1 407 человек соответственно) вернулась на прежние места жительства[7].

Вопреки распространённому представлению, немецкая пропаганда в рейхскомиссариате «Украина», которому подчинялись Запорожье и Херсонщина, была лишена выраженной «проукраинской» окраски. Согласно директивам его политуправления периодической печати не следовало «служить народным или культурным потребностям населения». Даже в названиях изданий слова «украинский» и «русский» не использовались, большинство из них именовались по географическому принципу: «Мелитопольский край», «Нове Запоріжжя», «Азовский вестник» и т.д. Вместе с тем газета «Мелитопольский край», увеличив тираж с 2,5 до 12 тыс. экземпляров, стала русскоязычной[8]. В школах оккупанты изымали и уничтожали литературу на обоих языках, причём это касалось не только произведений советских авторов[9].

Деятельность националистических структур, прежде всего Организации украинских националистов (ОУН), в этих районах имела весьма скромные масштабы. К началу марта в границах будущей Херсонской обл. были раскрыты всего три оуновских ячейки и установлены 26 принадлежавших к ним лиц, большинство из которых уже находились под арестом[10]. Приходов Украинской

---

[4] Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов. Запорожье, 1959; Херсонская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1975; Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства на Херсонщине (1918–1958 гг.). Сборник документов и материалов. Симферополь, 1978; Культурное строительство на Херсонщине 1921–1987. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1988; Запорізький архів. Народна війна. 1941–1944. Антифашистський рух Опору на території Запорізької області. Збірник документів і матеріалів. Запоріжжя, 2005.

[5] *Перехрест О.Г.* Українське село в 1941–1945 рр.: економічне та соціальне становище. Черкаси, 2011. С. 456.

[6] *Лисенко О.Є., Перехрест О.Г.* Демографічні втрати України у роки Другої світової війни // Архіви України. 2015. № 3. С. 25.

[7] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952. Сборник документов. В 2 т. Т. 1. М., 2019. С. 385–386.

[8] *Черняков Б.* Окупаційна преса райхскомісаріату Україна: розбудова і функціонування (1941–1943 рр.) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2006. Вип. 31. С. 55.

[9] Херсонская область... С. 97, 104.

[10] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 73–74.

автокефальной православной церкви, отмежевавшейся от Московского патриархата, к концу войны ни в Запорожской, ни в Херсонской областях не осталось, в отличие от Центральной Украины и даже соседней Николаевской обл.[11] Потенциально нелояльные советской власти местные «фольксдойче» – потомки колонистов XIX в. – покинули регион до его освобождения[12]. Их дома и хозяйственные постройки получили семьи украинцев, переселившихся из Польши в порядке обмена населением[13].

Тем не менее далеко не все приветствовали восстановление довоенных порядков, особенно в сёлах. В донесениях партизанских командиров и сотрудников НКГБ недовольные этим обычно рассматривались как «бывшие кулаки»[14]. Однако, судя по материалам областных прокуратур, часто роптали и выходцы из других слоёв крестьянства. Так, в селе Большая Лепетиха И.Г. Соляник, из бедняков, и в период оккупации, и после её завершения «систематически проводил антисоветскую агитацию», распространяя враждебные «измышления» о вернувшейся власти и колхозном строе[15]. Жительница села Свободное Высокопольского района В.С. Рубан после репатриации продолжала «распространять клеветнические измышления о советском правительстве, жизни колхозников и дискредитировать местные партийные органы»[16]. Родившаяся в семье бедняков Л.М. Зинченко из Новой Дмитриевки уже по окончании войны изготавливала антисоветские листовки, призывавшие, в частности, к срыву хлебосдачи[17].

Влияние гитлеровской пропаганды на настроения людей констатировали партийные и профсоюзные органы всех уровней. Так, Херсонское областное управление трудовых резервов в отчёте за 1944 г. признавало опыт жизни на подконтрольной врагу территории одной из причин медленного роста численности комсомольцев: даже с детьми «приходилось работу воспитательную вести более усиленно»[18]. Херсонский областной комитет по делам физической культуры и спорта летом 1944 г. из схожих соображений не привлекал к своим мероприятиям местных жителей, переживших оккупацию. Проводить их считалось возможным только в «наиболее окрепших» сёлах[19].

Впрочем, публично о морально-психологических последствиях деятельности оккупационного режима местные власти долгое время не высказывались. Коллаборационисты упоминались в газетах как отдельные «прихвостни-предатели»[20]. Лишь после появления 27 сентября 1944 г. постановления ЦК ВКП(б) «О недочётах в политической работе среди населения западных областей УССР» в республике заговорили о воздействии немецкой пропаганды на тех, кому довелось с ней столкнуться. С октября эта тема периодически

---

[11] *Михайлуца М.І.* Православна церква на Півдні України в період Другої світової війни у контексті політики радянського і румунського режимів. Дис. ... д-ра іст. наук. Одеса, 2009. С. 278.

[12] Депортация немцев Украины 1941–1946 гг. Сборник документов. Киев, 2021. С. 70; *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 183.

[13] Депортация немцев Украины... С. 77–78.

[14] Херсонская область... С. 119, 127–129.

[15] ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 38, д. 429, л. 8.

[16] Там же, л. 24.

[17] Там же, л. 25.

[18] Там же, ф. Р-9507, оп. 1, д. 347, л. 84 об., 86 об.

[19] Там же, ф. Р-7576, оп. 4, д. 267, л. 2–3.

[20] *Монастирьов Б., Куцевол Г.* На батьківщині героя // Наддніпрянська правда. 1944. 13 вересня. № 81. С. 2.

затрагивалась на страницах херсонской и запорожской прессы, перепечатавшей прежде всего передовую статью «Правды» о необходимости «массово-политической работы» в освобождённых районах. Когда же ноябрьский пленум ЦК КП(б)У признал, что она ведётся недостаточно активно, внимание к данной проблеме заметно возросло. По итогам пленума первый секретарь Херсонского обкома А.Ф. Фёдоров выступил с докладом о «враждебной деятельности украинско-немецких националистов», приведя примеры их преступлений в области[21]. В середине декабря в областной партийной печати вышла большая публикация «Украинско-немецкие националисты – злейшие враги украинского народа». Она заняла почти всю вторую полосу двухстраничных номеров газет «Червоне Запоріжжя» и «Наддніпрянська правда»[22].

Одновременно приходилось восстанавливать всю партийную, комсомольскую, хозяйственную, профсоюзную и культурно-образовательную инфраструктуру. «Долгое время разлуки со своими, провокационная ложь геббельсовской пропаганды, распространяемая гитлеровцами, добрые вести с фронта – всё это вызывало у жителей села множество интересующих их вопросов, на которые надо было дать ответ, – сообщал корреспондент “Большевика Запорожья”. – Но в селе нет ни радио, ни телефона. Почтовая связь ещё плохо налажена, газет мало, они приходят с большим опозданием»[23]. В Запорожье областной совет собрался в январе, а в Херсоне – в мае 1944 г., но формирование районных и городских советов затянулось до начала 1945 г.[24] К тому времени сеть колхозов почти достигла довоенного уровня (95,2% в Херсонской и 95,7% в Запорожской областях), а число колхозных дворов даже увеличилось[25]. Но их положение оставалось тяжёлым: в 1945 г. в Херсонской обл. колхозники засеяли только 75,3% довоенной посевной площади, а в Запорожской – 65,7%. Даже к 1950 г. доходы колхозов Запорожья так и не достигли показателей конца 1930-х гг.[26]

Постепенно возобновлялось функционирование учреждений культуры – клубов, читален, красных уголков, призванных стать центрами «политобразовательной работы на селе»[27]. Запорожские обком партии и исполком облсовета депутатов планировали открыть их немедленно, издав соответствующее постановление 28 сентября 1943 г., ещё до освобождения областного центра[28]. Но реализовать эти намерения на практике оказалось затруднительно. К 1945 г. в Запорожской обл. уцелело всего 12,6% от действовавших в начале 1941 г. массовых библиотек, в Херсонской – 7,9% (в целом по УССР – более 16%). Общее количество книг в них составляло 11% от имевшихся перед войной, в сёлах же – чуть более 3% (всего по УССР 17,9% и 7% соответственно)[29]. Неудивительно, что укомплектовать штаты библиотек и как-то наладить их

---

[21] Збори обласного партійного активу // Наддніпрянська правда. 1944. 12 грудня. № 140. С. 1.

[22] *Касименко Ол.* Українсько-німецькі націоналісти – найлютіші вороги українського народу // Червоне Запоріжжя. 1944. 16 грудня. № 251(6533). С. 2.

[23] *Гладкий Н.* Учитель – ближайший помощник парторганизации // Большевик Запорожья. 1945. 9 мая. № 4(753). С. 2.

[24] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Киев, 1985. С. 146.

[25] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 465.

[26] *Носиков Ю.В.* Указ. соч. С. 52; *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 466.

[27] Піднести роботу політосвітніх закладів у зимовий період // Наддніпрянська правда. 1945. 13 січня. № 9(162). С. 1.

[28] Запорожская область... С. 215.

[29] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 607.

деятельность поначалу удавалось лишь в крупных городах, под непосредственным контролем обкомов. 29 марта 1945 г. президиум Запорожского обкома профсоюза работников политико-просветительных учреждений констатировал, что библиотекари областного центра плохо взаимодействуют с коллегами в районах[30]. В середине октября 1944 г. Херсонский обком партии поручил не менее 75% лимитов периодической печати отправлять в сельскую местность[31]. Тем не менее и в Херсонской, и в Запорожской областях представители районных профсоюзных организаций работников культпросвещения жаловались на то, что из области им мало помогали[32].

Быстрее восстанавливались образовательные учреждения. Ещё до полного освобождения всей Запорожской обл., в январе 1944 г., заново открылись Запорожский и Мелитопольский педагогический институты и Осипенковский учительский институт[33]. Стремительно росло количество школ, особенно сельских: уже в 1944/45 учебном году в Запорожской обл. их было 90%, а в Херсонской – 98% от довоенного количества. Начальных школ в сельской местности обеих областей стало даже больше, чем в 1941 г.[34] Но охват ими детей соответствующего возраста оставлял желать лучшего. В нескольких районах Запорожской обл. к концу 1944 г. насчитывалось более 300 подростков, не посещавших учебные заведения[35]. Херсонское областное управление трудовых резервов, возникшее 22 апреля 1944 г., в мае–июне организовало четыре ремесленных училища и четыре школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), но к началу следующего года там обучалось не 2740 учащихся, как планировалось, а всего 2179[36].

Все учреждения испытывали острый дефицит квалифицированных кадров, ощущавшийся даже в партийных органах. Хотя к моменту вступления советских войск в Запорожье и Херсон оба обкома были уже полностью укомплектованы, обеспечить необходимыми сотрудниками райкомы получалось не всегда. В Запорожской обл. даже спустя два месяца после освобождения их катастрофически не хватало в 11 сельских районах из 27[37]. С 1 апреля по 20 июля 1944 г. из восточных областей УССР в Запорожье и на Херсонщину прибыли соответственно 107 и 59 партийных и хозяйственных работников, многие из них являлись участниками и командирами партизанских отрядов[38]. Однако качество руководящих кадров не соответствовало масштабу задач, с которыми им приходилось сталкиваться, что порождало частые перестановки. Так, в одном из сёл Бериславского района Херсонской обл. с марта по декабрь 1944 г. сменились три главы сельсовета[39].

«Кадровый голод» затронул и сферу торговли. Херсонский Книгокультторг к 1 января 1945 г. смогли укомплектовать всего на 34%. В торговых учреждениях области не хватало почти половины полагавшихся по штатам бухгалтеров и эко-

---

[30] ГА РФ, ф. Р-7901, оп. 8, д. 37, л. 27.

[31] В обкомі КП(б)У // Наддніпрянська правда. 1944. 20 жовтня. № 106. С. 2.

[32] ГА РФ, ф. Р-7901, оп. 1, д. 56, л. 215–218; д. 525, л. 8–13.

[33] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 397.

[34] Там же. С. 594–595.

[35] Про стан народної освіти в області та заходи щодо покращення роботи шкіл // Червоне Запоріжжя. 1944. 22 грудня. № 255(6537). С. 2.

[36] ГА РФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 347, л. 75–75 об.

[37] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 292.

[38] *Носиков Ю.В.* Указ. соч. С. 46–47.

[39] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 308.

номистов. Всего в 1945 г. в них числилось 816 человек, из которых 713 имели трудовой стаж в отрасли менее года. Все они заняли свои места уже после освобождения. При этом 493 работника успели получить лишь «низшее образование»[40].

Схожая картина наблюдалась во всех отраслях. Агрономов, ветеринаров, зоотехников в Запорожской обл. в 1944 г. осталось 13% от их довоенного числа[41], врачей – 43% (в Херсонской обл. к началу 1945 г. – 51%)[42]. Учителей в Запорожской обл. в 1940/41 учебном году насчитывалось 7099, а в 1944/45 – лишь 4838; в Херсонской обл. соответственно – 4462 и 2767[43]. Опытные педагоги, пережившие оккупацию, признавали, что за это время «ничего не читали и, естественно, отстали от жизни, перезабыли даже элементарные методические установки»[44]. Районные газеты из-за отсутствия в редакциях компетентных сотрудников выходили нерегулярно. Так, газета Акимовского района Запорожской обл. «Соціалістичний степ» за первые 11 месяцев своего существования выпустила всего 25 номеров[45].

В отчётах и на страницах областной прессы местные руководители объясняли недостатки работы с массами тем, что их подчинённые «слабо разбирались в политике партии»[46]. В сёлах к этой деятельности приходилось активно привлекать горожан, включая комсомольцев[47].

В учреждениях, учебных заведениях и на предприятиях обеих областей пропаганда велась традиционным и однотипным образом: проводились регулярные «политинформации», торжественные заседания и митинги по случаю различных годовщин, создавались «красные уголки», вывешивались доски почёта, стенгазеты и лозунги, устраивались просмотры фильмов[48]. Сотрудники обкомов партии читали пропагандистские лекции по радио, которое, пусть и с перебоями, играло важную роль[49]. Впрочем, Комитет радиоинформации при Совете министров СССР критиковал Херсонский радиокомитет за плохо отредактированные тексты, а также за «тяжёлый и зачастую неграмотный язык»: «Иногда в эфир идут материалы, дискредитирующие и выступающего, и радиокомитет»[50]. В Запорожской обл. на рубеже 1944–1945 гг. проходили «кинофестивали», и перед каждым сеансом «подготовленные товарищи» беседовали со зрителями о положении дел на фронтах, об ухудшающейся ситуации в Германии и т.д.[51] Однако размах таких мероприятий ограничивала малочисленность киноустановок (11,3% от их довоенного количества)[52].

---

[40] ГА РФ, ф. Р-5452, оп. 36, д. 24, л. 73–74.

[41] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 305.

[42] Там же. С. 591.

[43] Там же. С. 596.

[44] *Маслич П.* Как работает наш педкабинет // Красное Запорожье. 1945. 13 марта. № 49(6593). С. 2.

[45] Улучшить партийное руководство районными газетами // Красное Запорожье. 1945. 10 февраля. № 27(6571). С. 1.

[46] ГА РФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 347, л. 86 об.; ф. Р-7901, оп. 1, д. 682, л. 47.

[47] *Носиков Ю.В.* Указ. соч. С. 51–52.

[48] ГА РФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 347, л. 85–86; ф. Р-5452, оп. 22, д. 216, л. 8–9; оп. 28, д. 1319, л. 10бб–10вв.

[49] *Бажанов М.* «Увага, говорить Запоріжжя» // Червоне Запоріжжя. 1944. 30 грудня. № 261(6543). С. 2.

[50] ГА РФ, ф. Р-6903, оп. 18, д. 9, л. 55–57.

[51] *Двірник І.* У кінотеатрі Червоноармійська // Червоне Запоріжжя. 1944. 10 грудня. № 247(6529). С. 2.

[52] *Перехрест О.Г.* Указ. соч. С. 608.

В 1944–1945 гг. пропагандисты не акцентировали внимание на морально-психологических последствиях оккупации, сосредотачиваясь преимущественно на материальном ущербе, нанесённом захватчиками, и напоминая о разрушенных ими промышленных предприятиях, разорённых колхозах и совхозах[53]. Соответственно и усиление «политико-массовой работы» чаще всего связывалось с необходимостью в ускоренном темпе устранить «последствия хозяйничанья немцев»[54]. Профсоюзные комитеты развернули агитацию за выполнение нового пятилетнего плана[55].

В отчётах о культурно-массовой работе национальной специфике, как правило, не придавалось значения, но иногда отмечался паритет русского и украинского компонентов (например, когда одновременно создавались два драматических кружка при заводском клубе)[56]. В более индустриализированной Запорожской обл., куда для восстановления промышленности прибывали тысячи рабочих со всего Советского Союза, каждый номер областной газеты «Червоне Запоріжжя» дублировался на русском языке, а с января 1945 г. она печаталась только по-русски – как «Красное Запорожье». С 1 мая того же года, ввиду «быстрого увеличения количества читателей русских газет», в области решили возобновить издание «Большевика Запорожья»[57].

В череде идеологических мероприятий «русские» или «общесоюзные» темы явно преобладали над республиканскими. В учреждениях и на предприятиях обеих областей проводились «Ломоносовские» и «Крыловские дни»[58]. Среди литературных произведений, которым посвящались лекции, были романы «Чапаев» и «Как закалялась сталь», басни И.А. Крылова, «сказки Тургенева», труды и биография И.В. Сталина, но не оказалось ничего украинского[59]. В профсоюзных клубах звучали доклады «Сталинская дружба народов в СССР», «О советской артиллерии и авиации», «Великий русский полководец А.В. Суворов», «Горький – великий русский писатель»[60]. В Херсонской областной библиотеке в ноябре 1944 г. организовали выставки литературы об А.В. Суворове, А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, А.П. Чехове, М. Горьком[61]. Областные партийные газеты публиковали большие заметки, посвящённые русским учёным и писателям[62], тогда как материалы об украинской истории и культуре появлялись на их страницах значительно реже, и в них неизменно говорилось

---

[53] *Пасенченко Ф.І.* Відродимо славу Херсонщини // Наддніпрянська правда. 1945. 1 січня. № 1(154). С. 2.

[54] На міських зборах інтелігенції Херсона // Наддніпрянська правда. 1944. 21 жовтня. № 107. С. 2; *Пальчик В.* На районних партзборах // Червоне Запоріжжя. 1944. 10 грудня. № 247(6529). С. 1; Напередодні 1945 року // Червоне Запоріжжя. 1944. 31 грудня. № 262(6544). С. 1.

[55] ГА РФ, ф. Р-5452, оп. 22, д. 216, л. 8.

[56] Там же, оп. 28, д. 1285, л. 60.

[57] Запорожская область... С. 330–331.

[58] Ломоносовские дни в пединституте // Красное Запорожье. 1945. 13 апреля. № 71(6615). С. 2; Криловські дні в Херсоні // Наддніпрянська правда. 1944. 24 листопада. № 128. С. 2.

[59] ГА РФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 347, л. 85 об.; д. 343, л. 23.

[60] Там же, д. 347, л. 86; ф. Р-5452, оп. 28, д. 1285, л. 60.

[61] *Діброва П.* Піднести роботу бібліотек і клубів // Наддніпрянська правда. 1944. 12 листопада. № 120. С. 2.

[62] *Сергеєв.* Великий російський математик П.Л. Чебышев // Наддніпрянська правда. 1944. 9 грудня. № 138. С. 2; *Зубакіна Т.* Грібоєдов – великий російський поет-громадянин // Наддніпрянська правда. 1945. 14 січня. № 10(163). С. 2; *Фёдоров М.* Александр Степанович Попов (К 50-летию открытия радио) // Красное Запорожье. 1945. 28 апреля. № 82(6626). С. 2.

о «старшем брате» украинцев[63]. Причём нельзя сказать, что эти предпочтения навязывались свыше. Комитет радиоинформации при Совете министров СССР, комментируя передачи Херсонского радиокомитета, напротив, констатировал, что ведущие недостаточно владеют русским языком и им следовало бы выступать на украинском, особенно, когда они касались аграрных дел: «Это и правильнее было бы, так как тема выступления интересует в первую очередь сельского радиослушателя – украинца»[64].

В пропаганде постоянно демонстрировалась связь населения с фронтом. Павшим в боях за освобождение области и её погибшим уроженцам ещё до окончания войны устанавливались памятники[65]. Широко освещалась поддержка инвалидов войны и их семей – им прежде других выдавалось жильё и материальная помощь[66]. Письма фронтовиков, благодаривших земляков за помощь в восстановлении разрушенных оккупантами жилищ, публиковались в газетах и зачитывались по радио[67]. Директора и коллективы предприятий брали шефство над детскими домами, где воспитывались дети погибших военнослужащих, а комсомольцы – организованно помогали семьям солдат и офицеров, объединяясь в ремонтные бригады и «тимуровские команды»[68]. Обеспечение в приоритетном порядке инвалидов, вдов и сирот топливом и продовольствием обсуждалось на профсоюзных собраниях[69]. Иногда на местах даже опережали общесоюзные предписания. Так, завком Мелитопольского завода им. А.И. Микояна выступил с сомнительной инициативой отчисления части заработка своих сотрудников в пользу тех, кто потерял кормильцев или трудоспособность. Однако ЦК республиканского профсоюза тяжёлой промышленности признал это решение недопустимым и рекомендовал коллективу «переработать» с данной целью в свободное от производства время. Вместе с тем к концу войны тот же завод в обкоме профсоюза упрекали за недостаточное внимание к инвалидам и семьям погибших бойцов[70].

Публичные похвалы и разгромные замечания в областных газетах являлись важным средством стимулирования ответственных за «агитационно-массовую работу» лиц и даже крупных партийных ячеек. Так, в декабре 1944 г. «Червоне Запоріжжя» сообщило о том, как на недавнем пленуме обкома КП(б)У раскритиковали горкомы в Мелитополе и некоторых менее крупных центрах, где первичные организации не справились с «разворачиванием политической работы в массах» и «идейно-теоретическим воспитанием» коммунистов, комсомольцев

---

[63] *Кравченко Є.* Григорій Савич Сковорода (до 150-річчя з дня смерті) // Наддніпрянська правда. 1944. 10 листопада. № 119. С. 2; *Цеков И.* Наши предки // Красное Запорожье. 1945. 21 февраля. № 35(6579). С. 2.

[64] ГА РФ, ф. 6903, оп. 18, д. 9, л. 58, 61.

[65] Херсонская область... С. 244; Запорожская область... С. 300.

[66] *Носиков Ю.В.* Указ. соч. С. 52–53.

[67] *Ждан В.* Дякую за надану допомогу // Червоне Запоріжжя. 1944. 9 грудня. № 246(6528). С. 2; Листи щирої подяки (огляд листів) // Червоне Запоріжжя. 1944. 12 грудня. № 248(6530). С. 2; *Рябченко І., Голобородько В.* «Ми йдемо в Берлін!» (Лист з фронту) // Наддніпрянська правда. 1944. 24 вересня. № 88. С. 1; *Полувенко А.* Б'ємо ворога в його лігві // Наддніпрянська правда. 1945. 1 січня. № 1(154). С. 4.

[68] Дітям-сиротам // Червоне Запоріжжя. 1944. 27 липня. № 150(6482). С. 3–4; *Бредин В.* Ценный почин // Красное Запорожье. 1945. 10 марта. № 47(6590). С. 2; Оточімо піклуванням родини фронтовиків! // Наддніпрянська правда. 1944. 29 жовтня. № 112. С. 2; *Горобець М.* Оточімо піклуванням сім'ї воїнів // Наддніпрянська правда. 1944. 20 грудня. № 146. С. 2.

[69] ГА РФ, ф. Р-5452, оп. 28, д. 1319, л. 6.

[70] Там же, ф. Р-7676, оп. 9, д. 250, л. 102; д. 584, л. 78.

и интеллигенции[71]. Резко писали в газетах, обязательно с конкретными примерами, про учителей, не рассказывавших на уроках о событиях Великой Отечественной войны[72]. Инструктор отдела пропаганды и агитации Херсонского обкома партии в «Наддніпрянській правде» перечисляла колхозы, в которых вяло велась «агитационно-массовая работа»[73].

«Возвращению» населения в «советское» русло активно способствовали профсоюзные структуры, хотя в первые два года охват ими трудящихся Херсонской и Запорожской областей был невысок. 25 февраля 1945 г. на областной конференции профсоюза работников Госторга УССР в Херсоне один из местных руководителей заявил: «Надо прямо сказать, что люди, которые освобождены от немецких захватчиков, люди, остававшиеся в оккупированных городах и районах, в известной мере забыли наши Советские законы, законы о трудовой дисциплине»[74]. В Мелитополе большинство работников тяжёлого машиностроения в период оккупации «утратили» свои профсоюзные билеты[75], но и почти год спустя после её прекращения на крупнейшем в городе заводе им. А.И. Микояна в рядах профсоюза находились всего 177 из 566 сотрудников. Заведующий орготделом ЦК Союза требовал от завкома «коренного перелома» в сложившейся ситуации и называл это «делом политической важности»[76]. Характерно, что из 950 занятых в сфере торговли в Мелитополе лишь 529 вступили в профсоюз, а план сбора членских взносов выполнялся всего на 64%. В городе Осипенко с этими показателями всё обстояло ещё хуже: 50 и 55% соответственно. Положение «спасало» Запорожье, где контроль ощущался сильнее. В результате в 1945 г. обком выполнил план на 68,4% при охвате 84,3% работников отрасли[77]. На локомобильном заводе им. Г.И. Петровского в Херсоне, где в профсоюзе состояли 90% сотрудников, план по сбору взносов не выполнялся даже наполовину[78]. По-видимому, именно нежелание отдавать часть и без того скудного заработка и сдерживало рост численности профсоюзов. К маю 1945 г. эту проблему так и не удалось решить, и в послевоенные годы профсоюзные руководители Запорожской и Херсонской областей часто менялись, поскольку их деятельность признавалась неудовлетворительной, – как, например, в обоих обкомах профсоюза Госторга или запорожского общепита и т.д. На отчётных собраниях у представителей ЦК профсоюзов вызывали недовольство масштабы культмассовых и «политико-воспитательных» мероприятий, редкие собрания, отсутствие соцсоревнований и низкие поступления от членских взносов[79].

В целом, в освобождённых Херсонской и Запорожской областях сложилась довольно благоприятная почва для возвращения к прежнему укладу жизни, а медленное развитие культурной инфраструктуры и серьёзная нехватка квалифицированных кадров в разорённом регионе были естественны и практически неизбежны.

---

[71] На пленумі обкому КП(б)У // Червоне Запоріжжя. 1944. 3 грудня. № 242(6524). С. 2.

[72] *Ключник Л.* О преподавании истории, математики и других предметов // Красное Запорожье. 1945. 14 марта. № 50(6594). С. 2.

[73] *Куцевол Г.* Там, де агітація стала дійовою // Наддніпрянська правда. 1944. 3 вересня. № 74. С. 2.

[74] ГА РФ, ф. Р-5452, оп. 36, д. 24, л. 79.

[75] Там же, ф. Р-7676, оп. 9, д. 156, л. 83.

[76] Там же, л. 91.

[77] Там же, л. 85.

[78] Там же, д. 589, л. 27–29.

[79] Там же, ф. Р-5452, оп. 22, д. 216, л. 1; оп. 36, д. 7, л. 54; д. 24, л. 75; оп. 28, д. 1285, л. 47–48; д. 1319, л. 13.

Михаил Алмазов

Мемуарное наследие Зинаиды Морозовой*

Mikhail Almazov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The memoir legacy of Zinaida Morozova

DOI: 10.7868/S3034579026020161

Ещё в 1998 г. сотрудники музея-заповедника «Горки-Ленинские» С.В. Давиденко и Е.Н. Савинова поместили в «Археографическом ежегоднике» обзор хранящейся в Государственном театральном музее им. А.А. Бахрушина рукописи воспоминаний Зинаиды Григорьевны Морозовой (1867–1947) (с. 19–20). Однако потребовалось немало времени и кропотливого труда для того, чтобы разобрать не самый простой почерк мемуаристки (читатель может увидеть его на фотографиях среди иллюстраций), а также адекватно расположить разрозненные фрагменты текста. Магистр А.С. Масликова, выпускница кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, успешно выполнила эту работу под руководством старших коллег – профессора А.В. Карагодина (научного редактора книги) и доцента Т.А. Кругловой. В итоге в вышедшем в 2025 г. издании не только воспроизведён окончательный вариант мемуаров (публикаторам не удалось прочесть лишь отдельные фрагменты) (с. 49), но и указаны различные исправления и редакции изложения некоторых сюжетов и глав, как, например, об актрисе Малого театра Г.Н. Федотовой.

В целом, текстологическую подготовку издания следует признать близкой к совершенству. Что же оно может дать современному исследователю? В предисловии Карагодин утверждает, что читатели найдут здесь «немало ответов на “проклятые” вопросы о русской революции и вызвавших её причинах», особенно же ценным данный источник будет для специалистов по «новой биографической истории», увлечённых созданием «портрета личности» на «фоне эпохи» (с. 20–21). Действительно, представительница старого купеческого рода Зиминых из Павловского Посада, побывавшая супругой Сергея Викуловича и Саввы Тимофеевича Морозовых, а затем вступившая в брак с московским градоначальником А.А. Рейнботом, заслужившим скандальную репутацию, хозяйка подмосковных усадеб Горки и Покровское-Рубцово, Зинаида Григорьевна долгое время находилась в центре светской, культурной, общественной и политической жизни Москвы. Среди её знакомых и друзей встречались министры и артисты, политики и врачи, купцы и промышленники.

Однако сравнительно краткие записи Морозовой не складываются в цельное повествование. По сути, она оставила десять очерков, охарактери-

* *Морозова З.Г.* Воспоминания / Сост. А.С. Масликова. М.: Издательство редких книг, 2025. 145 с., ил.

зовав в них с разной степенью подробности гр. С.Ю. Витте, А.В. Кривошеина, В.А. Маклакова, А.А. Козлова, А.А. Остроумова, гр. Л.Н. Толстого, Г.Н. Федотову, В.Ф. Снегирёва, А.П. Чехова и Ф.И. Шаляпина. При этом рассказ о Снегирёве обрывается на полуслове, а бóльшую часть главы, посвящённой Федотовой, занимают заметки о Художественном театре (с. 78, 94). Да и в остальных, более цельных миниатюрах, как правило, говорится об одной или нескольких чертах изображённого персонажа. Иногда это малосодержательные детали (например, об интересе министра внутренних дел И.Л. Горемыкина к различным типам обуви (с. 31–32) или о том, как С.Т. Морозов примерил по ошибке цилиндр Н.А. Бугрова (с. 33)) или предельно субъективные впечатления и ироничные замечания. Так, о Кривошеине сказано, что, возглавляя ведомство землеустройства и земледелия, он не умел отличить «гречу от овса» (с. 44). Запомнив неприятный взгляд гр. Толстого, Морозова охотно делилась своими размышлениями о состоянии души писателя в последние годы его жизни (с. 71–73).

Подобные особенности творчества Зинаиды Григорьевны отчасти объяснялись тем, что писала она уже в 1930-е гг., в почтенном возрасте, по просьбе С.А. Попова (сотрудника Театрального музея им. А.А. Бахрушина), уговорившего её поведать потомкам о своих встречах с выдающимися современниками (с. 19). Разумеется, обстановка тех лет не располагала «бывших» к излишней откровенности и широким обобщениям, не говоря уже об апологии дореволюционной России. Даже банальные сентенции о том, что Николай II «совсем не знал людей и плохо в них разбирался, будучи неглупым человеком» (с. 31), звучали тогда на фоне глумливого обличительства достаточно смело. Неудивительно, что о себе и своих мужьях Морозова упоминала крайне скупо (а о Рейнботе и вовсе умалчивала). Кроме того, её уже нередко подводила память, и она даже путала братьев Василия и Николая Маклаковых (с. 48–49, 57).

Наиболее ярко в зарисовках мемуаристки отразились черты характера гр. Витте, прежде всего его безграничное тщеславие и неумеренное честолюбие, проявлявшиеся и после отставки с поста председателя Совета министров. Сергей Юльевич всегда ценил неформальные контакты с промышленниками и охотно выслушивал мнения Зинаиды Григорьевны, с которой «обыкновенно говорил... о делах» (с. 28). При этом, по её свидетельству, «в обращении с людьми Витте мог быть очень приятен и вместе с тем, [с теми] кого он не любит, был очень противен» (с. 27–32).

Василий Маклаков, в своих эмигрантских сочинениях выступавший как трезвомыслящий политик, будто бы всегда сочувствовавший сотрудничеству «исторической власти» и «цензовой общественности», изображён Морозовой как весьма радикально настроенный интеллектуал, не отличавшийся проницательностью. В мае 1906 г. он «с большим пафосом» толковал о I Государственной думе, тогда как собеседница якобы уверяла его, что эту «нигде не слыханную и нигде не виданную» законодательную палату «скоро закроют». Когда же депутатов действительно распустили, Маклаков заявлял в Покровском-Рубцове, что «мы все пойдём на баррикады». Однако сам он сомневался в целесообразности ехать в Выборг и не присоединился к протесту против действий царя, опасаясь, по словам мемуаристки, «опоздать в министры». Солдат и офицеров лейб-гвардии Семёновского полка, прибывших в Москву для подавления Декабрьского восстания 1905 г., член ЦК партии кадетов, похоже, искренне

считал «спасителями». От крестьян же в имении Дергайково Звенигородского уезда, принадлежавшем тогда Маклаковым, хозяева в любую минуту ожидали поджога (с. 47–51), хотя сам Василий Алексеевич позднее вспоминал о «хороших отношениях» с бывшими крепостными[1].

В мемуарах можно обнаружить любопытные штрихи, отражающие контакты радикальных либералов с московскими предпринимателями. Так, весной 1905 г. Зинаида Григорьевна и её муж Савва Тимофеевич побывали на организованном «освобожденцами» собрании в доме князей Павла и Петра Долгоруковых, где «читали “Конституцию”», т.е., вероятно, проект, подготовленный членами «Союза»[2]. Примечательно, что, по общему впечатлению супругов, многие представители либерального «цвета Москвы» не имели понятия о предмете обсуждения (с. 51). Как вспоминала Морозова, после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. её посетил кн. Павел Дмитриевич Долгоруков, который заявил, что приехал «по поручению партии», «наговорил мне кучу любезностей о моём уме и прочем» и предложил вступить в ряды конституционных демократов. Однако практичная купчиха сразу же дала понять собеседнику, что, несмотря на своё богатство, не станет спонсором политической деятельности его единомышленников, кадетским целям не симпатизирует и вообще не хочет связывать себя узами партийной дисциплины, поскольку привыкла к «свободомыслию» и не терпит «рамок» (с. 49). Судя по записи их диалога, сторонникам введения восьмичасового рабочего дня и законодательства, жёстко регулирующего трудовые отношения, нечего было предложить капиталистам, кроме комплиментов и личных связей. Организация, которую противники слева называли «буржуазной», явно не привлекала дельцов и промышленников. «По-моему, – отмечала Зинаида Григорьевна, – это какая-то бесполезная партия, в которой играет роль честолюбие» (с. 49). Ей виделась в этом «оппозиция... сытых людей, которые жаждали власти» (с. 50).

Общалась Морозова и с московским генерал-губернатором Козловым, который допустил проведение в городе в мае и июле 1905 г. съездов земских и городских деятелей, требовавших создания представительных учреждений и призывавших подданных царя к неповиновению. Козлов не скрывал, что император вынудил его принять пост, сославшись на тяжёлые обстоятельства: «Теперь смутное время, вы не должны отказываться». Этот выбор, сделанный, по слухам, по рекомендации министра внутренних дел А.Г. Булыгина[3], оказался крайне неудачным: «Я стар и ничего не понимаю в теперешнем настроении..., – признавался 68-летний генерал, давно находившийся в отставке. – Если мне приказывают, то я не могу отказываться... Я им в Петербурге поставил условие, чтобы градоначальником был Шувалов». Вместе с тем генерал-губернатор держался подчёркнуто скромно и непринуждённо, что помогало ему ладить с московской общественностью (с. 63–64). Но именно это при слабой ориентации в политической обстановке привело Козлова после гибели гр. П.П. Шувалова (убитого 28 июня эсером П.А. Куликовским) к фактической капитуляции перед оппозиционными земцами и к конфликту с могущественным товарищем министра внутренних дел Д.Ф. Треповым[4].

Большое внимание Морозова уделяла культурной жизни рубежа XIX–XX вв. Довольно подробно она раскрывает тяжёлое психологическое состояние Чехова в последние годы его жизни и сложные коллизии, возникавшие между ним и О.Л. Книппер.

Практически «из первых уст» сообщается о принципиальном расхождении Чехова с руководителями Художественного театра К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко в оценке пьесы «Вишнёвый сад» (с. 80, 100–105). Нельзя не отметить и множество ценных свидетельств о быте и нравах предреволюционной эпохи, в том числе и о переживаниях Зинаиды Григорьевны, связанных с разводом с С.В. Морозовым – в старообрядческой среде расторжение брака не воспринималось как «шутка» (с. 68).

В приложении к публикации приведён ряд писем З.Г. Морозовой 1902–1939 гг., адресованных О.Л. Книппер-Чеховой. По ним прослеживается изменение их отношений и можно судить о повседневных занятиях Зинаиды Григорьевны (с. 123–132). Особенно выделяется последнее послание, датированное 8 августа 1939 г., где выразительно показана её жизнь в СССР в конце 1930-х гг. (с. 131–132).

Очевидно, что столь разнообразный и сложный материал нуждался в подробных комментариях, размещённых для удобства читателей после каждого очерка и письма и разъясняющих трудные для понимания фрагменты текста. К сожалению, не все примечания достаточно точны и удачны. Например, едва ли наименование офицеров и солдат Семёновского полка «преображенцами» было характерно для современников мемуаристки, а не являлось ошибкой её памяти (с. 56). Поясняя упоминание о том, что накануне собрания в доме князей Долгоруковых «была дана свобода общественным собраниям», комментатор почему-то предполагает, будто это произошло после выхода Манифеста 17 октября 1905 г., игнорируя указание на весеннее время года («апрель или май») и с недоумением отмечая факт смерти участвовавшего в той встрече С.Т. Морозова 13(26) мая (с. 49, 56). Между тем речь шла о праве подачи общественными группами в Совет министров ходатайств о реформах государственного устройства, зафиксированном 18 февраля в императорском указе, что фактически означало легализацию свободы собраний[5].

Тем не менее настоящее издание мемуаров З.Г. Морозовой, несомненно, в самом скором времени будет востребовано как исследователями, так и широким кругом читателей, интересующихся драматичной эпохой начала XX в.

Примечания

[1] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника / Сост. С.В. Куликов. М., 2023. С. 365.

[2] Эти сведения подтверждают и документы Департамента полиции МВД. См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 2001. С. 518, 572.

[3] *Никольский Б.В.* Дневник 1896–1918 / Изд. подгот. Ю.А. Кузьмин, Д.Н. Шилов. Т. 2. СПб., 2015. С. 55.

[4] ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 233а, д. 1000, л. 24б, 30, 31; д. 1000, ч. 1, л. 2, 3, 9, 76, 79. О простоте и неуверенности в себе генерал-губернатора, а также о его тандеме с гр. Шуваловым вспоминал и В.Ф. Джунковский *(Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1905–1915) / Под общ. ред. А.Л. Паниной. Т. 1. М., 1997. С. 48–49, 62–64).

[5] *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 310–313; Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 207, 218.

Игорь Богомолов

Рец. на: Е.Г. Кострикова. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг. М.: Кучково поле, 2024. 416 с.

Igor Bogomolov
(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: E.G. Kostrikova. Informatsionnaya politika rossiyskogo pravitel'stva v gody Pervoy mirovoy voyny i revoliutsii. 1914–1917 gg. Moscow, 2024

DOI: 10.7868/S3034579026020179

В последние годы исследования по истории цензуры и пропаганды, информационных войн и общественных настроений уже нельзя назвать большой редкостью. Историки ищут в этих направлениях новые сюжеты, связанные с событиями русско-японской и Первой мировой войн, революции 1917 г. и проч. В общем ряду выделяются работы Е.Г. Кострикoвой, которая в течение долгого времени изучала взаимоотношения русской прессы и дипломатии в царствование Николая II[1]. Логическим продолжением этой работы стала монография, посвящённая «информационной политике» 1914–1917 гг. В ней прослеживается деятельность военной цензуры, Петроградского телеграфного агентства (ПТА) и МИД, о чём, как справедливо отмечает автор, историки до сих пор писали мало (с. 8).

В книге использован широкий круг источников, прежде всего материалы РГИА (фонды ПТА и Главного управления по делам печати, военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати), АВПРИ (Архив «Война», Отдел печати и осведомления МИД и др.) и ЦГА Москвы (Московский комитет по делам печати), а также документы из личных фондов дипломатов и чиновников.

Свой труд Кострикова разделила на две части. В первой из них говорится об информационной политике царского правительства в 1914 – феврале 1917 г. В открывающей её главе дана краткая характеристика «идеологической подготовки», которую проводили будущие противники накануне Первой мировой войны. В частности, в русской публицистике с 1907 г. участились предупреждения о нарастающей германской угрозе и усилении пропагандистских кампаний Берлина за рубежом. На этом фоне проявилась неготовность России к информационному противостоянию: Санкт-Петербургское телеграфное агентство было учреждено только в 1904 г., когда другие державы уже располагали такими мощными инструментами пропаганды, как «Рейтер», «Вольф», «Гавас», «Корреспонденц-бюро». МИД по-прежнему сохранял «кастовую замкнутость» личного состава и не уделял должного внимания информированию публики о политике, которой руководил непосредственно император.

После убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда «правительства Германии и Австро-Венгрии взяли курс на войну», но до поры скрывали свои намерения, проведя умелую и хорошо согласованную кампанию по «дезинформации европейского общественного мнения». Вильгельм II и крупнейшие немецкие военачальники демонстративно уехали в отпуск,

и у русского посла в Вене Н.Н. Шебеко даже сложилось впечатление, что окружение Франца Иосифа «поняло всю опасность того пути, по которому силились толкать страну некоторые политические круги внутри империи, а также союзной ей державы» (с. 26). Подобному настроению поддалась и русская печать. Как полагает Кострикова, поддерживавшие его статьи инспирировались властями для успокоения общественности (с. 27). В результате австрийский ультиматум Сербии оказался неожиданным для большинства русских газет.

В центре второй главы – военная цензура, которая справедливо рассматривается Костриковой как часть информационной политики. Общественное мнение формировала тогда в первую очередь частная печать, и её тиражи в годы войны быстро росли. В погоне за сенсацией многие издания, особенно бульварного толка, «спешили опубликовать известия, достоверность которых вызывала сомнения, а то и просто ошибочные» (с. 31). Военная цензура обеспечивала контроль над потоками информации и пресекала разглашение секретных сведений. Однако границы её ответственности постепенно расширялись, захватывая политические сюжеты. К тому же решения цензоров разных городов по поводу одного и того же (или схожего) материала часто противоречили друг другу. В результате достигнутое, казалось бы, взаимопонимание между военно-цензурными органами и печатью со временем сменилось раздражением и недоверием, причём они лишь усиливались вместе с попытками правительства ужесточить и «политизировать» цензуру.

Третья глава посвящена деятельности ПТА в 1914 – начале 1917 г. Автор подробно описывает порядок ежедневной работы агентства, развитие его российской и зарубежной сети, её финансовое и материальное положение. Отдельный параграф повествует о сотрудничестве ПТА с МИД при информировании союзных и нейтральных стран о положении в России. Агентство взаимодействовало с зарубежными партнёрами, распространяло официально одобренные в Петрограде представления о причинах и ходе войны, боролось с вражеской пропагандой. При этом возникали многочисленные трудности из-за дефицита кадров, недостаточного финансирования, сложности передачи сообщений из России в другие государства и т.д. Большой интерес вызывает описание деятельности корреспондентов ПТА, которым в условиях войны пришлось полностью перестраивать свою работу за границей. В одном из параграфов прослеживаются сложные отношения агентства и военной цензуры. Характерно, что крупные столичные издания стремились не только обойти цензурные ограничения, но и максимально снизить зависимость от ПТА при освещении положения в мире и ситуации на фронте. Тем не менее, по мнению Костриковой, агентство, несмотря на все трудности, «в целом справилось с поставленными перед ним задачами» и осталось «главным информационным источником для русской периодической печати» (с. 148).

В четвёртой главе анализируется общее состояние информационной работы МИД в военных условиях. К 1914 г. ведомство находилось «на стадии реформирования», начатого в 1907 г. А.П. Извольским. Одним из главных новшеств стало учреждение Отдела печати, отвечавшего за «установление контактов с конструктивно настроенными представителями русской прессы и общества» (с. 149, 152). В годы войны ему же следовало «нейтрализовать вредоносную пропаганду, развёрнутую противником в широких масштабах» (с. 161). В книге освещены

непоследовательные и не всегда удачные попытки министерства наладить сотрудничество с редакциями, которые, несмотря ни на что, всё сильнее критиковали МИД за нерасторопность и провалы (прежде всего на Балканах), за недальновидные назначения в миссиях и «немецкое засилье» в центральном аппарате. Однако министерство, как показала Кострикова, «проявило особую осторожность, когда зашла речь об ужесточении цензуры» (с. 174). Вместе с тем исследовательница отметила противоречивость позиции МИД. В официальной переписке ведомство чаще всего выступало неким «голосом разума», а руководивший им С.Д. Сазонов «считал, что ограничение свободы печати во внешнеполитических вопросах... могло принести вред, вызвав нежелательную реакцию общественного мнения как внутри России, так и за рубежом» (с. 176). Однако на заседаниях правительства глава МИД высказывался куда более жёстко, выражая недовольство тем, что генералы, и прежде всего военный министр А.А. Поливанов, противятся «расширительному толкованию» (т.е. политизации) военной цензуры[2]. Собственно дипломатические цензоры действовали с начала войны, в 1916 г. их роль только возросла. «Серьёзных нареканий» со стороны руководства они не вызывали (с. 199).

В пятой и шестой главах речь идёт о борьбе МИД за общественное мнение в нейтральных странах и о мерах, направленных против вражеской пропаганды. Поначалу усилия правительства на этом поприще были разрозненными и недостаточными для успешной конкуренции с немцами. Остро ощущались институциональные, финансовые и кадровые проблемы. До войны не удалось создать структуры, которые могли бы развернуть пропагандистскую деятельность. Большинство российских дипломатов, будучи «представителями старой школы», не имели «практики общения с прессой и общественностью». Особенно сложно оказалось противостоять влиянию Германии в Болгарии и Скандинавии, ожесточённая полемика велась в Румынии, Швейцарии, Италии и США. Так или иначе, к началу 1917 г. в этом деле «были достигнуты определённые результаты», в частности, за счёт ощутимого увеличения субсидий на иностранную печать и её осведомление (с. 239–241).

В четырёх главах второй части монографии раскрыты особенности военной цензуры и информационной политики Временного правительства. Поначалу при нём цензурное регулирование «несколько ослабло» (с. 293), и затем в обстановке не прекращавшихся кризисов его приходилось усиливать, возвращая цензорам фактически те же полномочия, какими они обладали при царе. Однако на практике единой системы так и не сложилось, поскольку местные советы и комитеты зачастую действовали без оглядки на решения и распоряжения Петрограда. Уже в мае газеты жаловались на их «самовольную» цензуру, а в сентябре Всероссийское общество редакторов констатировало, что «свобода печати, установленная новым строем как прочное завоевание революции, снова в опасности» (с. 292). Власти разрабатывали проекты преобразований в данной сфере, но не успели воплотить их в жизнь.

В ПТА в начале марта 1917 г. полностью сменилось руководство, перестановки произошли также в российской и зарубежной корреспондентской службе. Пришли «новые люди, которым нужно было научиться конструктивно взаимодействовать с органами печати и представителями общественности» (с. 325). Они обсуждали способы реорганизации сети, ускорения доставки бюллетеней подписчикам,

повышения авторитета агентства в столице и провинции. Однако далеко не все их начинания увенчались успехом. Между тем к прежним конфликтам добавилось недоверие социалистических изданий к «буржуазному» ПТА. В целом же агентство сохраняло позиции официального информационного органа, который после революции стал даже более востребован и в России, и за рубежом.

Кострикова подробно характеризует положение МИД и его информационно-пропагандистские действия в марте–октябре 1917 г. Став министром, лидер кадетов П.Н. Милюков сохранил преемственность как в личном составе ведомства, так и «в отношении характера и главных целей внешней политики государства» (с. 327). Но его деятельность на этом посту, по словам исследовательницы, «трудно назвать реалистичной»: ему не удалось ни согласовать со Ставкой скорейшее наступление на Восточном фронте и десантную операцию на Босфоре, ни перетянуть Болгарию на сторону Антанты, а знаменитая «нота Милюкова», направленная союзникам 18 апреля и подтверждавшая готовность России воевать «до решительной победы», стала «роковым шагом» и вызвала первый кризис Временного правительства (с. 328–329). М.И. Терещенко, возглавлявший МИД с мая до конца октября, также не имел к дипломатии никакого отношения, и значимых перемен при нём не произошло. Между тем отношения с прессой, «неплохо налаженные в начале войны, в конце концов достигли небывалого накала» (с. 346). Летом 1917 г. газеты всех направлений обрушили на министерство шквал критики за развал представительств за границей и пассивность в информационной сфере. Наиболее жёстко об этом писали консервативные и либеральные издания, бившие таким образом по своим оппонентам слева. «Речь», например, утверждала, что «дипломатическая разруха органически связана с хроническим недомоганием нашей однобокой правительственной коалиции» (с. 342).

В сложившихся условиях МИД предпринимал попытки улучшить осведомление зарубежных стран о внутреннем положении России. И в этом, как отмечает Кострикова, ему «удалось достичь ощутимых результатов» (с. 365). В частности, в Швейцарии именно в 1917 г. две местные газеты на немецком и французском языках стали выходить с приложением «Новая Россия», которое печаталось тиражом 90 тыс. экземпляров и «имело весьма большой успех, значительно превзошедший ожидания миссии» (с. 353–354). Несмотря на множество трудностей, налаживалась и пропаганда в США. Летом и осенью активно готовились проекты организации бюро печати при посольствах, но осуществить эти планы их разработчики не успели.

Исследование Костриковой основано на большом количестве источников и при этом написано доступным языком, не перегружено цифрами, мелкими деталями и цитатами. Рассматривая множество сюжетов и проблем, автор открывает перед читателем сложную картину развития дипломатии и внешних связей, цензуры, пропаганды и периодической печати России в драматичный период её истории. Однако, как и в любом столь же крупном научном труде, в книге встречаются досадные ошибки и опечатки (особенно в последних двух главах), противоречия в датировке (не всегда понятно, по какому стилю она даётся), но это не влияет на общее впечатление.

Реконструируя иерархию военно-цензурных органов в Петрограде, Кострикова опиралась на архивные документы. Реальная же практика военного времени сильно расходилась с нормами, в спешке утверждёнными

в июле 1914 г. Согласно «Положению о полевом управлении войск» 1914 г. военная цензура столицы находилась «в ведении главнокомандующего Северным фронтом» (с. 36), а «местные» военно-цензурные комиссии на театре военных действий (в том числе и в Петрограде) подчинялись генерал-квартирмейстерам армий соответствующего фронта[3]. Однако фактически на руководство Петроградской военно-цензурной комиссией (ПВЦК) изначально претендовали несколько центров, и в первую очередь – штабы Северного фронта, военного округа и 6-й армии. Борьба между ними не утихала вплоть до Февральской революции[4]. Формально ПВЦК действительно «была подчинена Главной военно-цензурной комиссии» (с. 36), на деле же в её ведении находились только учреждения, располагавшиеся за пределами театра военных действий, и она практически не влияла на столичную печать[5]. Сама ПВЦК тоже была не всесильна: независимо от неё функционировало военно-цензурное отделение (ВЦО) штаба 6-й армии и провинциальный отдел, в распоряжении которого состояли все цензоры Петроградского военного округа за пределами столицы. И если отдел летом 1915 г. был подчинён ПВЦК в ходе реформы цензуры[6], то отношения между ПВЦК и ВЦО оставались сложными вплоть до их ликвидации[7]. Эти нюансы важны для лучшего понимания причин противоречивости цензурной политики и недостаточной эффективности военной цензуры 1914–1917 гг.

В одной из глав упоминается разосланная 31 июля 1915 г. из Ставки телеграмма № 2883, в которой отмечались случаи произвола цензоров в отношении печати и напоминалось, что перечнем запрещённых сведений вполне «исчерпывается область военной цензуры в отношении печати» (с. 42). Автором её Кострикова считает вел. кн. Николая Николаевича, однако есть основания полагать, что непосредственно её составлял генерал Н.Н. Янушкевич, в то время начальник штаба верховного главнокомандующего. «Телеграммой Янушкевича» её называл и М.К. Лемке, много работавший с документами Ставки[8]. Косвенно это подтверждают и другие источники, приведённые им в воспоминаниях. Так, в июне 1915 г. Янушкевич писал Поливанову, что полномочия военной цензуры следует жёстко ограничить перечнем запрещённых сведений, который, «весьма возможно, требует пересмотра», но до того должен применяться «с полною твёрдостью»[9]. В декабре того же года директор Департамента полиции С.П. Белецкий передал в Ставку записку о недостатках «Временного положения о военной цензуре», отдельно упомянув о том, что прежде отношение Янушкевича к политическим делам «ставило правительство в тяжёлое положение и ещё более усиливало начавшуюся распущенность в некоторой части периодической прессы». Значительный вред, по его оценке, причинила и телеграмма № 2883, появившаяся, если верить Белецкому, по личной инициативе генерала[10].

Эти замечания никоим образом не умаляют несомненных достоинств монографии Е.Г. Костриковой – заметного события в отечественной историографии Первой мировой войны и революции 1917 г.

Примечания

[1] *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны, 1907–1914. М., 1997; *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914 гг. М., 2007; *Кострикова Е.Г.* Россия на пороге информационных войн: политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб., 2020.

[2] Подробнее см.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 250–251.

[3] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 14.
[4] РГВИА, ф. 13836, оп. 1, д. 150, л. 3, 9, 13.
[5] Там же, д. 35, л. 176; д. 54, л. 166; д. 773, л. 96.
[6] Там же, д. 150, л. 9.
[7] Там же, д. 393, л. 11–15.
[8] *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. М., 1920. С. 410–411.
[9] Там же. С. 404.
[10] Там же. С. 426, 429.

Дмитрий Маслов

Рец. на: О.Н. Наумов. Эпистолярное наследие академика Н.П. Лихачёва: введение в изучение. М.: Янус-К, 2025. 568 с., ил.

Dmitry Maslov
(Russian State Archive of Literature and Art, Russian State Archive of Socio-Political History, MIREA – Russian University of Technology, Moscow)

Rec. ad op.: O.N. Naumov. Ehpistolyarnoe nasledie akademika N.P. Likhacheva: vvedenie v izuchenie. Moscow, 2025

DOI: 10.7868/S3034579026020187

Биография выдающегося историка, искусствоведа, библиографа и коллекционера Николая Петровича Лихачёва (1862–1936) по странному стечению обстоятельств до сих пор не стала предметом отдельного монографического исследования. И это при том, что он оставил заметный след в ряде отраслей гуманитарного знания, включая источниковедение, генеалогию, библиографию, искусствоведение, археологию, предлагал решения крупных исторических проблем. Жизнь учёного совпала с переломным моментом в судьбе страны, когда рушился не только общественный строй, но и среда, являвшаяся источником вдохновения для преданных науке людей, к которым, несомненно, принадлежал и Лихачёв. Сознавая масштаб его личности и научного вклада, нельзя не приветствовать выход в свет книги, подготовленной видным источниковедом, генеалогом, доктором исторических наук, профессором О.Н. Наумовым.

Лихачёв оставил после себя богатое документальное наследие, разбросанное по многим хранилищам, но, поскольку он пострадал по печально известному «Академическому делу», обращение к этим материалам в советский период носило ограниченный характер, и даже имя Николая Петровича упоминалось с осторожностью. Устранение же идеологических препятствий в годы перестройки имело неоднозначные последствия для изучения связанных с Лихачёвым документов, в том числе эпистолярных. В постсоветский период в различных изданиях стало публиковаться всё больше писем учёного и ответных посланий к нему, но этот процесс не обходился без огрехов с точки зрения эдиционных требований. Поэтому важно, что монография Наумова состоит из двух взаимосвязанных частей – исследовательской, посвящённой процессу археографического освоения эпистолярного наследия Лихачёва и характеристике этого корпуса источников, и документальной, представляющей собой публикацию 435 писем.

Как показывает автор в первой главе исследовательской части, до сих пор переписка Лихачёва издавалась фрагментарно; публикаторы позволяли себе, зачастую без объяснения

причин, произвольно отбирать для печати одни тексты и «отбраковывать» другие. Наумов справедливо критикует такой избирательный подход (с. 26), так как именно в случае с материалами переписки неоправданное изъятие даже одного документа может породить существенные информационные лакуны. Поэтому первая задача, стоявшая перед исследователем, серьёзно приступившим к анализу и публикации переписки Лихачёва, заключалась в обеспечении их полноты. Наумов проделал титанический труд по выявлению искомых документов в 20 московских и региональных хранилищах, включая ОР РГБ, РГАЛИ, ГА РФ, отделы рукописей ряда ведущих столичных музеев, Национального музея Республики Татарстан, государственных архивов пяти регионов России. Благодаря такому охвату автору, безусловно, удалось обеспечить репрезентативность изданных материалов. И если в новой книге помещены не все уже известные и вновь выявленные письма, то публикатор подробно разъясняет причины каждого такого пропуска. Важно заметить, что и сам Наумов (как следует из названия монографии) рассматривает своё исследование лишь как введение в изучение эпистолярного наследия Лихачёва и в процессе изложения материала отмечает остающиеся открытыми вопросы.

Недостатки более ранних изданий писем Лихачёва выразились и в довольно частых нарушениях правил публикации. Последние, по наблюдению Наумова, были связаны как с отбором источников, так и с трансляцией текстов, оформлением научно-справочного аппарата. Их разбор весьма поучителен и может рассматриваться как своеобразное практическое пособие по археографии, отражающее новейшие её требования (с. 27–33). Сам исследователь чётко разъясняет применяемые им приёмы и принципы публикации документов во введении (с. 10–13).

Теоретической основой монографии заявлена интеллектуальная история (с. 6). Этот выбор неслучаен, он оправдывается характером источников и незаурядной личностью главного героя книги, а также эвристическими возможностями означенного подхода. В литературе уже отмечалось значение «антропологического поворота» в гуманитарных исследованиях последних лет как мощного интеллектуального тренда, становящегося всё более влиятельным прямо пропорционально распаду «больших нарративов»[1]. Как полагает В.В. Гудкова, биография человека – это и есть «первовещество истории, та самая частичка реальности, с которой трудно спорить, которую невозможно опровергнуть». Именно «приватные», не цензурированные свидетельства (в том числе эпистолярии) освещают путь к подлинным человеческим историям[2]. Бесспорен вывод Наумова о том, что в жизненной ситуации, в которой оказался выдающийся отечественный историк, именно эпистолярные источники открывают в ряде случаев едва ли не единственную возможность пополнения информации о его биографии (с. 7–10). Эпистемологическую ценность публикуемых документов повышают прямота (порой граничащая с прямолинейностью и даже резкостью), честность и откровенность Лихачёва, благодаря чему существенно расширяются наши представления о нём как об учёном и человеке, а также о современной ему эпохе (с. 8).

Вторая глава исследовательской части посвящена проблемам источниковедческого дискурса. Анализ сохранности писем Лихачёва, для наглядности сопровождённый таблицей их адресатов с количеством

выявленных в фондах последних ответных посланий, свидетельствует о существенных лакунах в известном корпусе переписки учёного. Поэтому следует поддержать намеченную автором монографии задачу по продолжению поиска таких документов. Останавливаясь на вопросе датировки писем (Лихачёв часто не делал соответствующих помет), Наумов выделяет шесть способов определения времени их составления и отправки, имеющих, безусловно, универсальное значение. В работе нашли отражение также вопросы авторства, истории текста и интерпретации писем Лихачёва, показано, что их познавательное значение существенно возрастает при комплексном анализе в единстве с другими эго-источниками. Кроме того, Наумовым выявлены неточности в атрибуции и описании отдельных документов, что поможет архивистам внести необходимые поправки и упорядочить их хранение.

Последующие четыре главы монографии содержат анализ переписки Лихачёва по выборкам, находящимся в отдельных хранилищах: приводится количественная характеристика, систематизируются данные о корреспондентах. Но главным достоинством этих глав является предпринятая Наумовым на основе каждой группы выявленных писем реконструкция биографии Николая Петровича. Не претендуя на всеобъемлющее изложение фактов жизни и творчества героя книги, но строго следуя тексту источников, автор монографии знакомит читателя с разнообразными сторонами судьбы учёного. Мы получаем представление о подготовке Лихачёвым ряда своих трудов, продвижении его по службе в дореволюционный период, его научных увлечениях и интересах (порой страстных), общественно-политических взглядах, событиях частной жизни, мучительных и далеко не всегда удачных попытках встроиться в советскую действительность. Симпатизируя и сочувствуя своему герою, Наумов тем не менее остаётся на почве научной объективности, всесторонне отражая различные аспекты его деятельности и характера.

Во второй части книги опубликованы (многие впервые) 406 писем Лихачёва и 29 ответных ему. Они сгруппированы по фамилиям корреспондентов, а внутри расположены в хронологическом порядке. В одних случаях приведены единичные письма, в других — переписка (в рамках всего известного корпуса: полностью или частично). Среди адресатов Лихачёва есть как хорошо известные персоналии (М.М. Богословский, В.Д. Бонч-Бруевич, И.Э. Грабарь, И.Е. Забелин, М.К. Любавский, П.И. Нерадовский, В.В. Розанов и др.), так и подзабытые или вовсе неизвестные. Это видные деятели науки и культуры, государственные чиновники, коллекционеры. В письмах упоминаются и те лица, которые не состояли в переписке с Лихачёвым, но о ком учёный нашел возможность высказать своё мнение. Так, весьма любопытна очень позитивная характеристика им К.П. Победоносцева (с. 294–295).

О том, что дают опубликованные письма для изучения биографии Лихачёва, автор рецензируемой монографии высказался развёрнуто. Безусловно, новые факты почерпнут из книги и специалисты по истории отечественной исторической науки, и генеалоги, и библиографы. Так, в переписке с Грабарём содержатся сведения о попытках сохранения отечественного культурного наследия после революции 1917 г. Чтобы сберечь такие памятники Москвы, как Красные ворота, церкви Гребневской иконы Божией Матери и Рождества в Столешниках, Грабарь в 1926 г. планировал созвать в Ленинграде (который он продолжал

называть Петербургом) представительную конференцию исследователей с последующим делегированием ряда её участников в Совнарком СССР (с. 231–233).

Посвятив себя науке, Лихачёв находил возможность в своих корреспонденциях высказаться на злободневные социальные темы. В этом смысле его письма – документы, полные разочарования и предвидения грядущего культурно-нравственного упадка. По своим общественно-политическим взглядам Лихачёв являлся консерватором, монархистом. Но его монархизм ни в коей мере нельзя назвать слепым, при котором самодержец остаётся вне критического анализа. В письме С.Д. Шереметеву в 1900 г. он признался, что «возрос» на идеях царствования Александра III и «умрёт с ними» (с. 420). Тем труднее было историку наблюдать за неумолимым крахом этих идей. Лихачёва поразила гибель В.К. Плеве, он обвинял в письме А.А. Титову от 15 июля 1904 г. «двуличных шпионов», разыскивающих запрещённые прокламации «у баб под юбками» и «никогда не замечающих того, что действительно важно» (с. 379).

Оценивая обстановку после начала Первой русской революции, Лихачёв в письме Н.П. Барсукову от 24 февраля 1905 г. не щадит власть, обнаруживая в её действиях «трусость, инертность, какое-то полное бессилие», которое его ужасает. По мнению учёного, ещё двумя месяцами ранее можно было упредить беспорядки «без выстрела», а теперь народ смущён, внутренние и внешние «японцы» организуются. Особой критике он подверг С.Ю. Витте, за которым нашёл десяток инициатив, провоцирующих в России революцию. И всё же, полагает Лихачёв, «Витте ждёт осечка. Не бывать ему Наполеоном!» (с. 199–200). Весьма любопытная оценка профессиональным историком планов российского премьер-министра. Обращаясь к В.Г. Глазову 18 февраля 1905 г., он вспомнил известное изречение Николая I и заметил, что одна из причин ослабления авторитета монархии в России заключается в «столоначальниках», именно они «сваливают на образ правления разные чиновничьи штучки!» (с. 476).

Революционные события 1917 г. нашли отражение в поучительной переписке Лихачёва с Розановым, с которым его объединяли прежде всего научные интересы. Уже в ноябре 1917 г. Лихачёв предсказал последнему российскому императору печальную участь. При этом победу большевиков он охарактеризовал однозначно: «зулусы с их логикой торжествуют». Но вину за произошедшее историк возлагает не только на революционеров. По его мнению, в России к 1917 г. самодержавия «давно уже не было». И виноват в этом прежде всего сам «доверчивый» царь, веривший в «обожавший» его народ: «Николай Второй всё уступал и уступал, верил в свою миссию “помазанника” и молился часами. Он так быстро слетел, потому что у него уже ничего не было». Лихачёв не верил в популярную в 1917 г. идею создания «министерства доверия», полагая, что она лишь оттянула бы трагическую развязку (с. 288–289).

В том же письме Лихачёв не обошёл стороной и вопрос о роли русского народа в революционных событиях, возразив тезису Розанова о его «исключительной подлости». По мнению Лихачёва, всякая «чернь» подла. Но дело отнюдь не в «темноте» (необразованности) народа, а в том, что у последнего в критический момент истории не оказалось разума, способности адекватно воспринимать происходящее (с. 290).

Судя по более раннему письму, отправленному А.С. Суворину и датированному 1904 г., один из истоков такого положения был связан с «больным местом» русской жизни в виде «пренебрежительного (а иногда враждебного) отношения к знанию и науке» в России. Тогда Лихачёв предупреждал, что отношение общества и студентов к университетам за последние полвека резко изменилось, и «дальнейшая эволюция в этом направлении грозит понижением уровня образования и даже полным торжеством невежества» (с. 355). В цитированном выше письме Глазову звучит критика в адрес Министерства народного просвещения, которое держит начинающих учёных «голодными, заставляя заниматься поневоле уроками, переводами, всем – кроме науки. Нередко на кафедру прорывается изнеможённый и озлобленный полуневежда (!), из своей науки знающий лишь предмет своей торопливой диссертации» (с. 477).

Конечно, приведённые рассуждения Лихачёва субъективны. Но они, несомненно, заставляют задуматься хотя бы потому, что принадлежат гражданину и патриоту, которого беспокоила судьба Отечества и его культурного наследия, учёного, профессионально занимавшегося историей России и находившегося внутри событий.

Приведённые высказывания отнюдь не исчерпывают всего богатства эпистолярного наследия Лихачёва, и хочется надеяться, что они станут дополнительным побудительным мотивом вдумчиво и внимательно ознакомиться с книгой Наумова. Тем более что автор создал для этого все условия, проведя большую работу по составлению научно-справочного аппарата издания. Следуя принципу неприкосновенности текста, он тщательно оговаривает исправления, дополнения и пометы в публикуемых документах. Последние сопровождаются полными археографическими легендами, в постраничных комментариях объясняются некоторые упоминаемые в источниках факты. Именной указатель содержит информацию о персоналиях. Имеется и приложение, дополняющее сведения о мытарствах Лихачёва в связи с возвращением изъятых у него после революции книг, рукописей и других ценностей (с. 478–486). Весьма обширен список использованных печатных источников и литературы (с. 487–512). Для последующих изданий писем Николая Петровича можно порекомендовать автору привести отдельный перечень основных фактов его биографии и увеличить количество фотографий, а также предложить хотя бы приблизительную датировку писем учёного, оставленных без хронологической атрибуции (№ 75, с. 238; № 294, с. 382).

В целом же монография О.Н. Наумова, выстроенная в русле популярной ныне в исторической науке модели исследования с инкорпорированным в него сборником документов, выполнена на очень высоком научном уровне. Она может вызвать интерес у широкой читательской аудитории (и тем более у профессионалов-гуманитариев) и является очень достойным интеллектуальным памятником выдающемуся русскому учёному – Николаю Петровичу Лихачёву, перед которым наша наука до сегодняшнего дня пребывала в большом долгу.

Примечания

[1] *Прохорова И.Д.* Новая антропология культуры // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 13.

[2] *Гудкова В.В.* Театральная секция ГАХН: история идей и людей. 1921–1930. М., 2019. С. 216–217.

Александр Наумов, Владимир Симиндей

«Сотрудничество с Советами скорее как помеха»: западные лабиринты и тупики для советской дипломатии кануна Второй мировой войны*

Aleksandr Naumov (Lomonosov Moscow State University, Russia),
Vladimir Simindey (Russian State University for the Humanities, Moscow)

«Cooperation with the Soviets is more of a hindrance»: Western labyrinths and dead ends for Soviet diplomacy on the eve of World War II

DOI: 10.7868/S3034579026020195

Сложнейшая палитра противостояния в Европе 1930-х гг. «всех против каждого» в условиях существования умозрительных альянсов и мучительных попыток кристаллизации союзнических отношений на антивоенной основе подробно и эффектно отражена в фундаментальной трилогии профессора Монреальского университета Майкла Джабары Карлея[1], уже ставшей явлением в отечественной и зарубежной историографии[2]. Особенно интересным исследованием автора стала переведённая на русский язык его вторая книга – «Несостоявшийся союз Сталина», охватывающая период с 1936 по 1939 г. и посвящённая проблеме борьбы за коллективную безопасность в Европе. Напомним, что в это время в Старом Свете произошло сразу несколько серьёзных кризисов, спровоцированных агрессивными державами, включая ремилитаризацию Рейнской области, конфликт в Испании, аншлюс Австрии, Мюнхенский сговор и последующую ликвидацию Чехословакии как суверенного государства. Ни на один из них страны-гаранты Версальского порядка – Великобритания и Франция – так и не смогли найти адекватного ответа, выбрав в качестве стратегической линии политику умиротворения нацистской Германии в тщетной надежде направить гитлеровскую экспансию против СССР.

Особую актуальность монография Карлея приобретает сегодня, в условиях участившихся попыток фальсификации истории Второй мировой войны, её причин и предпосылок, которые предпринимаются на самом высоком уровне в ряде стран Европейского союза. В этой связи канадский профессор убедительно показывает, что доминирующий на Западе со времён холодной войны нарратив по уравниванию роли СССР и нацистской Германии в развязывании мировой бойни, значительно усиленный в последние десятилетия стараниями политиков и историков стран Центральной и Восточной Европы[3], не имеет под собой сколько-нибудь серьёзных научных обоснований и достаточной документальной базы. Надо отметить, что сам автор активно участвует в историографической дискуссии по актуальным и порой острым вопросам трактовки истоков Второй мировой войны[4], что придаёт его труду отдельную ценность для отечественного читателя.

Карлей изложил динамику исторических событий, свои разъяснения

---

* *Карлей М. Дж.* Несостоявшийся союз Сталина: борьба за коллективную безопасность. 1936–1939 / Пер. с англ. О.Ю. Сёминой; предисл. В.Ю. Крашенинниковой, С.В. Кудряшова. М.: Кучково поле, 2025. 672 с., ил. (Реальная политика).

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы», код FSZG – 2024–0006.

их логики и размышления «на полях» дипломатических манёвров в десяти главах, расположенных по смешанному тематико-хронологическому принципу. Основной текст книги сопровождён авторским предисловием к российскому изданию, словами издателей, фотоматериалами, введением и эпилогом с мрачным подзаголовком-выводом: «Неизбежный и трагический конец идеи коллективной безопасности». Имеется и научно-справочный аппарат.

Начинает автор с рассказа о положении СССР на международной арене весной–летом 1936 г. и вывода, что Москва «терпит поражение на всех фронтах» (с. 26). Действительно, к этому времени произошла череда дипломатических прорывов Гитлера, начиная с договора о ненападении с Польшей в январе 1934 г. и заканчивая объявлением в марте 1935 г. введения всеобщей воинской повинности в Германии, что грубейшим образом нарушало положения Версальского мирного договора 1919 г., но осталось абсолютно безнаказанным. В июне 1936 г., «после сокрушительного удара» Рейнского кризиса, Гитлер «смотрелся победителем, в то время как британские и французские лидеры будто растеряли весь свой здравый смысл и всю свою твёрдость убеждений» (с. 26–27).

Карлей указывает, что в Кремле распознавали в качестве агрессивных целей Германии и аншлюс Австрии, и экспансию в Прибалтике, и подчинение Румынии, и отрыв Советской Украины (с. 139–140), прощупывая возможность заключения Восточного пакта без Германии и Польши при согласии Франции и Чехословакии. Однако единый антигерманский фронт не складывался, попытки советской дипломатии улучшить отношения с Великобританией, Францией и другими западными державами раз за разом проваливались из-за идеологических противоречий, политического недоверия и малодушия, фатальной недооценки советского военного потенциала и откровенного саботажа со стороны западных партнёров по переговорам. Все расчёты на итало-германские противоречия нивелировались империализмом Б. Муссолини, обращённым против Абиссинии и в поддержку франкистских путчистов. При вроде бы впечатляющем выступлении левоцентристской коалиции Народного фронта на парламентских выборах во Франции в мае 1936 г. Карлей фиксирует небезосновательные опасения наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова относительно возможной поляризации французской политики, подрывавшей надежды на выстраивание коллективной безопасности, которая критически зависела от консолидации левых и правых партий в Третьей республике (с. 32). К тому же хрупкий баланс сил вытолкнул на авансцену радикал-социалиста Э. Даладье, слывшего «германофилом»[5] (с. 639) и ненавистником коммунистов, особенно местных.

На основе скрупулёзного анализа и синтеза информации из дипломатической переписки представителей разных стран, отложившейся в российских, британских, французских и американских архивах (с привлечением иных необходимых источников и литературы), Карлей пошагово разбирает тактику и стратегию И.В. Сталина и его внешнеполитических работников, попутно обрисовывая их нетривиальные политические портреты (впрочем, как и их западных визави). Сам вождь Советского государства предстаёт перед читателями не коварным доктринёром, а рачительным охранителем интересов СССР, всё ещё находившегося в «санитарно»-идеологической полуизоляции,

опасность для которого кратно усиливалась с приходом к власти в Германии экспансиониста Гитлера.

Совершенно справедливы оценки профессора в отношении политики Форин-офиса и Кэ д'Орсэ (Министерства иностранных дел Франции) в указанный период. После утверждения нацистов в Германии, по его мнению, Лондон опрометчиво пошёл на заключение сепаратного морского соглашения с Берлином в июне 1935 г., единолично сняв с немцев немаловажную часть версальских ограничений (с. 151, 157, 638), а взамен получив лишь соскальзывание фюрера с позиции завлечения Англии в геополитические подельники к мысли всё же поставить её на колени. «Гнилой... компромисс» (с. 162) британского истеблишмента с Гитлером, пусть и временный, строился за счёт интересов безопасности СССР и Восточной Европы в целом. С другой стороны, на бешеную ненависть Гитлера к Франции парижские политиканы и дипломаты с самого начала отвечали легкомысленной пренебрежительностью, сменившейся уступчивой бесхарактерностью в процессе ремилитаризации Рейнской области, которая радикально осложнила стратегическую ситуацию для Малой Антанты, т.е. Чехословакии, Югославии и Румынии (с. 45, 48), а затем сыграла роковую роль в Мюнхенском сговоре в сентябре 1938 г.

Канадский исследователь препарирует мотивацию и действия советских властей и других международных акторов по комплексу вопросов, связанных с начавшейся летом 1936 г. гражданской войной в Испании (с. 77–135). Москве приходилось участвовать в решении «испанской головоломки» (с. 134) путём тайных ходов и публичных демаршей, держа в голове множество факторов, влиявших на исход дела. Мятеж националистов не только способствовал сближению Берлина и Рима, превращал Испанию в военный полигон для обкатки мощностей реваншистов, но и раскалывал потенциальный антигитлеровский альянс, консолидируя правых и ультраправых противников коммунизма по обе стороны Ла-Манша и в других уголках Европы. «Испанский вопрос, – писал Литвинов полпреду в Лондоне И.М. Майскому в ноябре 1936 г., – несомненно значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией и посеял сомнения в Бухаресте и даже Праге»[6]. Однако по принципиальным соображениям Сталин, по мнению Карлея, не разделял мрачный «гиперреализм» Литвинова в этом вопросе, оттого «СССР держался за Мадрид до самого горького конца» (с. 110).

Отметим и внимание Карлея к деталям воздействия румынского фактора на формирование политики коллективной безопасности (с. 32–41, 260–319). Первоначальный импульс установлению советско-румынских отношений летом 1934 г. во многом придал министр иностранных дел Н. Титулеску, видевший в Москве противовес потенциальной гитлеровской агрессии в Центральной и Восточной Европе, несмотря на глубокие противоречия с советской позицией по бессарабскому вопросу. Автор отмечает, что «маленькая Румыния была важным элементом европейской политики, но её значение было утрачено в результате фиаско с Рейнской областью» (с. 30), приведшего к подрыву лидерских позиций французов и полураспаду Малой Антанты в 1936 г. В период интерлюдии 1936–1938 гг. ситуацию усугубляли постепенное «сползание» этой страны к фашизму (с. 290) и стремление Польши изолировать Румынию от Чехословакии.

В отдельный сюжет Карлей выделил безуспешные попытки советских

военных руководителей и отдельных французских энтузиастов (например, министра авиации П. Кота) заручиться широкой поддержкой и организовать в 1936–1937 гг. субстантивные консультации на уровне генеральных штабов Франции и СССР. Однако политические препоны, предубеждение высшего офицерства Третьей республики и волна репрессий против командного состава РККА положили конец этому практическому начинанию (с. 177–229), лишь подтвердив тренд на провал создания системы коллективной безопасности в Европе.

В двух главах монографии скрупулёзно разбирается Чехословацкий кризис, в котором автор выделяет два хронологических этапа, завершившихся политической капитуляцией западных демократий перед Гитлером: январь–май и июнь–декабрь 1938 г. (с. 320–442). Прослеживаются перипетии советских внешнеполитических манёвров в тщетной надежде предотвратить расчленение и последующее поглощение Чехословакии нацистской Германией, отмечаются деструктивные действия Польши, которая «изрядно всем надоела» (с. 491), – причём не только в Москве, но и среди западных интересантов в создании действенной антигитлеровской коалиции. Действительно, Варшава любой ценой пыталась воспрепятствовать какому-либо гарантийному соглашению или союзническому договору, предполагавшему проход советских войск по своей территории для оказания прямой помощи чехам и словакам в борьбе с немецкими агрессорами. Как оказалось в итоге, ценой национальной катастрофы.

Интерес ведущих отечественных историков к британскому и французскому трекам предвоенной дипломатии Кремля в последнее время увенчался изданием крупных работ[7], однако труд Карлея, как представляется, вносит не менее весомый вклад в понимание внутренней механики вызревавших в Лондоне и Париже негативистских доктрин в отношении СССР. Уместно в этой связи привести слова влиятельного постоянного унтер-секретаря Форин-офиса сэра А. Кадагана: «Лично я рассматриваю сотрудничество с Советами скорее как помеху, чем как преимущество» (7 апреля 1939 г.; с. 500). Автор приводит резюме Сталина, сделанное 1 октября 1939 г., уже после капитуляции гарнизона Варшавы и создания в Париже польского правительства в изгнании: «Англичане и французы, особенно англичане, не хотели соглашения с нами, считая, что могут обойтись и без нас. Если есть лица виноватые, то мы тоже виноваты – не предвидели всего этого» (с. 649). Характерно, что многолетний энтузиаст, как оказалось, «обречённой» (с. 495) политики коллективной безопасности Литвинов лишился должности наркома иностранных дел 3 мая 1939 г. – в преддверии последних всплесков трёхсторонних переговоров и их окончательного фиаско, предопределившего заключение пакта Молотова–Риббентропа.

На страницах книги есть и прямые свидетельства намерения западных демократий переложить ответственность за саботаж выстраивания антигитлеровского альянса на советскую сторону. Так, министр иностранных дел Франции Ж. Бонне, один из инициаторов Мюнхенского соглашения 1938 г., без обиняков писал в мае 1939 г.: «Сегодня во Франции и Великобритании существует такое сильное движение общественного мнения в пользу соглашения с СССР и такое убеждение во Франции и во всём мире, среди столь многих людей, даже среди самых умеренных, что от этого зависит судьба мира, что если переговоры провалятся, то необходимо, чтобы вина любой ценой была возложена на СССР, а не на нас» (с. 549–550).

Интересно проследить, как Карлей вскрывает прибалтийский пунктир в переплетении дипломатических сюжетов второй половины 1930-х гг., а также соотнести его находки с имеющимися у нас представлениями об объективной и субъективной роли прибалтийского фактора в советской внешней политике в этот период[8]. При всех попытках Варшавы, пользовавшейся покровительством Парижа, создать в 1937 г. под своей эгидой блок прибалтийских стран на антисоветской основе и привлечь к нему Румынию (с. 252), в Москве понимали, что по-настоящему опасным прибалтийский плацдарм в военно-политическом плане может стать только при использовании его германскими силами. Анализ доступных источников показывает, что Литва, Латвия и Эстония из объектов эвентуального нападения Германии с конца 1938 г. трансформировались в потенциальных сателлитов «похода на Восток», а их доктрина «абсолютного» нейтралитета носила номинальный характер. Литва при этом успела пострадать территориально: германский ультиматум повлёк за собой её отказ от Клайпедского края (Мемельланда) в марте 1939 г., что стало последним приращением Третьего рейха перед началом мировой войны. В свою очередь, Лондон и Париж торпедировали заключение соглашения с Москвой, уклонялись от совместных гарантий прибалтийским странам, требуя от Кремля «асимметричных обязательств: широких для СССР и ограниченных для себя» (с. 539, 558–559). При этом Карлей, к сожалению, не сфокусировал внимание на обстоятельствах заключения в Берлине 7 июня 1939 г. пактов о ненападении Германии с прибалтийскими странами (в лице министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса и его эстонского коллеги К. Сельтера), которые, как отмечалось в одном из германских отчётов, сопровождались секретной клаузулой, понуждавшей Ригу и Таллин «принять, с согласия Германии и при консультациях с немецкой стороной, все необходимые меры военной безопасности по отношению к Советской России»[9]. У. Черчилль справедливо отмечал по этому поводу: «Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»[10].

Разобравшись (насколько это возможно) в западных лабиринтах и тупиках, созданных для советской дипломатии кануна Второй мировой войны, Карлей в эпилоге с горечью подводит итог: «Французы и британцы недооценивали Литвинова и не проявляли к нему элементарного уважения. Сталин это видел. Даже сегодня кажется просто возмутительным, что совершенно чётко сформулированные идеи советской стороны так и не дошли до адресатов. Хорошим примером того, на каком этапе эта информация стопорилась, является поведение послов западных держав в Москве – британца сэра Эдмунда Ови и американца Уильяма К. Буллита». И тут же размышляет в условном наклонении: «Маловероятно, что что-то пошло бы иначе, если бы Литвинов всё ещё находился на своём посту в августе (1939 г. – *А.Н., В.С.*), когда в Москву прибыли британская и французская военные делегации – “с пустыми руками”, как позже заметил (французский – *А.Н., В.С.*) генерал Думенк» (с. 642–643).

Касаясь популярных ныне тенденций в англо-американской и французской историографии, автор прибегает к чеканным формулировкам: «Большинству западных историков нравится помещать весенне-летние переговоры о создании альянса в ограниченный контекст пяти месяцев 1939 года. Но реальный контекст –

это почти шесть лет, начиная с декабря 1933 года. В течение этого времени Советский Союз неоднократно предлагал взаимопомощь Франции, Великобритании и даже Польше, и раз за разом получал отказ» (с. 642). Карлей вслед за английским поэтом У.Х. Оденом употребляет выражение «грязные 30-е» (с. 20, 644), – «подлое, бесчестное десятилетие» (с. 20), так и не увенчавшееся созданием дееспособного блока держав на позициях коллективной безопасности, что позволило бы обуздать Гитлера и сохранить многие миллионы жизней. И с ним трудно не согласиться!

Если говорить об определённых недостатках в рецензируемом труде, то можно отметить отсутствие следов проработки немецкой историографии, дневниковых записей и мемуаристики. На германский вопрос второй половины 1930-х гг. автор смотрит в основном сквозь взгляды советских и западных политиков и дипломатов, хотя использует также и многотомное англоязычное издание немецких профильных документов.

Вышеуказанные нюансы, впрочем, не отменяют самой высокой оценки глубины исследовательской «вспашки» хитросплетений внешней политики СССР, Великобритании и Франции по созданию «несостоявшегося союза Сталина», что привело к повороту Москвы в сторону Берлина в августе 1939 г. и в итоге к тому, что советский вождь «оказался именно в той ситуации, которой надеялся избежать, – один на один с гитлеровской Германией» (с. 651). В целом М.Дж. Карлей подготовил впечатляющую реконструкцию дипломатических усилий по созданию антигитлеровского ансамбля в международных отношениях на европейском континенте, к тому же увлекательно поданную, порой – в стиле документального ретро-детектива.

Примечания

[1] *Carley M.J.* Stalin's gamble: the search for allies against Hitler, 1930–1936. Toronto, 2023; *Carley M.J.* Stalin's failed alliance: the struggle for collective security, 1936–1939. Toronto, 2024; *Carley M.J.* Stalin's great game: war and neutrality, 1939–1941. Toronto, 2025. Русскоязычное издание первой книги: *Карлей М.Дж.* Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. / Пер. с англ. Н.Л. Алексеевой; предисл. В.Ю. Крашенинниковой, С.В. Кудряшова. М., 2023.

[2] См., например: *Вершинин А.А.* «Защитить Европу от самой себя»: новое исследование внешней политики СССР накануне Второй мировой войны // Российская история. 2025. № 3. С. 197–203; *House J.M.* Prelude to disaster: Stalin's doomed diplomacy, 1930–41 // The Russian Review. Vol. 84. 2025. Issue 3. P. 505–508.

[3] Среди доктринальных документов подобного толка можно назвать Пражскую декларацию о европейской совести и коммунизме от 3 июня 2008 г. и декларацию Европейского парламента о провозглашении 23 августа «Европейским днём памяти жертв сталинизма и нацизма», принятую 23 сентября 2008 г.

[4] См., например: *Карлей М.Дж.* Отделяя зёрна от плевел: истоки Второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4(19). С. 64–98; *Карлей М.Дж.* «Новая история Второй мировой», индоктринированная и ненадёжная // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 3(26). С. 226–249.

[5] Германофил – здесь: не тот, кто имеет пристрастие ко всему немецкому или любит немецкий образ жизни, а тот политик, который готов поддаваться германскому натиску на Восток в обмен на мир и безопасность для Западной Европы, предпочитать уступки немецким интересам, а не следование коллективной безопасности против гитлеровской экспансии. Поэтому термин взят автором в кавычки.

[6] АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 116, д. 22, л. 29–32.

[7] *Вершинин А.А.* Неудавшийся союз. Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.). СПб., 2024; *Хормач И.А.* Великобритания в международной политике СССР. 1924–1939 гг. М.; СПб., 2025; *Наумов А.О.* Большая игра в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2025.

[8] См.: *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М., 2015; Вынужденный альянс.

Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг. Сборник документов / Сост. Н.Н. Кабанов (отв. сост), А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М., 2019.

[9] *Симиндей В.В., Кабанов Н.Н.* Заключая «пакт Мунтерса–Риббентропа»: архивные находки по проблематике германско-прибалтийских отношений в 1939 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 1(8). С. 182.

[10] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. М., 1997. С. 181.

Алексей Безугольный, Ксения Сак

Гражданское население Севастополя в обороне города (1941–1942): новые документальные свидетельства*

Aleksey Bezugolniy, Ksenia Sak
(both – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The civilian population of Sevastopol during the defense of the city (1941–1942): new documentary evidence

DOI: 10.7868/S3034579026020203

Оборона Севастополя, которая длилась 250 дней, – одна из героических страниц истории Великой Отечественной войны. Многие годы исследователи рассматривали битву за этот форпост Крымского полуострова в рамках традиционной военной истории, поэтому изучению боевых действий посвящено огромное количество литературы. Значительно меньше известно о невзгодах и трудностях мирного населения блокированного города (во время боёв 1941–1942 гг. в полуразрушенном Севастополе оставались около 60 тыс. жителей), помощи фронту, организации гражданской власти и производственной деятельности, коммунального хозяйства. Между тем сбор исторических сведений о жизни осаждённого города начался сразу после окончания его второго штурма, когда сократилась интенсивность обстрелов со стороны противника. Решением бюро горкома ВКП(б) 9 января 1942 г. была создана комиссия под председательством первого секретаря Б.А. Борисова, имевшая задачу «учёта и подведения предварительных итогов участия трудящихся города в героической обороне города Севастополя» (с. 13). За несколько месяцев работы сотрудники комиссии собрали разнообразные материалы, отразившие деятельность партийных функционеров, рабочих промышленных предприятий, энергетиков, специалистов коммунальных служб, работников торговли и т.д. С февраля по апрель 1942 г. собранные материалы демонстрировались на специальной выставке, посвящённой обороне города. Затем документы вывезли на Большую землю. Ныне оригиналы хранятся в Государственном архиве Республики Крым, а копии – в Музее-заповеднике героической обороны и освобождения Севастополя.

Со второй половины 1942 г. собирать материалы и проводить интервью с гражданскими лицами стали сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством члена-корреспондента

* «Все показали себя героями»: Севастополь и его жители 1941–1942 гг. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Рузаев, М.Э. Морозов. М.: Институт российской истории РАН, 2025. 648 с.

АН СССР И.И. Минца – М.Г. Седов, затем З.И. Факторович (Фазин). Правда, эта работа подчинялась задаче освещения вооружённой борьбы. В сентябре 1943 г. Минц записал большое интервью с Борисовым (с. 76–119). Оно содержит много ценного материала о том, как менялись настроения жителей города, какие взаимоотношения сложились между городскими властями и командованием Севастопольского оборонительного района, руководством Крымской АССР и др. К 1943 г. в качестве филиала центральной Комиссии Минца была образована Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны, однако через какое-то время работу пришлось свернуть, и результаты её деятельности пока не обнаружены. Значительно более плодотворным оказался сбор исторических материалов после освобождения полуострова весной 1944 г. Возрождённая Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны под председательством секретаря по пропаганде Крымского обкома П.А. Чурсина основную свою задачу сформулировала следующим образом: «Собрать и подытожить материал о работе подпольных организаций в Крыму». В действительности она уделяла внимание более широкому кругу вопросов. Её деятельность продлилась до середины 1947 г. Одновременно в 1944–1946 гг. в Крым выезжали представители центральной Комиссии из Института истории АН СССР (в том числе и после упразднения Комиссии в декабре 1945 г.) – Фазин, Е.М. Грицевская и др. Именно в этот период удалось выявить основной массив документов о деятельности Севастопольского комитета обороны, партийных, советских и хозяйственных организаций города, а также собрать воспоминания и интервью.

Кроме этих двух официальных институций сбор материалов по истории второй обороны Севастополя по личной инициативе проводил Борисов, готовивший публикации о вкладе партийно-советских организаций и гражданского населения в общее дело обороны города. Использовав обширные личные связи, он собрал много уникальных воспоминаний участников обороны, партийных и хозяйственных работников, в 1950–1960-х гг. издал несколько книг, а также собственные воспоминания, и в 1968 г. передал свой обширный архив на хранение в Музей обороны Севастополя, созданный в 1960 г. В 1957 г. при Севастопольском горкоме партии была организована историческая комиссия под председательством бывшего секретаря горкома А.А. Сариной, пользовавшейся авторитетом среди ветеранов обороны. Сюда в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стекались воспоминания горожан, которые не собрали предыдущие комиссии. Эта общественная организация существует и поныне. В последние десятилетия её материалы пополняют фонды Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя.

Таким образом, за истекшие 80 с лишним лет накопился большой объём интервью и воспоминаний гражданских лиц, лишь часть из которых введена в научный оборот. Опираясь на эту документальную базу, Институт российской истории РАН, Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя, Государственный архив Республики Крым, а также Национальный центр исторической памяти при президенте РФ совместно подготовили и издали большой сборник документов «“Все показали себя героями”: Севастополь и его жители 1941–1942 гг.».

Эта книга – уже третья в своеобразной серии, посвящённой боям за Севастополь в 1941–1944 гг.[1]

Предыдущие сборники документов получили высокую оценку специалистов. Проблемы сбора интервью комиссии Минца, специфика их публикации, а также их научный потенциал для изучения военной и социальной истории уже обсуждались на страницах журнала «Российская история»[2]. Принципиальным отличием данного цикла публикаций от прочих документальных изданий об обороне Севастополя является то, что в их основу положены не официальные документы органов власти и военного управления, а беседы с участниками событий – как высокопоставленными, так и рядовыми. Если первые два сборника освещали прежде всего события вооружённой борьбы, то в последнем фокус внимания сосредоточен на жизни осаждённого города. Особенно важно то, что в нём существенно расширена источниковая база: кроме материалов центральной Комиссии, привлечены воспоминания и интервью, хранящиеся в Симферополе и Севастополе. От сотрудничества с крымскими историками, на наш взгляд, издание только выиграло. Научным руководителем проекта выступил заместитель директора Института российской истории РАН доктор исторических наук С.В. Журавлёв, ответственными редакторами – кандидат исторических наук С.В. Рузаев и старший научный сотрудник ИРИ РАН, кандидат исторических наук М.Э. Морозов, редакторами-составителями и авторами комментариев – Морозов, Рузаев, А.В. Ефимов, Д.Д. Лотарева, С.И. Наталевич, О.И. Нуждин, А.Ф. Селиванова.

В объёмном сборнике представлены отчёты, интервью, воспоминания и материалы 83 человек, записанные с 1942 по середину 1960-х гг., которые впервые вводятся в научный оборот. Большинство из этих людей – партийцы, комсомольцы и советские работники среднего и низшего звена, сотрудники предприятий и учреждений, педагоги, домохозяйки, медики и подростки, в меру своих сил и возможностей способствовавшие обороне. Благодаря этому формируется объёмная и многообразная картина повседневности осаждённого города. Однако только половина опубликованных текстов записана «по горячим следам» – во время войны или в первые несколько лет после победы. К 1940-м гг. относятся 44 текста, к 1950-м – 37, к 1960-м гг. – семь. Это существенно, поскольку чем дальше отстояли от событий воспоминания, тем большее воздействие на них имели искажения памяти и официальный героический канон описания событий войны. Хотя составители сборника отмечают, что для публикации отобраны наиболее содержательные тексты, осталось неизвестным, какова их часть относительно общего объёма интервью и воспоминаний жителей Севастополя, хранящихся в использованных архивах.

Сборник имеет сложную структуру. Основной части предпосланы обширные введения – историко-археографическое и историческое. Кроме того, частные предисловия предваряют каждый из пяти тематических разделов: «Городское руководство», «Военизированные формирования и Местная противовоздушная оборона», «Предприятия города», «Бригады помощи фронту», «Повседневная жизнь осаждённого Севастополя». Издание снабжено обширным научно-справочным аппаратом (именной биографический указатель на более чем 1500 персоналий, географический указатель, перечень кораблей и судов, списки сокращений, использованных источников и литературы) и проиллюстрировано фотографиями из фондов Музея-заповедника героической обороны и освобождения

Севастополя и Государственного архива Республики Крым.

Обращают на себя внимание археографическое и историческое введения, являющиеся самостоятельными научными исследованиями. В первом, принадлежащем перу Рузаева, Морозова и Наталевича, изложены обстоятельства формирования корпуса источников, ставшего основой сборника. Во втором, авторства Рузаева, приведён развёрнутый анализ предвоенного состояния Севастополя; рассказывается о его «вхождении» в войну уже 22 июня 1941 г. с первым налётом немецкой авиации; подготовительных мероприятиях партийных органов, городской власти и общественных организаций к обороне; их усилиях по обязательному обучению населения оборонным специальностям (Всевобуч, МПВО, ПХВО), созданию частей народного ополчения, коммунистических и истребительных отрядов; мобилизации жителей города на работы по сооружению оборонительных рубежей; деятельности гражданской власти в период штурмов города, а также в промежутках между ними, когда организовывались восстановительные работы и разбирались завалы.

Сборник позволяет взглянуть на трагедию обороны Севастополя в историко-антропологическом ключе. Интервью фиксируют экстремальную повседневность и попытки адаптации мирных граждан к неопределённости, характерной для нескольких месяцев боёв за город. Стратегии выживания нашли отражение как в усилиях властей (решение вопросов обеспечения продовольствием, водоснабжения, сохранения промышленности и инфраструктуры), так и в неформальных повседневных практиках горожан. Одной из самых острых проблем оказалось продовольственное снабжение. Гражданские власти решили её достаточно успешно – на протяжении всей осады выдавался паёк, позволявший не умереть от голода. В связи с этим любопытен рассказ Борисова: прокормить жителей города удалось в том числе благодаря тому, что в ноябре 1941 г. партийное руководство добилось отмены приказа военного командования об уничтожении зерна (с. 85). Стратегии выживания мирных жителей сводились преимущественно к подчинению установленному порядку, безоговорочному выполнению работ на промышленном производстве и оборонительных сооружениях, строгой дисциплине в условиях скученности и отсутствия бытовых удобств в бомбоубежищах. Важную роль играли усилия по поддержанию здоровой психологической атмосферы. Всё это давало возможность сохранять прежние социальные связи, получать продовольствие и находиться в относительной физической безопасности.

В сборнике представлен богатый материал о роли в обороне Севастополя женщин – интервью, воспоминания, отчёты и другие материалы 47 жительниц города. Большинство из них вошли в разделы «Бригады помощи фронту» (все 11 интервью) и «Повседневная жизнь осаждённого Севастополя» (21 из 25 интервью), освещающие традиционно женскую работу по обслуживанию защитников города и мирного населения. Примечательно, что в разделе «Городское руководство» пять из восьми текстов также женские. Гораздо меньше их там, где речь идёт о боевых действиях, ополчении и истребительных батальонах, оборонном производстве: «Военизированные формирования и местная противовоздушная оборона» (2 из 10) и «Предприятия города» (8 из 29). В целом такой срез ожидаем и подтверждает общий характер участия женщин в помощи фронту в советском тылу.

Особенно интересны широко представленные в опубликованных текстах низовые инициативы женщин

и их самоорганизация. Они «брали шефство» над армейскими подразделениями: организовывали прачечные, пошивочные мастерские, устраивали помывочные для бойцов. Причём городские власти, как следует из некоторых текстов, начинали оказывать им помощь уже после того, как работа была налажена. Председатель уличного комитета Северной стороны Н.М. Бассак рассказывала: «Вообще старались, чтобы боец в окопах не чувствовал холода, чтобы войска, находящиеся на Мекензиевых горах и в Любимовке, не чувствовали ни сырости ног, ни вшей, ничего... Когда же приехал Исполком... увидели нашу работу, физический труд, который мы выполняли: шинели приходили все в крови, и надо было очищать их от крови и приводить в порядок, – нам тогда помог Исполком и дал нам машину для стирки. Тут уже нам стало легче. Но полтора года мы работали руками» (с. 370).

Из женщин создавались отряды Красного Креста и санитарные дружины (с. 366). В воспоминаниях встречаются упоминания о том, что мирные жители самостоятельно организовывали госпитали: в палатах лежали «обмороженные и обожжённые, в зелёнке, сплошь забинтованные... без рук, без ног» (с. 414–415). Сандружинницы, прошедшие краткосрочные медицинские курсы, оказывали им первую помощь в условиях, далёких от стерильных больничных. «Запах там стоял такой ужасный, – вспоминала Т.Г. Беккер, – что, даже выйдя на воздух, долго слышишь его» (с. 414–415). Некоторые, вдохновлённые пропагандой и образом снайпера Людмилы Павличенко, стремились попасть в действующую армию, однако их на передовую «не пускали» (с. 170). Лишь в одном интервью упомянуто, что из девушек сформировали три роты народного ополчения (с. 181).

Жительницы Севастополя несли ответственность за детей и психологическую атмосферу. В бомбоубежищах они устраивали праздники, творческие вечера, ставили спектакли, высмеивая «пьяных и вшивых фрицев» (с. 154). Для красноармейцев они готовили подарки. Значимым событием стала детская ёлка, организованная совместными усилиями мирных жителей и военнослужащих в новогоднюю ночь уходящего 1941 г. (с. 499). Большинство мирных жителей, упомянутых в документах, помогали бойцам из патриотических соображений, однако играло роль и материальное поощрение. Командиры частей старались в ответ на помощь обеспечить женщин продуктами (с. 391). Горисполком, в свою очередь, выделял им дополнительные хлебные карточки (с. 392). Была в этом и определённая репутационная составляющая, о чём свидетельствуют, например, различные трактовки роли в организации помощи фронту активистки Северной стороны Бассак (с. 368–381, 383–384, 390).

В сборнике затрагивается ряд дискуссионных тем. Это, прежде всего, эвакуация мирного населения, которое после поражения советских войск в подавляющем большинстве (по данным составителей сборника, 55–60 тыс. человек) оказалось на оккупированной территории. Характерная черта интервью и воспоминаний – подчёркивание нежелания большинства жителей покидать родные стены. Партийные и гражданские активисты даже воспринимали эвакуацию как наказание (с. 113). В то же время в текстах встречаются замечания и о том, что желающих эвакуироваться было немало. В отличие от партийных и советских работников высшего звена, руководители отдельных предприятий и хозяйственных структур, коммунисты, а также рядовые граждане часто не имели возможности выехать из города.

Очевидно, что опыт выживания в оккупации, в отличие от жизни в осаде, оказался для них болезненным, трагичным и «неудобным». Практически никто из респондентов не говорил об этом подробно. За небольшим исключением, жизнь при немцах характеризовалась одним–двумя предложениями, и сразу после этого начинался рассказ о восстановлении города после его освобождения в 1944 г. (с. 367).

Другая неоднозначная тема – предательство и коллаборационизм. Борисов утверждал: «Коммунисты, комсомольцы, беспартийные, старики, женщины, мужчины, – все показали себя действительными героями. Все требования, которые к ним предъявлялись в период осады, выполнялись, и работали, не считаясь со временем» (с. 112). Однако другие рассказчики свидетельствуют, что не все севастопольцы испытывали патриотический подъём. Некоторые женщины предпочитали по поручению городских властей копать общественные огороды, нежели «лезть в пекло» и работать на оборонительных сооружениях (с. 416). Отдельные руководящие работники эвакуировались вопреки запрету городских властей, впоследствии некоторых из них осудили (с. 113). Встречаются и данные о том, что жители передавали врагу сведения о жизни в осаждённом городе (с. 371). По-разному отражена роль крымских татар: одни свидетельствовали о фактах предательства с их стороны (с. 335), другие говорили о том, что народ осуждён несправедливо (с. 73).

Наконец, в текстах представлено восприятие гражданскими лицами роли в обороне города адмирала Ф.С. Октябрьского и его непростые отношения с командующим Приморской армией генерал-майором И.Е. Петровым[3]. В конфликте командующих Борисов занял нейтральную позицию, которую выразил в своем интервью с Минцем в конце августа – начале сентября 1943 г.: «Чувствовали и знали мы, что взаимоотношения между товарищем Октябрьским и товарищем Петровым ненормальные. Это было видно из тех разговоров, которые с нами вели, когда мы бывали в военном совете флота, и из разговоров, которые вели в военном совете Приморской армии. В это дело мы не вмешивались, потому что не знали точных причин» (с. 115). Оценки событий, связанных с оставлением защитников Севастополя на произвол судьбы – всего в обороне города приняли участие около 129 тыс. человек, погибли и умерли от ран более 33 тыс., оказались в плену до 95 тыс. – в текстах секретаря Севастопольского горкома отражения не нашли. Он, как Октябрьский и Петров, срочно эвакуировался на материк в ночь на 1 июля 1942 г.[4]

В сборнике представлены и многие другие аспекты жизни осаждённого города, среди которых – чрезвычайное функционирование государственных и партийных структур, опыт выживания детей, подвиг медицинского персонала и т.д. Издание позволяет представить судьбу человека в войне, сложную обстановку осады через призму тяжёлого опыта выживших. Опубликованные документы дают богатый материал для специалистов, занимающихся институциональной историей, историей повседневности, исторической антропологией, гендерной историей, историей памяти, а также будут полезны всем интересующимся периодом Великой Отечественной войны.

Примечания

[1] «Здесь кровью полит каждый метр...». Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб., 2020; Исповедь непобеждённых. Рассказы защитников Севастополя. 1941–1942 гг. Сборник документов / Отв. ред. М.Э. Морозов. М.; СПб., 2023.

[2] См., например: *Безугольный А.Ю.* Материалы Комиссии Минца и изучение человека на войне в современной российской исторической науке // Российская история. 2021. № 3. С. 211–214; *Будницкий О.В.* Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны // Российская история. 2021. № 3. С. 187–201; *Попов А.Д., Рузаев С.В.* Многоголосие «живых голосов» войны: особенности источника и возможности историков // Российская история. 2024. № 2. С. 225–230.

[3] *Попов А.Д.* События военной истории 1942 года и их интерпретация в эго-документах Ф.С. Октябрьского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 22. 2022. № 2. С. 27–34.

[4] *Нуждин О., Рузаев С.* Севастополь в июне 1942 года. Хроника осаждённого города. Екатеринбург, 2013.

Нина Вашкау

Герои челябинского эвакуационного госпиталя № 1722*

Nina Vashkau
(Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)

Heroes of Cheliabinsk evacuation hospital № 1722

DOI: 10.7868/S3034579026020211

Деятельность органов и учреждений здравоохранения в годы Великой Отечественной войны и их вклад в общую Победу неоднократно становились предметом исторических исследований. Особое внимание в историографии уделяется тыловым госпиталям, в том числе в Уральском регионе[1]. Однако за рамками таких работ обычно остаются судьбы конкретных людей, прошедших через горнило военного лихолетья. Важную роль в закрытии этой лакуны играют справочные издания, в частности «книги памяти», составители которых стремятся «вспомнить всех поимённо» и увековечить это знание. В конце 2010-х гг. коллектив архивистов и краеведов представил опыт восстановления списка скончавшихся от ран в эвакуационных госпиталях Оренбуржья[2]. Сотрудники Челябинского государственного института культуры (ЧГИК) подошли к задаче шире и к 80-летию Победы выпустили четыре тома материалов по истории эвакуационного госпиталя № 1722 (ЭГ 1722).

К изучению деятельности этого военно-медицинского учреждения

* Герои госпиталя 1722. Судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Сост. В.Я. Рушанин, А.В. Лушникова, Н.В. Овчинникова, А.Г. Лешуков. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2022. 276 с.; Герои госпиталя 1722: страницы памяти. Судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Сост. С.Б. Синецкий, А.В. Лушникова, Н.В. Овчинникова, А.Г. Лешуков. Челябинск: ЧГИК, 2023. 264 с.; Герои госпиталя 1722: страницы подвигов. Судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Сост. С.Б. Синецкий, А.В. Лушникова, Н.В. Овчинникова, А.Г. Лешуков. Челябинск: ЧГИК, 2024. 370 с.; Герои госпиталя 1722: борьба за жизнь. Судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Сост. С.Б. Синецкий, А.В. Лушникова, Н.В. Овчинникова, А.Г. Лешуков. Челябинск: ЧГИК, 2025. 117 с.

преподаватели и студенты ЧГИК обратились ещё в 1980-х гг.: записывали воспоминания бывших сотрудников госпиталя, составили план его помещений. Удалось выяснить, что тех, кого врачи не смогли спасти, хоронили на воинском Лесном кладбище города, но на гранитных мемориальных плитах были высечены только фамилии; в 1983 г. на здании учебного корпуса института, где в военное время располагался госпиталь, установили памятную доску[3]. Однако личности раненых, лечившихся в ЭГ 1722, оставались неизвестными. Нравственный долг требовал назвать их имена и выяснить судьбу, ведь за каждым номером в записях военно-медицинской службы и на надгробиях стоит человек, память о котором — основа истории семьи, общества, государства.

Новый этап поиска документов, связанных с ЭГ 1722, начался в 2020 г. Перед исследователями стояли сложные задачи. В частности, требовалось учитывать, что организацией медицинской помощи красноармейцам и офицерам в годы Великой Отечественной войны ведало несколько ведомств: народные комиссариаты здравоохранения и обороны, Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Они вели учёт раненых и отслеживали перемещения личного состава. Главную сложность составляло выяснение имён бойцов. По материалам Музея истории медицины Городской клинической больницы № 1 г. Челябинска было известно, что лечение в ЭГ 1722 проходили более 7 тыс. человек. Начать работу по их идентификации позволили сохранившиеся в Объединённом государственном архиве Челябинской области списки пациентов, составленные сотрудниками госпиталя в 1941–1943 гг. на отдельных тетрадных листах. Дальнейший поиск проводился по электронным базам данных современных интернет-порталов, в которых приведены учётные карточки раненых, в том числе с указанием номера госпиталя.

Следующим шагом стало изучение фондов Центрального архива Министерства обороны РФ в Москве и одного из его филиалов в Санкт-Петербурге, где хранятся военно-медицинские документы. В последнем среди материалов челябинских госпиталей оказалось семь рукописных регистрационных журналов ЭГ 1722. Эти журналы сообщают не только о личных данных пациентов (правда, не всегда полных, поскольку фиксировались со слов), но и о времени поступления в госпиталь, выписке или смерти, о характере ранения или заболевания, о направлении на дальнейшее лечение или отправке в воинские части. Кроме того, указывается место хранения персональных документов (учётные карточки, наградные листы). Исследователи тщательно анализировали и данные интернет-порталов («Память народа» и других), старались отыскать родственников пациентов ЭГ 1722, которые могли бы рассказать как о боевых подвигах героев, так и об их послевоенной жизни. Помощь в сборе информации о судьбе красноармейцев, впоследствии связавших свою судьбу с Южным Уралом, оказывали сотрудники челябинских ведомственных и корпоративных музеев (истории медицины в Городской клинической больнице № 1; тракторного завода; электрометаллургического комбината; Центра исторического наследия Южно-Уральской железной дороги). Кропотливая и длительная работа принесла авторам проекта удивительные результаты.

Четыре тома, ежегодно выходившие с 2022 по 2025 г., имеют индивидуальное название, начинающееся общим посвящением: «Герои госпиталя 1722...». Поэтому далее в тексте ссылки на каждый том будут предва-

ряться указанием на год их издания. Структура книг несколько различается, но, как правило, включает «вступительное слово» или вводную статью, поясняющую общий замысел публикации и особенности очередного этапа изысканий; краткую сводку данных о численности пациентов ЭГ 1722, удостоенных государственных наград, уроженцах Челябинска или оставшихся в нём после войны выходцев из других регионов и некоторых иных характеристик, набор которых варьируется от издания к изданию (в книге 2023 г. такая сводка отсутствует); тематические статьи; «книгу памяти госпиталя № 1722»; список используемых сокращений. В первых двух книгах приводятся также справочные сведения о сотрудниках ЭГ 1722. Доброй традицией стало приглашение на презентацию каждой книги родственников тех, кто лечился в госпитале. С 2023 г. их письма и отзывы стали размещать в приложении к очередному тому; здесь же приводятся сообщения о проекте «Герои госпиталя 1722» в СМИ, дополнительные материалы к опубликованным биографическим справкам, например выдержки из воспоминаний режиссёра Г.Н. Чухрая (2024, с. 357–360). Вот что, в частности, писала Л.М. Бочкова, внучка одного из сотрудников ЭГ 1722: «Наша семья, родственники военного комиссара госпиталя Д.М. Бочкова, ушедшего добровольцем на фронт и погибшего смертью храбрых (а дома остались пятеро детей, в их числе годовалый малыш Дима, которому сегодня 81 год, и он единственный из детей дожил до этих дней и ознакомился с вашей книгой), сердечно кланяемся составителям издания за их неоценимый труд, за память, за те чувства, которые всколыхнула эта книга в наших сердцах» (2023, с. 254).

В специальных статьях раскрываются особенности функционирования госпитальной службы в период войны в СССР и в частности в Челябинской обл. (2022, с. 4–12; 2024, с. 6–10). Составлен список госпиталей и городов, из которых больные направлялись в ЭГ 1722 или в которые переводились для дальнейшего лечения (2024, с. 7–10), что открывает дополнительные возможности как для поиска родными новых сведений о своих дедах и прадедах, так и для научных изысканий. Удалось выяснить, что ЭГ 1722 не прекратил своей деятельности в 1945 г., как традиционно считалось, а продолжал работать до лета 1946 г. Профиль учреждения – травматологический и для лечения тяжёлых огнестрельных ран (2022, с. 7, 9), но, по сообщению начальницы медицинской части Т.С. Мирющенко, из-за близкого расположения к вокзалу и эвакопункту в госпиталь «направляли раненых с тяжёлыми заболеваниями» (2022, с. 15).

В первом томе особое внимание уделено начальнику и ведущему хирургу ЭГ 1722 П.М. Тарасову, которому посвящена отдельная статья о его службе в период войны. Авторы подчёркивают вклад Тарасова не только в организацию бесперебойной работы госпиталя и содержания пациентов. Многие выздоравливающие получали инвалидность и не могли продолжать военную службу. Понимая, что им будет непросто найти себя в мирной жизни, Пётр Михайлович и его сотрудники брали на себя сложнейшую задачу по оказанию им психологической поддержки, установлению связи с родными, помогали освоить профессию часового мастера или счетовода прямо в госпитале. Тарасов сам составлял наградные списки на поступивших больных, благодаря чему их подвиги не были забыты (2022, с. 9–14, 25; см. также: 2024, с. 362; 2025, с. 109).

Образ начальника ЭГ 1722, имя которого не раз упоминается в биографиях медицинского персонала и паци-

ентов, является одной из связующих нитей всех четырёх томов. Его жизнь показывает читателю традиционный для того времени путь от сельского паренька из поволжской глубинки до опытного хирурга, учёного, организатора здравоохранения и ректора Челябинского медицинского института (ныне Южно-Уральский государственный медицинский университет), который он возглавлял в 1959–1966 гг. Тарасов сформировал известную научную школу, у него осталось много учеников и последователей в практической работе и науке. Но его военная биография (в госпитале он служил сначала в звании военврача 2-го ранга, а с 1943 г. – майора) и определяющая роль как руководителя и врача неоценима. Можно только пожелать авторам подготовить и выпустить полную биографию Тарасова отдельным изданием.

Следует отметить также небольшой очерк о шефской работе над ЭГ 1722, осуществлявшейся челябинскими и эвакуированными в этот город организациями. Среди последних на страницах всех книг нередко упоминается московский Малый театр. Помимо помощи в уходе за больными, шефы организовывали раненым досуг: читали книги, устраивали концерты, конкурсы, праздники, выпускали стенгазеты и т.п. (2023, с. 10–11; см. также: 2024, с. 109). Информативны данные о статистике ранений, по выхаживанию и переливаниям крови в ЭГ 1722 за 1943–1944 гг., почерпнутые из уникального фотоальбома, который хранится в Музее истории медицины в ГКБ № 1 Челябинска, и приведённые на страницах книги 2023 г.

Основной и самый крупный раздел всех томов – «книгу памяти госпиталя № 1722» – составляют расположенные в алфавитном порядке биографические справки о поступивших сюда на лечение военнослужащих. Во введении к третьему тому отмечено, что благодаря работе в филиале ЦАМО РФ в Санкт-Петербурге авторам проекта удалось «установить количество прибывших на лечение раненых – 5637, но в архиве отсутствовала одна из книг учёта». В итоге, «в архиве и на сайте “Память народа”» они «обнаружили фамилии 5488 человек» (2024, с. 5). Всего же в четырёх книгах восстановлены биографии почти 6 тыс. пациентов ЭГ 1722. В зависимости от полноты выявленных сведений в них приводятся даты жизни, место рождения и место захоронения, национальная принадлежность, данные о членстве в ВЛКСМ и в партии, уровне образования, гражданской специальности, времени призыва в войска и отправки на фронт, звании и воинской части, дате ранения, гибели в бою, наградах, месте обучения и работы по окончании войны. Тут же сообщается о лечении в госпиталях и иных медицинских учреждениях с указанием времени пребывания в ЭГ 1722 и степени годности к военной службе при выписке из него. Отдельными блоками приводятся обнаруженные в наградных делах описания подвигов, а также воспоминания самого бойца или повествующие о нём свидетельства современников и потомков, публикации в прессе и т.п., использованные источники.

Особого внимания заслуживают иллюстрации. Они представлены не только фотографиями из личных дел медиков и бойцов или семейных архивов, но и снимками, запечатлевшими бытовую обстановку в палатах, сделанными в ходе операций, занятий лечебной физкультурой и специальных восстановительных упражнений в соответствии с характером ранения. Приводятся также копии наградных листов, учётно-регистрационных карточек и других документов.

Таким образом, авторы проекта «Герои госпиталя 1722» не только установили имена советских граждан,

людей разных национальностей, защищавших общую Родину, но и собрали разнообразный материал об их прошлом и дальнейшей судьбе. Память об их подвигах оживает на страницах книг и будет передаваться из поколения в поколение. К выходу второго тома удалось выявить 125 человек, которых врачи не смогли спасти и которых похоронили на челябинских кладбищах, – ЧГИК взял шефство над их могилами (2023, с. 250). Но медики боролись за каждую жизнь. По имеющимся данным, летальность в челябинских эвакогоспиталях не превышала 0,3%, в строй вернулись 80% больных (по стране этот показатель составлял 72,3%) (2022, с. 7–8; 2025, с. 5). По замечанию А.В. Лушниковой, каждого героя книг авторы проекта воспринимали «через наградные листы, через карточки поступления в госпиталь. Переживали, когда находили человека в списке погибших. И испытывали счастье, когда видели, что человек вернулся в строй. Многие из них возвращались в строй и вновь совершали подвиги, благодаря подвигу наших врачей и медсестёр, которые помогли им выжить. В этом эмоциональная составляющая книги» (2023, с. 250–251).

Большинство пациентов ЭГ 1722 вернулись с победой домой, многие прожили долгую жизнь. В 1985 г. орденами Отечественной войны I и II степени были награждены 1130 ветеранов, факт лечения которых в ЭГ 1722 установлен (2025, с. 7). После войны бывшие пациенты госпиталя становились как рядовыми колхозниками и рабочими промышленных предприятий, так и их руководителями, а также учёными (в книгах упоминаются доктора и кандидаты наук), режиссёрами, поэтами, педагогами, инженерами и т.д. Сотни были удостоены различных военных наград, Г.М. Арзуманов, А.Ф. Рябов, И.Л. Федяков стали Героями Советского Союза (2022, с. 40–41; 2024, с. 274–275; 2025, с. 89–90), а Ш. Мусаинов – Героем Социалистического труда (2023, с. 145). Показательной является восстановленная биография легендарного лётчика Ивана Лаврентьевича Федякова. В августе 1942 г. он получил в бою ожоги кожи лица и тела 3-й степени, лечился в ЭГ 1722 до 24 сентября, был поставлен на ноги и снова ушёл на фронт. 7 сентября 1943 г. подбитый в воздушном бою старший лейтенант Федяков направил горящий самолёт на скопление вражеской техники. Указом Президиума Верховного совета СССР от 13 апреля 1944 г. он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (2025, с. 89–90).

Рецензируемые издания уникальны по своему составу и полноте привлечённых документов, демонстрируют широкие возможности самых разных исторических методов – просопографического, социологического, статистического и др. Представленные материалы освещают вопросы социальной реабилитации воинов, научные достижения медицины, которые с успехом применялись и распространялись в госпитальной практике, ежедневный подвиг медиков на профессиональном фронте.

Работа по восстановлению имён и биографий пациентов ЭГ 1722 далека от завершения, но вышедшие тома показывают будущим исследователям эффективную методику поиска и публикации таких данных. Выход в свет этого масштабного и многоаспектного труда, несомненно, привлечёт внимание историков медицины, военного, социального и других направлений исторических исследований, краеведов, представителей поискового движения, студентов. Сожаление могут вызывать только незначительные размеры тиража – от 100 до 150 экземпляров. Однако в 2025 г. все четыре книги были выложены на сайте ЧГИК и стали доступны широкой публике[4].

Примечания

[1] *Усольцева Н.Л.* Здравоохранение на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002; *Дегтярёва Н.А.* Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007; *Кусков С.А.* Эвакогоспитали в Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны (1939–1945). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010; *Кусков С.А.* Сеть эвакогоспиталей на территории Челябинской и Курганской областей в период Великой Отечественной войны // Гороховские чтения: материалы третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 60–66.

[2] Эвакогоспитали в Оренбуржье (1941–1945). Казань, 2018.

[3] Музейный комплекс: путеводитель / Сост. В.Я. Рушанин, А.В. Лушникова, Н.В. Овчинникова. Челябинск, 2013. С. 72–75.

[4] URL: https://chgik.ru/node/5046 (дата обращения: 28.03.2026).

Александр Гордеев

Русская эмиграция, советские граждане и французское Сопротивление*

Alexander Gordeev
(Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Russia)

Russian emigration, Soviet citizens and the French Resistance

DOI: 10.7868/S3034579026020229

История участия выходцев из Российской империи и СССР во французском движении Сопротивления относится к числу сюжетов, долгое время остававшихся на периферии как отечественной, так и зарубежной историографии. Причины этого связаны с многогранностью самой проблематики, затрагивающей вопросы, которые обычно рассматриваются по отдельности в рамках различных исследовательских направлений – военной истории, истории русской эмиграции, истории советских военнопленных и перемещённых лиц, а также при изучении политики памяти. Между тем военно-политическая ситуация во Франции в 1943–1945 гг. нередко предполагала тесное взаимодействие русских эмигрантов, советских граждан, бывших военнопленных и репатриантов в рамках антинацистской борьбы. Предпринимавшиеся же ранее попытки осмыслить судьбы каждой из этих групп как «вещь в себе» мешали целостному пониманию важной страницы в истории Второй мировой войны. Именно поэтому представляется важным появление монографии С.В. Решетникова, позволяющей связать воедино военный опыт участников Сопротивления с их гражданским статусом, политическим прошлым и последующей судьбой.

Автор подходит к теме не только в плоскости академической историографии и коммеморации, но и правовой реабилитации. Это особенно актуально, поскольку образ «соотечественников в европейском Сопротивлении» всё чаще используется в публичной дипломатии и меморативных репрезентациях войны в медийном поле. Вместе с тем веяния современности не должны заслонять сложность исторического процесса. Для многих

* *Решетников С.В.* Русские эмигранты и советские граждане во французском движении Сопротивления, 1943–1945 гг. М.: Наука, 2025. 278 с.

участников Сопротивления послевоенное признание оказалось отложенным: их правовой статус, социальная репутация и место в общественной и государственной памяти определялись неоднозначно вплоть до позднесоветского и постсоветского пересмотра отношения к репатриированным лицам и бывшим военнопленным. Именно поэтому официальное восстановление их прав следует оценивать как принципиальный поворот для дальнейшего осмысления историко-правовых и мемориальных аспектов проблемы[1].

Монография состоит из введения, трёх глав и заключения. Прежде всего автор делает важное терминологическое уточнение, позволяющее чётко определить предмет исследования: под «участием во французском Сопротивлении» им понимается «осознанная, нелегальная и сопряжённая с серьёзным персональным риском деятельность на территории метрополии или французских колоний в 1940–1944 гг., направленная против органов нацистской оккупации и режима Виши с целью восстановления суверенитета Франции» (с. 10). С этим согласуется отказ от чрезмерного расширения самого понятия «Сопротивление», которое нередко встречается в историографии: в одну категорию включаются разные по характеру группы. Такой подход позволяет отделить боевое подпольное участие от гуманитарной и иных форм антинацистской активности.

Обзор предшествующей литературы по теме выигрывает за счёт того, что Решетников всё время держит в поле зрения перемены политического контекста и постоянное расширение источниковой базы исследований. Он показывает, как первые советские публикации 1960-х гг. с их героико-патриотическим каноном сменяются в постсоветский период более многомерным анализом с обращением к прежде табуированным сюжетам и привлечением материалов всё большего числа архивохранилищ. При этом ранние советские работы, конечно, не стоит оценивать односторонне. Эмигрантская среда, репатриация, положение бывших военнопленных, фильтрационные процедуры просто не могли стать предметом полноценного и свободного анализа, но и в тех условиях трудами М.А. Кокорина, А.А. Стручкова, М.И. Семиряги, Н.П. Комоловой и других учёных был сформирован тот корпус сведений, к которому неизменно обращались последующие исследователи.

Автор справедливо отмечает качественный сдвиг при изучении русского участия в Сопротивлении, ознаменованный увеличением числа работ источниковедческого и просопографического характера (с. 18). Методологическое значение, несомненно, имеет опыт подготовки «Книги памяти русских участников движения Сопротивления во Франции»[2]. В то же время общие достижения историографии по теме Решетников оценивает критически. По его наблюдению, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, биографии участников Сопротивления, оказавшихся в разрыве между несколькими государственными и правовыми режимами, по-прежнему восстанавливаются с колоссальным трудом (с. 21–22). На конкретных примерах автор показывает, как в одной работе могут соседствовать новые подходы, стремление соединить изучение политической поляризации эмиграции и участия советских пленных в антифашистской борьбе с недостаточной проработкой терминологического аппарата, использованием оценочных или частичных статистических данных вместо проведения подробных подсчётов и другими изъянами (с. 16–17). Сохраняется

и разобщённость национальных историографий, когда в зарубежных трудах «русскоязычные источники нередко остаются не задействованными, а отечественные авторы... редко используют иностранные архивы» (с. 25).

Довольно жёсткое определение того, что считать участием в Сопротивлении, безусловно, дисциплинирует отбор источников. Однако у него есть и оборотная сторона: критерии привлечения тех или иных материалов становятся чрезвычайно чувствительными к различиям в национальных практиках признания кого-либо участником данного движения и документальной фиксации этого статуса. Достаточно сопоставить французские сертификаты, советские фильтрационные процедуры и послевоенные анкеты – несовпадение их логики очевидно, и это обстоятельство приходится постоянно держать в уме при любых количественных сопоставлениях и сравнении разных регионов. Поэтому очень важно, что использованная в монографии источниковая база отличается комплексным характером.

Решетников изучил эмигрантские материалы из фондов Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына и Библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, дипломатическую переписку из АВП РФ, обширные документальные массивы из ГА РФ, РГАСПИ и музейных собраний (в частности, из Центрального музея Вооружённых Сил). Тщательная работа проведена и в зарубежных хранилищах, в первую очередь американских (National Archives and Records Administration) и французских полицейских архивах, но материалы Service historique de la Défense – ключевые для понимания событий с точки зрения оперативной обстановки – использованы более фрагментарно. Впрочем, последнее замечание не отменяет главного: собранный корпус источников впервые позволяет плотно увязать биографические траектории с военной фактурой партизанских действий и, что не менее важно, с запутанными послевоенными репатриационными процедурами.

В начале первой главы, посвящённой положению русской эмиграции во Франции накануне Второй мировой войны и в ранний период нацистской оккупации страны, Решетников указывает на существовавший к концу 1930-х гг. раскол в эмигрантской среде, носивший принципиальный характер. Выделялись «приверженцы дореволюционных партий, новоструктурные (новотактические) организации и идеократические (новоидеологические) партии». Причём последние, возникнув в предвоенное десятилетие, «начали играть ведущую роль в политической жизни русского зарубежья» (с. 36). Под влиянием экспансионистской политики Третьего рейха этот внутренний конфликт лишь усугублялся, требуя от русских эмигрантов занятия чёткой позиции по отношению к грядущему противостоянию Германии и СССР. В результате сформировались лагеря «пораженцев» (рассчитывавших на свержение большевиков «путём помощи его врагу»), так называемых идеологов и симпатизантов «третьей силы» («высказывавшихся за победу Красной армии», но надеявшихся после разгрома врага «обратить советских граждан против большевиков») и «оборонцев» (считавших, что каждый русский человек должен всеми силами поддерживать СССР в случае нападения на него) (с. 37–39). Позиция каждой группы подвергается Решетниковым тщательному анализу.

Характер работы со столь сложным материалом и над всеми поставленными в монографии вопросами можно проиллюстрировать на примере оценки численности русских, обо-

сновавшихся в Третьей республике. Предложенные в предвоенной историографии оценки показывали колоссальный разброс — от 60 до 100 тыс. человек. Важно, что Решетников не ограничивается констатацией этого факта, а показывает его корни: расхождения вызваны опорой на разные источники и принципы учёта. Здесь же выясняется, что от выбранных цифр часто зависят все последующие обобщения исследователей. В рассматриваемой монографии этот вопрос не превращается в спор «за правильное число», неопределённость не подменяется ложной точностью, а используется как показатель сложности объекта и необходимости соблюдать осторожность при последующих количественных выводах (с. 35–36).

Отдельный раздел рассказывает о консолидации сил, направленных на борьбу против фашистской агрессии, и здесь проявляется один из центральных тезисов исследователя: участие русских эмигрантов в движении Сопротивления не сводится к сумме индивидуальных героических биографий, а включает организационное строительство — создание структур, каналов связи, печатных органов, механизмов рекрутирования и взаимодействия с подпольными сетями французов (с. 81–110). Важно, что автор чётко разделяет эмигрантские и собственно французские инициативы и роль задействованных в Сопротивлении советских военнопленных. Такой подход уменьшает риск редукции эмигрантской активности к тому, что можно назвать спонтанным патриотизмом или, наоборот, к своеобразной идеологической инструментализации, и позволяет точнее описывать реальные практики подполья (с. 82–84, 88).

В связи с этим важен вопрос о репрезентативности представленных в книге форм самоорганизации русских эмигрантов и направлений их деятельности в условиях оккупации. При изучении подпольных групп постоянно существует опасность свести общую картину к тем примерам, которые оказались лучше задокументированы, что может быть связано как с особенностями устройства самой организации (например, французских коммунистических сетей), так и со вниманием сторонних акторов (органов административно-полицейского надзора или послевоенных процедур учёта). Менее институционализированные группы или формы активности, не столь интересные по ведомственным или иным причинам внешнему наблюдателю, реже фиксируются в источниках и грозят остаться на периферии или за границей внимания исследователя. В этих условиях требуется постоянная методологическая рефлексия и необходимо чётко разграничивать, что именно подтверждено архивными источниками, а что остаётся в «зонах тени» из-за неполноты, случайной сохранности документов или откровенной пристрастности их составителей. Оговорки этого рода отнюдь не ослабляют аргументацию. Наоборот, историк избегает иллюзии исчерпывающей реконструкции там, где источниковая база неравномерна по самой своей природе, и чёткое обозначение границ установленного знания является наиболее сильной стороной монографии Решетникова. Таковы, например, сведения об эмигрантских судьбах: одни описаны фрагментарно, другие раскрываются полнее (с. 94–97, 105–107).

Композиционным центром книги является второй раздел второй главы, посвящённый вооружённой борьбе советских граждан и русских эмигрантов во французском движении Сопротивления. Автор раскрывает механизмы комплектования партизанских

отрядов, показывает, каким образом в них оказывались советские граждане разного статуса и как выстраивались каналы взаимодействия со структурами, созданными французами (отрядами франтирёров, т.е. «вольных стрелков», и партизан, объединением всех вооружённых формирований Сопротивления в виде «Французских внутренних сил» (Forces françaises de l'intérieur – FFI; ФФИ), а также региональными соединениями и т.п.). В итоге, прослеживая путь сопротивленцев, исследователь демонстрирует, как социальные траектории превращались в боевые (с. 120–187).

Отдельно следует отметить соблюдаемый Решетниковым баланс при интерпретации действий русских эмигрантов и попавших во Францию советских граждан. Не впадая в апологетику, он рассматривает не только участие выходцев из Российской империи и СССР в подпольной и партизанской борьбе, но и конкретные обстоятельства их вовлечения в неё. Так, на примере советских военнопленных, подростков, работавших в структурах организации Тодта, беглецов из лагерей и солдат Восточных войск вермахта автор показывает, насколько различными были исходные позиции этих людей (с. 120, 124–125, 128–132). Одни самостоятельно бежали из плена и, не зная языка, пытались выйти к французским партизанам; другие оказывались втянуты в немецкие военные формирования, действовали под давлением страха, антисоветских настроений или стремления «плыть по течению»; третьи переходили к борьбе против нацистов уже в условиях военного краха Германии, рассчитывая тем самым избежать репатриации в статусе изменников (с. 124–125, 128–132, 174). Важна и роль русских эмигрантов: они выступали не только участниками вооружённой борьбы, но и посредниками, агитаторами, разведчиками, организаторами помощи и связующими фигурами между советскими гражданами и французскими структурами Сопротивления (с. 136–137, 144–145). При этом Решетников специально показывает ограниченность и незавершённость некоторых организационных форм. Например, Центральный комитет советских пленных к маю 1944 г. ещё не стал полноценным руководящим органом, что позволило автору избежать чрезмерной героизации и искусственного преувеличения степени организованности советского подполья во Франции (с. 157). Благодаря этому удаётся говорить о политическом выборе в условиях оккупации не отвлечённо, а через систему конкретных обстоятельств: степень принуждения, социальный опыт, страх перед наказанием, возможность реабилитации, каналы связи с подпольем и готовность к личному риску. Именно поэтому вопросы мотивации, мобилизации и границ ответственности образуют один из смысловых центров раздела.

Эти наблюдения создают задел для будущих сопоставлений с опытом других диаспорных и мигрантских групп во французском Сопротивлении, с практиками подпольной борьбы на иных европейских театрах Второй мировой войны. При этом необходимо детально проговаривать принципы отбора приводимых примеров, пояснять, насколько они типичны, чтобы от выразительных индивидуальных кейсов можно было перейти к репрезентативным обобщениям.

Следует отметить, что, стремясь показать комплексную картину участия во французском Сопротивлении, Решетников выявляет своеобразное разделение функций между русскими эмигрантами и советскими гражданами. Первые, в лице своих объединений, выступают как ключевые посредники, а отчасти и прямые

организаторы включения советских контингентов в подпольные и партизанские структуры. На советских же бойцов ложилась основная тяжесть вооружённых акций и диверсионной работы, нацеленной прежде всего на военно-инфраструктурные объекты.

Значение заключительного блока второй главы следует отметить особо. В большинстве работ по истории сопротивленческих движений тема окончания военных действий выступает в скромной роли краткого эпилога. Здесь же всё иначе: освобождение территории, «легализация» бывших подпольщиков и партизан путём их включения в регулярные или полурегулярные структуры, фиксация заслуг и административная оценка их деятельности показывают, что участие в Сопротивлении не завершалось самим фактом военной победы. В этом отношении показательна история Р. Лукьянова в Порнике: он выступил посредником между советскими солдатами из состава Восточных войск вермахта и местным Сопротивлением, способствовал освобождению заложников и сопровождал капитуляцию 752-го артиллерийского дивизиона перед 5-м батальоном ФФИ Нижней Луары. В дальнейшем его действия получили символическое закрепление: Лукьянов был награждён Памятной медалью войны 1939–1945 гг., а после смерти его именем назвали улицу в Порнике (с. 189–190).

К числу признаваемых форм участия относятся также посредничество, помощь в предотвращении репрессий против мирного населения, организация перехода вооружённого подразделения и включение этого эпизода в локальную память. Однако рядом с этим Решетников показывает и другую группу случаев, где участие в Сопротивлении оказалось менее устойчиво закреплено в послевоенной памяти. Так, солдаты 633-го Восточного батальона вермахта после бунта против немцев вошли в состав ФФИ и образовали «Русскую роту» батальона «Плудальмезо». Эта рота участвовала в боях, брала пленных, освобождала населённые пункты и получила высокую оценку американского и французского командования, однако сам её статус оставался сложным: речь шла о бывших коллаборационистах, вынужденных символически дистанцироваться от прежней службы, вплоть до переодевания и перекрашивания формы вермахта. Более того, Решетников специально оговаривает, что дальнейшая судьба личного состава бывшего русского отряда батальона «Плудальмезо» неизвестна (с. 191).

Поэтому этап документирования, правового и символического закрепления совершённого подвига позволяет увидеть своеобразную селекцию памяти: одни формы участия (посредничество, спасение заложников, официально зафиксированная капитуляция в пользу ФФИ) получают наградное и мемориальное признание; другие (особенно связанные с переходом из Восточных формирований вермахта к французским партизанам) остаются в более проблемной зоне, где военная эффективность признаётся, но биографическое и мемориальное закрепление оказывается неполным. В результате складывается базис для понимания исторической судьбы участников Сопротивления (с. 187–198).

Тема послевоенных судеб участников французского Сопротивления раскрывается в завершающей главе монографии. Репатриация советских граждан из Франции, ставшая «одним из самых ранних» случаев таких «мероприятий для Советского Союза» (с. 199), предстаёт не как техническая процедура, а как продолжение военного опыта и связанных с ним форм принуждения – только уже в иных

институциональных условиях. Решетников показывает обязательный характер репатриации, при этом участие в антинацистской борьбе на территории Франции не гарантировало гражданам СССР позитивного правового или символического статуса в послевоенной советской системе. Давление складывалось из множества элементов: проверочные мероприятия, фильтрационные процедуры, неопределённость правового статуса, подозрительность к бывшим военнопленным и лицам, находившимся за пределами государства. Проверялось, имел ли человек документы об участии в Сопротивлении и не мог ли быть связан с Восточными войсками вермахта (с. 199–200, 206–208). Во второй половине 1940-х гг. это недоверие усиливалось общей политической атмосферой борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и шпиономанией, в результате чего, как подчёркивает автор, страдали и честные советские партизаны – участники европейского Сопротивления (с. 210).

Подвиги требовалось не только совершить – их следовало документально подтвердить, политически интерпретировать и административно санкционировать, что ярко продемонстрировано на примерах Казаряна, Минасяна, Петросяна, Титаняна, Ягджяна. В конце 1940-х гг. их признали «лжепартизанами» и приговорили к длительным срокам лишения свободы, но в 1955 г. ЦК КПСС принял решение «о прекращении уголовного дела... за отсутствием в действиях этих лиц состава преступления» (с. 209). Поэтому «проблема адаптации бывших советских сопротивленцев» перемещается из героико-мемориальной плоскости в область реальных механизмов проверки подозрений и признания заслуг. Этой теме отводится особый раздел последней главы. Автор приводит пример, как решение отпустить солдата после проверки домой могло быть «связано со слежкой советских органов безопасности, стремившихся узнать, с кем бывшие военнопленные, прибывшие из Франции, вступили в связь на родине и что они рассказывают о своём пребывании за границей» (с. 222–223). Неудивительно, что советские участники французского Сопротивления, «несмотря на свои боевые заслуги», нередко оказывались «в тяжёлом положении». Причём эта проблема носила общий характер. Как подмечает Решетников, «в связи с репатриацией из стран Европы большого числа советских граждан... сами термины “военнопленный” и “репатриант” из-за негативного отношения» руководства СССР «к оказавшимся в тылу (врага. – *А.Г.*), в плену или за рубежом приобрели явно негативный или даже постыдный окрас» (с. 225). В итоге становится ясно, что многолетняя борьба за признание является неотъемлемой частью истории советских участников французского Сопротивления.

Важную роль в их социальной и политической реабилитации сыграли деятели культуры, в частности писатели В.Б. Сосинский и, особенно, С.С. Смирнов. Так, благодаря личной инициативе последнего в 1962 г. звание Героя Советского Союза было посмертно присвоено сражавшемуся в Италии партизану Ф.А. Полетаеву. «Этот акт, – заключает Решетников, – стал не только символическим признанием подвига, но и прецедентом, положившим начало практике награждения советских участников европейского движения Сопротивления» (с. 226).

Внимание к нормативному аспекту регулирования статуса репатриированных и бывших военнопленных является важнейшей чертой монографии, позволяющей перейти от узковоенных вопросов к проблематике

социальной истории СССР и истории государственной политики памяти. Особый интерес в этой связи вызывает обращение автора к указу от 24 января 1995 г., благодаря которому бывшие советские военнопленные и участники европейского Сопротивления «получили подтверждение своего вклада» в общую победу над Германией (с. 229). Действительно, в этом указе не стоит усматривать лишь формальный политико-правовой ориентир или, того хуже, декларативный жест. Как верно замечает Решетников, только после этого указа «началось увековечивание памяти соотечественников», боровшихся с нацизмом во Франции и на фронтах Западной Европы, «на официальном уровне» (с. 229).

В заключение следует отметить, что внушительная источниковая база и выверенная методология работы с ней позволяют С.В. Решетникову преодолеть односторонность национальных нарративов и реконструировать участие эмигрантов и советских граждан во французском Сопротивлении как результат взаимодействия нескольких политических и социальных сред. Работа не только подводит итог определённому этапу изучения темы, но и формулирует программу дальнейших исследований от проблемы уточнения численности участников Сопротивления из среды русской эмиграции и советских граждан до выявления закономерностей в механизмах и характере их вовлечения в борьбу с нацизмом на общеевропейском уровне. Ведь при использовании столь строгого определения «участника Сопротивления» трудно подвести под единый знаменатель случаи эпизодического участия и вспомогательной деятельности в рамках антифашистского движения.

Примечания

[1] Указ Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». 24 января 1995 г. (Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/332539 (дата обращения: 30.03.2026)).

[2] Материалы к «Книге памяти русских участников движения Сопротивления во Франции» / Под ред. М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М., 2023. С. 54–187.

Наши авторы

Аджиева Забия Абдулмуслимовна, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Алмазов Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону)

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Белов Алексей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор Педагогического института Пензенского государственного университета

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный научный сотрудник Иркутского государственного университета

Гордеев Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Гущина Дина Вадимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Домнин Артём Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Кудряшов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ларюшкин Олег Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Маслов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства и Россий-

ского государственного архива социально-политической истории, профессор МИРЭА – Российский технологический университет

Медведев Тимофей Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Наумов Александр Олегович, доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Олифер Лилия Витальевна, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Парфирьев Дмитрий Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Пуневский Ярослав Викторович, кандидат исторических наук, ассистент МИРЭА – Российский технологический университет

Савченко Елизавета Васильевна, младший научный сотрудник Института российской истории РАН, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Сак Ксения Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Симиндей Владимир Владимирович, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Фролова Марина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Народы и пространства

Е.В. Савченко
Старосамарский ретраншемент в составе Новороссийской губернии в 1764–1765 гг. 3

Русский город

А.В. Белов
Структура пространства русского города периода правления Екатерины II (на примере Калужской губернии) 13

Д.В. Гущина
«Пришед в ту ратушу, уграживали оных купцов побоем»: стратегии и практики выборной борьбы в городских магистратах европейской части России 1720–1770-х гг. 21

О.В. Ларюшкин
Итальянцы в дореформенной Москве: единая общность или конгломерат отдельных лиц? 36

Я.В. Пуневский
Самоуправление уездного города Пошехонье Ярославской губернии в 1870–1914 гг. 50

Л.В. Батиев
Формирование и состав Нахичеванской-на-Дону городской думы: 1909–1913 гг. 64

Сюжеты и эпизоды

М.М. Фролова
Сбор разведывательных сведений о вооружённых силах Османской империи перед началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 76

О.Р. Айрапетов
Эвакуация русских войск с Балканского полуострова в 1878–1879 гг. 92

Лица и взгляды

Ф.А. Селезнев
Российский дипломат Н.Н. Шебеко: политический портрет 106

Россия и мир

Р.Г. Гагкуев
Румынские национальные части и военнопленные на Восточном фронте Гражданской войны в России (1918–1920) 117

Идеи и образы

С.В. Кудряшов, А.И. Домнин
Планы военного ответа на подготовку Германией агрессии против СССР в предвоенные годы 131

Институты и общности

В.А. Невежин
Советская внешняя разведка накануне германского вторжения (май–июнь 1941 г.): анализ документальных публикаций 152

Т.Д. Медведев
Истребительные батальоны Вологодской области: создание, комплектование, боевая работа (1941–1944) 166

Е.В. Воейков
Организация выпуска военной продукции эвакуированных заводов на предприятиях Наркомата общего машиностроения (миномётного вооружения) Пензенской области в 1941–1942 гг. 176

З.А. Аджиева, Л.В. Олифер, Д.С. Парфирьев
Борьба с последствиями немецкой пропаганды и восстановление социальной инфраструктуры в Запорожской и Херсонской областях в 1944–1945 гг. 190

Рецензии

М.Г. Алмазов – Мемуарное наследие Зинаиды Морозовой 199

И.К. Богомолов – Е.Г. Кострикова. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг. . . . 203

Д.В. Маслов – О.Н. Наумов. Эпистолярное наследие академика Н.П. Лихачёва: введение в изучение 208

А.О. Наумов, В.В. Симиндей – «Сотрудничество с Советами скорее как помеха»: западные лабиринты и тупики для советской дипломатии кануна Второй мировой войны 213

А.Ю. Безугольный, К.В. Сак – Гражданское население Севастополя в обороне города (1941–1942): новые документальные свидетельства 219

Н.Э. Вашкау – Герои челябинского эвакуационного госпиталя № 1722 225

А.Г. Гордеев – Русская эмиграция, советские граждане и французское Сопротивление 230

Наши авторы 238

CONTENTS

Peoples and spaces

E.V. Savchenko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Lomonosov Moscow State University, Russia)
The Starosamarsky retrenchment as a part of the Novorossiya Governorate in 1764–1765 3

Russian city

A.V. Belov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
The spatial structure of a Russian city during the reign of Catherine II's (on the example of the Kaluga province) 13

D.V. Gushchina (HSE University, Moscow, Russia)
«Having come to that town hall, they threatened these merchants with a beating»: strategies and practices of electoral struggle in the city magistrates of the European part of Russia in the 1720s–1770s 21

O.V. Laryuschkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Italians in prereform Moscow: a single community or a conglomerate of individuals? 36

Ya.V. Punevsky (MIREA – State Technological University, Moscow, Russia)
Self-government of the county town of Poshekhonye, Yaroslavl province, in 1870–1914 50

L.V. Batiev (Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don)
Formation and composition of the Nakhchivan-on-Don City Duma: 1909–1913 64

Scenarios and episodes

M.M. Frolova (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Collection of intelligence on the Armed Forces of the Ottoman Empire before the Russo-Turkish War of 1877–1878 76

O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)
Evacuation of Russian troops from the Balkan Peninsula in 1878–1879 92

Persons and views

F.A. Seleznev (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)
Russian diplomat N.N. Shebeko: a political portrait 106

Russia and the world

R.G. Gagkuev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Irkutsk State University, Russia)
Romanian national units and prisoners of war on the Eastern front of the Russian Civil War (1918–1920) 117

Ideas and images

S.V. Kudryashov, A.I. Domnin (both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Plans of military retaliation to the German aggression against USSR shortly before the war 131

Institutions and communities

V.A. Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Soviet Foreign Intelligence on the eve of the German invasion (May–June 1941): analysis of documentary publications 152

T.D. Medvedev (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)
Fighter battalions of the Vologda region: creation, recruitment, combat work (1941–1944) 166

E.V. Voeikov (Penza State University, Russia)
Organization of the production of military products from evacuated factories at the enterprises of the People's Commissariat of General Machine Building (Mortar Armament) of the Penza region in 1941–1942 176

Z.A. Adzhieva, L.V. Olifer, D.S. Parfiryev (all – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)
The struggle against the consequences of German propaganda and restoration of social infrastructure in Zaporozhe and Kherson regions, 1944–1945 190

Reviews

M.G. Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia)
The memoir legacy of Zinaida Morozova 199

I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Rec. ad op.: E.G. Kostrikova. Informatsionnaya politika rossiyskogo pravitel'stva v gody Pervoy mirovoy voyny i revoliutsii. 1914–1917 gg. 203

D.V. Maslov (Russian State Archive of Literature and Art, Russian State Archive of Socio-Political History, MIREA – Russian University of Technology, Moscow)
Rec. ad op.: O.N. Naumov. Ehpistolyarnoe nasledie akademika N.P. Likhacheva: vvedenie v izuchenie. 208

A.O. Naumov (Lomonosov Moscow State University, Russia), V.V. Simindey (Russian State University for the Humanities, Moscow)
«Cooperation with the Soviets is more of a hindrance»: Western labyrinths and dead ends for Soviet diplomacy on the eve of World War II 213

A. Yu. Bezugolniy, K.V. Sak (both – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
The civilian population of Sevastopol during the defense of the city (1941–1942): new documentary evidence 219

N.E. Vashkau (Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)
Heroes of Cheliabinsk evacuation hospital № 1722 225

A.G. Gordeev (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Russia)
Russian emigration, Soviet citizens and the French Resistance 230

Contributors to this issue 238

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Феребов А.Н., к.и.н.
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор